

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

3 (194)

Июль — Август — Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

Редакционный Совет

Акад. *Б. Б. Пиотровский* (председатель), д. филол. н. *В. И. Абаев*,
акад. *В. П. Алексеев*, член-корр. АН Азерб. ССР *И. Г. Алиев*,
д.и.н. *О. Д. Берлев*, акад. *Т. В. Гамкредлидзе*, д.и.н. *И. М. Дьяконов*,
акад. АН Арм. ССР *С. Т. Еремян*, д. филол. н. *Вяч. Вс. Иванов*,
д.и.н. *Ю. К. Колосовская*, д. филол. н. *В. А. Лившиц*,
акад. АН Тадж. ССР *Б. А. Литвинский*, д.и.н. *И. Л. Маяк*,
акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили*,
акад. АН Узб. ССР *Г. А. Пугаченкова*, д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Редакционная коллегия

Г. М. Бонгард-Левин (главный редактор),
С. С. Аверинцев, *Ю. В. Андреев*, *Е. В. Антонова*, *Л. С. Баюн*,
Ю. Г. Виноградов (ответственный секретарь), *М. Л. Гаспаров*,
Г. Г. Гиоргадзе, *В. А. Головина*, *Е. С. Голубцова* (зам. главного
редактора), *М. А. Дандамаев* (зам. главного редактора),
И. С. Клочков, *Г. А. Кошеленко*, *М. В. Крюков*, *В. И. Кузицин* (зам.
главного редактора), *Л. П. Маринович*, *А. И. Павловская*,
А. В. Подосинов, *Г. Х. Саркисян*, *В. М. Смирин*, *М. К. Трофимова*,
Э. Д. Фролов, *В. И. Уколова*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),
Yu. Andreyev, *Ye. Antonova*, *S. Averintsev*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*,
E. Frolov, *M. Gasparov*, *G. Giorgadze*, *V. Golovina*, *Ye. Golubtsova*,
I. Klochkov, *G. Koshelenko*, *M. Kryukov*, *V. Kuzishchin*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *G. Sarkisyan*, *V. Smirin*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *Yu. Vinogradov*

Consultative Council

B. Piotrovsky (Chairman), *V. Abaev*,
V. Alexeev, *I. Aliev*, *O. Berlev*, *I. Diakonoff*, *T. Gamkrelidze*,
Vyach. Vs. Ivanov, *Yu. Kolosovskaya*, *B. Litvinsky*, *V. Livshits*,
I. Mayak, *G. Melikishvili*, *G. Pugachenkova*, *Ye. Shtaerman*, *S. Yeremyan*

Head Editorial Office *I. Malkova*

КИММЕРИЙЦЫ И УРАРТУ НАКАНУНЕ ВОСЬМОГО ПОХОДА САРГОНА II

Киммерийцы впервые появляются в поле зрения известных нам письменных источников в конце VIII в. до н. э., в правление ассирийского царя Саргона II. Этот период киммерийской истории освещен шестью письмами из его царских архивов. Четыре из них, несомненно, сообщают об одном и том же событии, а именно о разгроме урартских войск при попытке вторжения в область киммерийцев. Сами ассирийцы в это время еще не пришли в непосредственное столкновение с киммерийцами, и все сообщения о них являются лишь разведывательными донесениями об отдаленных событиях в Урарту.

Четыре таблички из шести нас интересующих входят в Куюнджикскую коллекцию Британского музея (Rm 554, K 181, K 1080, K 485). К сожалению, эти таблички, как и практически все, составляющие Куюнджикскую коллекцию, депаспортизированы, и в ряде случаев возникают даже сомнения в том, что они вообще были найдены в Ниневии. Тем не менее в настоящее время приходится оперировать Куюнджикским архивом как единым целым.

Документы времени Саргона II, входящие в эту коллекцию, как недавно установлено, по всей видимости, первоначально размещались в северном дворце Куюнджика, который был резиденцией наследника престола (*bīt rēdūti*), в интересующее нас время — Синаххериба¹. Хранящиеся там письма Синаххериба к Саргону, таким образом, по-видимому, являются копиями. В то же время имеется сообщение о том, что документы с номерами K 1 — 278 (т. е. и интересующее нас письмо K 181) были найдены Г. Лейярдом в 1851 г. в юго-западном дворце, в комнатах 40 и 41². Впрочем, это сообщение малодостоверно, поскольку юго-западный дворец был построен лишь в 703 г. до н. э., а данным отрывочной и путаной документации Г. Лейярда и О. Рассаме доверять невозможно.

Интересующие нас четыре таблички вошли в предпринятое Р. Харпером издание ассирийских и вавилонских писем Куюнджикской коллекции, включающее примерно половину известных писем³. Это издание выполнено наборным клинописным шрифтом и не снабжено прорисовками табличек, так что составить по нему самостоятельное представление о верности избранного издателем чтения или восстановления не-

¹ *Parpola S.* The Royal Archives of Nineveh // *Cuneiform archives and libraries* (30e Rencontre Assyriologique, Leiden, 1983). Istanbul, 1986. P. 230—235.

² *Reade J.* Archaeology and the Kuyunjik Archives // *Ibid.* P. 213.

³ *Harper R. F.* Assyrian and Babylonian Letters, belonging to the Kouyunjik Collection of the British Museum. V. 1—14. Chicago — London, 1892—1914. (далее — ABL), № 1079, 197, 146, 112.

возможно. Более поздние колляции в ряде случаев заставляют изменить чтения Р. Харпера, однако в целом его издание остается основой для изучения царской переписки Саргонидов. Тексты, изданные Р. Харпером в клинописи, были переизданы Л. Уотерманом в транслитерации и английском переводе с комментариями⁴. Издание Л. Уотермана, в свое время имевшее большое значение, содержит много неверных транслитераций и переводов и не отвечает современным требованиям.

Пятая и шестая таблички времени Саргона II, упоминающие киммерийцев, найдены в 50-е годы в составе небольшого архива царской резиденции в Нимруде и изданы Д. Вайзменом и Г. Сэгзом с прорисовкой табличек и транслитерацией текста⁵. В настоящее время они хранятся в Национальном археологическом музее Ирака в Багдаде (ND 1107 и ND 2608). Впоследствии одна из этих табличек вошла в подготовленное Дж. Постгейтом издание нимрудского архива⁶. Все названные письма, а также и ряд других, касающихся урарто-ассирийских отношений при Саргоне II, были переизданы К. Деллером⁷ по новым колляциям, в ряде случаев позволившим уточнить ранее принятые чтения. Несколько позже три таблички, упоминающие киммерийцев (Rm 554, K 181 и ND 2608), были переизданы С. Парполой в транслитерации, опирающейся на независимые новые колляции, и переводе⁸. Два последних издания являются в настоящее время лучшими, на них мы и опирались в первую очередь при изучении писем саргоновской эпохи.

Говоря о письмах, упоминающих киммерийцев, нам придется уделить определенное внимание также и другим письмам Куюнджикской коллекции, упоминающим события, так или иначе связанные с интересующими нас. Их учет позволит, возможно, поместить киммерийский поход в общий контекст урартской истории и выяснить последовательность окружающих его событий. Некоторые из этих писем были опубликованы в уже упоминавшемся издании Р. Харпера, другие оставались до недавнего времени неизданными и увидели свет в виде автографий в одном из томов серии «Клинописные тексты на вавилонских табличках в Британском музее»⁹.

Как уже говорилось, из шести писем саргоновского времени, упоминающих киммерийцев, четыре сообщают о разгроме ими урартского войска. Три письма из четырех принадлежат наследному принцу Синаххерибу. Они, очевидно, написаны с небольшими промежутками и отражают постепенное поступление к нему информации об урартских делах.

Первое (хронологически) письмо Rm 554 (ABL 1079) написано в тот момент, когда до Синаххериба дошли лишь первые слухи о столкновении киммерийцев с урартами. Видимо, этому событию ассирийцы придали очень большое значение, поскольку помощник государственного глашатая (^{lú}2-ú ša ^{lú}NIGIR É. GAL) Шулму-бел счел необходимым лично явиться

⁴ *Waterman L.* Royal Correspondence of the Assyrian Empire. V. 1—4. Ann Arbor, 1930—1936 (далее — RCAF), нумерация документов та же.

⁵ *Wiseman D. J.* The Nimrud Tablets, 1951 // Iraq. 1952. 14. P. 64. Pl. XXII; *Saggs H. W.* The Nimrud Letters. Part IV // Iraq. 1958. 20. P. 198—199. Pl. XL (№ 46).

⁶ *Postgate J. N.* The Governor's Palace Archive. Cuneiform Texts from Nimrud II. L., 1973. № 243.

⁷ *Deller K.* Ausgewählte neuassyrische Briefe betreffend Urartu zur Zeit Sargons II // *Pecorella P. E., Salvini M.* Tra lo Zagros e l'Urmia. Recherche storiche ed archeologiche nell'Azerbaigian Iraniano. Roma, 1984. S. 96—124.

⁸ *Parpola S.* Correspondence of Sargon II. Part 1. Letters from Assyria and West. State Archives of Assyria, 1. Helsinki, 1987. № 30—32. P. 29—33.

⁹ *Idem.* Neo-Assyrian Letters from the Kuyunjik Collection. CT, № 53. L., 1979 (далее — CT 53).

к Синаххерибу сразу по получении известия о разгроме урартов и не имея еще подробной информации (стк. 9—10: ma-a qu-di-i-ni ba-ti-iq-tú la-a ni-ḥar-ra-ša — «мы еще не нашли сведений», к переводу ср. CAD, v. 13 (Q), p. 295). Первое сообщение о разгроме урартского войска, не содержавшее пока никаких подробностей, кроме известия о гибели областеначальника Уаси, поступило в область государственного глашатая¹⁰ от царя соседнего Мусасира Урзаны.

Второе письмо Синаххериба (K 181, ABL 197), сохранившееся практически целиком, содержит уже подробную сводку разных донесений о столкновении Урарту с киммерийцами. Синаххериб ссылается на сообщения царя уккийцев¹¹ (назван ^{kur}Uk-ka-a-a «уккиец») и двух областеначальников пограничных с Урарту областей — Кумме (начальник Ашшурицуа)¹² и Хабху (начальник Набу-ли¹³), а также начальников гарнизонов всех крепостей на границе (¹⁴EN.NUN ^{uru}bi-rat gab-bu ša AŠ.UGU ta-ḥu-me tē-e-mu a-ki an-ni-im-ma i-sa-raḡ-u-ni — «начальники гарнизонов всех крепостей на границе шлют подобные сообщения»). Информаторы Синаххериба согласно сообщают, что для похода против киммерийцев были собраны чуть ли не все урартские войска, причем в них находился и сам царь, и его туртан, и к тому же по меньшей мере 13 областеначальников. Несмотря на огромную концентрацию сил урартов киммерийцы нанесли им сокрушительное поражение, наголову разгромив войска туртана и еще двух областеначальников и захватив их самих в плен. Остальные 11¹⁴ областеначальников были вынуждены отступить, а сам царь бежал в Урарту, оставив свои войска (R. 13—15: ma-dak-tú-šú ú-di-i-ni la ta-qa-ri-ba — «войско его еще не пришло»). Эти сообщения свидетельствуют о значительной боевой мощи киммерийцев, способных противостоять не небольшой части, а всем военным силам такой крупной державы, как Урарту.

Наконец, третье письмо Синаххериба (ND 2608) описывает ситуацию, сложившуюся в Урарту после поражения, нанесенного киммерийцами. Фактически лишённые войска, урарты опасаются нападения Ассирии и охвачены подлинной паникой (стк. 13—14: TA ra-an LUGAL EN-ia ra1-ḥu ad-dan-niš [ma-a a-ki] MÍ. MEŠ i-rú-bu i-qú1-lu — «они очень боятся царя, моего господина; как женщины, они дрожат и бездействуют»).

¹⁰ Эта область находилась в верховьях Малого Заба: *Forrer E. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches.* Lpz, 1920. S. 117 f.; о должности государственного глашатая (*nāgir ekalli*) см. *Klauber E. Assyrisches Beamtentum nach Briefen aus der Sargonidenzeit.* Lpz, 1910. S. 64—69.

¹¹ Уккийцы — народ, живший на границе Ассирии и Урарту, в области у подножия горы Джуди-даг в долине Хизель-су, не входившей в это время в состав ни одной из держав: *Kessler K. Untersuchungen zur historischen Topographie Nordmesopotamiens nach keilschriftlichen Quellen des 1. Jahrtausends v. Chr.* Wiesbaden, 1980. S. 169 ff.

¹² Эта область находилась в верховьях Хабура (*ibid.* S. 10, 169). Ашшурицуа часто упоминается в саргоновской деловой переписке и сам является автором ряда писем (ABL 144—148, 380—383, 491, 492). Основания считать его областеначальником Кумме дает письмо ABL 123, где он упоминает в одном ряду с начальниками других пограничных с Урарту областей. Сомнения Э. Форрера (*op. cit.* S. 116) в этом не основательны.

¹³ Упоминается еще в письмах ABL 123, 40 и 1307, R8, 12. В этом письме назван областеначальником Бирату (или Хальду): ^{uru}ḤAL. ŠU), столицы Хабху. О положении Хабху см. *Kessler.* *Op. cit.* S. 52 ff., с литературой.

¹⁴ В стк. 11 по удачному толкованию С. Парполы следует читать числительное «11» вместо принятого предыдущими издателями чтения šú в значении «он сам». Это слово в ассирийских письмах саргоновского времени практически всегда пишется šūtu.

Возможно, что к тем же событиям относится и письмо ABL 646¹⁵, по-видимому, написанное государственным глашатаем Габбу-ана-Ашшуром¹⁶, однако с уверенностью это утверждать нельзя, поскольку в сохранившейся части письма нет никаких упоминаний киммерийцев. В том случае, если это предположение верно, разгром Урарту кажется еще более сокрушительным — согласно этому письму, разбито не три, а девять областеначальников Урарту (de-e-ku может означать не только «убиты», как обычно переводят это письмо, но и «разбиты»), а сам царь бежал настолько поспешно, что войску не было известно даже, жив ли он. Объяснение расхождению между письмами ABL 646 и ABL 197 можно видеть в неполноте информации одного из них. В этом случае следует отдать предпочтение последнему, которое является сводкой разных донесений, составленной уже в то время, когда царь находится в области Узаун, а наместники разошлись по своим областям. Письмо ABL 646 в таком случае должно быть помещено во времени между ABL 1079 и ABL 197. Оно, видимо, содержит несколько преувеличенную информацию о разгроме урартов. Если письмо ABL 646 действительно имеет в виду разгром урартского войска киммерийцами, то оно содержит еще одну интересную подробность. Согласно восстановлению текста Дж. Лафранчи¹⁷, в урартском войске, где не была известна судьба царя, был избран новый царь по имени Мелар[...]: (R. 7) ^mMe-la-ar-[x x] (8) [ina šiddi] KASKAL a-na LUGAL-u-te (9)[is-sak]-nu-uš ^mMe-la-ar [x x] (10)[LUGAL]-ú-tú i [s-sabat (?)] — «[во время] (обратного) пути Мелар[...] [поставили на царство, Мелар[... цар]ство в[зял]». По-видимому, то же лицо упоминается и в письме СТ 53, № 7: (7—8) ^mMe-la-ar-^rtu¹-a ^{lú}A-šú¹⁸, откуда мы узнаем, с одной стороны, полное имя нового царя, а с другой — что он был сыном Русы I и, вероятно, его законным наследником (таким образом, также участвовавшим в походе против киммерийцев), чем и должно объясняться его выдвижение на место пропавшего царя. Дальнейшая судьба Мелартуа неизвестна, во всяком случае в источниках он больше не упоминается. Предположение о том, что именно он имеется в виду во фрагменте СТ 53, № 462: (2') [ina q]la-ni ^{uru}U-e¹-[si] (3')[^{lú}]GAL. MEŠ-šú (4')[i]ll-ti-bi-ú-šu (5')-da-ku-šu — «вне Уаси вельможи его окружили его и убили его»¹⁹, хотя и не исключено, но не обязательно.

Письма царевича Синаххериба позволяют достаточно точно датировать столкновение Урарту с киммерийцами. *Terminus ante quem* этих событий дает упоминание в первых двух письмах царя Мусасира Урзаны (ABL 1079,4 и ABL 197, R. 17). Местоположение Мусасира в районе современного Ревандуза, к юго-западу от озера Урмия, вынуждало его царя постоянно лавировать между двумя своими могучими соседями — Ас-

¹⁵ См. еще *Thureau-Dangin F.* Une relation de la huitième campagne de Sargon II. P., 1912. P. X. Not 1. P. XIV. Not 5.

¹⁶ *Lanfranchi G.* Some new texts about a revolt against the Urartian king Rusa I // *Or. Ant.* 1983. 22. P. 128 ff.

¹⁷ *Ibid.* P. 130.

¹⁸ *Fales F. M.* New Assyrian Letters from the Kuyunjik Collection // *AfO.* 1980. 27. P. 141. К. Деллер восстанавливает следующие за именем Мелартуа знаки ^{lú}A. «NIN» и толкует их как обозначение титула Kronprinz на основании сопоставления с надписями на урартских печатях KISIB ^{lú}A.NIN-li: *Deller.* *Op. cit.* S. 100, 104. С этим предположением, однако, трудно согласиться, поскольку такое обозначение наследного принца, насколько известно, не встречается в аккадских текстах и принадлежит лишь урартским надписям. Впрочем, если это предположение верно, наша реконструкция лишь подкрепляется.

¹⁹ *Lanfranchi.* *Op. cit.* P. 130.

сирией и Урарту. С одной стороны, в Мусасире находились общеурартские святилища и его царь чувствовал себя более связанным с Урарту, как показывает, например, письмо АВЛ 409, написанное от его лица Саргону. Согласно топузавской билингве Русы I, Урзана был ему подчинен²⁰. О том же свидетельствует и второе письмо Синаххериба, в котором сообщается, что «мусасирец» вместе с братом и сыном лично явились с изъявлениями покорности уже разбитому урартскому царю. В то же время Урзана старался не портить отношения и с Ассирией и, как показывают многие разведывательные донесения, сообщал о действиях и планах урартского царя ассирийцам, причем имеются и его собственноручные письма (АВЛ 409, 768). Судя по последнему из этих писем, Саргон даже вызывал Урзану к своему двору, и тот весьма почтительно извинялся перед царем за задержку со своим визитом. То, что этот визит все же состоялся, показывает письмо АВЛ 891, содержащее, согласно убедительному толкованию К. Деллера, описание маршрута Урзаны из Мусасира в Кальху²¹.

Однако Саргону, видимо, все это казалось недостаточным, и в 714 г. до н. э., во время своего знаменитого восьмого похода против Урарту он разгромил и Мусасир, а Урзана был вынужден бежать в горы²². Его царство после этого было включено в состав соседней провинции государственного глашатая (анналы Саргона, 137—138) и потеряло самостоятельность. Даже если предположить, что Урзана был возвращен в Мусасир после 714 г. до н. э., для чего, впрочем, нет никаких оснований, он уже никак не мог играть той самостоятельной роли, которую подразумевают его действия во время урарто-киммерийского конфликта, в частности изъявления покорности урартскому царю после его разгрома киммерийцами (АВЛ 197, R. 17—19). Таким образом, упоминание царя Мусасира Урзаны и занимаемое им во время урарто-киммерийского конфликта положение позволяют с достаточной уверенностью считать этот конфликт предшествующим 714 г. до н. э.²³ Кстати говоря, Мусасир как самостоятельная политическая единица упоминается и в письме АВЛ 646, что позволяет отнести и его ко времени до 714 г. и увеличивает вероятность того, что оно также имеет в виду разгром Урарту киммерийцами.

Такая дата подтверждается и сообщением в сткк. R. 26—29 письма АВЛ 197 о получении письма мажордома дочери Саргона II Ахатабиши из Табала²⁴. Ахатабиша, согласно анналам Саргона (сткк. 168 слл.)²⁵, была выдана замуж за царя Табала Амбариса, однако ее муж восстал против Саргона, за что был свергнут с престола и вместе с семьей увезен в Ассирию в 713 г. до н. э.

Некоторые авторы датировали столкновения Урарту с киммерийцами временем после 714 г. до н. э., как правило, 709—707 гг.²⁶ Однако в под-

²⁰ Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960 (далее — УКН). С. 323—327; Salvini M. La Storia della regione in epoca Urartea e I Documenti // Pecorella P. E., Salvini M. Tra lo Zagros e l'Urmia. Ricerche storiche ed archeologiche nell'Azerbaigian iraniano. Roma, 1984. P. 79 ff.

²¹ Deller. Op. cit. S. 121.

²² Thureau-Dangin. Op. cit. II. 348 sqq.

²³ Ср.: Барамидзе А. А. К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию // Сообщ. АН ГССР. 1956. 16. № 8. С. 651; Salvini. Op. cit. P. 43—44.

²⁴ Thureau-Dangin. Op. cit. P. XV; Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (далее АВИИУ) // ВДИ. 1951. № 2. С. 341; Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 97.

²⁵ Winckler H. Die Keilschrifttexte Sargons. Lpz, 1889. S. 102.

²⁶ Johns C. H. W. Babylonian and Assyrian Laws, Contracts and Letters. Edinburgh, 1904. P. 338; Olmstead A. T. History of Assyria. N. Y.—L., 1923. P. 266; Wi-

тверждение этих датировок не приводилось серьезных аргументов, а лишь общие соображения, в том числе относительно молодости Синахериба в 714 г., занятости Русы конфронтацией с Ассирией в Манне около этого времени и т. д., а также ссылки на упоминание Ашшурцицу, одного из областеначальников на границе с Урарту, в документе 709 г. до н. э. (ADD 1144). Очевидно, однако, что человек, упоминаемый в 709 г., вполне мог быть активен и за несколько лет до этого. Приведенные недавно В. Майером²⁷ возражения против принимаемой нами датировки также не вносят в дискуссию новых убедительных аргументов.

В то же время установлено, что в Куянджикский архив времени Саргона входят письма, датирующиеся в основном 715—704 гг. до н. э., т. е. временем наследничества Синахериба²⁸. Незначительная часть писем, возможно, относится к более раннему времени, но интересующие нас документы не принадлежат к этой группе (если она вообще существует), поскольку в момент их составления Синахериб явно уже был наследником престола. Таким образом, *terminus post quem* столкновения урартов и киммерийцев — 715 г. до н. э., и оно укладывается в узкий промежуток 715—714 гг. до н. э.

Итак, получается, что разгром киммерийцами урартского войска произошел ненамного раньше восьмого похода Саргона на Урарту. Как мы помним, в своем третьем письме Синахериб счел нужным сообщить отцу о царящей в Урарту растерянности и страхе перед ассирийским вторжением. Страх урартов оказался, видимо, не напрасным, и ассирийцы, используя свою прекрасно поставленную разведку, избрали наиболее удачный момент для нападения. Нетрудно сделать вывод, что успех ассирийцев во время восьмого похода объяснялся именно тем, что урартское войско, только что наголову разгромленное, не могло оказать должного сопротивления. Если это предположение верно, то неудачный поход урартского царя в страну Гамир следует относить к 714 г. до н. э., непосредственно перед восьмым походом Саргона II. Дополнительным аргументом в пользу того, что урарты предприняли свой поход на киммерийцев именно в 714, а не в 715 г., является то, что в 715 г. урартские войска были заняты боевыми действиями против ассирийцев на юге страны²⁹. Разумеется, во время борьбы с ассирийским вторжением урарты не могли думать об организации похода в совершенно противоположном направлении.

Четвертое письмо, сообщающее о гибели урартского войска в столкновении с киммерийцами (K 1080, ABL 146), написано уже упоминавшимся областеначальником Ашшурцицуа и адресовано самому царю. К сожалению, после стк. 11 письмо сохранилось весьма фрагментарно и хорошо читается лишь его начало, однако именно здесь находится чрезвычайно важное свидетельство, позволяющее локализовать место нахождения киммерийцев (страну Гамир) в саргоновское время. В стк 5—6 этого письма сказано: ^{kur}Gu-ri-a-ni-a ^{kur}na-gi-ú bir-te ^{kur}TILLA bir-te ^{kur}Ga-mir-ga — «Гурианиа — область между Урарту и Гамирра». Упомянутая здесь область Гурианиа, по-видимому, должна быть отождествлена с урартской ^{kur}Qu-ri-a-ni-(ni), упомянутой в анналах Сардури II (УКН, 155F, 6). Эти анналы дают реальную возможность локализации страны Гуриани,

seman. Op. cit. P. 64; *Postgate J. N.* Assyrian Texts and Fragments // Iraq. 1973. 35. P. 31; *Mayer W.* Sargons Feldzug gegen Urartu 714 v. Chr. // MDOG. 1980. 112. S. 14.

²⁷ *Ibid.* Критику см.: *Salvini.* Op. cit. P. 44—45.

²⁸ *Parpola S.* Assyrian Royal Inscriptions and Neo-Assyrian Letters // Assyrian Royal Inscriptions. New Horizons. Roma, 1981. P. 120 ff.

²⁹ *Winckler.* Op. cit. S. 16, 75—80; АВИИУ, № 46(75).

а следовательно, и Гамирра-Гамир. В описании похода Сардури в страну Этиуни (собирательное обозначение территорий Южного Закавказья) сказано: *iš-ti-ni-i-e an-da-ni^{kur} E-ri-a-hi 'a-al-du-bi sal-ma-at-hi^{kur} Qu-ri-a-ni-ni* — «там область (?) Эриахи я пощадил, *salmathī* Куриани». Фраза недостаточно ясна, в особенности непонятно значение слова *salmathī*. Г. А. Меликишвили в своем своде оставляет это слово без перевода. Н. В. Арутюнян без должного основания толкует его как «соседний»³⁰. И. И. Мещанинов предлагает понимать данное слово как «благодеяние, благополучие»³¹ и дает на основании такого перевода толкования всех известных контекстов, в которых оно встречается, однако в ряде случаев, как и в данном, они выглядят натяжкой. Предлагались и другие переводы этого слова³², однако в их правильности также нельзя быть уверенным.

Несмотря на неясность отдельных слов общий смысл фразы понятен. В странах Этиуни Сардури не предпринял сначала враждебных действий против лежащих на его пути или неподалеку от него областей — Эриахи и Куриани. Куриани в урартских надписях более вроде бы не упоминается, однако область Эриахи хорошо известна (УКН, 127 I, 11; V, 48; 128 B1, 36; 133, 3; 155 B, 30; C, 20—26; E, 20; F, 5, 12). Более того, благодаря надписи на скале близ с. Ганлиджа (УКН, 133) она надежно локализуется в окрестностях современного Ленинакана. Из Эриахи Сардури направился в страну Игани, которая также точно локализуется по находке надписи в селе Даш-кери (УКН, 159), сообщающей о взятии Сардури II города Макалтуни. Этот город находился в стране Игани (УКН, 127, I, 11). Игани располагалась, следовательно, к юго-западу от озера Чалдыр, и путь Сардури II из Эриахи лежал на северо-запад.

Возвращаясь из страны Игани, Сардури двигался, видимо, несколькими путем, поскольку область Куриани более не упоминается, а перед тем как опять войти в Эриахи, он разорил область Пузуниа (более нигде не упоминается; к западу от Игани?). Возвращаясь уже из Эриахи, он приходит в области Иштедуани, Кадияни, Апуни и Абилианихи. Из этих областей страна Абилианихи упоминается еще в анналах Аргишти (УКН, 127 I, 17) и в другом месте тех же annalov Сардури (УКН 155 C, 7, 21, 35, 37) и локализуется, видимо, к югу от страны Эриахи на левом берегу Аракса³³. Страна Апуни также известна по анналам Аргишти как соседняя с Эриахи область (УКН, 127 I, 12; 128 B1, 38). При этом по второму тексту видно, что Апуни находится дальше, чем перечисленные здесь области Луша, Катарза, Эриахи, Гулутахи и Уитерухи. В отличие от последних о ней сказано: *[ku-tu]-bi ra-gi^{kur} A-ri-ni-i-e* — «дошел до (проник в) страны Апуни», причем она замыкает список. Этот факт вместе с процитированными анналами Сардури позволяет помещать область Апуни к юго-западу от Эриахи и западу от Абилианихи³⁴. Таким образом, возвращаясь из Эриахи, Сардури двигался на юг, несколько отклоняясь на запад. Затем он распустил часть войска, а с остальным двинулся на

³⁰ Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Ереван, 1970. С. 270. †Прим. 337.

³¹ Мещанинов И. И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л., 1978. С. 249 сл.

³² См.: Медведская И. Н. К уточнению маршрута похода Саргона в 714 г. до н.э.// ВДИ. 1989. № 2. С. 107.

³³ УКН. С. 415; ср.: Капанцян Г. Историко-лингвистическое значение топонимии древней Армении. Ереван, 1940. С. 6; Diakonoff I. M., Kashkai S. M. Geographical Names according to Urartian Texts. Répertoire Géographique des textes cunéiformes. 9. Wiesbaden, 1981. S. 2.

³⁴ Ср. Арутюнян. Ук. соч. С. 399—402; Diakonoff, Kashkai. Op. cit. S. 2—3.

восток, где разгромил Уеликуни, находившуюся на западном берегу Севана, в окрестностях современного Нор-Баязета (Камо) (УКН, 265).

Итак, Куриани соседствовала с Эриахи, но не могла располагаться к югу от нее (там находились Абилианихи и три другие области) или к северо-западу — там находилась область Игани. Маловероятно также, что она располагалась к западу или юго-западу от Эриахи. Видимо, там находились Пузуния и Апуни, а дальше — Кулха и Диаухи. Урартские цари многократно совершали походы на эти страны, однако ни в одном из их описаний Куриани не упоминается. Поэтому наиболее вероятно ее локализация к северу или востоку от Эриахи. Это соответствовало бы областям к востоку и северо-востоку от оз. Чалдыр и к северу и северо-западу от оз. Севан. В связи с этим следует вспомнить упоминание в цовинарской (колагранской) надписи Русы I среди 19 стран «с той стороны озера» Севан $^{kur}Gu-gi-a-i-ni$. Если считать, что «с той стороны» означает не только восточный, но и северный берег Севана, то отождествление $^{kur}Gu-gi-a-i-ni$ с $^{kur}Qu-gi-a-ni(ni)$ становится практически несомненным³⁵. Страна Гамирра, граничащая со страной Куриани, оказывается помещенной, таким образом, в Центральном Закавказье³⁶.

В связи с изложенным следует еще упомянуть точку зрения М. Сальвини на локализацию упоминаемой в письме ABL 146 области³⁷. Он сомневается в идентификации $^{kur}Gu-gi-a-ni$ ассирийского письма и $^{kur}Qu-gi-a-ni$ надписи Сардури II, соглашаясь в то же время сопоставлять его с $^{kur}Gu-gi-a-i-ni$ цовинарской билингвы. По непонятной причине он утверждает, что вторая идентификация исключает первую, хотя, как мы видели, оба урартских текста указывают примерно на один и тот же район, подтверждая друг друга. Других аргументов против предлагавшейся локализации области Гуриани М. Сальвини не приводит, за исключением того, что такая локализация противоречит его реконструкции описанных в ассирийских текстах событий. Кроме того, М. Сальвини в качестве аргумента в свою пользу приводит предложение К. Деллера исправлять в письме ABL 112, R. 5 чтение $^{ur}Su-gi-a-na-a$ на $^{ur}Gur-gi-a-na-a$ и локализовать, следовательно, эту область к юго-западу от Урмии³⁸. Однако опубликованная здесь же автография таблички показывает, что знак SU на ней достаточно четко различим и предложение К. Деллера — не более чем произвольная конъектура, в которой нет никакой необходимости. Впрочем, даже если принять эту конъектуру, она, очевидно, противоречит локализации Гуриани на берегу Севана, с чем, кажется, склонен согласиться М. Сальвини. Изложенное не позволяет считать его предположения сколько-нибудь вероятными.

Разбираемое письмо Ашгурицуи, возможно, сообщает еще одну подробность столкновения урартов с киммерийцами. Если верно его толкование, предложенное Дж. Ланфранчи³⁹ (сткк. 12—15), то киммерийцы нанесли урартам по меньшей мере два поражения. После первого из них урартские войска бежали на свою территорию, в область Гуриани, и царь был вынужден их реорганизовать для нового нападения на киммерийцев, что и описывается в письме. Если такое предположение справедливо, то письмо ABL 146 должно быть написано до окончательного разгрома

³⁵ Ср.: Пиотровский. Ук. соч. С. 92; против отождествления: Арутюнян. Ук. соч. С. 282. Прим. 393.

³⁶ Ср. Diakonoff, *Kashkai*. Op. cit. P. 74.

³⁷ Salvini. Op. cit. P. 46.

³⁸ Deller. Op. cit. S. 102—103.

³⁹ Lanfranchi. Op. cit. P. 131.

урартов (или до получения первых сведений о нем) и должно быть самым ранним. Итак, рассмотренные нами письма могут быть расположены следующим образом:

1. ABL 146 — Ашшурица сообщает, что при походе на страну Гамирра урартские войска потерпели поражение и отступили в соседнюю Гурианию, где были реорганизованы.

2. ABL 1079 — Синаххериб сообщает, что по первым поступившим сведениям урарты разгромлены, один из областеначальников убит, а конница бежала, однако подробной информации еще нет.

3. ABL 646? — Габбу-ана-Ашшур (?) сообщает о разгроме девяти урартских областеначальников, бегстве урартского царя и избрании нового (?).

4. ABL 197 — Синаххериб сообщает окончательную сводку донесений о разгроме Урарту. Туртан и два областеначальника захвачены в плен, 11 областеначальников отвели свои войска и вернулись в области, царь находится в области Узаун, «страна спокойна».

5. ND 2608 — Синаххериб сообщает, что после киммерийского разгрома в Урарту царят паника и ужас перед возможным нападением ассирийцев.

Трудно сказать, как соотносится с данными письмами пятое, упоминающее киммерийцев и происходящее из Нимруда (ND 1107). Оно адресовано Саргону и вполне вероятно, что его автором был также Синаххериб. Однако, к сожалению, письмо сохранилось очень плохо, ясно лишь то, что в нем упоминаются киммерийцы и Урзана. Судя по контексту, киммерийцы в это время действуют в области под названием Уцунали, ближе неизвестной.

Теперь попытаемся найти место сообщениям этих писем в общей последовательности событий урартской истории, привлекая данные и других писем Куянджикского архива. Такие попытки уже предпринимались, причем обычно считалось, что одним из главных результатов разгрома Русы I киммерийцами было восстание в Урарту против него⁴⁰. Считалось, что об этом мятеже сообщается в письмах ABL 197, 444, 492 и СТ 53, 114, причем восстание возглавлял туртан Каккадану и его центром был город Уаси. Прежде всего, крайне неубедительно предположение о том, что в письме ABL 197 можно увидеть какое-то упоминание о восстании против Русы, а фразу ^mSAG.DU-a-nu ^{lú}tur-ta-nu-šú ša-bi-it можно истолковывать как сообщение об аресте царем мятежного туртана. Все письмо ABL 197 целиком посвящено столкновению с киммерийцами, ни о каком восстании здесь не упоминается. О пленении туртана, кроме цитированного донесения Ашшурицуи, сообщается еще в донесении уккийца, причем здесь контекст не оставляет никаких сомнений в том, кто его захватил: (9)ma-a LUGAL ^{kur}TILLA-a-a a-na ^{kur}Ga-mir (10)bé-et il-lik-ú-ni ma-a ^{lú}e-mu-qi-šú (11)a-na ma-la de-e-ka ma-a 11 ^{lú}EN.NAM.MEŠ-šú (12)[TA] ^{lú}e-mu-qi-šú-nu še-e-lu-u (13)[^{lú}tur-ta]-nu-šú 2 ^{lú}EN.NAM.MEŠ-te (14)[ša-ab-tu] — «когда урартский царь пошел на страну Гамир, его войско было целиком разбито. 11 его областеначальников отведены (убраны). Его [тур]тан и два областеначальника [захвачены в плен]». О разгроме трех вельмож (очевидно, туртана и двух областеначальников) сообщается и в донесении Набу-ли, приведенном в том же письме. Таким образом, после похода на киммерийцев туртан Каккадану был недееспособен, поскольку

⁴⁰ См., например, *Пиотровский*. Ук. соч. С. 98—99; *Lanfranchi*. Op. cit. P. 123—135.

находился в киммерийском плену, и письма, его упоминающие, должны датироваться временем до этого похода.

Каккадану упоминается в письмах ABL 444 и 492, в которых предполагалось видеть описание восстания. Однако в этих письмах нет ни слова, позволяющего предположить, что речь идет о восстании против царя Урарту или каком-то противостоянии между ним и его войском, — такие предположения являются лишь проецированием на эти письма ситуации неверно понятого письма ABL 197. В действительности эти письма сообщают лишь о концентрации урартских войск в области Уаси, причем сам царь еще не находится среди своих войск, но направляется к ним.

Для дальнейшего понимания разбираемых текстов важна локализация упоминаемой здесь страны Uaza(u)n и ее центра, города Uasi / Uesi / Uaiais. Она, во-видимому, идентична урартскому ^{uru}Ū-i-šī-(né) ⁴¹. Ф. Тюрро-Данжен локализовал этот город к юго-западу от оз. Ван, в районе совр. Битлиса ⁴². Впоследствии близкая локализация (к югу от оз. Ван) была предложена Г. А. Меликишвили ⁴³ и поддержана другими исследователями ⁴⁴. При этом главным аргументом в пользу такой локализации служил обломок урартской надписи, обнаруженной на о-ве Ахтамар на оз. Ван (УКН, 62). Однако она найдена явно не *in situ*, а из-за ее фрагментированности трудно судить о жанре надписи — это может быть, например, фрагмент анналов. Поэтому даже если она привезена на остров с южного берега Вана, это еще не значит, что там же находился город Уиши ⁴⁵. В то же время такая локализация Уаси / Уиши порождает значительные трудности в толковании ряда упоминающих его ассирийских текстов, в связи с чем было высказано сомнение в ее достоверности и предложено отождествление города с современным Ошнвие к юго-западу от оз. Урмия ⁴⁶. Это предположение получило полное подтверждение после находки в Калатгахе поблизости от Ошнвие урартской надписи *in situ*, упоминающей город Уиши ⁴⁷. Благодаря этой находке локализации города Уаси/Уиши и области Уаза(у)n можно считать окончательно установленным и помещать их к юго-западу от озера Урмия. М. Сальвини, впрочем, хотя и соглашается с тем, что Уаси должен локализоваться не поблизости от Вана, а в районе Урмии, выражает сомнение в том, что в надписи из Калатгаха следует читать название этого города ⁴⁸. Однако в издании М. ван Лоона оно читается достаточно ясно, и пока не будут опубликованы новые колляции этой надписи, опровергающие чтение издателя, следует исходить из того, что надпись была им воспроизведена и прочитана правильно. Впрочем, даже и без этой надписи разбираемые ниже письма, в особенности ABL 112, достаточно ясно показывают, что Уаси была пограничной областью, граничащей с Мусасиром и Манной и, видимо, лежащей между

⁴¹ УКН, 27, 16, 59; 62, R. 8; *Loon M. van. The Inscription of Ishpuni and Meinua at Qalatgah, Iran // JNES. 1975. 34. P. 204 f.*

⁴² *Thureau-Dangin. Op. cit. P. X.*

⁴³ *Меликишвили Г. А. Урартоведческие заметки // ВДИ. 1951. № 3. С. 176—178.*

⁴⁴ АВИИУ. № 49. Прим. 71.; *Пиотровский. Ук. соч. С. 98 сл.; Арутюнян. Ук. соч. С. 288 сл.; Parpola S. Neo-Assyrian Toponyms. Neukirchen — Vluyn, 1970. Карта.*

⁴⁵ *Sp. Salvini. Op. cit. P. 23—24.*

⁴⁶ *Kinnier-Wilson J. V. The Kurba'il Statue of Shalmaneser III // Iraq. 1962. 24. P. 108—110.*

⁴⁷ *Loon van. Op. cit. P. 201—207.* На эту работу мне указал Э. А. Графтовский. Пользуюсь случаем поблагодарить его за ценные замечания по предлагаемой работе.

⁴⁸ *Salvini. Op. cit. P. 24.*

ними, что делает невозможной ее локализацию к югу от Вана. М. Сальвини предлагает идентифицировать Уаси с городищем Кале Исмаил Ага к северо-западу от города Урмия, раскопки которого велись итальянской экспедицией⁴⁹. В пользу такой локализации, однако, он не приводит серьезных исторических аргументов, а лишь общие соображения географо-стратегического характера. В то же время Кале Исмаил Ага находится слишком далеко к северу, чтобы играть ту роль, которую играет Уаси в ассирийских письмах времени Саргона. Локализация же Уаси / Уиши в районе современного Ушну-Ошнвие подтверждается не только данными упомянутой надписи из Калатгаха и созвучием двух топонимов⁵⁰, но и прекрасным соответствием такого положения города ситуации, описанной в ассирийских письмах. Возможно еще предположение о существовании двух омонимичных городов с названием Уаси / Уиши в окрестностях Вана и Урмии⁵¹, однако в этом случае единственным источником, сообщающим о ванском Уиши, пришлось бы считать неясную надпись из Ахтамара⁵².

Таким образом, в упомянутых письмах сообщается о концентрации урартских войск на юго-восточной границе, в областях, граничащих с Манной. Разумеется, эта концентрация не могла быть подготовкой похода на киммерийцев, страна которых расположена в противоположной стороне (хотя именно так толкует содержание писем М. Сальвини, не приводя, впрочем, никаких аргументов в пользу своего толкования⁵³). Ее цель становится совершенно ясной при сопоставлении с примерно одно-временными письмами ABL 198 + СТ 53, 438 + СТ 53, 120 и СТ 53, 114. Эти письма сообщают о том, что после сбора войск в Уаси, где находился туртан и куда затем пришел сам царь, урарты предприняли враждебные действия против Ассирии, в частности захватили часть страны маннеев. Очевидно, те же самые события описаны в анналах Саргона II под седьмым годом его правления (715 г. до н. э.)⁵⁴. Эти события в обоих письмах датированы десятками числами месяца *улулу* (август-сентябрь). Если сообщение письма ABL 492 относится к событиям того же года (на что указывает упоминание здесь туртана Каккадану), то подготовка к действиям против Манны началась еще в *нисане* (март-апрель), т. е. длилась около пяти месяцев, или нападения урартов на Манну были неоднократными в течение одного года.

Однако, согласно данным анналов Саргона II; Руса предпринимал враждебные действия против Ассирии на границах со страной маннеев и до 715 г. до н. э. Видимо, письмо ABL 444 должно датироваться более ранним временем, чем все здесь упомянутые, поскольку Каккадану во время его написания еще не был туртаном, а лишь начальником области «напротив уккийцев» (что игнорируется М. Сальвини, относящим письмо к походу на Гамир). С событиями 715 г., по-видимому, соотносятся также письма ABL 380 и 409, видимо, близкие друг к другу по дате и также сообщающие о пребывании царя Урарту в Уаси. Упомянутый в письме ABL 380 областеначальник Сетину известен и по письму ABL 444, однако обла-

⁴⁹ Ibid. P. 46—50.

⁵⁰ Замечено еще: *Lehmann-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt*. Bd II, 1. В.—Lpz., 1926. S. 341.

⁵¹ *Diakonoff, Kashkai*. Op. cit. P. 101.

⁵² В связи с урмийской локализацией Уаси возникает, видимо, необходимость вновь вернуться к рассмотрению маршрута восьмого похода Саргона (ср. *Медведская*. Ук. соч. С. 100—116), однако эта тема требует особого рассмотрения.

⁵³ *Salvini*. Op. cit. P. 41—42.

⁵⁴ АВИИУ, № 46, сткк. 75 слл.; *Winckler*. Op. cit. S. 16, 75 ff.

стью «напротив уккийцев» управляет уже не Каккадану (ставший туртаном), а Суна. В письме содержатся сообщения о военных приотровлениях урартов в Мусасире, а Урзана в письме ABL 409 открыто противопоставляет себя ассирийцам (видимо, за это он и полатился в 714 г.). Таким образом, перед указанной выше последовательностью писем можно расположить перечисленные документы в следующем порядке:

1. ABL 444 — до 715 г. (?) Руса вышел из Тушпы и направился в Каниун (или Азаун по колляции М. Сальвини). Пять областеначальников, в том числе Каккадану и Сетину, с войском находится в Уаси, видимо, угрожая Манне.

2. ABL 492 — *нисан* — *айар* 715 г. Руса вышел из Тушпы и находится в городе Элизада. Туртан Каккадану направляется в Уаси.

3. ABL 380 — весна — лето 715 г. Два урартских областеначальника — Сетину (видимо, начальник Уаси) и Суна (области «напротив уккийцев») вступили с войсками в Мусасир и налаживают там коммуникации, видимо, готовясь к конфронтации с Ассирией. Царь собирается идти в Уаси.

4. ABL 409 — лето 715 г. Два урартских областеначальника, нарушив запрет ассирийского царя, совершили обряды в Мусасире. Урартский царь находится в Уаси и собирается сам посетить Мусасир для совершения обрядов.

5. СТ 53, 114 — десятые числа месяца *улулу* 715 г. Урартский туртан пришел в Уаси, вслед за ним туда же вернулся Руса I.

6. ABL 198 + СТ 53, 438 + СТ 53, 120 — десятые числа месяца *улулу* 715 г. Урартский царь с частью войск выступил из Уаси в страну маннеев. Одновременно предпринято нападение на ассирийских областеначальников.

Итак, нет никаких оснований видеть в указанных текстах описание мятежа против Русы I. Однако имеется письмо ABL 144, в котором действительно описывается этот мятеж (оно, видимо, и послужило основой для предположений о его существовании). Масштабы его, впрочем, гораздо меньше, чем предполагалось, и возглавляет восстание не туртан, а всего лишь командир одной из частей (*rab kiṣri*) Нараге (ближе неизвестный), причем за ним идут лишь 20 еще более мелких придворных (*rešē*, собственно — евнухи). Кроме того, в заговоре участвовали еще 100 впоследствии казненных за это воинов (стк. 12: 1 ME-šu-nu ERÍN-MES de-e-ku, по колляциям К. Деллера и М. Сальвини⁵⁵). При дальнейшем расследовании выяснилось, что ни заместитель туртана Уцини, ни его брат областеначальник Аблиукну в заговоре не участвовали и, первоначально арестованные, были освобождены (сткк. 13—20). Такой мятеж, разумеется, был легко подавлен. Само его возникновение в войске хорошо соответствует ситуации военного поражения, и потому предположение о его возникновении после киммерийского разгрома вполне вероятно. Возможно, именно возникновение этого мятежа и общая неясность ситуации объясняют то, что урартский царь после киммерийского разгрома оказывается не в столице, а в крайнем городе Уаси, а в столицу вступает только после его подавления. Впрочем, нельзя исключать и того, что мятеж Нараге никак не был связан с киммерийским разгромом Русы I. Таким образом, хронологическое соотношение письма ABL 144 с другими остается, на наш взгляд, неясным.

Дальнейшая реконструкция событий зависит от толкования письма СТ 53, 7, которое остается не совсем ясным. На лицевой стороне таблички, судя по ее воспроизведению у С. Парполы, сохранился следующий текст:

⁵⁵ Deller. Op. cit. S. 116—117.

(3) ^{kur}U-^rra-^rta-^ra-^ra' (4)e-mu-^{qe-šú} ina ^{kur}U-a-za-an (5)up-tah-hi-^r[x x x] (6)bi-it pa-^{hi-ru-ni'} 'la' áš-me (7)^mMe-la-ar-^rtu'-a (8)^úA-šú ^mA-ba-^rli-^ú'qu-nu (9)^úĒN.NAM'ša' [x x]x-pa (10)a-di e-m[u-^{qe-šu-nu}] — «Урарт свои войска собрал в стране Уазан, где [...] собрались, я не слышал. Меларту[т]уа, его сын, Абали[и]укуну, областеначальник [...]па с [их] вой[ска-ми...]. К. Деллер, опираясь на колыяции Т. Квасмана, читает 6 строку этого письма ⁵⁶ — bi-it pa-^rnu-šú-ni' [l]a áš-me и переводит: «куда он собирается (направиться), я не слышал». Если принять это чтение, то, видимо, данное письмо следует относить к событиям 715 г. до н. э., когда царь концентрировал свои войска в Уаси, и тогда окажется, что в этих антиассирийских и антиманнейских действиях участвовали принц Мелартуа и областеначальник Абалиукуну. То же предположение возможно, если принимать и первое чтение, которое вытекает из публикации текста С. Парполой. Лакуну в пятой строке в этом случае можно заполнить, например, словом ^{kur}Maп-na-a-a.

Такое толкование представляется наиболее вероятным, однако возможно и другое. Если относить это письмо ко времени после поражения Русы, когда он, убежав от разгромленного войска, оказался в Уаси, то картина получится иная. Согласно письму ABL 646 (кстати, тоже относимому к рассматриваемым событиям лишь предположительно), в разгромленном войске был избран новый царь — сын Русы Мелартуа. Если возникла конфронтация между новым и оказавшимся живым старым царем (наши источники о ней не говорят прямо), то последний мог собрать верные ему войска в окраинном Уаси. В этом случае, если принимать первое чтение строки 6, следует полагать, что лакуна в пятой строке должна быть заполнена каким-то обозначением сторонников нового царя, местонахождение которых автору письма СТ 53, 7 неизвестно. В стане Мелартуа, таким образом, находился областеначальник Абалиукуну. Судя по всему, этот конфликт, если он действительно имел место, очень быстро окончился в пользу Русы I. В таком случае очень вероятным становится предположение ⁵⁷ о том, что фрагмент СТ 53, 462 говорит именно о конце Мелартуа, который, не доходя до Уаси, был убит «своими вельможами», видимо, решившими проявить лояльность Русе I. В таком случае понятно, почему в Урарту так быстро установилось спокойствие и областеначальники разошлись в свои области, когда царь еще оставался в Уаси (по сообщению ABL 197). Однако династийное недоразумение, связанное с Мелартуа, скорее всего не имело никакого отношения к мятежу Нараге.

Предположение о том, что письмо ABL 381 также относится к восстанию против Русы после его разгрома киммерийцами ⁵⁸, является следствием недоразумения. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в нем говорится об «областеначальнике Мусасира», что было возможно только после 714 г., когда Урзана был изгнан, а Мусасир включен в состав Ассирии на правах области. Поэтому очевидно, что речь здесь идет не об урартском, а об ассирийском областеначальнике Абалукуну (что затрудняет его отождествление с упоминавшимся урартским вельможей, если не предполагать, что он перешел на службу к Саргону) ⁵⁹. Это подтверждается и упоминанием в одном ряду с ним начальника еще одной ассирийской области — Карсиппара ⁶⁰, и сообщением в том же письме,

⁵⁶ Ibid. S. 103—104.

⁵⁷ Lanfranchi. Op. cit. P. 130.

⁵⁸ Пуотровский. Ук. соч. С. 98; Арутюнян. Ук. соч. С. 284.

⁵⁹ Ср. Thureau-Dangin. Op. cit. P. XVI. Not. 1 (автор считает этого областеначальника урартским).

⁶⁰ Forrer. Op. cit. S. 116.

что все областеначальники находятся с царем Урарту в Туше. Таким образом, письмо ABL 381 не имеет отношения к рассматриваемому периоду и должно датироваться во всяком случае позже 714 г.

Итак, восстание против Русы, которое последовало за его поражением, вовсе не носило характера всеобщего бунта в разных концах страны, а было лишь незначительным династийным недоразумением, быстро разрешившимся в пользу Русы, по-видимому, почти без усилий с его стороны. Связь же заговора Нараге с киммерийским разгромом остается неясной.

Завершая разбор киммерийско-урартского конфликта, следует еще раз вернуться к его датировке. Как мы видели, этот поход был невозможен до месяца *улулу* 715 г. до н. э., когда уратские войска были заняты конфронтацией с ассирийцами на маннейской границе. В то же время в своем письме к Ашшур (стк. 6) Саргон сообщает, что он выступил в поход против Урарту в месяце *ду'узу* 714 г. до н. э. Между этими двумя точками и должен поместиться неудачный поход Русы I на киммерийцев, который датируется, таким образом, временем между сентябрем 715 г. и июнем 714 г. до н. э. Впрочем, нельзя полностью исключать и возможность того, что Руса совершил свой поход на север, против киммерийцев, уже в то время, когда Саргон совершал первую, маннейскую часть своего похода. В таком случае его действия пришлось бы расценивать как непростительную беспечность, если не считать, что он получил известие о начале движения войска Саргона уже находясь в киммерийском походе. Предполагать возможность зимнего похода урартских войск в горной местности, где перевалы открываются только весной, нельзя, поэтому дату похода можно еще уточнить и относить его к весне — началу лета 714 г. до н. э.

Наконец, шестое письмо саргоновского времени (K 485, ABL 112), достоверно упоминающее киммерийцев, сообщает не о неудачном походе урартов в страну Гамир, а, напротив, о вторжении некоего «киммерийца» на территорию Урарту. Данное письмо сохранилось, к сожалению, весьма фрагментарно, и текст имеет множество лакун. Первоначально оно было издано независимо дважды. Первое издание принадлежит Р. Харперу и вышло в 1892 г. (ABL. V. 1). Примерно одновременно с ним копию с таблички снял Т. Пинчс, который издал ее, предварительно сверив, в 1913 г.⁶¹ Между двумя текстами имеются значительные расхождения — в копии Т. Пинчса гораздо больше знаков. Ни то, ни другое издание не было снабжено прорисовками или автографией таблички, поэтому долгое время исследователям было трудно решить вопрос об истинном содержании ее текста. Однако после того как была издана ее автография, сделанная М. Сальвини⁶², этот вопрос можно считать выясненным.

Разбираемое письмо написано неким Арад-Сином, о котором более ничего неизвестно. Видимо, он был одним из «разведчиков дома государственного глашатая», упоминаемых в письме Синаххериба ABL 1079 (R. 6): [l^uda-a]-a-li ša É l^uNIGIR.É.GAL. Локализация описываемых событий чрезвычайно важна. Судя по автографии М. Сальвини, сткк. 4—9 этого письма читаются следующим образом: (4) [l^u]Ga-me-ra-a (5)[an]-ni-ú (6) 'it-tu-ši' TA lib-bi (7) 'kurMa-na'-a-a (8)[AŠ lib]-bi kurTILLA (9)[e]- 'tar-ba' — «киммериец этот вышел из Манны, вступил в Урарту». Т. Пинчс в своем издании некоторые из частично сохранившихся по М. Сальвини знаков (в частности в названии Манны) дает как полностью

⁶¹ Pinches T. G. Sargon's eighth Campaign // JRAS. 1913. P. 608—609.

⁶² Deller. Op. cit. S. 102—103.

сохранившиеся, однако Р. Харпер считает их исчезнувшими (например, стк. 7: [...]а-а). Колляция М. Сальвини окончательно разрешает вопрос о чтении, в частности, стк. 7 — наличие здесь названия Манны несомненно.

Далее, в сткк. 14 — R.3 говорится: (14)[^{lúD}]UMU šip-ri (15)šá ^{lú}EN.NAM (16) ^{uru}Ū-e- 'si' (17)UGU ^mUr-'za^l-ni (18)it-t[al-ka] (R.1) AŠ.UGU x[...] (2)ma-a 'e^l-mu-qi-k[a?] (3)lil-li-ku-ni — «Гонец областного начальника Уэси пришел к Урзанае, (говорит) относительно [...]: „Войска т[вои (?)] сюда пусть придут“».

Данное письмо является важным аргументом против локализации города Уаси возле оз. Ван (см. выше). Действительно, если верна такая локализация, то в тексте данного письма возникает неразрешимое противоречие. Согласно этому документу, под непосредственной угрозой киммерийцев, вышедших из Манны, находится область Уаси, начальник которой посылает за помощью в Мусасир. Между тем достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что Мусасир находится на пути из Манны к южному берегу оз. Ван, и, таким образом, подобная ситуация оказывается совершенно невозможной. Противоречие, которого, впрочем, как кажется, никто не замечал, при этой локализации Уаси может быть разрешено только в результате исключения из текста или самого его названия, или названия Манны, что невозможно — оба топонима читаются в тексте достаточно уверенно. Однако его легко устранить, если согласиться с локализацией Уаси к юго-западу от оз. Урмия, в районе Калатгаха. В этом случае, действительно, киммерийцы, выйдя из Манны, сразу попадут в эту область и для ее начальника окажется естественным вызвать войска из лежащего далее к западу Мусасира.

Почти то же самое можно сказать и о локализации М. Сальвини. Если вторгшиеся из Манны киммерийцы поставили под угрозу район Кале Исмаил Ага (очевидно, двинувшись на север вдоль озера Урмия), то невозможно представить, чтобы областеначальник этого района послал бы за помощью в труднодоступный оттуда Мусасир, к тому же почти навстречу наступающим киммерийцам. Этот район имеет прекрасные коммуникации с находящимися к северу и западу урартскими районами, в том числе через находящийся поблизости от Кале Исмаил Ага перевал Серо. Если же локализовать Уаси в районе Ошнивие — Калатгаха, то вышедшие из Манны киммерийцы оказываются непосредственно в этом районе и для здешнего областеначальника наиболее естественно послать за помощью именно в Мусасир, с которым имеется прямое сообщение через Келяшинский перевал.

В сткк. R.4—9 того же письма говорится: (4)AŠ.UGU ^{uru}Bu-li-a-a (5)AŠ.UGU ^{uru}Su-ri-a-na-a-a (6)^{kur}TILLA gab-bi-šú (7)ip-ta-làh (8)a-dan-iš (9)e-mu-qi ú-ra-hu-ru — «относительно булийцев и относительно сурянцев вся Урарту очень страшится. Они собирают войска». Города Були (Пули) и Суриа(ни), которые, согласно этому письму, находятся под угрозой, упомянуты еще в анналах Ашшурнапирала II в описании его похода на страны Наири в 882 г. до н. э.⁶³ Из контекста явствует, что Булиа(ни) находились по соседству со страной Нирбу в горах Кашьяри⁶⁴, т. е. в современных горах Мардин. Страна Б/Пули упоминается еще

⁶³ Budge E. A. W., King L. W. Annals of the Kings of Assyria. V. I. L., 1902. P. 301; АВИИУ. 23.II.19 слл., 86 слл.

⁶⁴ См. о них: Kessler. Op. cit. S. 22—76.

в одном из урартских писем (ТК, 1893/99, стк. 10: LÚ kurB/Pu-li-ú-hi-e)⁶⁵, однако контекст этого письма не дает никаких сведений для ее локализации. Город Суриа(ни), кроме анналов Ашшурнацирапала, упомянут еще в надписи из Тушхана (АВИИУ, 26). Судя по этим надписям, город находился неподалеку от Булиа(ни), несколько к северу от тех же гор Кашьяри⁶⁶. К. Деллер⁶⁷, правда, предлагает конъектуру в данном письме ^{uru}Gur¹-gi-a-na-a-a (коллиция подтверждает чтение SU), однако это предположение не кажется удачным, да и сам автор не настаивает на нем.

Таким образом, города Були и Суриани, за судьбу которых урарты испытывают беспокойство, находятся далеко к западу от области Уаси и Манны, поэтому беспокойство урартов, скорее всего, не связано с нападением киммерийцев или во всяком случае того их отряда, который вышел из Манны. Опасность, угрожающая Були и Суриани, объясняется, видимо, другими причинами, которые от нас ускользают. Впрочем, возможно, что предложенная идентификация неверна, и тогда эти города должны локализоваться в области Уаси, на маннейской границе, а все содержание письма относится к нападению киммерийцев.

Смысл упоминания имени Сардури (или Иштардуру) в 11 стк. письма также не совсем ясен, поскольку контекст, в котором оно находится, сильно разрушен. Здесь можно видеть или упоминание некоего лица, носящего это имя (вряд ли предшественника Русы на урартском престоле), или какого-то города. Город с таким названием в области Уллуба у истоков Тигра упоминается в надписи Тиглатпаласара III из Калху (стк. 26, АВИИУ, № 42)⁶⁸. Тот же или, вероятнее, другой город с этим названием упоминает Ашшурица в одном из своих писем (ABL 147). Возможно также, что здесь имеется в виду ^{uru}Ri-ia-ar URU ša^{md}15-BAD, упоминаемый в строке 227 письма Саргона богу Ашшуру с описанием его похода на Урарту⁶⁹. Райар, судя по реляции Саргона, локализовался недалеко от Уаси.

Теперь следует остановиться на датировке данного письма и, следовательно, нападения киммерийцев на Уаси со стороны Манны. *Terminus ante quem* дает нам здесь упоминание царя Мусасира Урзаны (стк. 17: ^mUr-^rza¹-ni) — письмо написано до июля 714 г. Нападение киммерийцев на Уаси явно застало урартов врасплох — в этой области отсутствовали войска, которые областеначальник вынужден вызывать из других районов. Такая ситуация совершенно невозможна в 715 г. до н. э., когда, как мы видели, именно в этом районе Урарту концентрирует свои войска для нападений на Манну и Ассирию. Как видно из анналов Саргона II, в 716 г. Руса предпринимал в этой области аналогичные действия, так что и в это время здесь, по-видимому, находились урартские войска. Кроме того, при датировке данного письма следует иметь в виду, что почти все письма саргоновского царского архива из Куянджика датируются временем наследничества Синахериба, т. е. относятся к 715—704 гг. (см. выше). Итак, нападение киммерийцев на Уаси через территорию Манны скорее всего должно относиться ко времени, очень близкому к походу урартов на страну Гамир и может быть как-то связанным с ним.

Строки R. 11—12 письма (ki-ma ku-ru-u i-di-i-ni — «когда снег (мороз?) усилится»⁷⁰), возможно, свидетельствуют о том, что действие про-

⁶⁵ Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М.— Л., 1963. С. 39.

⁶⁶ Об отождествлении с совр. Савуром см. подробнее: *Kessler*. Op. cit. S. 57—76

⁶⁷ *Deller*. Op. cit. S. 102—103.

⁶⁸ Совр. Сардева — Сардабар; см. *Forrer*. Op. cit. S. 85.

⁶⁹ *Thureau-Dangin*. Op. cit. P. 45.

⁷⁰ К переводу см.: АНв. Bd I. S. 509; CAD. K. P. 551b.

исходит осенью или зимой, причем урарты возлагают надежды на изменение погоды, которая поможет им отразить вторжение киммерийцев. Если это так, то, видимо, нападение киммерийцев на Урарту предшествовало походу урартов на страну Гамир, который мы отнесли к весне — лету 714 г. до н. э., и тогда его, возможно, следовало бы рассматривать как ответную акцию на киммерийский набег. Видимо, киммерийцы в это время базировались на севере Урарту, в стране Гамир, однако могли проводить и весьма дальние рейды через Манну и нападать на ее юго-восточные границы. При такой реконструкции событий оказывается, что письмо ABL 112 более раннее, чем разобранные выше сообщения о нападении урартов на страну Гамир. Впрочем, нельзя исключать и того, что последовательность событий была обратной, а также и того, что оба конфликта не связаны между собой. К тому же в письме ABL 112 нет прямых указаний на принадлежность к переписке наследного принца Синаххериба, поэтому возможно, что письмо попало в его архив из какого-то другого места и может датироваться и временем до 715 г. до н. э. Ясно лишь, что оно было написано ранее 714 г. до н. э.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении документы эпохи Саргона II позволяют утверждать, что первые известные нам активные действия киммерийцев в Передней Азии относятся к весне — началу лета 714 г. до н. э. В это время занимаемая ими территория (кит. Gamir) находилась в Центральном Закавказье, видимо, примерно к югу от Дарьяльского прохода. С самого начала они представляли собой весьма значительную военную силу, способную сокрушить армию такого крупного государства, как Урарту. Вероятно, примерно в то же время киммерийцы совершили рейд через Манну и напали на юго-восточную урартскую область Уаси. Военные неудачи ослабили Урарту, и Саргон, используя свою разведку, выбрал наиболее удачный момент для нападения на нее, в результате чего добился легкого успеха.

THE CIMMERIANS AND URARTU ON THE EVE OF SARGON II'S EIGHTH CAMPAIGN

A. I. Ivanchik

The Cimmerians are first mentioned in Assyrian letters of the time of Sargon II. All six of the letters that mention them are dated to between September 715 and June 714 B. C., and fall into the following order of date: ABL 146, 1079. 197. ND 2608, ABL 112, the place of ND 1107 being unclear. These letters report two clashes between Cimmerians and Urartu. The first, the campaign of the Urartian king Rusa I in the area in the Central Caucasus occupied by the Cimmerians, as a result of which the Urartians were routed, the *turtan* Kakkadana being captured; and the king fled. That campaign seemingly evoked a response action of the Cimmerians; they attacked the Urartian city of Uasi located south-west of Lake Urmia. It is also possible, however, that this attack preceded Rusa's campaign. His defeat caused a minor uprising against him that was easily suppressed. The uprising is reported in letter ABL 144, and possibly also in CT 53, 462. Letters ABL 444, 492, 380, 409, CT 53, 114, ABL 198 + CT 53, 438 + CT 53, 120 (in chronological order), which have been seen as descriptions of the uprising in Urartu, in fact refer to the confrontation between Urartu and Assyria on the Mannaeen frontier in 715 B. C. Letter ABL 381 must be dated to a time after 714 B. C.

© 1990 г.

Ливио Россетти *

РИТОРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ ЗЕНОНА ЭЛЕЙСКОГО **

Хотя мы все более сознаем, насколько всепроникающа роль риторических уловок в самых разных видах коммуникации и в самом научном поиске, мы до сих пор во многом игнорируем область парадоксов — особенно Зеноновских, которые мы обыкновенно все еще относим к сугубо логическим по своей природе проблемам. Как бы столь упорное пренебрежение риторическими элементами парадоксов не повредило самой возможности их правильного анализа!

Чтобы заполнить в какой-то мере этот явный пробел экзегетической традиции, необходимо, как мне кажется, начать с анализа, имеющего целью установить, в чем именно состоит риторическая обработка исходных данных, благодаря которой только и создается интуитивное впечатление парадоксальности ситуации (§ 1—2).

Вслед за этим я намерен сначала показать, как конкретно эта обработка, эта целенаправленная манипуляция исходными данными осуществляется в некоторых знаменитых парадоксах Зенона (§ 3), чтобы затем сформулировать (§ 4) некоторые предположения относительно синергизма различных риторических уловок и — шире — общей стратегии, в которую вписываются отдельные ухищрения (чем весьма усиливается их убедительность).

1. КАК РОЖДАЕТСЯ ПАРАДОКС?

Парадокс — это последовательность аргументов, будто бы приводящая к весьма трудно приемлемому утверждению и тем самым проливающая новый свет на какую-то проблему. Это особая форма сообщения, побуждающая нас смотреть на знакомые и известные явления с новой, неожиданной точки зрения, признать законность этой особой точки зрения, а затем и убедиться, что казавшееся ранее совершенно понятным, разумным и непроблематичным (непроблематичным, разумеется, пока не была принята новая точка зрения) чревато в действительности непредвиденными осложнениями и вопросами, на которые было бы опрометчиво пытаться дать быстрый ответ. Настоящий парадокс налицо, когда путем какого-то анализа ситуаций, обычно не рассматриваемых как проблематичные (и в частности при помощи тех самых речей или аргументов, которыми они излагаются), удастся посеять в умах сомнение или внушить недоверие, убедить, что то, в чем мы твердо были уверены, при ближайшем рас-

* Профессор Университета г. Перуджи, Италия.

** Перевод С. Н. Муравьева.

смотрении оказывается неприемлемым. Парадокс, таким образом, есть своего рода интеллектуальный вызов, в котором ухищрение (способ изложения проблемы в соответствии с определенной стратегией, имеющей целью сбить с толку и дезориентировать) сочетается с констатацией действительных или мнимых затруднений, объективной тупиковой ситуации, из которой хотелось бы выбраться во что бы то ни стало.

Чтобы достичь такого результата, парадокс должен убедить нас в бесспорной правильности (при всей его неожиданности и даже невероятности) своего неинтуитивного представления о ситуации или факте и выявить неадекватность (или даже абсолютную несостоятельность) обычного о них представления. Таким образом создается некий контраст, и в качестве не сводимых друг к другу альтернатив противопоставляются два способа представления, два типа анализа и, в конечном счете, два понимания одного и того же явления: с одной стороны, всем знакомая точка зрения, с другой — необычная и противоречащая здравому смыслу, но тем не менее создающая впечатление, будто она отражает более строгое (и, стало быть, предпочтительное в отсутствии обратных доказательств — какими бы ошеломляющими ни были выводы) видение одного и того же положения вещей. Парадоксальность неожиданно возникает именно тогда, когда второй точке зрения удается предстать как нечто непреложно правильное и, стало быть, должное.

Поскольку то или иное высказывание может показаться — по разным причинам — столь же безукоризненным, сколь и неприемлемым, необходима соответствующая работа по сопоставлению возможных способов изображения парадоксальной ситуации и выбору между ними. Парадокс возникнет только в том случае, если выбор падет на то, что, ничуть не снимая и не скрывая наличие несовместимых между собой требований, напротив, скорее делает его очевидным и способствует его непосредственному интуитивному восприятию. Другими словами, для того чтобы парадокс оформился, надо вызвать совершенно определенные ассоциации идей и хорошо знакомые представления о явлениях определенного типа, так чтобы и самый необычный способ рассмотрения одного и того же повторяющегося факта или явления хотя бы внешне походил на логический анализ: именно в этом источник умственного затруднения.

С этой точки зрения наблюдается интересная аналогия с типическим трагическим напряжением аттической драмы, ибо и там присутствуют драматизм, трагизм, страх, и там изображаемые драматургом обстоятельства создают головоломную ситуацию, непримиримый конфликт и шаткое равновесие, иначе говоря — апорию. Зритель стремится найти решение, объяснение, способ примирения (в котором факты ему отказывают), ибо он признает, что каждый из соперников, со своей особой точки зрения, правомерно противостоит другому. В том-то и заключается трагичность, что зритель эмоционально вовлечен в ситуацию, но не знает, как ее деблокировать: как побудить Агамемнона не раздражать далее Клитемнестру или как помочь Эдипу вовремя понять incestуозность своего супружества (ситуация, правда, становится комической, если до зрителя доходит, что он-то, оказавшись он в ней, прекрасно вышел бы из затруднения). Драма, стало быть, относится к парадоксу почти так же, как непонимание относится к несовместимости, или как безвыходное положение, тупик, вызванный случайным стечением обстоятельств, относится к тупику, связанному с двумя альтернативными толкованиями каких-то постоянных отношений. Общее у них — стремление вызвать напряжение, или несоответствие, между двумя нарочно доведенными до крайности позициями.

Разумеется, первоначально тот или иной парадокс вполне мог предстать в качестве действительно апоретической ситуации и тому, кому случилось первому обратить на него внимание и обнаружить в нем неявную и трудноразрешимую проблему. Осознание трудноразрешимой проблемы совсем не обязательно приводит к немедленному обнаружению адекватного решения (осознание этого, хотя и побуждает к поиску, но не указывает направления, в котором следует искать решение). Стало быть, нет ничего удивительного в том, что первый, кого парадокс подвергает тяжкому испытанию, это его собственный первооткрыватель, и что он должен первоначально (более или менее болезненно) «переварить» диалектическую несводимость двух разных способов рассмотрения; и в конце концов неважно, является ли создание, а также и возможное разрушение того или иного парадокса делом одного, двух или тысячи лиц.

Гораздо важнее различие между осознанием парадоксальности ситуации и построением наиболее убедительного способа изложения парадокса. Действительно, чтобы парадокс мог стать аргументированным построением и превратился в предмет вызывающего недоумение сообщения, требуется, чтобы независимо от желания (и способности) развеять первоначальное впечатление парадоксальности, возникало скорее обратное стремление — подвергнуть необычайное толкование различным испытаниям с тем, чтобы выявить ту версию, которая бы не развеивала, а, скорее сохраняла его способность внушать сомнение и порождать апорию. Этот своеобразный поиск и является тем, собственно, что порождает парадоксальность, придавая той или иной проблеме статус ошеломляющего сообщения и интеллектуального вызова, и нет нужды подчеркивать, что подобный поиск вряд ли ведет к истинному пониманию и знанию, вряд ли способен удовлетворить чистую «жажду познания истины». В нем скорее преобладает стремление повысить ценность интуитивной догадки, предугадать определенную ассоциацию идей (или определенную переформулировку условий задачи), придать парадоксу большую неуязвимость, сформулировать его таким образом, чтобы усилить вызываемое им чувство растерянности, иными словами — отдать предпочтение такой его формулировке, которая бы в такой степени усилила его разрушающую способность, что превратила бы его в нечто большее, нежели простой аргумент в разговоре.

Это означает, что способ изложения парадоксов отвечает целям, отличным от целей чистой интеллектуальной любознательности. В желании достичь более четкого определения и более точного выражения парадоксальной сути вопроса присутствует на самом деле и определенное желание спасти парадоксальность и, следовательно, стремление (или даже намерение) скрыть то, что, рассеивая впечатление парадоксальности, неизбежно умалило бы ценность этого любопытного творения. Таким образом активизируется более или менее сознательный поиск моментов, которые, наоборот, способны лишь усилить его свойство вызывать сильное недоумение и создавать дискомфорт, от которого трудно избавиться. А потому при создании парадокса в него, естественно, проникает некая интенция, обращенная в сторону не столько понимания и объяснения, сколько, скорее, более или менее искусного сокрытия и усложнения условий проблемы, т. е. в сторону возведения препятствий на пути к его быстрому разрушению (вопрос же о сознательности или произвольности такой установки, разумеется, второстепенен).

Поэтому уже на этой стадии не может не действовать и определенное стремление «посадить слушателя в лужу» и принудить его к безоговороч-

ной капитуляции. Иными словами, в игру вступает желание задеть потенциального слушателя, дезориентировать его, а иногда и проучить.

То, что парадокс обыкновенно удовлетворяется краткой, а то и просто лапидарной формулой («краткость есть душа шутки» — говорит английская пословица) — верный признак того, что здесь не обошлось без уловок и умолчаний. В этом смысле вполне можно утверждать, что парадоксу всегда сопутствует момент игры и что он не слишком отличается от головоломки или загадки, ответ на которые было бы крайне легко найти, если бы тот, кто их задает, намеренно не изменил исходных данных с сознательной целью сбить слушателя с толку.

Вспомним знаменитую загадку Сфинкса, в которой тройная метафора препятствует узнаванию знакомого явления: «Какое животное, — якобы спросила Сфинкса у Эдипа, — четвероного утром, двуного в полдень и треного вечером?» Чтобы найти адекватный ответ, необходимо подумать не о каком-то животном, а о человеке; не о разных частях дня, а о возрастах жизни; не о четырех или трех ногах, а о двух ногах и двух руках или о двух ногах и палке. Стоит нам стать на точку зрения того, кто придумал эти ухищрения, чтобы мы поняли, что, придавая сравнению некоторую изысканность, он тщился затемнить смысл вопроса и внушить нам совсем не те ассоциации идей (т. е. дезориентировать нас).

Таким образом, первоначальное затруднение, испытанное человеком, случайно осознанным парадоксальностью и апоретичностью той или иной ситуации, имеет тенденцию превратиться в любование ею, а вызванное ею беспокойство — в вознаграждающее осознание ценности данной логической конструкции.

2. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И «РИТОРИЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ» ПАРАДОКСОВ

Одно из возможных последствий всего того, что мы до сих пор изложили, состоит в том, что тупик, дилемма, противоречие зависят не столько от применения более или менее испытанных логических схем, сколько, скорее, от последующего упорядочения аргументации, состоящего в том, чтобы решить, на чем следует настаивать, а что лучше оставить в тени, что нужно эксплицировать, а что лучше игнорировать, что необходимо сказать или внушить, а о чем умолчать, что подвергнуть сомнению. Поскольку, с другой стороны, сокрытие и подчеркивание являются не логическими, а риторическими операциями, следует признать, что решающие «импульсы» должны иметь скорее риторический, нежели логический характер.

Того же, однако, нельзя сказать об исследовании, имеющем целью выявить и описать риторические уловки, действующие в самом парадоксе (или вообще в любой хорошо организованной единице сообщения), потому что такой анализ ставит себе целью нечто раскрыть и объяснить, а не скрыть или замаскировать. Кроме того, анализ этот как раз и будет заключаться в выявлении ряда непоследовательностей, вызывающих подозрение исследователя и тем самым направляющих его работу.

Таким образом, проясняется разумное разделение компетенций между двумя областями: формулировка парадокса (превращающая его в сообщение), способное вызвать широкое и квалифицированное согласие) есть в первую очередь плод преимущественно риторической обработки и приспособления исходных данных; в то же время правильный его, парадокса, анализ, его декодирование, его, так сказать, разрушение входят скорее

в компетенцию логики, с помощью которой мы стремимся обнаружить всевозможные непоследовательности, порождающие эффект парадоксальности.

Подобное разграничение ролей достаточно очевидно, однако его не встретишь почти нигде в литературе, и это, по-видимому, одна из причин, почему парадоксы рассматриваются обычно как преимущественно логические конструкции. В действительности логика нужна, чтобы их разоблачить; а для того, чтобы их построить, нужно, напротив, нарушить то или иное логическое правило, причем как можно незаметнее.

Так, Гильбер Райл очень верно утверждает, что преодоление наиболее сложных дилемм и поиск разумных решений для апорий — дело не формальной логики, а так называемой неформальной¹; кроме того, он ясно подчеркивает, что «вся аргументация (Зенона) полна ловушек», в результате чего «мы вынуждены оставить без внимания (такой-то решающий по своему значению момент)», и что формулировка парадокса у него «уклончива»². В анализе «Ахилла», кстати, Райлу удастся окончательно выявить фундаментальную непоследовательность. И тем не менее в тот момент, когда ему следует высказаться о природе рассмотренного Зеноновского парадокса, он, не колеблясь, утверждает, будто именно уклончивость формулировок «превращает аргумент в почти совершенный образец логической дилеммы» и что «Ахилл» несомненно является «философской загадкой, а отнюдь не арифметической задачей»³.

Приписывая (по-моему, зря) логическое и философское достоинство «Ахиллу», Райл ставит себя в условия, допускающие слишком большую неопределенность относительно разницы между (неформальной) логикой и философией, с одной стороны, и способами сокрытия, с другой. Из-за упорства, с каким он отказывает математикам и специалистам по формальной логике в компетенции при разборе «Ахилла», он не видит, что акт сокрытия является операцией, не относящейся собственно ни к неформальной логике, ни к философии; логики и философы еще слишком часто прибегают (более или менее сознательно) к в какой-то мере скрывающему способу выражения, а потому различие между неспособностью это заметить и использованием этого, чтобы не заметили другие, зачастую еще весьма неопределенно (и совершенно недостаточно изучено).

3. РИТОРИЧЕСКИЕ ОТВЛЕКАЮЩИЕ МОМЕНТЫ В «АХИЛЛЕ» И ДРУГИХ ПАРАДОКСАХ

Перейдем к разоблачению риторических ухищрений, создающих впечатление парадоксальности целого ряда знаменитых аргументов Зенона, и начнем с некоторых соображений о самом утонченном из его парадоксов — «Ахилле», в котором отвлекающие моменты особенно хитроумны, а соращение с пути особенно эффективно, ибо незаметно.

В этом случае легкость, с которой на основе данных Зеноном¹ указаний⁴ мы можем себе представить в виде простого графика различные фазы

¹ Ryle G. Dilemmas. London: Cambr. Univ. Pr., 1966. Chapter VIII. Относительно неформальной логики и основных путей ее развития в 1980-е годы см. журнал *Informal Logic*, издаваемый в Уиндзоре, Онтарио (Канада).

² Цит. по итальянскому переводу: Ryle G. Dilemmi. Roma: Ubaldini, 1968. P. 41, 51.

³ Ibid. P. 41.

⁴ Наиболее древний источник. *Arist. Phys. Z 9, 239 b 14—29* (= 29 В 26 Diels—Kranz). Следует также отметить комментарий Симпликия к тому же месту у Аристотеля (In *Arist. Phys. p. 1013*, отсутствует в издании Дильса—Кранца: см. *Lee H. P. D.*

продвижения обоих персонажей (пока Ахилл идет из пункта А в пункт В, черепаха идет из пункта В в пункт С; когда затем Ахилл переходит из пункта В в пункт С, черепаха идет из пункта С в пункт D...) — эта легкость сбивает с толку тем, что внушает мысль, будто мы не можем иначе — и более верно — представить себе условия задачи, и тем самым молчаливо приглашает нас искать объяснение там, где мы ни за что его не найдем — и не должны были бы даже искать (ибо, как блестяще прояснил Райл, мы вынуждены рассматривать путь как сумму его частей, но не всех вообще частей, на которые разлагается весь путь, а всех, кроме одной — последней)⁵.

Тот же самый Райл показал, в чем заключается трудность уподобления точки, в которой Ахилл догоняет черепаху, более обычному финишу: нам внушают (ложную) мысль, будто мы должны «построить» суммарный путь через простое сложение частей уже пройденного пути и выпячивают сверх меры интуитивное затруднение, которое мы испытываем, когда желаем предсказать, в каком пункте и в какой момент преследование закончится.

К тому, что заметил Райл, надо однако добавить, что тут вступает в действие и другая, более существенная ошибка, когда Зенон побуждает нас определить доли суммарного пути, которые должны быть сложены. Это заставляет нас, во-первых, пасть жертвами элементарного трюизма («Пока исходный путь не будет пройден, будет оставаться непройденным остаток пути»), а во-вторых — исчислять расстояние в терминах геометрической прогрессии, в результате чего оказывается невозможным определение последнего микрорасстояния между преследуемым и преследователем (на самом деле, то же макрорасстояние поддается измерению и иными способами, в том числе и более простыми, и ничто нас не обязывает вводить геометрическую прогрессию и иррациональные числа).

Внушив нам мысль, будто необходимо оперировать именно микрорасстояниями, и представление, будто весь пробег действительно распадается на ряд все более и более коротких продвижений, Зенон добивается от нас столь же существенной, сколь и иллюзорной, и сбивающей с толку уступки. Фактически нас заставляют признать, будто пробежать расстояние так же трудно, как и измерить его, более того — что сама возможность завершить преследование за а в и с и т от возможности представить себе убывающие по величине отрезки пути, не прибегая к бесконечно малым величинам, как если бы преследование могло успешно завершиться, только если бы соответствующие измерения не предполагали (а они, мол, действительно предполагают) бесконечную последовательность все более мелких отрезков. Из внушенной невозможности точно оценить расстояние делается вывод о неосуществимости самого задания (догнать черепаху).

В действительности, чтобы осуществить рассматриваемый тип преследования, необходим лишь ряд последовательных приблизительных оценок, подобных тому, когда, приближаясь к телефону-автомату, я засовываю

⁵Zeno of Elea. Cambr., 1937; Amsterdam, 1970. P. 50 f.), где находим ссылку на преследование Ахиллом Гектора. Тот факт, что большая часть Зеноновских парадоксов нам известна не в той форме, в какой их представил сам Зенон, а в пересказе Аристотеля и других древних авторов, к счастью, не вызывает больших осложнений, поскольку характер аргументации, в задачу которой входит убедительная формулировка парадокса, весьма стабилен, что и позволяет формулировать ее различными способами без деформации. Это может показаться странным, но легко поддается проверке. К слову сказать, удивительная семантическая устойчивость парадоксов (я не только Зеноновских) еще не выяснена в своей динамике.

⁵ Ryle. Op. cit. Cap. III.

руку в карман, чтобы нащупать там монету. или когда немного ускоряю шаг, чтобы догнать идущего впереди меня человека (положим, чтобы хлопнуть его по плечу). В таких случаях, если бы мы хотели измерить хоть с какой-то точностью то расстояние, которое нам необходимо преодолеть, нам пришлось бы прибегнуть к весьма сложным расчетам: достаточно вспомнить, насколько неравномерным может оказаться путь лежащей у меня в кармане монеты, особенно если я шагаю по многолюдной улице. Но сложность подсчетов здесь просто иррелевантна.

Все это, конечно, прекрасно известно любому комментатору Зенона. И, разумеется, понимал это и сам Зенон, но ему достаточно было занять наш рассудок геометрической прогрессией (представление бега Ахилла в виде геометрической прогрессии само по себе, конечно, вполне закономерно), чтобы извлечь из законности такого представления мысль о его обязательности или даже неизбежности, мысль, будто только так и можно правильно описать бег Ахилла и, наконец, мысль, будто бег можно будет завершить лишь тогда, когда геометрическая прогрессия приведет к нулевой величине. В действительности ни одно из этих заключений не законно.

Отметим двойной незаконный переход от «можем» представить себе бег Ахилла в терминах геометрической прогрессии к «должны», а затем от «геометрическая прогрессия бесконечна» к «бег Ахилла бесконечен». Короче, мы имеем дело с недопустимыми подстановками. Нам подсовывают в качестве эквивалентных оценки, которые в действительности весьма друг от друга отличны. И читателя пытаются отвлечь от этого их различия.

Скрыв его от читателя, последнего побуждают искать решение там, где его найти невозможно, например путем выработки все более и более изощренных методов расчета⁶. Это напоминает поведение фокусника-иллюзиониста, который усердно норовит отвлечь внимание зрителей от того, что существенно, и сосредоточить его на незначительном. Впрочем, отвлекающие маневры всегда составляли основу искусства преодолеть ожидаемое сопротивление.

Дезориентации реципиентов зеноновского сообщения способствуют также некоторые уловки намного менее специфического характера, в частности — использование мифических персонажей, относящихся ко времени, отличному от нашего: это немало способствует тому, что мы охотно соглашаемся не только с идеей, будто Ахилл не должен пытаться обойти черепаху стороной и пойти ей наперерез (впрочем, мы не можем не вспомнить преследование им Гектора вокруг стен Трои в качестве модели отсчета), но также и с идеей, будто можно действительно приписать Ахиллу такой несколько схематичный способ преследования, в силу которого он обязан достигнуть пункта В, чтобы составить себе представление о положении, достигнутом черепахой в этот промежуток времени. Примитивизм этой истории таким образом превращает литературное и контекстуальное жанровое правдоподобие⁷ в правдоподобие реальное.

Необходимо добавить, что этот парадокс имеет еще и «дьявольское»

⁶ Последним, кто решительно поддерживал это экзегетическое предложение, был М. Джаммер (*Jammer M. Zeno's Paradoxes Today // L'infinito nella scienza. Infinity in Science, a cura di Toraldo di Francia G. Roma, Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 1987. P. 81—96*).

⁷ Речь в действительности идет об условном правдоподобии, которое предполагает знание и даже некоторую градацию обычного способа представлять себе Ахилла и типичные для соревнования схемы поведения.

измерение, так как Зенон собственно не говорит нам ⁸, почему Ахилл никогда не сможет догнать черепаху и охотно перекладывает на интерпретатора обязанность уточнить, по какой причине данное преследование обречено на неудачу. Тем самым Зенон откровенно побуждает нас лезть из кожи вон, чтобы исследовать этот неправильно поставленный вопрос и испытать большое удовлетворение, когда нам удастся убедить себя, что действительно Ахилл не смог бы догнать черепаху!

Как бы то ни было, склонность читателя искать для парадокса логико-математическое (или философское) объяснение и считать, что он не должен льстить себя надеждой отделаться от Зенона, не решив предварительно таких огромных проблем, как природа пространства, времени и движения; следовательно, отсутствие у него малейшего попользования искать риторическое объяснение — таков источник удивительной судьбы и другого парадокса, к рассмотрению которого теперь перехожу.

В первом из парадоксов, посвященных движению, доказывається, как известно, что невозможно завершить бег, потому что движущаяся точка должна сперва пробежать $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ и т. д. всего расстояния ⁹. Но как только мы учтем, что движущаяся точка, как указывает само ее название, находится в движении, разве не должны мы будем одновременно признать, что она будет в состоянии пробежать как все расстояние, так и отдельные его части? Хотя мы, возможно, не способны объяснить, каким образом ей удается пробежать какой-то отрезок пространства за какое-то определенное время, это не равнозначно тому, чтобы подвергать сомнению сам факт движения движущейся точки. Ведь это только что было эксплицитно принято как предпосылка (даже если нас побуждают об этом забыть).

Трудности, с которыми мы сталкиваемся при попытке понять (и объяснить себе) природу движения, не в состоянии опровергнуть ни того факта, что постоянно происходит движение, ни достаточно очевидного предположения, согласно которому суммарное перемещение есть результат ряда мелких передвижений.

С другой стороны, ничуть не лучше думать, что парадокс подкрепляет тезис, будто выстраивание бесконечного числа микроотрезков, на которые мы можем (в нашем воображении) разбить все расстояние, способно воспроизвести не исходное расстояние, а бесконечно большое ¹⁰. На самом деле число полученных путем деления микроотрезков может быть лишь обратно пропорциональным длине каждого микроотрезка и потому никоим образом не в состоянии повлиять на суммарную длину.

Итак, благодаря чему же столь невинный парадокс может несмотря ни на что превратиться в почтенную интеллектуальную задачу, если не благодаря коммуникационным уловкам, скрывающим саму возможность противопоставить ему столь легкие возражения? Разве сокрытие является логической операцией?

⁸ Ввиду состояния источников неизбежны конъектуры относительно формулы, которой Зенон мог воспользоваться, чтобы выразить парадокс; в частности, трудно предположить, чтобы Зенон мог сказать по этому поводу много больше, чем то, что передают Аристотель и Симпликий. Некоторые дополнительные размышления о «дьявольском» аспекте этого парадокса читатель найдет в другой моей статье (*Rossetti L. L'Achille di Zenone: logica e retorica // Criterio. N. s. 6. 1988. P. 67—76*).

⁹ Это так называемый парадокс «дихотомия», о котором сообщают не только Аристотель и Симпликий, но также и Филонин и Фемистий (см. 29 A 25 Diels — Kranz, а также Lee. Op. cit. P. 42—49).

¹⁰ Можно только удивляться тому, как мало внимания привлекала эта грубая (но насколько эффективная!) ошибка в литературе о Зеноновских парадоксах.

Возьмем другой парадокс, касающийся пространства, парадокс, несомненным достоинством которого является то, что он привлекает внимание к действительно трудной проблеме. Зенон доказывает, что, если материальные объекты содержатся в пространстве, тогда пространство должно было бы выполнять функцию вместилища и, следовательно, быть само объектом *sui generis*. Отсюда смущающий вопрос: какое вместилище будет в свою очередь содержать пространство? Если бы пространство содержалось в метапространстве, разве не следовало бы постулировать дальнейшее метавместилище, и так далее до бесконечности? Разве все это не является чистым абсурдом ¹¹?

В этом случае, поскольку функцию вместилища действительно трудно исключить из понятия пространства, придется признать, что поставленная проблема является реальной. Но раз уж мы признали за парадоксом подобное (немаловажное) достоинство, не следует ли признать, что он обращает наше внимание на настоящую интеллектуальную задачу? Помоему, нет, потому что ничто нас не заставляет уподоблять пространство простому вместилищу (чему-то вроде коробки). Уже интуитивно ясно, что пространство как вместилище сильно отличается от обычных вместилищ, а следовательно, если даже мы признаем, что не можем уточнить далее природу пространства, мы не обязаны представлять себе его как вместилище, которое должно в свою очередь содержаться в потенциально бесконечном ряде метавместилищ.

Следовательно, в данном случае впечатление парадоксальности основывается на простой игре аналогий. Загвоздка в том, что скрывается наличие в подчеркнутых аналогиях специфических дисаналогий, несходств. Фактически достаточно упустить из вида наличие дисаналогий, чтобы оказаться в плену потенциально бесконечной последовательности пространств второго, третьего, *n*-го порядка, и испытать при этом нечто вроде головокружения. Однако достаточно обратить внимание на дисаналогии, чтобы больше не испытывать смущения от таких аналогий. Стало быть, важна не проблема сама по себе, важны способ ее изложения, использование внушения, умение отвлечь внимание слушателя от несходств и направить его только на подобия. В свою очередь, внимание слушателя может быть эффективно ориентировано в желаемом направлении благодаря краткости, с которой сформулированы условия парадоксов (в действительности достаточно быть чуть аналитичнее при рассмотрении аналогий, чтобы уничтожить всю суггестивность такого аргумента).

Разве что Зенону нужно обратить эти соображения в парадокс, ибо иначе ему не доказать, что общее понятие пространства глубоко противоречиво или по крайней мере абсурдно, иррационально, неправдоподобно. Если бы он ограничился тем, что доказывал, что природу пространства чрезвычайно трудно уточнить, он бы не достиг своей цели. А потому он использует все свои диалектические способности, чтобы раздуть условия проблемы и превратить вопрос, на который он пока не может найти адекватный ответ, в абсолютно немислимое понятие.

Столь же неправомерный переход налицо и в парадоксе стрелы. На самом деле, чтобы можно было утверждать, что стрела неподвижна в течение своего полета (от лука до цели) ¹², Зенон должен прибегнуть к незаконной подмене утверждения «стрела занимает всегда часть простран-

¹¹ Источники (еще раз Аристотель и Симпликий, но последний цитирует Эвдема) приведены в 29 A 24 Diels — Kranz.

¹² См. источники: 29 A 27 Diels — Kranz; *Lee. Op. cit.* P. 52—55.

ства, даже когда находится в движении» словами «стрела пребывает, стоит в определенной части пространства (и следовательно, не может находиться в движении)». Разумеется, если какой-то предмет занимает часть пространства, он в каком-то смысле там, в этой части пространства, находится; но если он занимает эту часть пространства во время полета, то он должен находиться там во время полета, в то время как он движется, а не «пребывать» в ней в положении покоя.

Еще раз выражение «быть в положении *secundum quid*» подменено выражением «быть в положении *simpliciter*», и только риторика, в худшем смысле этого слова, позволяет Зенону скрыть от нас столь значительное и релевантное отличие, иначе говоря, ничем не выдать тот факт, что он произвел столь непроверенную подмену. Это не означает — вряд ли это нужно добавлять, — что вопрос о том, как можно себе представить и описать это непрекращающееся занятие части пространства даже во время движения, лишен интереса, но парадокс возникает только тогда, когда вместо этой трудности нам преподносят нечто непредставимое и невыносимо абсурдное.

Другой яркий образец риторической манипуляции, использованный, по-моему, в парадоксе «стадий», заключается в расположении, приписанном трем рядам пространственных единиц. Проблема здесь в том, что гипотетическое продвижение на одну единицу равнозначно другому, но двойному, продвижению на одну единицу (при той же скорости), но наше недоумение сохраняется только, откуда мы некритически воспринимаем стадию (стадион) в качестве агонистического сооружения и отождествляем первый ряд пространственных единиц (неподвижные А) со зрителями, сидящими на ступенях или на трибунах, или вообще вдоль края стадиона. Но как только подобная ассоциация идей (со следующими из нее воображаемыми связями) ослабевает, обнаруживается, что нет необходимости помещать в промежуточном положении между двумя другими ряд всех В (которые считаются в движении), когда это можно сделать с рядом всех А (которые предполагаются неподвижными), и это сразу рассеивает впечатление парадоксальности, на котором Зенон основывает аргумент «стадия». В самом деле, без обманчивого соотнесения с архитектурной и функциональной схемой стадиона здесь просто не было бы парадокса и Зенон не смог бы не отказаться от воображаемых или условных связей (традиционного периферийного расположения зрителей), т. е. от неподходящей модели, долженствующей придать интуитивное, но ошибочное правдоподобие его доказательству.

С логической точки зрения не имеет никакого значения, воображается ли ряд пространственных неподвижных единиц в качестве внешнего или промежуточного относительно двух других подвижных рядов, но с точки зрения риторического аргумента нет ничего важнее, чем помешать, чтобы всем А каким-либо образом приписали какое-либо положение (в том числе и промежуточное). Итак, в отсутствие какого-либо достаточного основания, чтобы заставить читателей и комментаторов представить себе всех А как внешних относительно ко всем В или ко всем С, какой может быть лучший суррогат, какое лучшее «недостаточное основание» можно найти, как не агонистическая практика, которою, помимо всего прочего, греки так гордились? Мы имеем в парадоксе «стадий» доказательство того, что кроме любознательности в нем явно действует и несомненное намерение ввести в заблуждение, и заинтересованность в дезориентации слушателя, и умение найти незаконную аналогию, настолько ясную и знакомую, что она бьет в цель почти безошибочно — и с каким успехом, судя по почти

полному молчанию критической литературы¹³ относительно возможности другого расположения всех А!

Разве это не сокрытие? Разве Зенон не уничтожает таким образом альтернативную гипотезу, которую иначе следовало бы принять во внимание?

И впрямь, достаточно напомнить о традиционных состязаниях, происходивших на стадионах, чтобы оказаться перед лицом порождающей недоумение ситуации; однако достаточно их не напоминать или, точнее, считать, что аналогия со стадионом, помимо своей пояснительной функции, не предполагает никакой особой обязательности в том, как мы представляем себе все три ряда пространственных единиц, чтобы вернуть себе способность принимать во внимание и альтернативное графическое представление, которое неизбежно рассеет всякое впечатление парадоксальности. И это даст нам немаловажное преимущество, ибо переход от непарадоксальности к парадоксальности и наоборот становится вполне осуществимым, процессу придается высокая степень обратимости, удается установить с некоторой точностью сами способы порождения (впечатления) парадоксальности и, следовательно, раскрыть пример за примером уловки, усиливающие (или умягчающие) суггестивность парадокса, т. е. аргумента, специально созданного с намерением заручиться самым широким согласием.

4. КАКОВА РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ?

Эти примеры, как и другие, которые можно было бы привести, свидетельствуют о единообразной стратегии и хорошем согласовании уловок, относящихся к разным уровням. «Риторика антириторики» здесь впервые робко заявляет о себе; использование макрориторических ухищрений делает почти неизбежной капитуляцию читателя.

Заметим для начала, что риторические ухищрения, которые мы только что рассматривали, являют нам систематическое применение ассоциаций идей, которые только с внешней стороны могут считаться проявляющимися смыслом и релевантными. Упоминание стадиона претендует на чисто объяснительную функцию, но в действительности скрывает от нас возможность расположить все А вдоль промежуточной линии относительно всех В и всех С. Аналогия между пространством и вместилищем способствует сокрытию внушительного их несходства, которое все же существует. Аналогия между черепахой и Гектором, который бежит вокруг стен Трои, отвлекает нас от мысли, что, не будь траектория бегуны прямолинейной, Ахилл мог бы направиться ей наперерез. Отнесение данного примера к седой и наивной древности удерживает нас от всяческих оговорок о способе, коим Ахиллу следовало бы приготовиться к бегу, и обращает просто воображаемую и условную зависимость в достаточное основание. Зенон прибегает к двусмысленности и тогда, когда говорит о стреле, которая якобы всегда занимает какое-то пространство, даже в те краткие мгновения, когда летит к цели, равно как и о бегуне, который никогда

¹³ Единственное исключение, о котором мне известно, — графическая схема, предложенная Ф. А. Шамси в его ценной работе о Зеноновских парадоксах (*Shamsi F. A. Zeno's Paradoxes: Towards a Solution at Last // Islamic Studies. 1972. V. XI. P. 125—151 [p. 142]*). Удивительно, что введение такого варианта, лишающего парадокс стадиона всякой специфичности, не внушило исследователю ни малейшего подозрения, а с другой стороны, что он тем не менее превращает его в пример проблемы, связанной с относительностью движения. Также и В. Рёд (*Röd W. Die Philosophie der Griechen. Bd 1. München: Beck, 1976. S. 136*) помещает все А между всеми В и всеми С, ничуть не замечая, как это «опасно».

не сможет преодолеть тот бесконечный ряд микроотрезков, на которые можно разложить все расстояние его бега. Он использует, следовательно, интуитивную возможность представить себе предложенную им аналогию, чтобы затем придать значение не тому аспекту, благодаря которому ее еще можно считать приемлемой (например, идею, что пространство более или менее сопоставимо с вместилищем), а другому, обманчивому аспекту (как-то: игнорирование всех различий между пространством и каким-либо другим, более обычным и знакомым вместилищем). Короче, он производит подлог, при помощи которого убедительность определенной аналогии или ассоциации используется, чтобы доказать связь иного рода и перенести на нее то правдоподобие, которое, строго говоря, свойственно не этому, а первому аспекту рассмотренной аналогии. Аналогия со стадионом, например, выполняет роль настоящего троянского коня, единственное назначение которого — запутать мысли читателя.

Чтобы не подточить, а еще более усилить эффективность этих уловок. Зенон использует удивительное сочетание двух взаимоисключающих макрориторических приемов: с одной стороны, типично горгиевской уловки, состоящей в провозглашении многочисленных (хорошо между собою связанных) парадоксов в быстрой последовательности — так, чтобы не оставить читателю времени сконцентрировать внимание на отдельных местах, не предоставить ему пауз для размышления и подвергнуть его некоторой ошеломляющей его перегрузке; и, с другой стороны, уловки, которые мы скорее связываем с фигурой Сократа, а именно — использования до того простых ситуаций, что читатель почти сразу теряет всякую бдительность, как если бы ему предстояло решить пустяковую задачку.

Ясно, что эти три типа ухищрений — вводящая в заблуждение аналогия, усыпляющая бдительность простота, быстрая последовательность парадоксальных утверждений и подкрепляющих их аргументов — располагаются на разных уровнях (мы могли бы также сказать: концентрическими кругами). Единственная аналогия служит доказательством утверждения; утверждение формулируется так, чтобы внушить, будто речь идет о чрезвычайно легком вопросе; требующие доказательства утверждения и сами доказательства преподносятся в виде нескольких сжатых тезисов.

Что в презумпции элементарности вопросов, которые ставит Зенон, мы имеем зачаточную форму «риторики антириторики», это мне кажется интуитивно достаточно очевидным. Что касается микрориторики, достаточно будет заметить, что если понимать под нею использование таких приемов, как вариация, число и та же метафора¹⁴, то очевидно, что Зенон использует не этот тип риторики. Вместо стилистических украшений и терминологической изысканности он скорее прибегает к макрориторическим уловкам, каковые, кроме всего прочего, почти всегда имеют целью убедить, понравиться, доставить удовольствие и в некоторой степени обвести адресата сообщения таким образом, чтобы вырвать у него то согласие, в котором иначе он мог бы отказать. Учитывая экстравагантность утверждения, в подтверждение которого Зенон организует свою батарею парадоксов, последние вряд ли могли бы добиться успеха при помощи формальных тонкостей, которые служат чем-то вроде доводки последней

¹⁴ Ср. подобное же противопоставление, введенное Р. Маккеоном между «словесной риторикой» и «архитектурной риторикой» (*Rhetoric: Essays in Invention and Discovery* / Ed. with an Introduction by M. Backman. Woodbridge CT, Ox Bow Press, 1987. P. 1—12). Тот же автор более чем кто-либо занимался поиском в западной риторической традиции весьма многочисленных примеров внимания ко всему тому, что выходит за рамки чистой «словесной риторики» (или микрориторики).

ретуши, речевой единицы, благодаря которым усиливается, но отнюдь не обеспечивается правдоподобие, приемлемость того, в чем говорящий желает убедить нас. Стало быть, чтобы придать вероятность, а то и неопровержимую достоверность тому, чего никак утверждать нельзя, чтобы заставить получателя сообщения одобрить утверждение без истинного его понимания, нужно обязательно как-то притушить его способность к критике, сбить его с толку, не дать ему ясно осознать те двусмысленности и подлоги, которые, однако, налицо; и таким образом, чтобы привести его в нужное состояние.

Зенон пытается достичь этой цели, побуждая своего читателя не придавать слишком большого значения частностям и стараясь нейтрализовать его вполне предсказуемое недоверие. «Горгиевская» уловка помогает достичь первой цели, «сократическая» — второй. Речь идет, очевидно, о решительно функциональной стратегии, о стратегии, макрориторический характер которой очевиден, даже если неизбежно возбуждает достойное внимания остаточное недоумение.

И действительно, здесь вроде бы заметно чрезмерное и тем самым подозрительное отступление от логики в пользу риторики. Не рискуем ли мы, разоблачив риторические уловки, потерять из виду логическую суть этих же аргументов, вплоть до превращения их в нечто туманное, нерелевантное и просто несуществующее? Не скрывается ли под всеми этими надстройками некий каркас, некое исключительно логическое по своей природе *hurokeimenon*?

В действительности, как нам уже приходилось подчеркивать, такие опасения лишены оснований, ибо речь идет не столько о принятии поддающихся логическому анализу доказательств, сколько о последующей манипуляции с ними, об их выборочном — и следовательно, более тенденциозном — применении к данному утверждению, не для того, чтобы его проверить, а чтобы заставить любой ценой принять. Первоначальное обнаружение парадокса может иметь самые разные причины, но его сознательная обработка, имеющая целью добиться от большого числа людей быстрого признания неопровержимости парадокса, возможна лишь путем отбора того, что следует выявить, и того, что скрыть, того, что требуется сказать, и того, что внушить. Она к тому же предполагает сознательное желание удивить и сбить с толку и, стало быть, является частью замысла коммуникативного взаимодействия, в котором логические схемы имеют не больше значения, чем чисто синтаксические. Говорящий ими пользуется, но не на них он строит парадокс: только риторические надстройки способны помочь ему добиться согласия.

MACRO-RHETORICAL DEVICES IN ZENO'S PARADOXES

Livio Rossetti

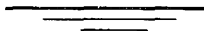
Hardly a paradox could arise without a strategical organization of the context where, as the speaker is prepared to show, a paradoxical state of affairs is concealed and deserves to be carefully taken into account. Only a one-sided way of putting the matter can impress a certain audience («brevity is the soul of a wit»), and it goes without saying that that hardly has anything to do with verbal rhetoric (or micro-rhetoric), i. e. stylistic features of a given text. But insofar as we equate rhetoric with mere stylistic cleverness, we risk to assume that where no stylistic preciosity may be found, no dubious move has to be detected within a certain communicational unit.

Therefore, it is time to detect the role played by macro-rhetorical devices in Zeno's paradoxes.

I begin my analysis by improving upon an idea of Gilbert Ryle in order to detect the kind of concealment and imperceptible shift which seems to preside over the «Achilles», then other paradoxes are scrutinized.

Three typical moves seem at work: unauthorized shift from a feasible task to another which admittedly cannot be accomplished (so that from the impossibility of the latter Zeno may wrongly infer the impossibility of the former), unauthorized generalization (i. e. a shift from what is true under certain conditions to what may seem true even outside these boundaries), onesidedness in concentrating upon a certain analogy much as if there were no relevant dis-analogy.

But even more crucial are the devices owing to which readers are currently lead to pay attention to what is irrelevant, rather than to the truly pertinent features of each story, and I try to uncover these concealing strategies (which are eminently rhetorical in character).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ИРЛАНДИИ

За последние два с лишним десятилетия исследований не было опровергнуто ни одно из установочных положений, содержащихся в краткой, но весьма плодотворной работе К. Джексона, посвященной значению раннехристианской письменной традиции Ирландии для понимания истории железного века кельтских народов как в самой Ирландии, так и за ее пределами¹. Сейчас становится более ясным, что в силу особых условий функционирования этой традиции храняемая ею информация иногда проливает свет на времена еще более отдаленные, чем Ирландия начала нашей эры или Галлия времен Цезаря. Так, в отношении последней по целому ряду деталей, постепенно складывающихся в целостную картину, можно предполагать, что референтом ирландской традиции (конечно, лишь в некоторых частях, ибо как таковая, она порождение своего и только своего времени) будет скорее эпоха раннего латена, как ее можно представить себе по археологическим данным². Хотя пока что сферы сравнительного анализа достаточно узки, нет сомнения, что они будут постоянно расширяться. Понятно, насколько важно для этого представлять себе, что именно в ирландской истории и письменных памятниках менялось в наибольшей степени, а что, в силу особых условий социального развития, было более консервативным. Еще важнее подобная оценка при обращении к духовной культуре кельтов, их религии и мифологии, для которых ирландские тексты являются опять же единственными письменными памятниками «внутреннего» происхождения (не стоит забывать, естественно, о существовании валлийских, но также и о том, насколько они менее информативны). Если данные о социальном устройстве общества, быте, вооружении и т. п. неоднозначно отражены в источниках в силу изменчивости самой жизни, то круг мифологических представлений и религиозных верований архаической Ирландии подвергся в определенную эпоху резкой и сознательной деформации, как раз и сопровождавшей момент рождения письменной традиции в эпоху сразу после христианизации острова. Таким образом, в этой области мы имеем дело с гораздо менее объективной информацией, которую очень непросто использовать для исторических реконструкций.

В последнее время сделано много удачных попыток облегчить решение такой задачи. Внимания заслуживают прежде всего работы П. Мак-Кана, наметившие критерии выделения различных уровней ранних текстов с точки зрения их соотношения с устной, языческой в своем существовании, традицией. За общим представлением о «христианской редакции» архаи-

¹ Jackson K. The Oldest Irish Tradition: a window on the Iron Age. Cambr., 1964.

² Ссербин-Чайков Н. В. К вопросу об историко-археологической основе некоторых архаических стереотипов // ВДИ. 1987. № 4. С. 141—152.

ческой культуры удалось увидеть конкретные принципы обращения с ней монастырских *literati*³. Корпус текстов стал для нас гораздо менее аморфным, в нем четче проступили границы между записью устных версий, обработанными пересказами составителей рукописей и их собственным литературным творчеством. Исследования древнеирландской поэтики позволили определить древнейшие пласты текстов и отраженные в их эволюции перемены в судьбе различных групп носителей традиции⁴. Вместе с тем эта последняя проблема и связанный с ней важнейший вопрос о переакцентировке сохранившегося материала традиции в христианское время не может быть решен чисто филологическими методами, и продолжение исследования его на другом материале и с привлечением других источников никогда не перестанет быть желательным. В настоящий момент мы хотели бы предложить некоторые соображения по этому поводу, отдавая себе отчет в их гипотетичности и необходимости более обширного исследования.

Утверждение христианства в Ирландии в середине V в. стало этапом в истории всего кельтского мира, где не осталось больше района, культура которого питалась бы лишь собственными вековыми традициями. Избежав военной экспансии, Ирландия покорилась экспансии духовной, причем случилось это на редкость мирно и безболезненно. Подобные утверждения уже давно стали общим местом специальных и общих работ и доказательств практически не требуют. Действительно, ирландские святые — не мученики, а верующие острова поклонялись не их останкам, а книгам, колокольчикам, посохам великих проповедников и чудотворцев, основателей монастырей и первых епископов. Величайший из них — Св. Патрик, который в конце своей полной приключений жизни обратил в христианство жителей Ирландии.

Проспер Аквитанский, бывший современником описанных им событий, отмечал, что в 431 г. папа послал некоего Палладия в Ирландию к тем из ее жителей, которые исповедовали христианство. Более поздние ирландские источники помечают прибытие на остров Св. Патрика в 431 г., а его смерть одни — 463 г., другие — 493 г. Эти расхождения и ряд других моментов вызывали многочисленные споры о личности Патрика, в которых все еще не уравновешены противоположные мнения⁵. И все же благодаря «Исповеди» Патрика — сочинению, подлинность которого сейчас не оспаривается, и данным ирландской агиографии (первые свидетельства которой о Патрике — тексты Тирехана и Муирку — по крайней мере на двести лет отстоят от событий, но сохранили много важных данных) мы можем сейчас получить представление о том, что с какой-то точки зрения важнее всего — климате эпохи.

Свидетельство Проспера (и не только оно) позволяет утверждать, что и до прихода Патрика на острове имелись христианские общины. Располагались они в основном на юге — землях племен Корку Лоэгде, Осрайге и Десси. Тамашние монастыри в христианское время чтили своих святых-основателей. Жития некоторых из них были составлены, кстати говоря, в более позднюю эпоху, когда легенда о Патрике уже окончательно

³ *MacCana P.* Mythology in Early Irish Literature // *Celtic Consciousness* / Ed. R. O'Driscoll. Mountrath, 1981. P. 143—154; Conservation and Innovation in Early Celtic Literature // *Etudes Celtiques*. 1971. 13.

⁴ *Калыгин В. П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1987 (см. там же библиографические указания).

⁵ Литературу вопроса см. *Binchy D.* Patrick and his biographers // *Studia Hibernica*. 1962.

но оформилась. Это привело к тому, что такие святые, как Ибар, Айлбе, Киаран и другие, сделались современниками Патрика, признавшими его духовный авторитет ⁶. Но как бы ни распорядилась традиция взаимоотношениями между ранними святыми Ирландии, ее сведения отражают реальность: все предшествующие элементы христианизации острова вписались в развитие, переломным моментом которого была первая половина V в. До этого времени христианство в Ирландии оставалось маргинальным явлением, после — стало доминантой культурного развития. Понятно, насколько важно установить, почему это произошло.

В своей «Исповеди» Патрик отмечал, что на пути обращения жителей острова в новую веру он был ежечасно готов к мученичеству. Между тем нет никаких указаний на то, что оно ему когда-нибудь грозило. Патрик совершенно беспрепятственно двигался по центральному и северным королевствам страны и, по его собственному признанию, встречал поддержку множества мелких племенных королей, отводивших ему землю для строительства храмов, которые сразу же привлекали множество обращенных. Немалое количество из них уже в то время стремились к монашескому служению, хотя монастыри еще не приобрели в первое время той роли, которую они играли в дальнейшем. Конечно, победа христианства не была мгновенной. Современник Патрика, верховный король Ирландии Лозгайре, по всей видимости, новой религии не принял ⁷ (хотя, по традиции, это сделал его привратник), и еще более ста лет его преемники продолжали устраивать так называемый праздник Тары, где находилась их резиденция, — традиционную церемонию, укреплявшую законность королевской власти и гарантировавшую благополучие ее и жителей острова. Последним королем, при котором она состоялась, был, как считается, Диармайт, сын Кербайла, и случилось это в 560 г. По многим признакам можно заключить ⁸, что Диармайт был одним из последних влиятельных приверженцев старины. Он вызвал небывалый гнев ирландских клириков, один из которых, Св. Руадан, проклял языческую столицу, Тару, а другой — знаменитый Св. Колумкилле — вознес молитву о гибели короля. Смерть действительно настигла Диармайта, ибо он пал в бою в 561 г., и с тех пор мы не знаем больше ни об одном ирландском верховном короле — язычнике.

На резном кресте в монастыре Клонмакнойс изображены клирик и воин с мечом, соединившие руки, основывая этот известный центр ирландской духовной жизни и учености. Фигуры эти символичны, ибо, как мы видели, сопротивление христианству в Ирландии было недолгим и неосновательным. Этот с давних пор самоочевидный факт слишком часто, однако, оставался без объяснений, которых он, по нашему мнению, требует. Но сначала придется упомянуть еще несколько известных фактов из истории ирландского христианства. Прежде всего, и это никогда не переставало удивлять исследователей, ирландцы, до того мало подверженные внешним влияниям, не только быстро усвоили новую веру, но и стали одними из самых рьяных ее проповедников в Европе (ирландские миссионеры доходили до Киева). Правда, и это очень важно, христианство в Ирландии сразу приняло отличный от континентального или британско-

⁶ *Kenney J. Sources for the Early History of Ireland. N. Y., 1966; Sharpe R. Quatuor Sanctissimi Episcopi // Sages, Saints and Storytellers, Celtic Studies in Honour of Prof. James Carney / Ed. D. O'Corrain etc. Maynooth, 1989. P. 376 ff.*

⁷ Правда, один из авторов раннего жития Патрика придерживается противоположного мнения.

⁸ *De Paor L., De Paor M. Early Christian Ireland. N. Y., 1960.*

го облик. Это выражалось и в особой форме тонзуры ирландских монахов, и в отличном от римского и долго удерживавшемся исчислении пасхального цикла, но прежде всего в непохожем на обычный типе организации церкви. Отличительной ее особенностью стали монастыри и их сообщества, как говорили ирландцы, «семьи».

Складывание этой структуры пришлось на VI в. Как можно предполагать, в течение этого столетия тип церковной организации, насаждавшийся Патриком (обычный, основанный на диоцезах и власти епископов), исчез совершенно. Наиболее распространенным объяснением этого факта служит утверждение, что в Ирландии он и не имел почвы для развития, прежде всего в силу отсутствия городов, на структуру которых опиралась церковь в других землях. Это действительно так, но можно привести примеры и других северных областей, находившихся в этом смысле в сходном с Ирландией положении и тем не менее усвоивших традиционный порядок структуры церкви. К упомянутому соображению нередко добавляются другие, варьирующие тезисы об «исконном» пристрастии ирландцев к уединенной жизни и аскезе, влиянии на ирландскую духовную культуру восточных (сирийских и коптских) образцов, знакомство с которыми осуществлялось через Западное Средиземноморье и Испанию. Все эти обстоятельства отвергать невозможно, но вряд ли разумно ими и ограничиваться.

Нам практически неизвестны первые опыты устройства монастырских сообществ, и все позволяет думать, что они сразу же обнаружили устойчивость и укорененность в местной среде⁹. К концу VI в. в Ирландии уже не было сколько-нибудь значительных внемонастырских храмов, а само число монастырей (иногда мужских и женских одновременно) достигло весьма значительного числа. Они, как уже сказано, группировались по «семьям», включавшим обители, чтившие общего святого-основателя. Власть главы монастырской общины проистекала, как считалось, из наследственного права по отношению к этому святому, причем признание кровного родства, иначе говоря, практика выбора настоятеля из определенного рода была обычным явлением. В этом смысле она мало чем отличалась от нормальной процедуры избрания королей различных рангов. Сообщества монастырей первых времен христианства очень органично вписывались в местные и общеирландские социальные структуры. Каждый из монастырей занимал определенное место в рамках мелких королевств и пользовался внутри них точно определенными привилегиями, распространяя на жителей покровительство святого-основателя, а с другой стороны, постоянно ориентировался на родственную ему «семью», связанную распределением общих доходов, культом и миссионерской деятельностью.

Итак, сообщества монастырей, как уже не раз отмечалось, наследовали многовековые традиции социального развития ирландского общества с его децентрализацией и в то же время прочными и общими для всего острова культурными традициями. И все же, как нам кажется, лишь одно это не может объяснить столь быстрое формирование структур и духовной атмосферы ирландской церкви. Создается впечатление, что она воспользовалась чем-то вроде готового образца, заполнила некий вакуум. Оставить его после себя могло лишь одно сообщество — юридическое.

Мысль эта высказывается нами сейчас в виде гипотезы, хотя сама по

⁹ Из недавних работ на эту тему см. *Herren M. Mission and Monasticism in the Confessio of Patrick // Sages, Saints and Storytellers... P. 76 ff.*

себе, как будет показано ниже, она не нова, ибо появилась у Ж. Доттена — одного из первых серьезных исследователей этого знаменитого сословия, многократно описанного античными авторами и раннеирландскими текстами¹⁰. Вся сложность понимания его роли и функций в кельтском обществе заключается в отсутствии каких-либо подлинных свидетельств, исходящих изнутри этой по всем данным могущественной касты кельтских жрецов, магов и прорицателей. Известно, что, как и у индийских брахманов, сохранность и передача их доктрины покоились только на устном слове, которое никогда и никем не было записано. Вне такого рода данных исследователи были и будут безнадежно ограничены косвенными источниками, тенденциозная направленность и ограниченная информированность которых очевидны. Между тем в некоторых пунктах все источники сходятся и, следовательно, вряд ли искажают действительное положение вещей. Это касается главным образом роли, которую играли друиды в кельтском обществе на островах и на континенте в эпоху независимости. Типичен пассаж Диона Хризостома: «И без них не было позволено царям ни делать что-нибудь, ни принимать какие-нибудь решения, так что в действительности они управляли, цари же, сидевшие на золотых тронах и роскошно пировавшие в больших дворцах, становились помощниками и исполнителями воли их»¹¹. Ирландские тексты пестрят упоминаниями о том же самом, говоря, в частности, что короли могли высказываться по важным вопросам только после своих друидов. Сведения подобного рода можно без труда умножить, и так как они прочно вошли в обиход, мы отсылаем к специальным работам¹². Отметим, что они прекрасно согласуются (в рамках общепризнанного теперь положения о наилучшей сохранности архаического фонда культуры на периферии индоевропейского мира) с данными индийской традиции, где влияние жреческого сословия покоилось на всеобъемлющей ритуализации общественной жизни (в частности, отправления королевской власти). Друиды также обеспечивали правильное исполнение ритуалов, регулировавших нормальное течение жизни во всех ее проявлениях. Исходя из той роли, которую играла в ирландском обществе сакральная королевская власть¹³, можно думать, что ее ритуальная регламентация была исключительно важной. На этом, а не на политическом соперничестве с властью, и покоилось влияние друидов. «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии», — пишет Цезарь.

Как мы уже говорили, несмотря на многочисленность и важность дошедших до нас сведений, ни одно из них не принадлежит к внутреннему пространству традиции, которая проявилась для нас лишь в тот момент, когда претерпела решительные и необратимые изменения. Совершались они, правда, в неодинаковых условиях. В Галлии после римского завоевания друиды подверглись открытым преследованиям власти и их богослужение было официально запрещено. Хотя есть данные, что друиды исчезли здесь не сразу и не окончательно, само существование подобного

¹⁰ См. последнее обширное исследование вопроса (по нашему мнению, во многом спорное): *Le Roux F., Guyonvarc'h Chr. Les Druides*. P., 1986; а также *Широкова И. С. Кельтские друиды*. Л., 1984.

¹¹ *Dion Chrys. Or. XLIX*.

¹² Библиография в цитированных выше работах.

¹³ *Binchy D. Celtic and Anglo-Saxon Kingship*. Oxf., 1970; *Dillon M. The Taboos of the Kings of Ireland* // *PRIA*. 1951. LIV. СГ; *Безрогов В. Г. К вопросу о ритуальном поведении короля в раннесредневековой Ирландии* // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков*. Л., 1986. С. 5—16.

сословия было совершенно несовместимо с жизнью римской провинции. Понятно, что в Ирландии, не знавшей внешнего политического и культурного давления, ситуация априори не могла быть столь однозначной. От ее прояснения зависит решение всего вопроса о преемственности традиции и, следовательно, о возможности реконструкции ранних ее этапов, не освещенных письменными источниками. Впрочем, речь идет не только о письменных памятниках. В Галлии, к примеру, основные сведения о кельтской религии содержат скульптура и надписи эпохи романизации, понимание которых зависит от признания самой возможности или невозможности отражения в них целостного мировоззрения, олицетворявшегося в доримскую эпоху именно друидами. Вопрос этот для Галлии решается отрицательно, что в существенной мере влияет на понимание всего галло-римского синтеза.

Исчезновение друидизма в Ирландии далеко не столь понятно, и именно этот, по нашему мнению центральный, вопрос остается сейчас наименее проясненным. Имея сравнительно мало данных, исследователи большей частью уходят от его решения. Совершается это двумя путями. Первый состоит в том, чтобы затуманить само значение проблемы. После христианизации «значение друидов стало быстро падать» и «они постепенно превратились просто в знахарей и колдунов», констатирует исследовательница, этим и ограничиваясь, а значит, и вступая в явное противоречие с тем, что пишет она сама по поводу исключительного веса и могущества этого сословия, вряд ли исчезнувшего само по себе, просто отступившего перед самоочевидным перевесом новой религии ¹⁴. Второй путь несравненно более сложен и связан с признанием той совершенно особой культурной атмосферы, которая сложилась в Ирландии после христианизации. Общеизвестно, что нигде больше христианство не было столь терпимо к наследию языческой эпохи. В ирландских монастырях в огромном количестве переписывались саги, многие из которых были вековым достоянием традиции: не был наложен запрет на имена языческих богов и многие сказания о них, с монастырскими школами уживались школы поэтов-филидов, приспособлявшихся к новым временам приемы и темы, во многом унаследованные от прошлого. «Христианская редакция» язычества (по выражению П. Мак-Кана) бесспорно имела место ¹⁵, но уже давно стало традиционным подчеркивать ее мягкость и неоднозначность. Признано также, что материалы ирландской культуры могут оказать неоценимую помощь при анализе общекельтского наследия, в частности культуры континентальных племен. Этапом на этом пути стала книга М. Сьестедт, за которой последовали другие разноплановые работы ¹⁶. Все это неоспоримо, но, как ни парадоксально, признание упомянутых выше реальностей иногда затемняет понимание вопроса, хотя в то же самое время и проясняет его. Наличие в письменных памятниках большого количества языческого материала делает весьма соблазнительным проведение прямых аналогий между дохристианской и христианской эпохами и молчаливое признание того факта, что наследие друидов (если не все, то хотя бы в большой своей части) было воспринято другими культурными слоями и в измененном виде продолжало жить и после V в. Речь идет не столько об элементах, сколько о целых комплексах представлений язы-

¹⁴ Как следует из ряда работ (см., в частности, *Широкова. Ук. соч.*).

¹⁵ *MacCana. Op. cit.* Проблема эта является центральной практически в любом труде, посвященном рассматриваемой эпохе.

¹⁶ *Sjoestedt M.-L. Dieux et Héros des Celtes. P., 1940*, хотя, естественно, к этой проблематике обращались и ранее.

ческого времени. Бесспорные и многочисленные следы язычества в ирландской традиции как бы наводили на прямые параллели с его целостным миром дохристианской эпохи.

«В высшей степени важно иметь в виду, что эти легенды (ирландские. — *С. III*.) создавались теми, кто унаследовал традиции друидов», — писал Р. Лумис, суммируя на страницах своего интересного труда многочисленные наблюдения, позволяющие, как ему казалось, выявить общую основу нескольких сходных персонажей (Кухулина и Ку Рои, к примеру), восходящих к древнекельтским божествам солнца, грома и т. д. В этой важной работе отчетливо сквозит мысль, что наследие друидов было воспринято позднейшими носителями культуры, преобразовано и как бы растворено в традиции, так что задача исследователя состоит в своего рода обратном восхождении от разрозненных фрагментов традиции к ее предшествующему системному состоянию. Это казалось Лумису настолько естественным постулатом, что не требовало специального обоснования¹⁷. Как одно из следствий такой позиции появлялась возможность рассматривать фрагменты традиции вне их контекста, сюжетной и парадигматической основы повествований — цель была в том, чтобы сопоставить их между собой.

По-иному воспринимал ирландскую традицию и приходил к другим результатам А. Г. Ван Хамель¹⁸. Исходя, видимо, из недоверия к упрощенному отрыву от персонажей их конкретных свойств и своего рода «вылепливанию» новых, якобы древнейших их единств в фигурах кельтских божеств, он двигается именно от текстов и стремится определить прежде всего их структуру и функциональную направленность. Не находя здесь ничего или почти ничего, что намекало бы на существование кельтского Олимпа и устойчивые взаимосвязи его обитателей (что Лумис и близкие к нему исследователи относили за счет деформации древних верований), Ван Хамель приходит к выводу, что подобные «высшие» формы религии были в принципе не свойственны кельтам или по крайней мере ирландцам, у которых могли быть верования, «низведенные к более примитивным стадиям среди населения, покинувшего свои древние места обитания и расселившегося на островах»¹⁹. По Ван Хамелю, главным в них были своего рода «парадигматические легенды», по которым ирландцы постигали азбуку мира и своего поведения в нем. Прекрасно понимая, что к такого рода легендам в любом случае не сводимо разнообразие ирландской традиции, доминанту ее Ван Хамель видел именно здесь.

В качестве примера можно было бы привести не только описанные здесь взгляды, но и «историческую критику» О'Рахилли, а также мнения ряда других ученых, но довольно и сказанного. Понятно, что при всем несходстве методов и результатов исследования стоящие за ними взгляды в действительности строятся на совершенно совпадающих постулатах: признании существования у кельтов некоей системы мифологии наподобие классической в качестве референта и принципиальной преемственности традиции между дохристианской и христианской эпохами. Потеря части информации или ее искажение при переходе между ними признается, но перерыв традиции или ее части подразумевается невозможным. Вопрос о судьбе друидического сословия как-то сам собой уходит и здесь на второй план.

¹⁷ Loomis R. S. *Celtic Myth and Arthurian Romance*. L., 1938.

¹⁸ Van Hamel A. G. *Aspects of Celtic Mythology*. 1934.

¹⁹ Van Hamel. *Op. cit.* P. 7 ff.

Нам кажется, что такая позиция неверна, и определиться в этом вопросе необходимо, несмотря даже на недостаток источников. К тому же возможно, что после этого «заговорят» такие источники, которые раньше рассматривались изолированно от нашей проблематики. Оговоримся, что пока многое из нижесказанного может быть принято лишь в качестве гипотезы, однако, как нам кажется, гипотезы, позволяющей согласовать и осмыслить многие явления ирландской истории и культуры. Сделав это, мы получим и более прочные основания для сравнительного анализа культуры различных кельтских областей на островах и континенте.

Уже говорилось, что успех деятельности Св. Патрика и последующее укрепление церкви в центральных и северных частях острова было облегчено позицией местных племенных королей, правителей подчас весьма небольших объединений, и стоящего, как можно думать, за ним военно-аристократического сословия. Пойдя дальше, можно предположить, что этот слой и явился той силой, которая была напрямую заинтересована в совершающихся переменах. Сильная корпорация жречества сделалась для него к этому времени помехой и тормозом более самостоятельного и динамического развития. Для аналогии можно вспомнить положение в древней Индии, когда сословие кшатриев оказалось на стороне буддийского мировоззрения именно из-за того, что оно, хотя и было во многом преемственным по отношению к религии брахманизма, давало большую свободу социальной позиции сословий и смягчало ритуализацию общественной жизни, на которой покоилось влияние брахманов. Реакция против брахманизма точно совпала с повышением военной активности в стране, складыванием претендующих на централизаторскую роль в стране государств²⁰. Сравнение с Ирландией в этом смысле напрашивается само собой. Первая половина V в. — время проповеди Патрика — эпоха начинающейся борьбы двух крупных династий (в которую с неизбежностью втянулись и представители более мелких королевских родов, а также военное сословие в целом). Потомки короля Ниалла Девяти Заложников затем контролировали центр и север страны в течение шести столетий, а род Эоганнахов правил югом острова из своей резиденции в Кэшеле (графство Типперери). Перипетии соперничества этих двух группировок в данном случае для нас несущественны, но важно другое — большая вероятность, что именно эта обстановка способствовала победе христианства в общеирландском масштабе, в то время как известно, что его очаги существовали здесь и ранее. Очень перспективным и обещающим стала бы, по нашему мнению, проверка высказанных предположений не только материалом политической истории, но и данными законов, которые позволяют видеть механизмы, приводящие к постепенному изменению древних кровнородственных отношений и усилению аристократической племенной верхушки прежде всего через институт клиентства²¹. Хотя прямых данных о позиции военно-аристократического слоя в отношении старого языческого и нового мировоззрения у нас очень мало, подтвержденное таким образом наше предположение было бы более обоснованным.

Сравнение с Индией можно продолжить и еще в одном направлении. Хорошо известно (и это как бы подтверждает упомянутые нами выше взгляды некоторых ученых), что за редкими исключениями друидизм в Ирландии не подвергался официальным и организованным гонениям.

²⁰ *Бонгард-Левин Г. М.* Древнеиндийская цивилизация. М., 1980. С. 101 сл.

²¹ *Шкунаев С. В.* Земельные отношения и элементы общинного устройства в кельтском обществе // ВДИ. 1982. № 1.

Есть все основания думать, что здесь, как и на Востоке, престиж древних верований и связанного с ними сословия был искусно использован и в некотором роде встроен в систему новой духовной ориентации. Христианство в Ирландии оказалось не соперником друидических воззрений, а преподносилось как новый и более могущественный их вариант. Радикальность совершающихся перемен (а в ней, как будет показано ниже, сомневаться не приходится) была предельно смягчена и затушевана. Именно это отличает ирландскую от многих других традиций, где элемент магического соперничества между представителями новой веры и всякого рода языческими магами тоже выступал достаточно отчетливо. В Ирландии же имел место не разрыв, а сращивание, правда далеко не однозначное, двух традиций; весь престиж древнейшей был встроен в систему новой, преобразен, а не отвергнут и проклят. Друидизм как институт был отвергнут, но даже Христа можно было по-прежнему назвать «мой Друид».

Сказанное открывает новые возможности анализа большой области ирландской традиции. Прежде чем пытаться узнать, что могла и восприняла церковная культура от современной ее полуязыческой традиции (хранимой главным образом филидами, см. ниже), необходимо понять, что она от нее унаследовала и впитала в самое себя. Некоторые моменты здесь хорошо известны, другие только начинают проясняться²². Так, весьма символична триада самых почитавшихся в стране святых: Патрик, Колумба, Бригита. Не вызывает удивления то, что во многих областях христианского мира божества отвергнутого пантеона превращались в нечистую силу и всяческие бесовские создания. В Ирландии многие из них удостоились совершенно иной участи, сделавшись святыми, основателями монастырей и чудотворцами. Такой была языческая богиня — прообраз Св. Бригиты. В новые времена, пришедшие вслед за христианством, она не сменила не только имени, но и своих функций и места культа. Центром ее почитания был монастырь (смешанный) в Келл-дара, «храм из дуба» (совр. Киллар), находившийся на месте древнего святилища, где как до, так и после V в. поддерживался неугасимый огонь в честь богини-святой. Описывая ее, в христианские времена говорили не о нибме святости, а о вздымавшемся над ее головой огромном огненном столбе, как это бывало со многими героями языческих преданий. И в уже отдаленную от принятия христианства эпоху поэты продолжали почитать святую с теми же функциями, что и языческая богиня.

Это один из известных, но далеко не единственный случай. Многие монастыри располагались на месте древних мест культа: Имблех-Ибар, Бек-Эриу, основание которого приписывалось святому по имени Ибар, что значит «тис», священное у кельтов Ирландии дерево. Конечно, подобные случаи можно найти и в других странах, но Ирландия интересна именно тем, что здесь наследовались не отдельные элементы традиции, обычно принадлежащие низовой, народной сфере культуры, а целостная ее модель. Именно в этой связи уместно вспомнить высказанные еще в прошлом веке взгляды А. Бертрана²³, согласно которым структура ирландской монастырской организации определялась не только социальными условиями или невозможностью какой-либо другой структуры, а главным образом преемственностью по отношению к друидическим сообществам языческого времени. Вопрос этот требует подробного исследования и отмахиваться от него неразумно. Против взглядов Бертрана выска-

²² *Калыгин*. Язык...; там же ссылки на основную литературу.

²³ *Bertrand A.* La Religion des Gaulois. P., 1897.

зываются возражения, но многие из них несут печать неглубокого понимания ирландской традиции. Так, критикуя выражения «монастыри друидов» и «тайные сообщества друидов», Н. С. Широкова полагает, что они были бы уместны, если бы «друиды жили отдельно от общества и вели тайное существование в каких-то закрытых местах»²⁴. Говорить так можно, только совершенно не учитывая облика ирландских монастырей с их сделавшимся знаменитым сочетанием аскезы для немногих и полной скрытости для множества желающих приобщиться к мудрости (при том, что монахи поддерживали и филидические, т. е. светские полуязыческие школы), с их культом учености и участием в мирских делах. Модель друидического сословия напоминают сообщества монастырей и многими другими деталями, которые мы уже упоминали. Сам принцип внутри- и одновременно надплеменного общенационального существования ирландской церкви, не основывающийся на каких-либо территориальных зонах влияния, чрезвычайно близок к условиям жизни не только друидов, но и вообще слоя ирландских так называемых *áes dána* — «людей ремесла», куда входили не только и, может быть, не столько ремесленники, сколько представители поэтического и иных искусств (хотя некоторые ремесленные профессии, в частности кузнечная, имели совершенно особый социокультурный статус). Дальнейшие исследования источников, в частности законов, могут прояснить многие детали вопроса, сама постановка которого кажется нам правильной.

Итак, положение в Ирландии на рубеже двух эпох было гораздо сложнее, чем это иногда представляется, ибо преемственность модели не означала, разумеется, преемственности ее содержания. Надо отдать себе отчет, что учение друидов, основа кельтской религии, при этом переходе было практически полностью утрачено. До нас не дошли его главные компоненты: космологические и эсхатологические представления, мифологические тексты и элементы культовой практики. Можно согласиться с недавно высказанным мнением²⁵, что многие источники, к примеру агнографические тексты, изучены еще очень плохо с точки зрения поисков реликтов мифологических комплексов, но все же надежды вернуть утраченное нет. Нам уже приходилось писать, что частично космологические представления ирландцев отразились в текстах эпической и псевдоисторической традиции, но здесь уже речь идет об их возрождении в совершенно иных условиях IX—XII вв. и позднее, причем из иного источника (филидического) и для удовлетворения совершенно других потребностей общества²⁶. Иными словами, преемственность культурных форм не может скрыть от нас глубокого разрыва, образовавшегося в культуре с исчезновением друидического сословия.

Частично заполнить его предстояло поэтам-филидам. Вряд ли целесообразно считать их в дохристианскую эпоху частью корпуса друидов и, соответственно, предполагать, что именно каста поэтов в какой-то мере могла подготовить принятие христианства в стране. Отличавшаяся закрытостью и эзотеричностью, поделенная на многочисленные разряды и требующая для своих членов многолетнего обучения, эта группа переживала на рубеже христианской эпохи сложные времена. Весьма символична для этого времени фигура Св. Колумбы — третьего из наиболее известных в Ирландии святых. Скончавшийся в 597 г., он происходил

²⁴ Широкова. Ук. соч. С. 55 сл.

²⁵ O'Riain P. Toward a methodology in early Irish Hagiography // *Peritia*. I. P. 146—159.

²⁶ «Похищение Быка из Куальнге». М., 1985. С. 383—444.

из одного из виднейших в стране королевских родов и мог претендовать даже на верховную королевскую власть. Судьба его сложилась иначе, и одним из самых интересных ее эпизодов стала защита филидов, которым во второй половине VI в. угрожало открыто враждебное отношение королевской власти и даже изгнание из Ирландии. Перипетии конфликта нам практически неизвестны, однако, учитывая многоплановость деятельности филидов, истоки его понятны. Известно, что деятельность филидов может быть лишь условно объяснена словом «поэтическая». Они являлись хранителями сакральной традиции и преданий об истории коллектива, обладателями признанной магической власти и провидцами. Могущество филидов ставило их (в известных пределах, разумеется) вне и над любой светской властью. Так называемая «сатира» филида, впервые произнесенная, по преданию, против короля Бреса²⁷, могла буквально уничтожить общественное лицо человека, против которого она была направлена, невзирая на его общественный статус. Владение тайнами поэтического искусства (отличного, скажем, от искусства скандинавских скальдов, изощренность и сложность которого все же не препятствовали хоть и искушенному, но широкому восприятию) было тесно связано с магическими знаниями филидов, которые почитались в языческую эпоху, но стали нередко вызывать протест в ином духовном климате. Источники пестрят указаниями на злоупотребления филидами в раннехристианскую эпоху своей властью для вымогательства и укрепления своего положения. Надо думать, что деятельность их вряд ли существенно изменилась, просто иным стало отношение к ней.

Как развивался конфликт, нам, повторяем, неясно, не разрешился он и на соборе в Друимкета (575 г.), где на сторону филидов встал Колумба, что и спасло поэтов. По легенде, Колумба сам изучал искусство филидов и здесь смог защитить их главу Даллана Форгайла, впоследствии сложившего в честь святого знаменитую в Ирландии хвалебную песнь. Поэты не забыли благодеяния, и Колумба пользовался среди их последующих поколений особенным почитанием. Между тем разрешение спора о филидах столь же естественно, как и его возникновение. Упрямившая свое положение и организовавшаяся церковь никак не могла обойтись без услуг этого сословия. Одной из главных ее задач после христианизации острова было включение ее традиционной истории в христианское видение мира и прошлого, причем опираться она могла здесь лишь на местные предания и традиции, хранителями которых были исключительно филиды. Записывать и толковать их очень скоро стали монастырские писцы, многие из которых происходили из самого этого сословия. Существует рассказ о том, как некогда правитель северного королевства страны Улада — Фиакна, сын Базтана, объезжал страну вместе с главным филидом Ирландии Эоху Ригэкезом («Королевской Мудростью»). Однажды оказались они подле четырех больших камней и увидели рядом четырех клириков. На вопрос, что они здесь делают, клирики отвечали, что ищут мудрости и рады случаю узнать у филида, откуда взялись тут эти камни. Подумав, Эоху вспомнил историю о строительстве крепости легендарного Ку Рои, а клирики, не согласившись с поэтом, рассказали свою историю о героических деяниях времен короля Конхобара, которая и была правдой. «Не стыдись Эоху, — молвил тогда король, — ибо эти клирики ни в чем не уступят тебе». Вспоминая этот эпизод, Р. Флауэр замечает, что именно в такой атмосфере зарождалась ирландская пись-

²⁷ См. сагу «Битва при Маг Туиред» в «Похищении Быка...».

менная традиция²⁸. Между тем не надо заблуждаться — сохранение огромного количества языческого материала не означало его передачу в неизменной форме. Эпос и предания о старине, элементы мифологии и хвалебная поэзия трансформировались с учетом целей, которые ставила перед собой новая культура. Вступала в действие не только «христианская редакция», естественно не допускавшая фиксации чересчур противоречащего христианству материала, но и иная идеологическая установка, которой было подчинено его использование. Важно отметить, что с учетом всех различий роль филидов по отношению к церкви была функционально той же, что и по отношению к сословию друидов. Результатом складывавшихся между ними взаимоотношений было древнеирландское рукописное наследие. Информация, которую несло сословие филидов, подверглась в нем изменениям двоякого рода. Прежде всего, условно говоря, историзация, что нам уже приходилось разбирать на конкретном примере саги «Разрушение Дома Да Дерга»²⁹. Дело в том, что в эпоху, переходную от мифопоэтического мышления к историческому, в поле зрения традиции попадал и требовал осмысления и фиксации материал, который раньше был для нее гораздо более нейтрален. С другой стороны, линейно-протяженного и логически связанного объяснения требовал по сути своей мифологический материал, бывший необходимой частью построения предьстории острова. Несколько огрубляя, можно сказать, что в обоих случаях применялись взаимодополняющие подходы, ибо «исторический» материал в то время не мог или почти не мог быть понят как таковой вне схем мифологического мышления. Такой подход виден в многочисленных текстах — преданиях о «старине мест», том же «Разрушении» и многих других.

Понятно, однако, что говорить об этом нельзя, не учитывая историю самих рукописей. Здесь очень много сложных вопросов, связанных с двумя главными обстоятельствами. Прежде всего надо представить себе соотношение предполагаемых или реконструированных правариантов текстов с устной традицией — что, собственно, и в каком виде было из нее заимствовано. Кроме того, так как устная традиция продолжала существовать параллельно письменной и развиваться в последующие века, придется попытаться учесть то влияние, которое она могла еще неоднократно оказывать на все более и более поздние варианты текстов, из которых мы чаще всего имеем только хронологически наиболее поздний, а иногда отстоящий от праварианта на несколько веков. Не затрагивая традиции обсуждения этих вопросов, скажем, что в последнее время наиболее интересными представляются нам взгляды П. Мак Кана³⁰. Рассматривая восходящие к одному источнику несколько текстов, он выделил в них стилистические и композиционные уровни, отражающие совершенно разные подходы писцов-составителей к имеющемуся в их распоряжении источнику, т. е. устной версии повествования. В записанных вариантах встречаются отрывки, сжатый и бедный стиль которых, а также бегло очерченные сюжетные ходы заставляют предполагать, что в данном случае писец стремился лишь зафиксировать в минимально допустимом объеме основной ход событий и содержание речей персонажей. Другие части текстов прямо

²⁸ Flower R. *The Irish Tradition*. Oxf., 1978. P. 2.

²⁹ Шкунаев С. В. Кельтский миф в саге о короле Конайре // ВДИ. 1984. № 3.

³⁰ MacCana P. *Mongan mac Fiachna and Imramm Brain* // Eriu. XXIII. P. 102—142.

противоположны по характеру и отражают стремление писца к вольной, творческой передаче содержания и ясному, собственно литературному стилю³¹. Отдельные фрагменты прозы записывались, похоже, в совершенно неизменном виде, но по отношению к прозе это скорее редкость. Напротив, поэтические отрывки, в том или ином виде встречающиеся в большинстве текстов, передавались скорее всего в полном соответствии с оригиналом. Кроме этого, практически в любом случае записанные варианты не передавали особенностей устного исполнения. Все сказанное тем заметнее на практике, чем архаичнее и ближе к праварианту сохранившийся текст. Более поздние версии чаще были открыты устной стихии и несут на себе его отпечаток. Эта закономерность уже давно отмечена на примере двух версий «Похищения Быка из Куальнге» — Книги Бурой Коровы и Лейнстерской Книги. В любом случае все же следует предполагать, что десакрализация текстов размывала их языковое пространство и позволяла пользоваться средствами, отличными от тех, которые бытовали в среде обученных и высокоспециализированных филидов.

Таким образом, позиция письменного слова по отношению к устному не была пассивной. Ранние варианты текстов могли содержать весьма неравноценные фрагменты, несоответствие которых в дальнейшем несколько сглаживалось. Правда, существуют и памятники, почти обязательно небольшие (сага «Недуг уладов», к примеру), которые, очевидно, с самого начала представляли собой единое целое. В таких случаях следов устного бытования истории всегда меньше, и сочетание улавливаемой мифологической структуры текста с решением чисто повествовательных задач есть итог личных усилий составителя рукописи. Из сказанного ясно, что кроме влияния общих мировоззренческих установок тексты ирландской традиции отразили не только сознательную, но и бессознательную цензуру составителей рукописей. Сложность повимания текстов еще и в том, что такие процедуры могли происходить неоднократно, оставляя трудновывчленяемые следы в текстах рукописей, ибо, как мы уже говорили, связь монастырей и филидических школ не прерывалась многие столетия. Для подтверждения этого можно вспомнить о тех временах, когда сословие филидов сходило со сцены в эпоху сразу после завоевания острова рыцарями-норманами. Это событие уже сравнивали с исчезновением в свое время друидов, ибо точно так же быстро и не вполне объяснимо исчезли в свое время и филиды, на смену которым пришло сословие бардов. Именно барды, придворные певцы, заняли потом ведущее место в в культурном развитии страны. Вряд ли можно кратко перечислить причины этого явления, но можно рискнуть утверждать, что не последнюю роль сыграло здесь ослабление типично ирландского монастырского устройства, вне системы которого филиды не вписывались в общественную структуру. В новых условиях им трудно было сохранить некоторую независимость от королевской власти, независимость, в которой вовсе не нуждались барды, жившие именно около знати и для ее восхваления. Фигура барда нуждалась в личности, филида — в корпорации.

Эволюция текстов в соотношении с общей фольклорной традицией может быть прослежена хотя бы в общих чертах. Стилистическая структура более поздних (для ирландской традиции это не всегда однозначное понятие, ибо поздние, после XIV в. рукописи могут восходить к очень древним оригиналам) рукописей несет на себе заметно больший отпечаток устного исполнения. Для раннего времени мы, конечно, слишком мало

³¹ Ibid.

знаем о конкретных традициях того или иного монастырского скриптория, школы писцов, времени первой фиксации сюжетов и пр., которые во многом определяли судьбу рукописей, но отмеченная закономерность не становится от этого менее верной. Наряду с фольклоризацией происходила и своеобразная «вторичная паганизация» традиции. Главным здесь было продолжающиеся постоянно, несмотря на редкую консервативность ирландской культуры, переосмысление и перегруппировка материала культурного наследия. Уже Де Жюбенвиль видел за событиями ирландской легендарной истории («Книги Захватов Ирландии» прежде всего многочисленные элементы мифологии. Переосмысление это объяснялось переходом от мифологического к историческому мышлению, первые признаки которого заметны в эпических жанрах. Изменения накапливались и совершались в Ирландии исключительно медленно главным образом из-за обусловленной социальными причинами инерции ее собственного развития. С одной стороны, с приходом христианства ирландская традиция вобрала в себя значительный новый материал, в соответствии с которым и должна была перестроиться, осознав свое прошлое в иной системе координат, превращавшей мифологические предания в последовательную цепь «исторических» событий (волны переселенцев на остров и их происхождение от библейских персонажей, постепенное устройство физического и социального лица страны, связанное с функциональной характеристикой той или иной группы переселенцев и т. д.)³². Однако если при обращении к легендарным временам, эпохе становления, мифы предстояло наполнить некоторым другим содержанием, то при продвижении дальше по шкале истории положение постепенно менялось.

Ранняя ирландская история в том виде, в котором ее направление было задано «Книгой Захватов Ирландии», конечно же, не может считаться переложением космологических мифов, бывших когда-то достоянием друидов. Мы имеем здесь скорее попытку растянуть во времени, показать в становлении систему по сути своей сакрального устройства страны с ее делением на пять королевств и символической характеристикой каждого из них, системой празднеств, особо почитаемыми местами и особенностями социального устройства. Доля вымысла и реальной мифологической основы каждого эпизода в принципе должны устанавливаться для каждого конкретного случая, однако один пример может пояснить сказанное. Речь идет об известном повествовании «Вторая Битва при Маг Туиред», в основе которого лежит чисто мифологический эпизод³³. Конец «Книги Захватов», повествование о потомках Миля, предках гойдельского населения Ирландии по традиционной схеме, становился основой для истории все более и более близкой составителям ранних рукописей. Историзация мифа здесь постепенно заканчивается и вступает в силу мифологизация истории — противопоставление, которое, кстати, вряд ли имело смысл для людей того времени. Мифологизацию мы понимаем в данном случае в духе П. А. Гринцера, писавшего, что «в эпосе история не наслаивается на миф, а только рассказывается по мифологическому канону, и постепенно, по мере того как от этого канона остается одна только сюжетная схема, четче обнаруживается истинное назначение эпической поэзии. Только в таком смысле можно говорить о замещении мифологических образов историческими, ибо по существу в эпосе с самого начала мифологические герои трактуются исторически»³⁴. К этому нам

³² Rees A., Rees B. *Celtic Heritage*. L., 1976.

³³ «Похищение Быка...». С. 351—382.

³⁴ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. М., 1974. С. 290.

кажется важным добавить, что и сама «историческая трактовка» тогда еще не была вполне близка тому, что под этим понимается сегодня. Ее референтом не были совершающиеся сами по себе и по своим законам события, некоторая объективная жизненная практика. Выяснение законов истории — требование новейшего времени, притом что долгое время ценилось именно «вчитывание» в совершившееся и происходящее заранее известных схем, правил и идеалов. Все они в раннехристианскую эпоху истории Ирландии могли черпаться только из мифологического фонда, основными хранителями которого оказались поэты-филиды.

Содержимое этого фонда, как мы уже пытались показать, в новых условиях трансформировалось по-разному в разных разделах корпуса текстов, которые принято условно делить на циклы: мифологический, уладский и лейнстерский или королевский с прибавлением более позднего по характеру и времени складывания цикла Финна. Наиболее динамичным и, следовательно, демифологизированным было внутреннее пространство лейнстерского цикла, герои и обстоятельства которого были наиболее приближены ко времени составления рукописей. Однако, возвращаясь к началу работы, мы вынуждены признать, что и во всех остальных частях корпуса текстов мы имеем перед собой находящуюся в постоянном становлении и переакцентировке часть того, что в языческие времена составляло мифологический и религиозный комплекс. Таким образом, особенности консервации в раннехристианское время наследия дохристианского времени можно определить двояко: с одной стороны, преемственностью внешних форм хранения традиции (монастырские сообщества — друиды) и, с другой — отбором именно тех частей языческой культуры, которые могли служить новым целям, ставившимся изменившейся идеологической и политической ориентацией общества. Если учесть, что для понимания существа дошедшего до нас материала надо постоянно держать в поле зрения филологические и текстологические факторы, то станет понятно, с какой непростой задачей сталкиваются исследователи ранней ирландской культуры. Между тем материал ее уникален, и изучение кельтского мира будет во многом зависеть от его осмысления.

CONTINUITY OF TRADITION IN EARLY IRELAND

Sergey Schkunaev

The paper deals with the early Irish cultural tradition and purposes to look on this long-debated topic from the sociological point of view. Though hypothetically it tries to underline the forces (Kings and warriors) who in the course of pre-Christian evolution of the society acquired the force and social mobility to challenge the order of druids and in a way laid the way for the new religion best suited for the new socio-political climate. The impact of these changes on organisational as well as cultural aspects is analysed and some ways of text-studies are proposed.

© 1990 г.

Ф. В. Шелов-Коведяев

БЕРЕЗАНСКИЙ ГИМН ОСТРОВУ И АХИЛЛУ *

В августе 1988 г. при раскопках Березанского поселения в мешаном заполнении, залежавшем на уровне слоя построек V в. до н. э.¹, был найден фрагмент нижней части плиты белого с серыми прожилками мрамора, обломанный сверху и слева (см. рис.)². Максимальная сохранившаяся высота камня — 0,23 м, максимальная ширина — 0,2 м, толщина — 0,07 м. Лицевая, боковые и тыльная поверхности стелы при ее изготовлении были тщательно заглажены. Но в настоящее время на ее правой боковой поверхности, ближе к краю тыльной ее стороны, а также на уровне сткк. 3—4 (в их завершениях) на лицевой поверхности имеются выбоины. Встречаются и затертости — в сткк. 9—11 (в начале строк) и в сткк. 2, 7—10, возможно, также и в стк. 6 (в конце строк). Кроме того, примерно посередине нижней поверхности стелы, на расстоянии ок. 0,01 м от тыльной ее стороны находится небольшое (0,001—0,002 м) углубление длиной 0,07 м и шириной 0,02 м (см. вклейку)

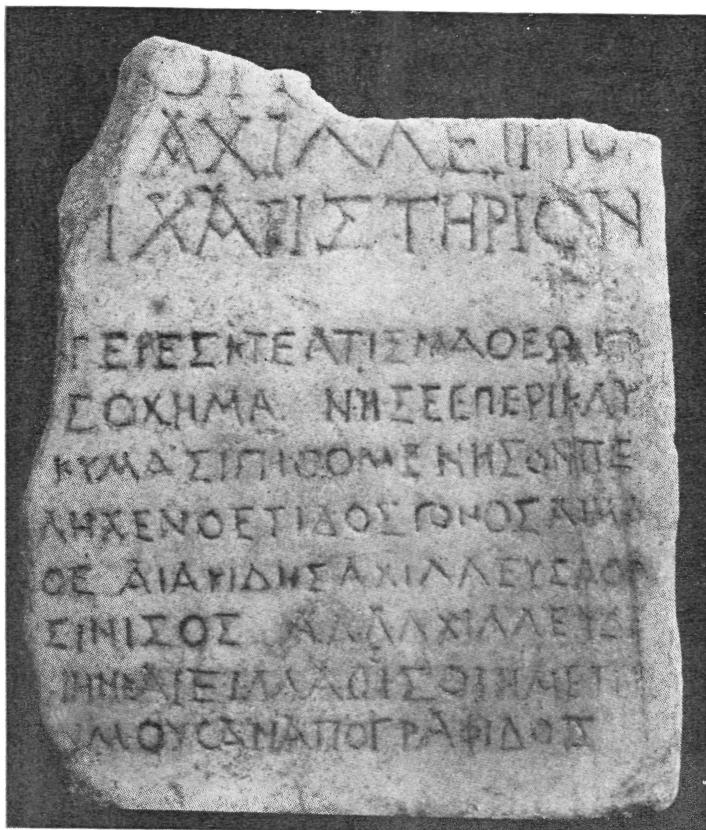
На лицевой поверхности стелы сохранились 11 строк фрагментированной надписи, состоявшей первоначально из двух частей. От первой из них, бывшей, очевидно, обычным для Ольвийского региона посвящением Ахиллу Понтарху³, до нас дошли лишь обрывки трех последних строк.

* Посвящаю эту публикацию памяти блестящего ученого, великодушного знатока античных древностей, замечательного человека и друга профессора П. О. Карышковского. О предлагаемой вниманию читателей надписи впервые мною был сделан доклад в марте 1989 г. на мемориальной сессии в его честь, прошедшей в Одессе. Хочется отметить, что именно проф. Карышковский как никто другой сумел бы по достоинству оценить и интерпретировать нашу находку.

¹ Впрочем, сопутствующий публикуемой надписи материал относился в основном к римскому времени. Да и найдена она была недалеко от римской землянки, прорезавшей более ранние слои.

² Пользуясь приятной возможностью, выражаю свою искреннюю признательность начальнику Березанской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа Я. В. Доманскому за предоставленную мне возможность изучить и опубликовать этот памятник. Особую благодарность хочу высказать Фонду Хардта по изучению классической древности (Женева), снабдившему меня целым рядом необходимых для подготовки публикации печатных материалов, а также научному сотруднику Отдела Востока Гос. Эрмитажа А. Б. Никитину за помощь в работе.

³ В настоящее время известны 28 несомненных посвящений Ахиллу Понтарху, выполненных в камне (до совсем недавнего времени это были IOSPE I². 130—144, 266, 328—329 [впрочем, два последних не сохранили эпиклезы Понтарх]; HO 86—89; ВДИ, 1953. № 4. С. 130; приписка к декрету IOSPE I². 53; находки 1983 г. у с. Рыбаковка [б. Аджиязка], 1985 г. близ с. Осетровка [б. Кабурга] и 1988 г. на Березани), датирующихся римским временем. Ставились они от имени архонтов (IOSPE I². 130—134; HO 86, 88; находки 1983 г. близ с. Рыбаковка и 1985 г. у с. Осетровка), стратегов (IOSPE I². 135—138; HO 87) и жрецов (IOSPE I². 139—144). В соответствии с рядом специфических черт, присущих данным памятникам, формул и словоупотребления В. В. Латышев (IOSPE I². 145, 146, 149, 153, 155) и Э. Р. фон Штерн (IOSPE I². 154) относили к этому разряду еще шесть надписей. В таком случае к ним, очевидно, следует присовокупить и IOSPE I². 157—158, а также IOSPE I². 330—332 и 685—686; HO 90

Новая греческая надпись с Березани

Исходя из того, что в первой строке нашей надписи сохранились буквы *омикрон* и *ню*, а окончания стк. 2 и стк. 3 однозначно читаются как Ἀχιλλεῖ Ποντάρχη γαριστήριον, можно попытаться представить себе восстановление сткк. 1—3. Надпись выполнена в целом аккуратно — строки вырезаны довольно ровно, без линеек (некоторый выгиб строки заметен лишь в стк. 4 и — совсем немного — в стк. 5). Не было и линеек, ограничивающих поле надписи. Высота букв в сткк. 1—3 — 0,016—0,02 м (их размеры колеблются в основном от 0,017 до 0,019 м), расстояния между строк — 0,006—0,007 м. Однако ширина одних и тех же букв разнится в этих строках довольно значительно.

Но все же содержание сткк. 1—2 видится достаточно определенно. Дело в том, что в подавляющем большинстве случаев (IOSPE I². 130—138, 140—144; HO 86—89) имя Ахилла Понтарха стоит в начале надписи сразу после *bonae fortunae apprecatio*. При этом текст собственно посвящения⁴ оканчивается либо формулой, управляемой предлогом ὑπέρ — ὑπὲρ εἰρήνης et sim. κτλ. ...καὶ τῆς ἑαυτῶν (т. е. посвятителей) ὑγείας (γαριστήριον) et sim. (IOSPE I². 130, 132, 137, 138, 140—142; ср. 145, 146; HO 86; ср. IOSPE I². 144; HO 88, где слово (ἐδ)γαριστήριον стоит впереди данной формулы), либо слову γαριστήριον в финальном положении предшествуют имена дедикантов — IOSPE I². 133—136, ср. 153, 155, 158 (ср. также 143, где за именем посвяtitеля следует полное название его жреческой должности); HO 87. Ясно, что даже если предположить ошибочное написание *омикрона* вместо *омеги* в стк. 1 нашей надписи в первом из предложенных вариантов, то завершение формулы ὑπὲρ κτλ. ἑαυτῶν ὑγείας будет недостаточным для заполнения имеющихся на камне лакун. Поэтому буквы ON стк. 1 могли принадлежать имени типа Ποντικός и пр., а также — при условии, что *омикрон* заменяет здесь *омегу* — многочисленным ЛИ, оканчивающимся на -ων, -ωνιος, либо типа Λεωνίδης κτλ. Генитив патронимика, оканчивающийся на -ονος κтл., здесь менее вероятен, поскольку для еще двух имен в сткк. 1—2 остается мало места. Беспрецедентное в ольвийской эпиграфике перенесение в конец посвяtitельной надписи ее начальной формулы, да еще и с обратным порядком слов — типа ἄρχοντες (σπλαγγοὶ) οἱ περὶ τὸν δεῖνα του δεῖνος Ἀχιλλεῖ Ποντάρχη также крайне маловероятно. Но с другой стороны, невозможно не заметить, что в том единственном, давно известном нам случае, когда имя Ахилла Понтарха стоит в конце посвящения (IOSPE I². 139), ему предшествует формула (Γ'Αψ)ῶγας) // στέφανον ἱερατεύσας τὸ δεύτερον. Может быть, и тут мы имеем дело с чем-то подобным, хотя и с иным порядком слов (и заменой στέφανον на γαριστήριον).

Значительно больший интерес представляет собой вторая, 8-строчная (сткк. 4—11), часть надписи, отделенная от первой свободным прост-

речеством Ахилла Героя. Таким образом, общее число посвящений Ахиллу (Понтарху в том числе) равнялось бы ровно 40. Поскольку же формулировки HO 90 близки посвящениям Ахиллу Понтарху, то и IOSPE I². 145, 146, 149, 153—155, 158 могли быть также и посвящениями Ахиллу Герою. Приятно отметить, что сезон 1989 г. раскопок на Березани принес еще два посвящения Ахиллу Понтарху, поставленные от имени коллегий агораномов и жреца соответственно. В итоге общее число подобных памятников на сегодня равно сорока трем. О количестве надписей ср. также статью: *Отрепко В. М.* Посвящение Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 81.

⁴ Подробное исследование формул подобных посвящений см.: *Карышковский П. О.* Новое посвящение Ахиллу Понтарху. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1962. № 3. С. 143; *он же.* Два утерянных ольвийских посвящения римского времени // Там же. С. 149.

ранством, равным 0,019 м (т. е. близким средней высоте букв в сткк. 1—3). Высота букв здесь равна 0,009—0,011 м, расстояния между строками — приблизительно 0,007 м. Трижды на протяжении сохранившегося текста здесь отмечается *vasat*: в сткк. 5 и 9 он равен 0,012 м, в сткк. 8 — 0,007 м. Несмотря на заметно более мелкий шрифт, которым выполнена вторая половина надписи, ее значение далеко выходит за пределы того скромного по размерам места, которое оно занимает на камне. Уже первое ознакомление с ней показывает, что мы имеем дело с поэтическим произведением. Перед нами нечастый в целом счастливый случай, сохранивший для нас, да еще в удовлетворительном состоянии, наиболее, пожалуй, важную часть эпиграфического памятника. И дело не только в том, что это оригинал, дающий образчик стихотворения, созданного в начале н. э. на далекой греческой периферии. Не менее существенно и другое — найдено первое стихотворное посвящение Ахиллу. Таким образом, публикуемый документ — один из первостепенных, если не уникальных памятников.

Такое впечатление только усиливается при более подробном ознакомлении с поэтическим текстом. Прежде всего оказывается, что если исходить из правил греческого стихосложения, то в начале сткк. 4—11 пропало меньшее количество слогов и соответственно букв, чем можно было бы предполагать, исходя из взаимного соотношения размеров литер в сткк. 1—3 и 4—11 и пропавшего в сткк. 1—3 текста. Далее становится ясно, что разнится и количество букв, пропавших в каждой из сткк. 4—11, даже в тех случаях, когда конфигурация излома не позволяет этого предполагать (например, в сткк. 5 и 6). Отмечу, что обычно стихотворение высекалось на стеле либо в строку, без различения отдельных стихов (ср., например, ISM I, 171, 231, 234, 290, 291), либо выделенные строки начинались, отступя одинаковое количество букв от края камня (см., например, ISM I 267, 270). Наконец, расположение *vasat* в поле надписи глубоко продумано: в одном случае он отделяет упоминание острова (сткк. 5 — перед формой зв. пад. $\nu\eta\sigma\sigma\epsilon$), а в двух других — блоки текста, где называется имя Ахилла (сткк. 8 и 9). И поэтому мы должны с особым вниманием отнестись к нашей надписи. Остается сразу добавить, что и сами стихи можно отнести к произведениям довольно высокого уровня.

Поскольку объем пропавшего первоначального текста невелик, нетрудно понять, что поэтический текст состоит из последовательно чередующихся гекзаметров и пентаметров, т. е. строф, называемых элегическим дистихом, которым написано множество стихотворных греческих латинских надписей.

В начале стк. 4 четко читаются буквы ΤΕΡΕΣ. Поскольку за ними следует слово ср. р. $\kappa\tau\acute{\alpha}\tau\iota\sigma\mu\alpha$, то логичнее всего считать, что перед ним находилось относящееся к нему определение (а не, скажем, им. пад. мн. ч. сущ. 3 скл. на $-\eta\rho$). Из девяти прилагательных третьего склонения, оканчивающихся на $-\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$, $-\acute{\epsilon}\varsigma$ и $-\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$, $-\acute{\epsilon}\varsigma$, по смыслу и соображениям размера более всего подходит $\kappa\upsilon\kappa\lambda\omicron\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$, $-\acute{\epsilon}\varsigma$ «обточенный со всех сторон, вокруг». Восстановление здесь в принципе могущего подходить по количеству и долготе слогов прилагательного $\mu\alpha\tau\rho\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$, $-\acute{\epsilon}\varsigma$ «осиротевший», предполагавшее бы, что остров покинут Ахиллом, оставлен его милостью, противоречит всему последующему содержанию стихотворения. Итак, первая половина первого гекзаметра восстанавливается: [Κυκλο]τερές κτατίσιμα θεῶν «обточенное вокруг достоянье богов». Здесь надо

— () — () — () — () — () — () — () — () :

также отметить ἄραξ λεγόμενον — κτεάτισμα — «приобретение, достояние», слово, до сих пор не засвидетельствованное в известных нам лексических справочниках. По сути оно дублирует значения слов τὸ κτήμα и τὸ κτεάνον, связанных с глаголом κτάομαι «приобретать», но произведено от вторичного глагола κτεάτιζω «приобретать, добывать». Важно, что этот гапакс не только обогащает наши знания в области древнегреческого словаря, на что северочерноморская эпитафика была до сих пор не слишком щедра, но и показывает, что неизвестный нам ольвиополит достаточно свободно владел правилами стихосложения в широком смысле слова. От завершения второй половины этого гекзаметра осталось только слово ὄχημα в начале стк. 5 «средство передвижения, колесница, опора». Впереди него рядом с краем излома читается одна только сигма. Поскольку слово κτεάτισμα в первой части обрамлено прямым (прил. κυκλωτέρης) и косвенным (род. пад. мн. ч. θεῶν) определениями, то надо думать, что и перед ὄχημα, скорее всего, стояло относящееся к нему определение — ибо именно и только в этом случае стих будет представлять собой законченную мысль. Здесь можно опять-таки думать либо о прилагательном среднего рода третьего склонения, либо о косвенном определении в виде род. пад. ед. ч. слова также 3 скл. Согласно правилам греческого стихосложения для этого размера в лакуне могли пропасть 3—4 слога:

[Κυκλω]τέρης κτεάτισμα θεῶν [_____] εὐχόμενα
 = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪

Вообще говоря, оба варианта вполне допустимы. Однако все прилагательные, которые отвечали бы данному контексту, не подходят либо по числу, либо по количеству (долготе) слогов и, в частности, ударного слога, либо по смыслу (например, εὐωδής, -ές «благоуханный»). Некоторые шансы могут быть лишь у ἀληθής, -ές «истинный, настоящий, подлинный» in crasi с союзом καί: [καλήθῆ]ς ὄχημα. В этом случае выражение «и подлинная опора» имело бы отношение тоже к богам. Однако все же при этом восстановлении существует некоторая неуклюжесть и в просодии, и в структуре фразы; да и лакуна, равная здесь таковой стк. 4, оканчивается переполненной на одну букву.

Поэтому я предпочитаю принципиально иной вариант реконструкции — [Ἀχιλῆος] ὄχημα; восстановление тут формы некоего родительного падежа считает весьма вероятным и В. Буркерт (здесь и далее per seipsum via Ю. Г. Виноградов). Такая форма имени Ахилла широко известна в эпике и часто встречается в последующей поэзии. Кроме того, именно она употреблена в первом стихе первой песни Илиады, а это заставляет нас вспомнить об особом почитании, по свидетельству Диона Хрисостома (36.9), поэзии Гомера в послегетской Ольвии. Думается, это очень сильный аргумент, поскольку прямое влияние поэзии Гомера в подобных условиях (преклонение перед поэтом, посвящение Ахиллу — главному герою Илиады) более чем вероятно. Далее, наше восстановление дает основание понимать τὸ ὄχημα в его основном значении «средство передвижения, колесница», а не только «опора»: так поэт мог назвать остров, имея в виду, что он расположен на одной оси с Тендровской косой, именовавшейся Ахилловым бегом: тем самым он как бы продолжал ее общее направление — словно колесница, начавшая свое движение на ристалище. Такое определение в устах древнего стихотворца даже не было бы метафорой. И это уже не говоря о просодических преимуществах такого восстановления:

[Κυκλω]τέρης κτεάτισμα θεῶν, [Ἀχιλῆος] ὄχημα
 = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪ ∪, = ∪ ∪

«Обточенное вокруг достояние (или: приобретение богов), колесница? (или: опора) Ахилла». Надо упомянуть, что τὸ ὄχημα в значении «опора» применяется, судя по контекстам, в основном по отношению к богам, как опоре материального мира (например, к Зевсу в ипостаси Земледержца), а не наоборот. Поэтому хотя Ахилл и не принадлежит к каноническому сонму богов-олимпийцев, данная закономерность не должна упускаться нами из виду. Восстановление [Ἀχιλλῆος] (≈5,5 м. б.) не переполняет лауну, так как излом проходит здесь так же, как и в стк. 4, в которой кроме первых полностью пропавших пяти букв слова κυλλοτερές лауна «съела» еще всю левую половину тау, что и дает нам одинаковый объем пропавшего текста в начале сткк. 4 и 5.

Затем, как уже говорилось, следует vascat, а за ним прямое обращение к острову — νῆσος (зв. пад.)⁵, с которого начинается следующая строка стихотворения, пентаметр. Он сохранился почти полностью (сткк. 5—6):

νῆσος περικλυ[] κόμασι γηθομένη.
 —○○, —○○, —: —○○, —○○, —

Очевидно, что для того, чтобы получился правильный размер, в лауне должны были пропасть только два слога — краткий и долгий. Фрагментированное слово явно должно быть формой зв. пад. ед. ч. женского рода (ибо существительное ἡ νῆσος «остров» в греческом языке также ж. р.) прилагательного περιλυτός, -ή, -όν «повсюду известный, славный, знаменитый; превосходный; знатный». Звательная форма положительной степени в этом случае, как известно, равна именительной: περικλυτή. Поскольку *эта* отражает долгий, а не краткий звук, то по законам стихосложения он может считаться кратким в положении перед другим гласным звуком. Здесь также есть две возможности восстановления. Реконструкция περικλυ[τήη] может найти себе аналогии как в языке эпоса, так и в удвоении *сигмы* в слове νῆσος. Однако этот вариант несколько ослабляется следующей через слово формой part. praes. γηθομένη с одной *этой*. К тому же, как станет ясно из последующих двух стихов, синтаксически более удачным будет восстановление:

νῆσος περικλυ[τή, ῆ,] κόμασι γηθομένη
 —○○, —○○, —: —○○, —○○, —

«о славный остров, который, радуясь волнам». При этом во фразе появляется подлежащее, которое может быть выражено только формой *nom.*, а не *voc.* Логика построения текста заставляет отвергнуть и *voc.* превосходной степени того же прилагательного — περικλυτάτη. Благодаря конфигурации излома и большему интервалу между сохранившейся *капной* в слове κόμασι и предыдущей буквой (не было ли здесь еще одного *vascat*?), чем вообще в этой строке, лауна тут оказывается меньше на 1,5—2 буквы, чем в предыдущих строках. К тому же из-за того, что *альфа*, как это видно из стк. 4, заходит в нашей надписи в пространство под *тау*, то в принципе и восстановление -TATH не должно было занимать больше места, чем -TNN (кстати, *эта* во всех случаях, кроме одного, в нашей надписи имеет довольно широкое написание). Да и выше я уже отмечал своеобразное расположение стихотворного текста на камне. Так что ничто не мешает предположению, что начала строк были не совсем равными и одинаковыми, как и их окончания (ср. в последнем случае сткк. 4,

⁵ Отметим экспрессивную редупликацию *сигмы* в слове ἡ νῆσος, что одновременно могло препятствовать сокращению долготы начальной *эты*.

5, 7—10 и 5—6). Отмечу в этом стихе не совсем регулярное просодическое удлинение $\bar{\iota}$ в слове περικλυτή .

Следующий гекзаметр занимает конец стк. 6, всю стк. 7 и начало стк. 8. В начале стк. 7 перед $\lambda\mu\beta\delta\omicron\upsilon\iota$ по затертости читается вертикальная черта, а в конце той же строки в аналогичных условиях — $\alpha\lambda\phi\beta\alpha$; в начале стк. 8 $\nu\alpha\varsigma\alpha\tau$ предваряют буквы $\Theta\epsilon$. Поскольку в начале стк. 7 без труда восстанавливается форма $[\epsilon\bar{\iota}]\lambda\eta\gamma\epsilon\upsilon$, а сам стих начинается $\sigma\acute{\omicron}\nu \text{ π}\epsilon$ [—] (стк. 6, в конце), постольку можно предполагать, что в лакуне пропал максимум еще один слог. Надо учитывать также требования соблюдаемого в целом в надписи силлабического переноса и лимит пропавших здесь букв. Принимая во внимание также и значение глагола $\lambda\alpha\gamma\chi\acute{\alpha}\nu\omicron$ «получать в удел, обретать по воле судьбы», — из массы слов, начинающихся в греческом языке на $\text{π}\epsilon$ — первоначально можно отобрать три — $\tau\acute{\omicron} \text{ π}\acute{\epsilon}\delta\omicron\nu$ «почва, земля; область, край», $\tau\acute{\omicron} \text{ π}\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ «край, предел, граница, конец» и очень экспрессивное наречие $\text{π}\acute{\epsilon}\rho\iota$ «прежде, прежде всего, перед другими» — в превосходном, а не хронологическом аспекте.

Так как в следующем стихе прямо называется Ахилл (его имя стоит в им. пад.), то на первый взгляд было бы логичнее всего предположить, что это именно он получил в удел «славный остров». В начале стк. 8 было бы соблазнительно восстанавливать наречие типа $[\acute{\eta}\mu\epsilon\iota\varsigma]\theta\epsilon$ или $[\text{?}\text{O}\lambda\beta\acute{\iota}\eta]\theta\epsilon$, поскольку в сткк. 8—9 говорится о том, что Ахилл равен бессмертным, то, естественно, хотелось бы тут видеть подтверждение слов Диона Христома (36, 9) о том, что ольвиополиты почитают Ахиллеса наравне с богами. Однако второй из этих вариантов не подходит и по количеству слогов, и по значению — $\theta\epsilon$ в такой позиции («из», а не «у, в»), а первый — только по последней, но очень серьезной причине. Поэтому я предварительно реконструирую здесь $[(\acute{\epsilon})\nu\acute{\epsilon}\rho]\theta\epsilon$ «внизу» по аналогии с известной со времен Гомера устойчивой идиомой $\omicron\iota \acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\theta\epsilon \theta\epsilon\omicron\iota$ «подземные боги».

Если полагать, что именно Ахилл обрел остров по воле судьбы, то конец гекзаметра можно было бы восстанавливать $\Theta\acute{\epsilon}\tau\iota\delta\omicron\varsigma \gamma\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma \alpha\acute{\iota}\mu\alpha/[\tau\omicron\varsigma \nu\acute{\epsilon}\rho]\theta\epsilon$ «отпрыск Фетидова рода», а $(\acute{\epsilon})\nu\acute{\epsilon}\rho\theta\epsilon$ интерпретировать не только «внизу», но и «снизу». Однако этот вариант не уместается в имеющуюся здесь лакуну. Другая возможность — $\Theta\acute{\epsilon}\tau\iota\delta\omicron\varsigma \gamma\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma \alpha\acute{\iota}\mu\alpha/[\tau\text{'}\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho]\theta\epsilon$, имея в виду $\acute{\epsilon}\nu \text{ δι}\acute{\alpha} \text{ δι}\acute{\varsigma}: \gamma\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma \alpha\acute{\iota}\mu\acute{\alpha} \text{ τε}$ ($\tau\text{'}$ = τε энкл. in elisione) в значении «потомок» — нехороша тем, что подобные обороты, начиная с Гомера, включают в себя слова $\acute{\eta} \gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\eta$ «род, происхождение, поколение» ($\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\eta \text{ κα}\acute{\iota} \alpha\acute{\iota}\mu\alpha$) или $\tau\acute{\omicron} \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ «происхождение, род, потомок» ($\alpha\acute{\iota}\mu\acute{\alpha} \text{ τε κα}\acute{\iota} \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$), но не $\gamma\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma$ «семя, отпрыск» — см. LSJ, s. v. Наконец, как будет показано ниже, последний гекзаметр стихотворения явно начинается с противопоставления — «но (а) ты, о Ахилл» — или аналогичного. Если считать, что подлежащим и предыдущей фразы был он же, то подобный оборот остается совершенно непонятным, даже если рассматривать это противопоставление как внутреннее.

Поскольку данный вариант создает много сложностей и требует слишком многих допущений, то мы избрали альтернативное решение — глагол $\acute{\epsilon}\lambda\eta\gamma\epsilon\upsilon$ подразумевает, что нечто досталось острову. Восстановление перед ним $\sigma\acute{\omicron}\nu \text{ π}\acute{\epsilon}[\rho\alpha\varsigma]$ наименее удачно, так как слово $\tau\acute{\omicron} \text{ π}\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ имеет буквальное значение «край, окраина» в том числе и в географическом смысле и требует непрямого дополнения (например, $\text{π}\acute{\epsilon}\rho\alpha\tau\alpha \text{ τ}\acute{\eta}\varsigma \gamma\acute{\eta}\varsigma$ — LSJ, s. v.). Добавим, что поэтому оно было бы неудачно и в том случае, если бы подлежащим во фразе был Ахилл. Более подходящей (к этому же варианту склоняется, в частности, и В. Буркерт) была бы реконструкция $\sigma\acute{\omicron}\nu \text{ π}\acute{\epsilon}[\delta\omicron\nu]$ «твоя земля» (она позволяла бы восстанавливать выше $\text{περικλυ}[τάτη]$). Однако выраже-

ние $\sigma\acute{o}\nu \pi\acute{\epsilon}\delta\omicron\nu \epsilon\tilde{\iota}\lambda\eta\gamma\epsilon\nu \dots \alpha\tilde{\iota}\mu\alpha$ «твоя земля приняла ... кровь» требует постановки и слова $\gamma\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ и имени Ахилла в род. пад., которые в действительности стоят в ном. sg. Поэтому мы отдаем свое предпочтение (конфигурация лакуны позволяет восстанавливать здесь на две буквы меньше, чем в сткк. 4—5):

$\sigma\acute{o}\nu \pi\acute{\epsilon}[\rho\iota \epsilon\tilde{\iota}] \lambda\eta\gamma\epsilon\nu \Theta\acute{\epsilon}\tau\iota\delta\omicron\varsigma \gamma\acute{o}\nu\omicron\varsigma \alpha\tilde{\iota}\mu\alpha [\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho] \theta\epsilon$
 $\neq \cup \cup, \neq \cup \cup, \neq \cup \cup, \neq \cup \cup \cup \cup : \neq \cup \cup \cup, \neq \cup$

«(который) перед другими получил по воле судьбы твою кровь, дитя Фетиды, внизу», — соотнося $\pi\acute{\epsilon}\rho\iota$ с восстановленным в первом пентаметре $\tilde{\eta}$. Сохранение hiatus в форме $\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\tilde{\iota}\lambda\eta\gamma\epsilon\nu$ (глагол $\pi\epsilon\rho\iota\lambda\alpha\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$ был бы в этом случае гаптаксом) менее вероятно. Таким образом, мы солидаризируемся с теми учеными (об этом см. ниже), которые полагали, что в римское время ольвиополиты почитали Березань островом Ахилла, куда перенесла его Фетида после гибели под Троей и который, следовательно, принял его останки, «кровь». Столь настойчивая акцентуация («именно») такого представления вполне объяснима исходя из того, что как раз остров в устье Днепро-Бугского лимана стал в послепетское время основным святилищем Ахилла в Северо-Западном Причерноморье взамен Левки, что и было вполне уместно подчеркнуть соответствующим образом.

Второй пентаметр выделен с обоих концов *vasat* (сткк. 8—9). В конце стк. 8 по затертости читаются буквы $A\Theta A$, а в начале стк. 9 — $\Sigma I N I \Sigma O \Sigma$. Восстановление тут безвариантно:

$A\iota\alpha\kappa\iota\delta\eta\varsigma \text{ } \text{'}\text{A}\chi\iota\lambda\lambda\epsilon\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\theta\alpha[\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\sigma\iota\nu] \acute{\iota}\sigma\omicron\varsigma$
 $\neq \cup \cup \cup, \neq \cup \cup \cup, \neq : \neq \cup \cup \cup, \neq \cup \cup \cup, \neq$

«(внизу — стк. 8, в начале) равный бессмертным Ахилл Эакид». Отметим прежде всего употребление здесь (древне)ионийской формы дат. пад. мн. ч., оканчивающейся на — $\omicron\iota\sigma\iota\nu$ (она была присуща также дорийским и лесбосскому говорам) и часто встречающейся в гомеровском эпосе. Необходимо упомянуть и позиционное удлинение привативной *альфы* в слове $\acute{\alpha}\theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\sigma\iota\nu$. Поскольку весь этот стих (а также слово $\gamma\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ в предыдущем) по существу являются обращением к Ахиллу, то мы могли бы ожидать здесь звательный падеж. Однако ном. нередко заменяет voc., даже в сочетании с $\acute{\omega}$, в том числе и в обращениях, уже в языке Гомера; еще чаще это встречается у трагиков и в позднейшей поэзии. Особенно показательны случаи, когда рядом в значении звательного падежа употребляются формы ном. и voc.⁶ Так что в таком его употреблении и в данном стихотворении нет ничего невозможного.

Напротив, эпikleза Ахилла — Эакид — диссонирует с гомеровской традицией, в которой он выступает — по имени отца — как Пелид. А это позволяет нам не только соглашаться с мнением Диона Хрисостома о том, что ольвиополиты считали Гомера величайшим поэтом и блестяще знали его произведения, но и утверждать, что неизвестный нам ближе стихотворец, оставивший эпиграмму, о которой идет речь, был хорошо знаком с догомеровской еще традицией, в которой Ахилл первоначально был владыкой мертвых, поселенных на острове блаженных в далеком море, повелителем

⁶ На подобные факты обратил внимание уже автор первой фундаментальной научной греческой грамматики: *Kühner R. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. 2. Theil. 1. Abt. Hannover* ², 1870. S. 41. § 356, 3—4; S. 43. § 357, 2. Его наблюдения получили дальнейшее распространение и развитие в аналогичных трудах Ф. Бласса, К. Бругманна и др. Весьма красноречивый материал собрал Э. Швицер (*Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. 2. München* ⁵, 1977 — editio stereotypa).

царства теней. Ведь, вероятнее всего, в самом Эаке — деде Ахилла по материнской линии, следуя мифологической генеалогии, — первоначально надо видеть владыку подземного мира, превратившегося в представлениях древних греков под влиянием орфиков в судью усопших в Аиде⁷. Так, в тексте посвящения и в первых четырех стихах эпиграммы мы получаем слепок восприятия древними ольвиополитами Ахилла как синкретического божества — как минимум, водного («Понтарх», «дитя Фетиды»), подземного («внизу», «Эакид», обитающий на острове), с человеческим прошлым («равный бессмертным»; остров, принявший его кровь, — напоминание о его присутствии под стенами Трои еще как героя-полубога) — своего рода квинтэссенцию всех античных мифологических представлений о нем. Значит, все эти разнообразные мифологемы продолжали жить в сознании жителей послегетской Ольвии. Такой факт уже сам по себе трудно переоценить.

Следующий стих (гекзаметр) вновь отделяет от предыдущего *casat*. Завершающие стихи эпиграммы вообще представляют относительно большие трудности для восстановления и интерпретации. В конце стк. 9 по затертости после *дельты* читается *эпсилон*, а в начале стк. 10 рядом с изломом — сильно стершиеся остатки некоей буквы (возможно, имевшей отчасти округлую конфигурацию), а за ними — *йота*, *эта* и *ню*. Дальше — ΚΑΙΕΙΛΑΑ □ ΙΣΘΙ. Здесь гекзаметр должен заканчиваться. Очевидно, без реконструкции пропавшего текста он должен выглядеть так:

ἀλλ' Ἀχιλλεῦ δε[————]ιην ΚΑΙΕΙΛΑΑ □ ἴσθι
 ◡◡◡, ◡◡◡, ◡◡◡, ◡:—, ◡◡◡, ◡◡

или: ◡—, ◡—, ◡◡◡, и т. д. Думается, первый вариант более приемлем: в то время как второй не только утяжеляет стих двумя следующими друг за другом спондеями, но и требует растяжения трех подряд кратких звуков (*альфа* и *йота* в имени Ахиллеса, *эпсилон* в *δε*) — первый не создает таких трудностей. В начале стиха надо читать ἀλλ'á in elisione: ἀλλ'á' = ἄλλ'η (ж. р. от ἄλλος — другой) делает невозможным восстановление связного текста, а ἄλλ'á' = ἄλλ'η — смысла. Итак, в сочетании с бесспорным императивом в конце гекзаметра (ἴσθι) мы имеем здесь явное противопоставление предыдущему тексту — даже если интерпретировать ἀλλ'ά как обычное усиление («ты же, о Ахилл!»).

Настоящую стих представляет собой лакуна в начале стк. 10. Восстановление тут начертя типа [ἀν-ι]βίην при всех вариантах не дает вразумительного смысла. Различные формы optativi от разных глаголов, оканчивающиеся на -οιην, во-первых, плохо соответствуют протяженности пропавшего текста и требованиям метра; во-вторых, влекут за собой чтения типа καὶ εἰ λ(λ)αξός. А это не только резко контрастирует с незамысловатым в целом синтаксисом стихотворения, но и требует сокращения подряд двух долгих звуков в слове λαξός < λαόξοος: «каменотес, резчик». По логике в двух последних стихах должно быть сформулировано, что, в свою очередь, принимает Ахилл (благодарность, жертву, посвящение, молитву и т. д.). Реконструкция типа δέ[γρε εὐθῶ]βίην грешит переполнением лакуны и неоправданным зиянием на стыке частицы и существи-

⁷ В последнее время большую специальную работу посвятил этому вопросу Хильдебреخت Хоммель (Ахилл-Бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 52—76, особенно с. 64 слл. и прим. 59, с литературой). Все разнообразие почитания Ахилла как божества рассмотрено там достаточно подробно, поэтому я отсылаю читателя к данной работе. Хочется только специально отметить, что основные выводы ее получили сейчас — в результате обнаружения нашей надписи — блестящее подтверждение.

тельного и предполагает чтение *καίσι λ<λ>αός*, также весьма маловероятное по синтаксическим и стилистическим соображениям. Наконец, восстанавливать здесь прилагательное, определяющее асс. sg. *μοῦσαν* следующего стиха, не позволяют ни размер лакуны, ни остатки литер на камне.

Поскольку в конце стиха стоит форма повелительного наклонения, то наиболее вероятным представляется, что она при помощи союза *καί* соединяется с другим императивом. Это тем более заманчиво, что позволяет читать в стк. 10 *καί εἴλλαος ἴσθι*, где *εἴλλαος* — эолийская форма (*ἴλλαος*) прилагательного *ἴλαος* «радостный, благосклонный» (написание *εἴλ~* известно уже со II в. до н. э.: LSJ, s. v.). Единственно подходящая здесь форма *imperativi* — *δέξ[ξο]*⁸. Напрашивающееся здесь вроде бы восстановление *δέξ[ξο γ]αίην*, во-первых, не соответствует очертаниям округлой буквы на камне; во-вторых, плохо заполняет лакуну; в-третьих, по-моему, хуже метрически. Поэтому предлагаю следующий вариант, который представляется мне наиболее удачным:

ἀλλ' Ἀχιλλεῦ δέξ[ξ]εῦθυ]σίην καί εἴλλαος ἴσθι

⊂ ⊂ ⊂, ⊂ —, ⊂ : ⊂ ⊂ ⊂, ⊂ : —, ⊂ ⊂ ⊂, ⊂ ⊂

«а ты, о Ахилл, прими благую жертву и, благосклонный, узнай (т. е. признай)». Отметим еще раз свободное владение автором стихотворения поэтической лексикой (эол. *εἴλλαος* — как известно, эолизмы составляют около 20% языка Гомера). Последнее лишний раз подкрепляет наше понимание второго пентаметра.

В конце стк. 10 после букв НМЕТ по затертости видны еще *эпсилон* и *ро*, а в начале стк. 11 — *ню*. Следовательно, последний пентаметр в своем нынешнем состоянии выглядит так:

ἤμετερ[————]ν μοῦσαν ἀπὸ γραφίδος.

⊂ ⊂ ⊂, ⊂ ⊂ ⊂, ⊂ : ⊂ ⊂ ⊂, ⊂ ⊂ ⊂, ⊂

Первое слово стиха, явно определяющее *μοῦσαν*, без труда дополняется до *ἤμετέρ[αν]* (здесь в единственном случае в эпиграмме наблюдается некоторое нарушение строго силлабического переноса). Вообще же при заполнении лакуны следует исходить из того, что в ней в целом могло пропасть вряд ли больше шести букв. Поскольку же существительное *μοῦσαν*, стоящее в аккузативе, требует более полного, чем просто *ἤμετέραν* определения, а расположенное перед ним *ню* соответствует окончанию также вин. пад. прилагательных 1—2 скл., то наиболее перспективно поискать варианты дополнения именно в этом разряде слов. При этом надо учитывать, что прилагательное, в соответствии с контекстом, должно оценивать либо качество стихотворения, либо характеризовать религиозные чувства автора. Думается, что всем этим условиям наилучшим образом отвечает реконструкция *ὀσίην* (*ὀσιος*, 3 — «благочестивый, благоговейный»). Допустим и вариант *ἀγνήν* (в значении *ἀγνός*, 3 — «праведный»), который внес бы в восстановление лишь незначительные метрические изменения, а также некоторые другие (например, *θεσίην* «боговдохновенная»); однако восстановления типа *καπεινήν*, *εὐφήμεν*, *μετρίην*, *κοσμίην* не соответствуют

⁸ Предложено Ю. Г. Виноградовым, которому я выражаю свою самую искреннюю признательность. Забегая вперед, скажу, что восстановление в лакуне существительного типа *εὐθυσία* (~η) предполагает и выдающийся знаток греческих мифологии, религии и философии проф. В. Буркерт из Цюриха; правда, он более склоняется к варианту *δέξ[ξαι θυ]σίην*.

размерам лакуны. Итак, мы предпочитаем реконструировать:

ἡμετέρ[αν ὀσίη]ν μούσαν ἀπὸ γραφίδος
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ : ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥

«нашу благочестивую музу, (вышедшую) из-под (нашего) пера».

А весь текст целиком, по нашему мнению, мог бы выглядеть так:

[Κυκλο]τερές κτεάτισμα θεῶν,/[᾿Αχιλῆος] ὄχημα
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ : ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ : ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂
νῆσσε περικλυ/[τή, ῆ,] κόμασι γηθομένη,
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ : ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥
σὸν πέ/[ρι εἰ]ληχεν θεΐτιδος γόνος αἶμα/[ἔνερ]θε
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ —, ⊥ : ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ : ⊂, ⊥ ⊂
Αἰακίδης ᾿Αχιλλεὺς ἀθα/[νατοῖ]σιν ἴσος·
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ : ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥
ἀλλ' ᾿Αχιλλεὺς δέ/[ξ'εὐθυ]σίην καὶ εἰλλας ἴσθι
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ —, : ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ — : ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂
ἡμετέρ[αν ὀσίη]ν μούσαν ἀπὸ γραφίδος.
⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ : ⊥ ⊂ ⊂, ⊥ ⊂ ⊂, ⊥

«Обтесанное кругом достоянье (или: приобретенье) богов, колесница? (или: опора) Ахилла, о славный (или: знатный), радующийся волнам остров, который перед другими получил в удел (принял) твою кровь, дитя Фетиды, внизу (т. е. в подземном мире) равный бессмертным Ахилл Эакид; ты же, о Ахиллес, прими благую жертву и, благосклонный (= благосклонно), узнай (вышедшую) из-под пера нашу благочестивую музу».

Хочется подчеркнуть довольно высокий поэтический уровень изучаемого памятника. При достаточно простой синтаксической структуре текста автор легко владеет лексическим фондом и законами метрики, употребляет архаичные формы слов, раритеты (или продукты собственного словотворчества), ионизмы и эолизмы, не перегружает стихи спондеями; прекрасно знаком с мифологической биографией своего героя. Все это замечательно подтверждает сообщение Диона Хрисостома (36,9; 14; 25) о том, что ольвиополиты почитают Гомера как самого выдающегося поэта, знают его произведения наизусть, а главному герою «Илиады» поклоняются особо, наравне с богами. К тому же последнее прямо отражено в публикуемом стихотворении. Такая традиция в интересующем нас регионе имеет давнюю историю, которая иллюстрируется, помимо прочего, посвящением ольвиополита Ахиллу с о-ва Левки (IOSPE I². 326, IV в. до н. э.) и аналогичным памятником, происходящим из Роци Гекаты (IOSPE I². 327, IV в. до н. э.).

Наиболее вероятным временем создания надписи может быть вторая половина I в. н. э., вероятно, ближе к его концу. Несмотря на сходство многих черт ее шрифта с теми, что мы находим в HO 42⁹ (которая сама, по мнению издателя, весьма близка к IOSPE I². 181, датируемой временем Тиберия), особенно в формах *омеги*, *ню*, *ипсилона*, *мю* и *пи*, новая березанская находка в целом отличается более развитыми формами шрифта. У нее много общего и с HO 90 (I — начало II в. н. э.). Однако их полному отождествлению мешает прежде всего укороченная правая вертикаль *пи*,

⁹ В сборнике HO (с. 46) приводится суммарная датировка «едва ли... позднее I - первых десятилетий II в. н. э.».

а также написания *мю*, *каппы*, *сигмы* и в ряде случаев *альфы*, более развитые в посвящении Ахиллу Герою. С другой стороны, при определенном сходстве начертаний *эпсилона*, *пи*, *ипсилона*, *ню*, *сигмы*, *омеги* в НО 82 (первая половина II в. н. э.) — совершенно отличны написания *эты*, *альфы*, *лямбды*, *теты*, *йоты*, *дельты*. Наконец, существенно более развитые формы шрифта показывают НО 88 и 92 (I — начало II в. н. э.). И несмотря на незначительность фрагментов, практически стопроцентно совпадение самого принципа написания букв в НО 135 (I в. н. э.), 177 (вторая половина I — первая половина II в. н. э.) и нашей надписи. Думается, на дату, близкую окончанию I в., может указывать и ее неустоявшийся еще шрифт — смешение до 4—5 различных способов начертаний *эпсилона*, *каппы*, *ипсилона*, *альфы*, *ню*, *сигмы* и *мю*. Создается впечатление, что традиции письма I в. до н. э. — I в. н. э. ко времени создания надписи уже почти отошли в прошлое, а каноны, которые будут приняты во II и развиты в III столетиях н. э., еще не устоялись, и публикуемый памятник находится как раз на этом переломе.

Если наши наблюдения верны, то новая надпись может считаться едва ли не самым ранним березанским посвящением Ахиллу. Условия ее обнаружения и многочисленные аналоги подобных посвящений, найденных на острове ранее, не позволяют сомневаться в том, что и находка лета 1988 г. изначально была создана для этого места. Отсюда совершенно особое звучание приобретает тот факт, что Березань названа в стихотворении островом, — откуда с неизбежностью следует, что она была им уже по крайней мере в конце I в. н. э. Так новый документ опровергает мнение о том, что на протяжении всей античности Березань была полуостровом¹⁰, и делает излишними остроумные построения М. В. Агбунова по поводу того, что «вторым» островом Ахилла в римское время считалась часть современного Кинбурнского полуострова, отделенная от коренного берега дельтовым рукавом Днепра¹¹.

Как было отмечено в самом начале (прим. 3), всего сейчас насчитывается 43 лапидарные надписи посвяжительного характера римского времени, в которых фигурировал (или мог упоминаться) Ахилл. Показательна география их распространения в сочетании с частотностью находок: Березань — IOSPE I², 131, 135; НО 87, 89; находка 1988 г. и две новые надписи 1989 г. (Ахилл Понтарх); IOSPE I². 154 (упоминается *χαριστήριον* связываемый издателями с кругом посвящений Ахиллу Понтарху); НО 90 (Ахилл Герой) — итого 9 памятников; Коблево (б. Троицкое у Тилигульского лимана) — IOSPE I², 138, 142, 144 (Ахилл Понтарх; № 144 найден «в пяти верстах от Коблево на берегу Карабашского лимана»), 685, 686 (*χαριστή-*

¹⁰ См., например, *Агбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 116, 126. Однако я бы не стал однозначно интерпретировать семантику глагола *κτηατίζω* (и соответственно производного от него существительного *τὸ κτηατίσμα* «приобретение, достояние») в том смысле, что в отличие от глагола *κτάνομαι* он указывает на недавню приобретенное имущество. То есть, применительно к данному случаю, что Березань стала островом совсем незадолго до создания надписи. Ведь возможные синонимы *τὸ κτηατίσμα* в нашем контексте не удовлетворяют требованиям стихотворного размера. К тому же сам глагол вполне может быть отнесен к достаточно широко распространенным в поздней античности более интенсивным и легко спрягаемым суффиксальным образованиям. Да и в том случае, если оттенок новизны в семантике *κτηατίζω* считать преобладающим, то в производном от него слове он в данном случае мог как минимум с тем же успехом отражать не недавнее отделение острова от материка, а еще свежее в памяти дедиканта (~тов) перенесение основного в том числе и для жителей рассматриваемого региона святилища Ахилла с острова Левки (Змеино) на Борисфен (Березань).

¹¹ Там же. С. 116—126.

ριον в обычных посвящениях агораномов и стратегов)¹² — 5; Тендра — IOSPE I². 328, 329 (Ахилл), 330 (χαριστήριον), 331 (то же кибернета), 332 (εὐχαριστήριον) — 5; Бейкуш (совр. Черноморка) — IOSPE I². 132, 133 (Ближний Бейкуш), 143, ВДИ. 1953. № 4. С. 130 (все — Ахилл Понтарх), 145 (характерное завершение посвящения) — 5; Ольвия — IOSPE I². 53 (приписка к декрету), 139, 141, очевидно, 266 (все — Ахилл Понтарх), 149 (аналогичные формулировки), 157 (состояние, аналогичное упоминаемым в посвящениях Ахиллу Понтарху) — 6¹³; с. Тузлы (между Березанским и Тилигульским лиманами) — IOSPE I². 130, 134 (Ахилл Понтарх) — 2; Очаков — IOSPE I². 137 (Ахилл Понтарх), 153 (χαριστήριον) — 2; Одесса (? у Хаджибейского лимана)¹⁴ — IOSPE I². 136, 140 (Ахилл Понтарх) — 2; Викторка (у Березанского лимана) — IOSPE I². 146 (χαριστήριον) — 1; Софиевка (у Тилигульского лимана)¹⁵ — НО 88 (Ахилл Понтарх) — 1; Рыбаковка — находка 1983 г. (Ахилл Понтарх) — 1; Осетровка — находка 1985 г. (Ахилл Понтарх) — 1; неизвестного происхождения — НО 86 (Ахилл Понтарх), IOSPE I². 155, 158 (εὐχαριστήριον, χαριστήριον) — 3.

Аналогичным будет и результат, если ограничиться только несомненными посвящениями Ахиллу Понтарху: Березань — 7, Ольвия — 4 (или 1), Коблево — 3, Бейкуш — 3, Тендра — 2, с. Тузлы — 2, Одесса (?) — 2, Очаков — 1, Софиевка — 1, Рыбаковка — 1, Осетровка — 1, неизвестного происхождения — 1 (или 6, если относить сюда три посвящения, считающиеся старыми издателями ольвийскими, и два — одесскими). Превосходство Березани самой по себе здесь достаточно очевидно (23—25% от общего числа посвящений Ахиллу при любом счете). Поэтому мы вправе считать наш остров основным центром почитания культа Ахилла в Северо-Западном Причерноморье в римское время.

В целом же распространение посвячительных надписей, несомненно адресованных Ахиллу Понтарху, и по мере их накопления может только подтвердить давно замеченную закономерность их сосредоточения¹⁶.

¹² Обе надписи нанесены на противоположные стороны одной стелы.

¹³ П. О. Карышковский (Новое посвящение... С. 146) сомневался в ольвийском происхождении IOSPE I². 141, 149, 157 (хотя и учитывал их в своей таблице), поскольку все они прошли через руки торговцев древностями и коллекционеров. Он подчеркивал, что в Ольвии точно была найдена только надпись IOSPE I². 53. В таком случае мы должны по аналогичным причинам сомневаться и в происхождении IOSPE I². 139 и 266.

¹⁴ Обе надписи вырезаны на двух сторонах одной стелы. П. О. Карышковский, комментируя сообщение старых издателей о том, что они были найдены «на Молдаванке», пишет, что стела была обнаружена в районе совр. улицы Марины Расковой у так называемой Водяной балки, открытой в сторону Хаджибейского лимана, в древности сообщавшегося с морем (Карышковский. Новое посвящение... С. 145). Следует, однако, учитывать, что в соответствии со свидетельством Э. Р. фон Штерна стела эта, как ему стало известно из вторых рук, была найдена в фундаменте старого одесского дома при его реконструкции. Поэтому нельзя быть уверенным, что она и первоначально находилась в том самом месте (или близости от него), где была обнаружена. Во всяком случае, не менее вероятно, что она, как это часто бывало с античными лапидарными древностями юга России, была доставлена в Одессу в качестве строительного материала из ближних или дальних окрестностей города. И строить далеко идущие выводы о границах ольвийской хоры (см. Отрешко. Ук. соч. С. 83, 86—87) в начале н. э. на основании этих двух посвящений было бы по меньшей мере неосторожно.

¹⁵ Такие сведения приводит первоиздатель надписи П. О. Карышковский (Новое посвящение... С. 141).

¹⁶ Latyshev В. IOSPE I². P. 153 et not. 1; 154; Штерн Э. Р. фон. Вновь поступивший в Одесский музей эпиграфический материал // ЗООИД. 1907. 28. Прил., с. 33; Болтенко М. Ф. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха // ВДИ. 1953. № 4. С. 132; Карышковский. Новое посвящение... С. 145; основные центры сосредоточения находок

И сейчас можно выделить два района их концентрации: один из них тяготеет к Березани и прилегающим лиманам — это Тузлы, Бейкуш, Тендра ¹⁷, Очаков, Рыбаковка, Осетровка. Другой охватывает территорию у следующего за Березанским в западном направлении крупного лимана — Тилигульского: это находки в Коблево и Софиевке. Особняком стоят надписи из Ольвии и Одессы, точное происхождение которых не всегда можно установить с необходимой ясностью.

Обращает на себя внимание, что многие посвящения были найдены вблизи существующих ныне или существовавших в древности и превратившихся теперь в соленые озера лиманов, нередко у западных их побережий. Тем самым условия находки и агонистическое содержание многих из упомянутых здесь документов прежде всего прямо свидетельствуют о синкретизме культа Ахилла Понтарха в очерченном регионе — водного, подземного и покровительствующего состязаниям божества ¹⁸. Полисемия же культа Ахилла на Березани, ярко проявившаяся в публикуемой эпиграмме, в сочетании с концентрацией внушительного большинства посвящений этому богу как раз на острове и поблизости от него лишний раз подтверждает его положение основного центра Ахиллова культа в римский период истории Ольвии и мнение тех исследователей, которые полагали, что островом Ахилла в послегетское время для ольвиополитов была именно Березань. И именно об этом недвусмысленно говорится в нашей надписи.

Как известно, первым этот вопрос поставил еще академик Кёлер. Он полагал, что Ахиллу на Понте были посвящены два острова, причем доминирующее положение в римское время перешло к Борисфениде-Березани ¹⁹. Поскольку ко времени выхода в свет монографии В. В. Латышева ²⁰ не были известны бесспорно березанские посвящения Ахиллу Понтарху, он подверг точку зрения Кёлера острой критике. Латышев подробно разобрал группу свидетельств авторов римского времени об острове Ахилла, расположенном напротив устья Борисфена. Его доводы были приняты графом И. И. Толстым ²¹, который отвел свидетельства надписей (они к тому времени уже были открыты) тем, что на Березани была расположена рядовая святыня Ахилла. Оба ученых считали, что римские источники отражают не независимую традицию об Ахилловом острове, отличном от Левки, а смутные представления их авторов о Северном Причерноморье. С такой позицией был несогласен уже Элиас Х. Миннс, а М. И. Ростовцев выдвинул против нее весьма основательные аргументы ²². С тех пор в научной литературе утвердилось мнение о том, что после утраты контроля над святилищем на о-ве Левка, которое до гетского разгрома полиса было под покровительством Ольвии, Березань стала для ольвиополитов священ-

надписей — Березань, побережья Тилигульского и Березанско-Сосицкого лиманов. Ср. *Отрешко*. Ук. соч. С. 86—87.

¹⁷ По вполне понятным причинам пять (две — несомненных) надписей с Тендры (ср. *Карышковский*. Новое посвящение... С. 145: о формулировках) — древнего Ахиллова Бсга — должны рассматриваться несколько отдельно. Впрочем, Тендровская коса, расположенная достаточно недалеко от Березани, вполне могла быть, наряду с островом, вторым центром почитания Ахилла в рамках единого культового комплекса.

¹⁸ Ср. *Отрешко*. Ук. соч. С. 85—86.

¹⁹ *Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles*. P. 543, 632 suiv. (Acta Acad. Petrop. T. X.).

²⁰ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 61.

²¹ *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте. Пг., 1918. С. 25 сл., 45—50, 54.

²² *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913, P. 480; *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. 65. С. 187.

ным островом Ахилла, на котором находилось его основное полисное святилище ²³.

Однако лишь теперь мы получили бесспорное свидетельство, подтверждающее тождественность Борисфена-Березани и острова Ахилла как минимум уже в I в. н. э. И в этом надо видеть важнейшее историческое значение публикуемого документа ²⁴. Может быть, мы имеем здесь также дальнейшую трансформацию представления, согласно которому лишь бессмертная ипостась Ахилла была перенесена в Понт ²⁵, и зарождение новой мифологемы.

A BEREZAN HYMN TO THE ISLAND AND ACHILLES

F. V. Shelov-Kovedyaev

The paper publishes a unique epigraphic document, a versified Greek dedication to Achilles Pontarches of the first century A. D. found in the summer of 1988 on Berezan Island. The author free mastery of the verse vocabulary and style, poetic skills, and the content of the poem and direct reminiscences from the epic brilliantly confirm Dion Chrysostomos's report that the Olbiopolites honoured Homer most of all the poets and especially revered Achilles. As follows from the epigram, the cult of the latter in post-Getic Olbia had syncretic features — of a water, equine, and subterranean divinity and a hero-demigod. At the same time, as the graffiti witness, the pre-Homeric tradition, in which Achilles figured as one of the gods who ruled the Kingdom of the Dead, still played a significant role in Olbians' notions about him. His epiclerosis as Pontarches should also be recalled in that sense: the Pontos Euxeinos was called hospitable in the context of that tradition (this epithet also referred there to Ajax). Much of the poem is devoted to extolling the island where the inscription was found as the island of Achilles. That confirms the opinion of those students who consider that the centre of Olbiopolites' worship of Achilles was transferred in Roman times from Leuke (modern Snake Island) to the modern Berezan Island. Map-making, and a count and analysis of the content of now known dedications to Achilles unambiguously point to Berezan Island as the main place of worship of his cult in the north-western Black Sea littoral in the first centuries of the Christian era. It is also of no little importance, finally, that we now have documental confirmation that Berezan was already an island by at least the first century A. D.

Редсовет и редколлегия ВДИ поздравляют Федора Вадимовича Шелова-Коведяева с избранием в народные депутаты РСФСР.

²³ *Diehl E.* Pontarchus (2) // RE. 1953. 22. Sp. 2; *Болтенко.* Ук. соч. С. 132; *Карышковский.* Новое посвящение... С. 145; *Горбунова К. С.* Посвятительная надпись в честь Ахилла Героя с о. Березань // АИКСРП. Л., 1968. С. 99; *она же.* Древние греки на острове Березань. Л., 1969. С. 18—19, 43.

²⁴ Не исключено, что он был создан вскоре после утверждения такого взгляда (если только уже и раньше Березань не составляла конкуренции Левке в мифологических и религиозных воззрениях ольвиополитов и их культовой практике).

²⁵ Ср. *Хоммель.* Ук. соч. С. 74—75.

© 1990 г.

Г. А. Лордкипанидзе, Н. Ш. Кигурадзе, Т. Т. Тодуа

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ СТЕЛА ИЗ ПИЦУНДЫ

Греко-римский «Великий Питуонт», Бичвинта грузинских источников, расположенный в северной части Восточного Причерноморья, на территории современного курорта Пицунда, был одним из древнейших очагов раннего христианства¹. Воздвигнутые здесь римлянами деревянные, а с конца II в. н. э. долговременные каменные фортификационные сооружения служили не только форпостом Кавказского лимеса², но и местом ссылки первых христиан³. По православной церковной традиции, нашедшей отражение в грузино-абхазских преданиях, здесь вели миссионерскую деятельность апостолы Андрей Первозванный, впоследствии первый патриарх Константинополя, и Симон Кананит⁴. После принятия так называемого «Миланского эдикта» 313 г. н. э. — распоряжения Константина I Великого о веротерпимости в границах империи — в Питуонте, входившем в состав римской провинции Каппадокия как часть бывшего так называемого Полемоновского Понта, должна была легализовать свою деятельность местная раннехристианская община. Это не подлежит сомнению, так как уже в 325 г. здесь существовала авторитетная христианская община с епископальной кафедрой, организационно сложившаяся, вероятно, еще ранее. Глава ее епископ Стратофил принимал участие в работе I Никейского вселенского собора⁵, проходив-

¹ *Анакидзе А. М.* Археологические раскопки в Пицунде // Великий Питуонт. III. Тбилиси, 1977. С. 19 сл. (там же библиография вопроса); *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 227; *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. II. Lpz. 1906. S. 117 f.

² *Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., Тодуа Т. Т.* Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987. № 2. С. 88. сл.

³ *Меликсет-Бекоев Л. М.* Древнейшая Пицунда у Понта Евксинского // ЗКОИРГО. 1916. XXIX. 4. С. 64; *Лекинадзе В. А.* О древнейшей базилике Питуонта и ее мозаиках // ВДИ. 1970. № 2. С. 190; *Кауццишвили С. Г.* Сведения византийских писателей о Грузии // Георгика. 2. Тбилиси, 1968. С. 27, 29 (на груз. яз. с параллельным греческим текстом); Георгика. IV. Тбилиси, 1952. С. 76. По «Хронографии» Феофана в Питуонт был сослан в начале V в. патриарх Константинополя Иоанн Златоуст (*Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 48, 72).

⁴ *Сабинин Г.* История грузинской церкви до конца VI в. СПб., 1877. С. 13; Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Новое значительно измененное и дополненное издание. Составитель — И. Н. (инициалы не расшифрованы; возможно, это наставник Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря архимандрит Иерон Никонов). Переиздание той же книги А. (рхимандритом) Л. (еонидом) Кавелиным. В. В. Латышев назвал это странным плагиатом. См. его статью «К истории христианства на Кавказе» // Сб. в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911. С. 170.

⁵ *Кауццишвили С. Г.* Первый Никейский вселенский собор // Георгика. I. Тбилиси, 1961. С. 1 сл.; *Аджинджал Е. К.* Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. 1967. № 3. С. 180 сл.

шего в Малой Азии (Вифинии) при дворе Константина Великого. В церковно-иерархическом отношении Пителинская епархия подчинялась неокесарийскому митрополиту⁶ и через него константинопольскому патриаршему престолу. Как известно, первые христианские общины и связанные с ранним христианством ереси появляются в малоазийских городах⁷. Отсюда распространяются они в Европу, где первые христианские общины, как и в Пителинске, организуются в городах, возникших при римских укрепленных лагерях. Как показали результаты археологических исследований последних лет в Австрии и ФРГ (Бавария), простые мемориальные церкви зального типа строятся там уже в первой половине IV в.⁸

При сравнительной малочисленности ранних христианских общин специальные «божьи дома» не строились, соответственно не имели они и профессиональных должностных лиц. Переход от демократической общины к сложной церковной организации, епископальной церкви, как и строительство базилик для «нормального культа», начинается с IV в. в провинциальных городах Римской империи и особенно большого размаха достигает в V в. н. э.⁹ Резиденция «епископов» находилась в городах, и лишь епископ имел право разрешать строительство новых церквей и монастырей, варить мир, рукополагать священников, дьяконов, клириков, монастырских наставников. Их финансовую деятельность контролировал митрополит, следивший за ходом выполнения посланий патриарха¹⁰. Таким образом, в первой четверти IV в. Пителинск являлся не только римским кастроном, но и городом с организованной раннехристианской общиной, которая, вероятно, могла действительно владеть определенными земельными угодьями¹¹. Таким образом, права и обязанности епископа, в данном случае пителинского, были довольно значительными, однако, как нам представляется, его власть в IV—VI вв. распространялась на территорию лишь в пределах городских стен и небольшой сельскохозяйственной округи, хоры, в которой не улавливаются следы заселения¹². Далеко не случайно наиболее ранняя — небольшая церквушка зального типа строится у самых стен римской цитадели — Пителинск. Обычно эту однонефную церковь с полукруглой абсидой, без заплечиков переходящую в боковые стены размером 26,2 × 11,3 м, связывают с кафедралом Стратофила¹³, хотя, исходя из традиции епископальной церкви, скорее всего к нему можно было бы отнести вторую, более обширную, построенную

⁶ *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М., 1963. С. 113.

⁷ *Лебедев А. П.* Вселенские соборы IV—V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ александрийской и антиохийской. Сергеев Посад, 1896. С. 46; *Ранович А. Б.* О раннем христианстве. М., 1959. С. 364, 369; *Вунпер Р. Ю.* Рим и раннее христианство. М., 1954. С. 199.

⁸ *Ubl. Hannsjörg Frühchristliches Österreich // Severin zwischen Römerzeit und Völkerwanderung.* Linz, 1982. S. 297, 300, 302, Abb. 1—5. В этом же сборнике см. план позднеантичной церкви зального типа в Байройте (S. 235. Abb. 14, 1).

⁹ *Grabar A.* Byzantium from the Death of Theodosius to the Rise of Islam // *The Arts of Mankind.* L., 1966. P. 5. 1.

¹⁰ Церковная археология / Сост. А. Ладинский. СПб., 1873. С. 7, 24, 29; *Робертсон А.* Происхождение христианства / Пер. с англ. М., 1956. С. 197, 262; *Ранович.* Ук. соч. С. 270, 364.

¹¹ *Инадзе М. П.* Города Кольхиды в античную эпоху (Диоскуриада—Себастиополис, Пителинск—Бичвинта) // *Мацне.* 1963. № 3 (13). С. 150.

¹² *Воронов Ю. Н.* Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1984. С. 30. Ср. *Мацулевич Л. А.* Открытие мозаичного пола в древнем Пителинске // *ВДИ.* 1956. № 4. С. 227.

¹³ *Цицишвили И.* Комплекс церковных сооружений в Пителинске // *Великий Пителинск.* Тбилиси, 1977. С. 118; *Хрушкова А. Г.* Цандриш. Сухуми, 1985. С. 61.

на ее развалинах в первой половине IV в. трехнефную базилику¹⁴. Примечательно, что именно в данной части канабы за крепостной стеной в IV—VI вв. строятся и разрушаются еще три церкви. Буквально рядом со второй трехнефной базиликой вскоре после ее постройки была заложена всего в 1—2 м мощная крепостная стена с башнями, защищавшая канабу и базилику с юга. О постоянной военной опасности, грозившей городу и его христианской общине, свидетельствуют не только следы пожарниц в культурных слоях Пицундского городища середины III — второй половины IV в. и середины VI в., развалины церквей, последовательно сменявших друг друга с конца III — начала IV в. по VI в. н.э., но и городской некрополь, по известным причинам также близко примыкающий к юго-западным стенам кастела. Здесь археологическими разведками прошлых лет были зафиксированы коллективные захоронения женщин и детей, многочисленные останки жертв военной катастрофы, выделен отдельный участок раннехристианских захоронений¹⁵.

В центральной части могильника в кладке частично сохранившейся полукруглой наскоро воздвигнутой ограды родовой усыпальницы (?) над детскими захоронениями в местных коричневоглиняных амфорах и другими погребениями III—IV вв. была обнаружена расколотая на две части раннехристианская стела — каменный столб с тайником (рис. 1). Стела изготовлена довольно небрежно, с нарушением пропорций из монолита местного серого слоистого песчаника. На отдельных участках сохранились четкие, глубокие следы обработки твердой части скальной глыбы камнетесным инструментом. Не исключено, что эта стела — вторичного использования, хотя и не принесена издалека. Сохранившаяся высота ее 73,7, максимальная ширина 26 см. В верхней части монолита вырублено четырехугольное углубление размером 13,4 × 7 и глубиной 2,5 см с гнездом (10,9 × 4,5 см) для вставки креста (рис. 2). Отверстие было замуровано изготовленной из фрагмента желобчатой черепицы специальной керамической крышечкой (12,5 × 6 см) на толстом известковом растворе. Не отличавшийся высокой квалификацией мастер, изготовивший стелу, а возможно, и сам заказчик-христианин преследовал определенную цель — скрыть от противников новой идеологии символ христианской веры — священный крест, олицетворяющий не только четыре стороны света, но прежде всего страдания Христа на Голгофе. Несмотря на существующий скептицизм по отношению к раннехристианской символике¹⁶, трудно переоценить значение данной находки. Хотя прямых аналогий пицундская стела с замурованным крестом не имеет, ее можно все же связать с определенной церковной традицией, когда в алтарях устраивались четырехугольные тайники-ниши для хранения реликвий¹⁷. Каменные столбы с крестами различного назначения появляются в Грузии в IV—V вв.¹⁸ и бытуют в последующую эпоху¹⁹.

¹⁴ *Леквинадзе*. О древнейшей базилике... С. 192; *он же*. Монументальные памятники Западной Грузии I—VIII вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1973. С. 15.

¹⁵ *Апакидзе А. М., Путуридзе Р. В., Рамишвили Р. М.* Пицундская археологическая экспедиция 1961—1962 гг. // Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований. Тбилиси, 1963. С. 61 (на груз. яз.).

¹⁶ *Ранович*. Ук. соч. С. 362—364.

¹⁷ *Vraun J.* Der christliche Altar in seiner geschichtlichen Entwicklung. München, 1924. S. 150, 154.

¹⁸ *Чубиншвили Н. Г.* Стелы-кресты Квемо-Картли // ДМ. 1972. № 30. С. 39, 88—90. Рис. 4—6 (на груз. яз. с рус. резюме).

¹⁹ *Кипиани Г. Г.* Каменные столбы из селищ Ванского района // ДМ. 1979. № 50. С. 32—36, 76 (на груз. яз. с рус. резюме).

Вклейка к ст. Г. А. Лорджпанидзе и др.

Рис. 1. Стела — каменный столб с тайником

Рис. 3. Железный крест с гнездом

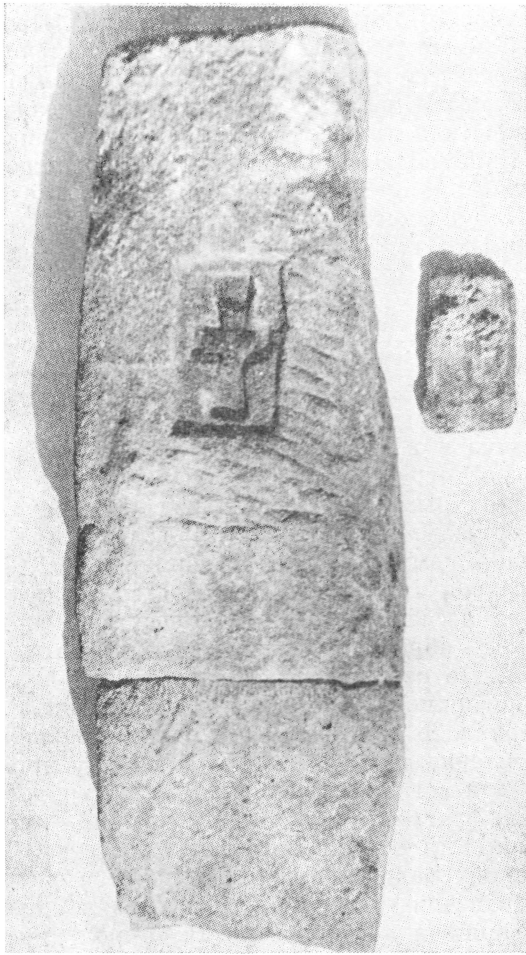

Рис. 2. Четырехугольное углубление с гнездом для вставки креста

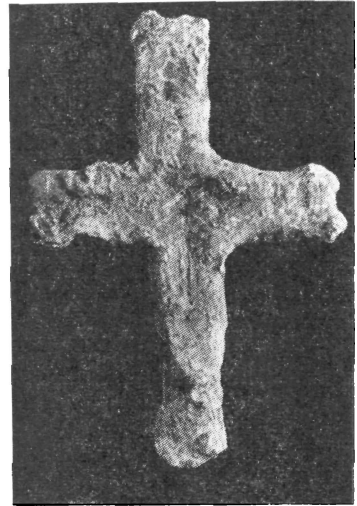

Рис. 4. Нательный крест

Очень интересна сама форма замурованного креста, изготовленного из цельного железного листа толщиной около 3 мм. Хотя и сохранилась лишь его центральная часть, оставшаяся ржавчина в гнезде позволяет восстановить ее форму целиком (рис. 3). Рукава (ветви) креста с торцов суживаются к центру с 3 до 1,5 см. Вертикальная часть (5,4 см) длиннее горизонтальной (4 см), но пропорции в целом соблюдены. Близкое по форме изображение креста нам известно из Палестины, на надгробной плите IV в.²⁰ На коптских архитектурных памятниках IV—V вв.²¹ также встречаются схожие кресты, но они заметно отличаются от крестов VI—VII вв. из того же региона. Можно в известной мере сопоставить наш крест с изображениями на мраморных плитах из второй базилики Пицундского городища, датированной второй половиной IV в. н. э.²²

²⁰ Testa E. Il simbolismo dei giudeo-christiani. Jerusalem, 1981. P. 249. Tabl. 113, 7.

²¹ Dalton O. M. Byzantine Art and Archaeology. L., 1911. P. 33, 52, 116. Fig. 18, 29; 69; Piezza R. P. Art Paléochrétien. P., 1970. P. 162.

²² Цицишвили. Ук. соч. С. 104 сл. Рис. 19.

Зафиксированные в культурных слоях V—VI вв. нательные серебряные кресты (рис. 4) также отличаются от них, как и все другие аналогичные предметы из Абхазии ²³.

Таким образом, обнаруженную нами стелу можно датировать IV в. н. э. и отнести к конкретной исторической эпохе — периоду гонения христиан при Диоклетиане.

²³ Хрушкова Л. Г. Материалы по мелкой пластике средневековой Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979. С. 62 сл. Табл. 42, 43.

AN EARLY CHRISTIAN STELE FROM PITSUNDA

G. A. Lordkipanidze, N. Sh. Kiguradze, T. T. Todua

The Graeco-Roman «Great Pitiunt» (the Bichvinta of Georgian sources), located in the northern part of the eastern littoral of the Black Sea, was one of the oldest centres of early Christianity.

In the central part of the burial ground, which was partially protected by a semicircular wall, and a hastily erected enclosure of a family vault, an early Christian stele has been discovered in two parts (a stone column and a secret recess — Fig. 1) above children's burials in local brown clay amphorae and other third and fourth century burials. The preserved height of the stele is 73.7 cm., its width 26 cm. A rectangular hollow had been carved in the upper part of the monolith with a recess to hold a cross (Fig. 2). The opening was closed by a special ceramic cover. As for the immured cross, it was made from a single iron sheet; though only the central part has been preserved, the rust in the hollow makes it possible to restore its shape as a whole (Fig. 3). The craftsman who fashioned the stele had a definite aim — to hide the holy cross from enemies. The stele discovered by us can be dated to the fourth century A. D., and belongs to the time of the persecution of Christians under Diocletian.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Возникновение античного государства

© 1990 г.

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ О РИМСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Прежде чем ответить на сделанные мне возражения и замечания, напомним вкратце основные положения моей статьи¹. Я исходила из указанного В. И. Лениным различия между «принудительной властью», обязательно существующей как сила, организующая жизнь и деятельность любого человеческого общежития — семьи, общины разных типов, — и государством, возникающим с формированием антагонистических классов и создающим некий стоящий над народом аппарат, призванный обеспечивать подчинение классов эксплуатируемых классам эксплуататорским. Имелось в виду также различие между «чистыми классами» эпохи капитализма и «классами-сословиями» докапиталистических обществ.

Сопоставив данные доступной мне этнографической и исторической литературы о последних стадиях первобытного общества в различных регионах и о переходе к государственности, я попыталась сравнить их с нашими сведениями о древнем Риме.

В огромном большинстве случаев архаические сословия, возникавшие в результате разделения труда как в производстве, так и в руководстве социальной жизнью (от военной до религиозной организации коллектива), постепенно превращались в классы-сословия, что и обуславливало возникновение государств с соответственным аппаратом. При всем разнообразии конкретных путей и форм общее направление прослеживается в самых разных регионах мира, в том числе у племен Африки, Океании, Америки.

По сходному пути первоначально шел и Рим; в нем могло бы сложиться государство с правящим классом-сословием крупных землевладельцев-патрициев и более или менее зависимыми земледельцами из плебеев. Но победы римского плебса, как и афинского, коринфского и т. д. демоса, прервали этот процесс, привели к формированию античной гражданской общины, имевшей власть организующую (а значит и принудительную), но не располагавшей государственным аппаратом для эксплуатации одного класса другим, поскольку процесс образования классов был прерван. С большой интенсивностью этот процесс возобновляется к концу Республики, что и обуславливает становление рождавшегося в ходе гражданских войн государства, окончательно оформленного Августом и все более укреплявшегося при Империи.

Высказанные в ходе дискуссии возражения можно объединить в несколько групп.

1. Моя точка зрения будто бы расходится с концепцией Ф. Энгельса, относившего возникновение римского государства ко времени реформ Сервия Туллия. Но надо учесть, что Ф. Энгельс опирался на факты, известные науке его времени, в частности на работы Моргана, и зависел от принятых тогда взглядов на историю античного мира. Так, например, он чрезвычайно преувеличивал число рабов в Греции и т. п. Но главное, в те времена историческая наука исходила из представления о непрерывном прогрессе по восходящей линии. Тогда еще не были известны открытые впоследствии археоло-

¹ *Штаерман Е. М.* К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2.

гией многие высокоразвитые культуры, приходившие в конце концов в упадок и практически забытые. Не была изучена ни крито-микенская цивилизация, ни «темные века», отделявшие ее от генезиса греческих полисов. В науке XIX в. история Греции начиналась с «гомеровского общества» и продолжалась непрерывно до расцвета афинской демократии и далее. Не были исследованы (правда, и теперь еще не до конца проясненные и во многом спорные) важнейшие факты наиболее ранней истории Рима: экономический подъем и широкие внешние связи при этрусских царях, последовавший за их изгнанием известный упадок, длившийся вплоть до нового подъема в конце IV в. до н. э. Линия развития представлялась тогда непрерывной — от Рима, подобного союзу прокезов, до возникновения классов и государства. Между тем, если разрыв между эпохами римской истории и не был столь велик, как между Ахейской и классической Грецией, то все же, учитывая его связь с историей Италии в целом, мог быть достаточно ощутим, чтобы допустить значительный перерыв в развитии общества и своего рода возвращение его к предшествующим стадиям.

2. Высказывались возражения против сравнения раннего Рима с другими обществами, стоявшими на последней стадии истории первобытного общества, поскольку методика сравнения с этнографическими материалами и данными о других древних обществах еще не выработана, и сами этнографы еще недостаточно освоили имеющийся материал.

Конечно, методика сравнительного анализа и обобщения этнографических данных будет со временем совершенствоваться, но это не значит, что в ожидании этого момента следует отказаться от сопоставлений. Ведь даже считая, что задача историка — выявлять специфику развития общества, нельзя отрицать, что эта специфика может быть выявлена только при изучении общего в разных явлениях и того особенного, что присуще лишь одному из них. В недавно вышедшей книге В. М. Массона «Первые цивилизации» (М., 1989) на огромном материале обрисованы именно общие и особенные черты этих цивилизаций, общие закономерности их генезиса и эволюции при индивидуальных особенностях, зависевших от многих конкретных условий.

У нас нет аналогичной сводной работы, посвященной, так сказать, вторичным цивилизациям (возникшим в основном в I тыс. до н.э. на европейском континенте), но очевидно, что их первые шаги также являли ряд общих закономерностей, обусловленных между прочим их вторичностью, предопределившей их более или менее тесные связи с цивилизациями ранними, на них влиявшими. В. П. Яйленко в книге «Архаическая Греция и Ближний Восток» (М., 1990) на тщательно собранном материале показал, сколь многим Греция была обязана восточным культурам. Чем дальше, тем больше накапливается данных о связях и с Ахейской Грецией, и с Востоком не только этрусков (а через них и Рима, и Италии — материковой и островной), но и юго-востока Иберийского полуострова, Галлии, Фракии. В этой связи, кстати, можно ответить и еще на одно из сделанных мне возражений: не может не быть государства там, где есть письменность и монета (как это было в Риме). Однако и то и другое замствозалось у более развитых народов. У иберов письменность из букв и слов, взятая у финикийцев, появилась с VI в. до н.э., монета — с середины III в. до н.э. Но если и можно считать государством Тартесс (хотя о нем известно очень мало), то вряд ли можно назвать государствами маленькие иберийские поселения, чеканившие монету с написанными иберийскими буквами названиями поселения, племени и его вождя, обычно одноименных. Монеты кельтов также не говорят о наличии государственности.

Помимо того, что развитие вторичных культур ускорялось благодаря упомянутым связям, им были присущи на ранних стадиях и некоторые другие сходные моменты, значение которых может быть выявлено только сопоставлениями. Известно, что у наиболее развитых племен или союзов племен царская власть рано или поздно смешалась властью аристократии и ее выборных магистратов (меддиксы в некоторых городах Италии, вергобреты у части галлов и т. п.). Появлялись и укреплялись города, где

жила знать и ремесленники, где искали защиты жители окрестных земледельческих общин, кровно-родственных и соседских. Значительно меньшую (по сравнению с «первыми цивилизациями») роль, если не в идеологическом, то в экономическом плане играло жречество, зато на первый план выдвигались военное дело, военные вожди и их дружины. Такие вожди имели в своем распоряжении людей разных категорий, свободных и более или менее зависимых. Статус такого аристократа определялся числом связанных с ним людей. Такие отношения засвидетельствованы в Ирландии (они хорошо проанализированы С. В. Шкунаевым в работе «Община и общество западных кельтов», М., 1989), у галлов (по описанию Цезаря, у Оргеторикса было 10 000 «клиентов и должников»), известны и сальдурии испанских вождей. Знаменитая надпись из Сатрика, сделанная «сотоварищами»-*sodales* первого римского консула Валерия Попликолы, и наблюдения над связью термина *sodales* у Тита Ливия с теми или иными патрициями свидетельствуют о связи аристократа с определенной категорией его окружения, отличной, видимо, от более зависимых клиентов, число которых также увеличивало вес патриция в обществе. Любопытно, что еще в конце II в. до н. э. в законе Элия о вымогательствах (CIL I.583) в числе судей не могли быть не только родственники и коллеги обвиняемого, но и его наследственные клиенты и *sodales*, т. е. соответственные связи признавались священными и в это сравнительно позднее время. И Цицерон говорит о множестве людей, всегда сопровождавших видного человека по дороге из дома на форум и т. д.

В рассматриваемых обществах происходило разделение на более или менее крупных земледельцев из знати и простой народ (крестьян и ремесленников), а также зависимых от знати безземельных или малоземельных людей из местного и пришлого населения. Более или менее острая борьба между всеми этими слоями переплеталась с войнами между племенами, союзами племен, городскими общинами. В зависимости от результатов этих многообразных процессов оформлялся строй конкретных ранних обществ, происходило укрепление элементов государственности или же возвращение к безгосударственной принудительной власти первобытных общин.

3. В доказательство тезиса о существовании государства приводилось соображение о том, что оно складывается не только в интересах определенного класса, но и в целях организации, нужной всему обществу. Но ведь организаторские функции имеет соответственная организация в любом коллективе, совместно добывающем средства к жизни, защищающем себя от нападений и т. п. Подобные функции выполняет и вождь волчьей стаи, и обезьяний вождь, осуществляющий и «принудительную власть» и присваивающий лучшие плоды, и старейшина племени, и римский *pater familias* с его абсолютной властью над жизнью, трудом, достоинством, свободой всех членов фамилии. Такой же, хотя и значительно усложненной, была и функция римских магистратов и римского сената в классической общине. И когда претензии на возмещение за исполнение этих функций значительно превышали заслуги их носителей перед согражданами, последние нередко выражали острое недовольство и даже возмущение. Где же, если исходить из определяющей роли организаторской функции государства, надо искать грань между государственным аппаратом и руководителями общины?

4. Во время дискуссии для доказательства существования римского государства в ранний период приводились соображения о борьбе патрициев и плебеев как борьбе классово-экономической, об эксплуатации плебеев как участников войн, о том, что наличие обедневших патрициев не противоречило их классово-экономической сущности. Однако именно последнее обстоятельство как раз говорит об их сословном характере. Так, в сословном феодальном обществе вполне обычно наличие бедного дворянина и богатого крестьянина, но для общества с «чистыми классами» такие понятия, как бедный капиталист или богатый пролетарий, звучат довольно нелепо. Другое дело, что в докапиталистических обществах были классы-сословия. И в конце концов из сословий могли возникнуть классы, но в Риме такой процесс только начинался и не был завершён в результате побед плебеев. Считать эксплуатацией участие плебеев в войнах вряд ли справедливо.

В большинстве случаев они получали и часть добычи, и наделы на захваченной земле в новых трибах, в колониях. Когда же земля и добыча присваивались патрициями, плебеи поднимали мятежи. Присвоение земли патрициями считалось незаконным, так как она должна была быть открыта для оккупации всем, способным ее обработать. Об отстранении по закону плебеев от оккупации *ager publicus*, о землях рода (*ager gentili-cius*), недоступных для не входивших в родовую организацию плебеев, в источниках ничего не говорится — это гипотезы (в основном итальянской школы), ничем не подтвержденные. Конечно, надо учитывать, что в ранней истории Рима много неясного и пока непонятного. Кто такие, например, были «люди с полей», неоднократно упоминавшиеся Ливием и выступавшие участниками восстания Спартака (у Аппиана)? В последнем случае делались разные предположения, но о «людях с полей» раннеримского времени что-либо определенное сказать трудно. Ясно лишь, что они были бедны, но были ли это малоземельные крестьяне, арендаторы, прекаристы — неизвестно. И почему они были жителями внегородской территории, т. е. состояли в сельских трибах, более почетных, чем городские? Если власть народных трибунов не распространялась за пределы города, то чьей правовой защитой могли пользоваться эти «люди с полей», как они могли бороться за лучшую долю? Не ясно также, кем были упомянутые в Законах XII Таблиц (I.5) *sancti* и *forti*. Значение этих понятий было забыто уже самими римлянами. Фест толковал их так: союзники римского народа, имевшие с ним равные права в отношении *pecunia* и *mancipium*. Последние термины также не имели общепринятой интерпретации, но, видимо, обозначали основные виды сделок в те стародавние времена. Однако следует заметить, что в примитивных обществах количество различных групп населения всегда бывает велико, и признаки отдельных категорий часто неясны, что, однако, свидетельствует скорее против классовой структуры такого общества, нежели о ней.

5. При обсуждении моей статьи отмечалось, что в Риме уже с очень раннего времени существовало рабство: рабы, как видно по произведениям Катона и Плавта, уже образовывали класс, а следовательно, сложилась основа для возникновения государства. Рабы действительно были и, несомненно, эксплуатировались и ненавидели господ, но при этом надо учесть особые условия Рима. Фамилия была в те времена абсолютно замкнутым целым. Глава ее, имея абсолютную власть и пользуясь ею по своему усмотрению, не допускал никакого постороннего вмешательства в жизнь фамилии. Его власть над рабами контролировалась только религией ларов и общественным мнением, осуждавшим излишнюю жестокость. Число рабов в фамилиях было невелико, и господин с помощью домоправителя или виллика в имении мог осуществлять свою власть, не нуждаясь во власти государства. Только по мере возрастания числа рабов и силы их сопротивления такая внешняя власть стала необходима. Начал ее осуществлять Август, вмешиваясь в замкнутый мирок фамилии. В дальнейшем, по мере законодательных ограничений прав господина, росла власть государства. Она становится более значительной, когда власть господ над рабами ослабевает, а власть землевладельцев над колонами еще не имеет юридического оформления. (Конечно, на рост бюрократического аппарата влияли и другие причины, в первую очередь возрастание государственной собственности и государственного хозяйства.) Такую же эволюцию можно наблюдать и в других обществах: чем сильнее власть сеньора над крестьянами, тем слабее ранние феодальные государства или, как убедительно показал А. Я. Гуревич (ВДИ. 1990. № 1), такие государства вообще отсутствуют. Даже в капиталистических государствах бюрократический аппарат растет по мере завоеваний пролетариата и ограничения прав предпринимателей.

6. Еще один довод моих оппонентов: без государства римляне не могли бы управлять побежденными. Но и в этом случае следует иметь в виду особенности политического развития Рима. Как известно, для управления нужны «приводные ремни» (по выражению В. И. Ленина). Никакой государственной аппарат сам по себе не способен проникнуть во все поры общества, осуществить мобилизацию материальных и духовных

сил в нужном ему направлении. Такие «приводные ремни» могут быть самыми разными: от лиц, пользующихся в данной группе властью и престижем, до авторитетов в области идеологии. Для управления покоренными римляне чрезвычайно умело пользовались соответственными методами, особенно в рамках Италии. Развивая у себя демократию, в побежденных городах они опирались на лучше организованную и привыкшую править местную аристократию; ее представителям давалось римское гражданство, иногда их включали в состав римской знати (путем заключения браков, уз гостеприимства и т. п.). Не проводя насильственную романизацию, не навязывая свои законы и свою религию (напротив, уважая чужие религиозные институты), не ставя побежденных в положение илотов, не отдавая их в «кормление» отдельным нобилем, римляне распространяли свое влияние, опираясь на местные институты, которые постепенно сами приспособивались к римским нормам. Большую роль всюду играли разного рода коллегии, общины и влиятельные в них лидеры, также перенимавшие римские культы и обычаи.

Сходной политики римляне придерживались и в провинциях. В этом отношении характерны две надписи из Испании; одна — известная надпись Эмилия Павла от 189 г. до н. э., другая — Л. Кассия от 104 г. до н. э. (недавно опубликованная: А. ёр. 1985. № 495). Обе надписи показывают, что сдавшимся на милость победителя поселениям (кастеллам) оставляются их поля, дома, законы и все, что было у них перед сдачей, «до тех пор пока это будет удобно римскому народу» (т. е., очевидно, пока они не восстановят и римлянам придется их усмирять и наказывать).

При таких методах управления требуется только состоящая из граждан армия, а не сильный государственный аппарат, который и потребовался, когда методы стали иными и ограбляемые и унижаемые провинции «ненавидели само имя римлян» (слова Цицерона). Однако такой аппарат был создан далеко не сразу и его оформление фактически произошло при Августе.

7. В ходе дискуссии высказывалось утверждение, что без государства не могут существовать право и суд. И здесь опять-таки нельзя обойтись без аналогий — и суд, и право в виде «варварских прав» существовали именно в обществах варваров, Законы же XII Таблиц от них в общем не отличаются. Судебная процедура с присягой, поручительством, залогом, соблюдением точной буквы документа также не отличалась от «варварских» судов, пока закон Эбуция не отменил всю эту сложную юрисдикцию, заменив ее формулярным процессом. Защита прав была очень слабой даже в I в. до н. э., и право, как свидетельствует Цицерон, даже в его время находилось в хаотическом состоянии.

8. Мои оппоненты говорят о том, что в Риме была частная собственность, а это предполагает наличие государства и разделение гражданского и политического общества. На это можно возразить, что вопрос о римской частной собственности чрезвычайно запутан, о чем мне уже приходилось раньше писать. По примеру современного общества в качестве критерия обычно избирается право отчуждения, якобы и отличающее частную собственность от общественной и всякой иной. Однако в Риме возможность отчуждения не была критерием существования частной собственности, поскольку продавать можно было и узуфрукт, и аренду на общественных землях, но все это происходило только в пределах общины. Частная собственность на землю отличалась от владения на общественной земле только тем, что за нее не вносилась рента. Но и пользование и распоряжение ею контролировалось римской общиной. Всякая земля, не обработанная владельцем или собственником, отбиралась у него, возвращалась в общий фонд и затем отдавалась другому. Это правило действовало во все периоды существования римского права (хотя и не всегда применялось, особенно при Империи). Такого рода собственность существовала укреплению не государства, а общины, управляемой совладельцами общинного земельного фонда и избранными ими лицами.

9. В дискуссии отмечалось, что римляне воспринимали Рим как государство, а себя как граждан, граждане же немислимы без государства. Здесь сказывается

неточность перевода слова *civis* как «гражданин», а *civitas* (иногда) как «государство». Однако у римлян, как и у греков, не было понятия государства в нашем смысле слова. Были обозначения форм правления — монархия, тирания, аристократия, олигархия, демократия, охлократия, но не было термина, обозначающего государство вообще. *Civitas* могло считаться всякое более или менее упорядоченное человеческое общество — как *civitates* не только римлян и италиков, но и кельтов и других племен. *Civis* был членом такого общегития. Например, уроженец фракийского села называл себя *civis Thrac*, сознавая свою принадлежность к фракийской общности; *cives tuithanti* называли себя солдаты вспомогательной части (CIL VII. 1040. 1041), происходившие из какого-то малоизвестного германского племени (племя это состояло из двух родов, каждый из которых находился под покровительством своей богини). Не был идентичен понятию государства и термин *res publica* — «дело, достояние народа». Республика могла именоваться свободной, управляемой законом или несвободной, поработенной тираном. Каждый император, враждебный своему предшественнику, непременно объявлял, что «восстановил свободную республику». Закон воспринимался как стоящий над обществом ради его пользы, но существование стоящего над обществом государства не осознавалось даже во времена Империи, а тем более в Риме периода классической общины. Превосходство этой общины над другими римляне видели как в высоких добродетелях своих предков и своих собственных, так и в совершенном устройстве своего города, в сочетании в нем всего лучшего, что есть в каждой форме правления, законности и т. п. Но, повторяю, все это не означало осознания себя гражданами государства в нашем понимании этого термина.

10. И, наконец, последний довод тех, кто не согласен с моей точкой зрения — без государства была бы невозможна высокая культура римлян. Возражение это серьезное, но надо признать и то, что несмотря на огромное число разных культурологических работ еще нет достаточно убедительной теории, объясняющей, какие условия в жизни того или иного общества способствуют развитию определенных элементов культуры или культуры в целом, тем более что при обсуждении таких вопросов еще больше, чем в других областях, на передний план выступает оценочный момент, личные вкусы исследователя. Что «выше» — греческая архаика, греческая классика, культура эллинизма? Скульптура кельтов догосударственной эпохи, отвечавшая их мировоззрению и эстетическим потребностям, или произведения галльских мастеров, подражавших античным образцам искусства? Такая постановка вопроса носит очевидно условный характер и предполагает в высшей степени неопределенный ответ — как неопределенно и само соотношение творческих возможностей общества и его социально-экономического и политического строя. Не существует в этом отношении и сколь-нибудь однозначных критериев. Так, о наличии государства не может свидетельствовать размах общественных работ (в том числе и ирригационных), развитие монументального строительства. Осознавая свои реальные или предполагаемые общие потребности, люди вполне могли выполнять весьма сложные и трудоемкие работы без государственного принуждения. Достаточно будет напомнить лишь о Стоунхендже и многих других мегалитических сооружениях в Европе (следы таких древнейших обсерваторий есть и в Италии).

Не оценка уровня развития культуры, а изучение всей структуры общества только и может дать основания для выводов о характере государственности. В ходе данной дискуссии строй римской республики классического времени убедительно, со свойственным ему блестящим проникновением в суть вещей охарактеризовал К. Николе, лишний раз позволив усомниться в том, что такой строй может быть сочтен государственным.

Я благодарна всем, пожелавшим принять участие в дискуссии. Вместе с тем хочу отметить некорректность ее ведения А. А. Вигасиным и Ю. Г. Чернышовым. А. А. Вигасин прибегает к достаточно распространенному, но не лучшему методу полемики: приписать оппоненту какой-нибудь вздор и затем его оспаривать. Имеется в виду тезис,

будто на древнем Востоке государство возникало как организатор производства, а позднее постепенно превращалось в орган насилия над сформировавшимся классом рабов. Однако ничего подобного я не утверждала, более того, вообще не касалась древнего Востока (хотя и ссылалась на исследования, посвященные разным эпохам и регионам), так как уверена, что споры об «азиатском способе производства» и стремление опровергнуть его существование и доказать наличие единой для всего мира рабовладельческой формации неизбежно должны были повлиять в той или иной мере на труды специалистов по истории древнего Востока. В отличие от А. А. Вигасина, уверенно строящего концепцию развития государства в Риме, я предпочитаю не высказывать мнения о предметах, мне недостаточно известных.

А. А. Вигасин упрекает меня также в отступлении от взглядов классиков марксизма и приверженности «чисто советскому этапу развития теории истмата». Видимо, мой уважаемый оппонент с «теорией истмата» знаком лишь в самых скромных пределах и не читал полемiku В. И. Ленина с Н. К. Михайловским о разнице между принудительной властью, имеющейся в каждом коллективе, и государством. Именно из данной мысли В. И. Ленина я и исходила, пытаюсь в свете ленинских же определений классов, классов-сословий, сословий поставить вопрос о возможности возникновения не принудительной, а государственной власти на базе не классовых, а сословных противоречий, взяв за основу древний Рим, римскую гражданскую общину, охарактеризованную К. Марксом, и ее эволюцию. Весь смысл постановки этой проблемы, видимо, никакого отклика у А. А. Вигасина не встретил, почему его возражения и оказались высказаны не по адресу.

Ю. Г. Чернышов упрекает меня в расхождении с классиками марксизма. На это я возражать не стану, поскольку потребовалось бы целое исследование об их взглядах, основанное не на отдельных цитатах, а на комплексном анализе их концепций. То же относится и к рассуждениям об отсутствии у меня «четких категорий», относящихся к классам, классам-сословиям, сословиям. «Категории» эти достаточно четки для всякого, знающего работы классиков марксизма не по цитатам и достаточно знакомого с соответственной литературой. Искажает Ю. Г. Чернышов и смысл моих слов об эксплуатации плебеев не как класса, а как отдельных плебеев: видимо, он игнорирует и наличие среди плебеев таких богатых людей, как зерноторговец Сп. Мелий, и гипотезу о плебейском происхождении ряда консулов, отправлявших эту магистратуру сразу после изгнания царей, и весь огромный материал о расслоении любых ранних обществ. Мой оппонент высказывает сомнение в существовании рабов во внутренне недифференцированных обществах, хотя следовало бы не «выражать сомнение», а ознакомиться с литературой по этому вопросу, на основании которой К. Гопкинс в книге «*Conquerors and Slaves*» насчитал 567 обществ, в которых были рабы. Среди таких обществ были и владевшие рабами совместно большие союзы племен: в одних рабы были на положении скота, у других — принимались в семью как младшие члены. Мнение о десятках и сотнях тысяч рабов в Риме IV в. до н. э. — плод воображения автора. Число рабов в Риме неизвестно ни для одного из периодов римской истории, обсуждение этого вопроса не приводит к общепринятым выводам. Тем более это число неизвестно для IV в. до н. э. Умозрительные рассуждения моего оппонента порой напоминают весьма схожие бывшие в ходу в 50-х годах (когда еще никто не осмеливался усомниться в том, что первоначальным классовым делением всякого общества могло быть только деление на рабов и рабовладельцев, на базе которого и возникало государство). Так, на основании сообщения Цезаря о том, что гальвет Оргеторикс был привлечен к суду по обвинению в стремлении к царской власти, за что ему грозила казнь, делался вывод, что только государство могло осуществлять судопроизводство и наказание, а раз было государство, то было и развитое рабовладельческое общество. Очевидно, в наше время уже никто не станет предполагать наличие у гальветов рабовладельческого государства на столь шатких основаниях, прибегая к силлогизму, достойному лукриановского персонажа, который доказывал бытие богов наличием посвященных им алтарей.

Ю. Г. Чернышов постоянно говорит о моей «новой» в кавычках концепции. Надо заметить, что я никак не претендую на новизну, а напротив, ссылаюсь на аналогичные точки зрения на афинский полис. Кстати, в этом случае оппонент, видимо, не заметив ссылки, возражает мне, тогда как речь идет о точке зрения Р. Педгага, мнение которого я привела. В общем могу только заметить, что недостаточное знакомство с сутью предмета и «молодой задор» не могут считаться убедительными аргументами.

В заключение хочу повторить, что целью моей была только постановка вопроса, а отнюдь не его окончательное решение (вряд ли оно вообще возможно). Но дальнейшая разработка проблемы возникновения государства на основе сравнительно-исторического метода наверняка поможет выявить с большей точностью своеобразие структур и эволюции античного мира, а следовательно — и особенности европейской цивилизации, наследовавшей античности. Поэтому можно только приветствовать состоявшуюся по инициативе ВДИ дискуссию.

Е. М. Штаерман

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1990 г.

ГОРОДСКИЕ СТАРОСТЫ, ГРАДОПРАВТЕЛИ И ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ: СУДОПРОИЗВОДСТВО, ЦАРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ОБЩИНА В СТАРОВАВИЛОНСКОМ ДИЛЬБАТЕ

При изучении клинописных документов старовавилонского периода (XX—XVII вв. до н. э.) постоянно приходится сталкиваться с вопросами интерпретации деятельности целого ряда должностных лиц, упоминаемых в документах, а также с проблемами перевода терминов, которыми обозначались те или иные должности.

Первым, наиболее полным трудом по интерпретации и переводу терминов, обозначавших чины и должности старовавилонской эпохи, является уже значительно устаревшая книга А. Вальтера¹. Опубликованные со времени выхода в свет этой работы документы, а также ряд специальных исследований позволяют по-новому решить многие поставленные А. Вальтером проблемы. Особое значение имеет анализ местных терминологических традиций, который способствует более глубокому проникновению во взаимосвязь социальных структур и динамику общественной жизни. Здесь мы остановимся на взаимодействии общинной структуры и царской администрации, а также на судопроизводстве в старовавилонском городе Дильбате, лежавшем в 27 км к югу от Вавилона, на различных процессуальных особенностях, отраженных в документах и связанных с законодательством старовавилонского времени.

Должности рабианума (*rabi'ānum*), главы общинного совета старейшин (*šībūtum*)², была посвящена целая глава одной работы М. Столя³. В органах общинного самоуправления записи обычно не велись. Письменный учет был характерен для деятельности царской администрации. Органы общинного самоуправления упоминались соответственно лишь в документах, отражавших общие интересы и характеризовавших взаимосвязь обеих социальных структур. Эта взаимосвязь прослеживается и в деятельности ряда лиц, находившихся на царской службе и имевших интересы или же семейные корни в общине. В документах, происходящих из самого Дильбата⁴, рабианум упоминается исключительно редко. Нет ни

¹ Walther A. Das altbabylonische Gerichtswesen // Leipziger semitische Studien 6/4—6. Lpz, 1917.

² О совете старейшин см. Klengel H. Zu den šībūtum in altbabylonischer Zeit // Orientalia. N. S. 1960. 29. S. 357—375. См. также Diakonoff I. M. The Structure of Near Eastern Society before the Middle of the 2nd Millenium B. C. // Oikumene 3. Budapest, 1982. P. 32—59.

³ Stol M. Studies in Old Babylonian History. Istanbul, 1976. P. 73—89.

⁴ Ряд документов из близлежащих районов в ассириологической литературе верно относят к Дильбату. См., например, Desrochers M. J. Aspects of the Structure of

одного упоминания должности рабианума до правления Хаммурапи (1792—1750), шестого царя I Вавилонской династии (1894—1595). Лишь при Хаммурапи дважды в текстах встречается рабианум Имгур-Син. Один раз он упоминается в записи решения народного собрания города Дильбата по поводу пропавшей утвари из 64 предметов (VAS 7⁵ 149; документ не датирован, ко времени Хаммурапи отнесен по просопографии).

Транслитерация текста VAS 7 149:

¹i-na pu-hur Dil-bat^{ki} ²m A-pil-i-li-šu ³ù E-ri-ba-am ⁴ki-a-am iq-bu-ú um-ma šu-nu-ma ⁵mi-im-ma nu-ma-tum ⁶ma-la ha-al-qá-at ⁷ma-bar ⁸Ip-[t]e-bi-tam ⁹ú-ul i-li-a-am ¹⁰i-na-an-na nu-ma-tum ¹¹i-ta-li-a-am ¹²ki-ma Dil-bat^{ki} iq-bu-ú ¹³nu-ma-at ¹⁴64 ¹⁵a-na-ki-iš-ša-a-tin ¹⁶[m].^dNinurta-ma-an-sum [g]ala ¹⁷iz-zi-iz-ma ¹⁸m Nu-úr-^dUTU ¹⁹m.^dEN+ZU-URU₁ rá-gab ²⁰m.^dEN+ZU-ma-gir du-mu Ka-ma-nu ²¹m Im-gur-^dEN+ZU ra-bi-a-nu ²²m Iš-ma-tum dumu Sí-li-^dEN.LÍL ²³m A-pil-i-li-šu sanga ²⁴ša ú-ša-am-nu-ši ²⁵m E-ri-ba-am dumu Ha-bi-it-Sin ²⁶ša a-na ra-bi-šú-tim ²⁷iš-ša-ak-nu-ši ²⁸ú-ta-ar-ši

Перевод:

«¹В народном собрании Дильбата ²Апиль-илишу ³и Эрибам ⁴сказали следующее: „⁵Вся (та) утварь, ⁶сколько пропало, ⁷в присутствии Ипте²-би тама ⁸не обнаружилась. ⁹Теперь же (эта) утварь ¹⁰обнаружилась“. ¹¹Как сказал город Дильбат, ¹²⁻¹³заложником за утварь (из) ¹⁴64 (предметов) ¹⁵выступил ¹⁶певчий Нинурта-мансум, (теперь) же ¹⁷Нур-Шамаш, ¹⁸курьер Син-эриш, ¹⁹Син-магир, сын Каманума, ²⁰рабианум Имгур-Син, ²¹Ишматум, сын Цилли-Эллиля, ²²жрец Апиль-илишу ²³ее пересчитали (вариант: „должны пересчитать“), ²⁴(а) Эрибам, сын Хабит-Сина, ²⁵который был назначен ²⁶ответственным за нее, ²⁷должен ее вернуть».

Роль рабианума как высокопоставленного представителя общины в счетной комиссии, сформированной по столь важному делу, конечно, понятна. Удивляет лишь то, то его имя стоит четвертым в списке, в то время как имя курьера выписано на втором месте. По-видимому, это следует объяснить тем, что пропало государственное имущество, и в начале списка счетной комиссии стоят имена чиновников, представлявших интересы государства, а завершает список комиссии имя жреца, который должен народному собранию Дильбата вместе с ответственным за сохранность найденного имущества о его обнаружении. Этот жрец Апиль-илишу был, очевидно, жрецом божества-покровителя Дильбата Ураша, коль скоро в Дильбате при дознании прибегали к помощи божественного посланца Ураша — Ипте²-битама или же «божественной секиры Ураша».

Способы дознания на месте в присутствии «божественной секиры Ураша» упоминаются в двух документах из Дильбата: G⁶ 13 от 13 года правления Апиль-Сина (1830—1813) и G 35 (дата разбита; время Апиль-Сина или его преемника Син-мубаллита, 1812—1793).

Транслитерация текста G 13 (конверт: TLB I⁷ 259 + 245 + 260 + + 261):

Dilbat during the Old Babylonian Period. Unp. Ph. D. Diss (UCLA). 1978. P. 366—392. Основы интерпретации исторической географии района см. Кошурников С. Г. Старо-вавилонский город Дильбат. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 7, 9—10.

⁵ Ungnad A. Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Ht 7. Lpz., 1909.

⁶ Gautier J.-E. Archives d'une famille de Dilbat au temps de la première dynastie de Babylone // Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire. T. 26. Caire, 1908.

⁷ Leemans W. F. Old Babylonian Legal and Administrative Documents // Tabulae cuneiformae a F. M. Th. de Liagre Böhl collectae Leidae conservatae 1. Leiden, 1954—1964.

R1É^{am}ša Na-hi-DINGIR 2KI LÛ-ma-ṭum i-ša-mu 3^mLÛ-ma-ṭum 4ib-qû-ur-šu-ma 5^mLÛ-ma-ṭum ŠAGIN KÁ.DINGIR.RA^[ki] 6im-hu-ur-ma 7^d[i-na]m ú-š[a-h]i-z[u-š]u-n[u]-ti-ma 8^{urudu}DUR₆. TAB.BA ša^dUraš a-na É^[m] 9ir-du-ú-ma 10É^{am} ú-sa-an-ni-qû-ma 111 SAR É i-te-er-ma 12a-na te-re-et É^{im} 13e-zu-ub pi₄ ṭup-pi-šu p[a-n]i-i 144 GIN KÛ.BABBAR^mNa-hi-DINGIR 15a-na LÛ-ma-ṭum iš-qû-ul 16ud-kûr-šè^mLÛ-ma-ṭum 17la i-tu-úr-ru-ma

v₁la i-ba-aq-qâ-ru 2mu^dUraš ù A-pil-^dEN + ZU 3in-pàd 4igi^dLa-ga-ma-al-ga-[m]il 5dumu I-bi-Sin 6igi^dEN + ZU-ih-šu-uh^ddumu DINGIR-a-bi 7igi Ip-qû-ša^ddumu DINGIR-a-bi 8igi E-tel-lum^ddumu Qar-du-^dUraš 9igi A-hu-wa-qar lû-inim-ma 10igi Ū-ra-ti-ja^ddumu Ha-ab-nu-um 11igi^dNanna-ŠU.HA^ddumu [EN + ZU-še-me] 12igi La-ga-tum^ddumu ER-[...] 13igiSi-im-ti^dEN + ZU^ddumu ER-^dUraš 14igi^dUras-mu-ba-lí-iṭ 15dumu Be-lí-a-ša-re-ed 16igi Ap-li-ja^ddumu Ha-ši-šum 17igi Šu-ì-lí-šu dub-sar

E₁iti kin-^dInanna 2mu é-tur-kalam-ma

Печати: I(TLB I 245). [L]Û-[m]a-tum

[dumu S]u-ka-lum

[è]r^dUraš.

II (TLB I 260). d¹Uras-x-x III (TLB I 261). x x x x x

dumu Ḥa-x-x-[x]

[...]x

èr^dx x

^dISKUR-ga-mil

dumu x-x-[...]

Перевод текста:

«Л₁Дом, который Нахи-илум 2у Авилум-матума купил, 3Авилум-матум 4у него оспорил: 5Авилум-матум к шакканаккуму-градоправителю Вавилона 6обратился, и 7судебное дело им разрешили начать, 8секиру Ураша к дому 9вынесли и 10дом проверили — 11дом оказался на 1 сар (35 м². — С. К.) больше, и 12за избыток (площади) дома 13сверх оговоренного предыдущим документом 144 сикля (33 г) серебра Нахи-илум 14Авилум-матуму отвесил. 16В том, что в будущем Авилум-матум 17возвращаться (к этому делу) не будет,

об₁не будет предъявлять претензий, 2именем Ураша и Апилль-Сина 3он поклялся. (Свидетели). (Дата). (3 печати)».

Судя по вышеприведенному документу, истец Авилум-матум вынужден был обратиться к шакканаккуму (šagin) Вавилона, что удивительно, поскольку среди свидетелей документа TLB 1 243 (5-й год Апилль-Сина) упоминается шакканаккум Дильбата Бэлаки.

Транслитерация текста TLB 1 243:

(Начало таблички разбито) 1x [...] 23 ud [u-n] itá [...] 3ša šu-ur-qí-im 4^mNa-hi-DINGIR is-ba-tu-ma 51 SAG.ÉR A-na-^dLa-ga-ma-al- 6ap¹-la-ma 7a-na ki-ša-tim 8SA⁸ Ma-ru-šum 9dumu^dGIBIL-DINGIR 10a-na Na-hi-DINGIR 11i-dí-nu-ú 12a-na ba-aq-rí SAG.ÉR 13^mMa-ru-šum 14i-za-az 15^mBe-la-ki šagin Dil-bat^{ki} 16^mI-din-^dUraš sanga^dUraš 17^mIm-gur-ru-um^ddumu Sin-r[e¹-m]e-[ni] 18^mMa-an-ni-ja^ddumu Sin-en¹-n[am] 19^mIp-qû-ša^ddumu DINGIR-a-ba 20^mE-tel-lum^ddumu Kà-kà-a 21^mAr-wi-um^dša šagin 22^mRi-iš-ÉR-ra^ddumu A-p[í]-nu-u[m] 23^{m.d.}Uraš-a-bi IM[...] (далее сторона разбита) 1¹iti še-gur₁₀-ku₅ 2²mu BĀD-mu-ti^[ki]ba-dù) (следы печатей).

Перевод текста:

«(Начало разбито) 1[...] 23 барана [...], 3которых из украденного 4обнаружил (дословно: «схватил») Нахи-илум; соответственно 5-61 раба (по имени) Ана-Лагамаль-аплама 7в залог — 8по договоренности с Маруцумом, 9сыном Гиррум-или, — 10Нахи-илуму 11отдали. 12По искам о вин-

⁸ Очевидно, riksum «договоренность», «договор». См. ANw. 985, riksu(m), C1: Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Bd 1—3. Wiesbaden, 1965—1981.

дикации раба 13'-14' будет отвечать Маруцум. 15' Бэлаки, шакканаккум-градоправитель Дильбата, 16' Иддин-Ураш, жрец Ураша, 17' Имгуррум, сын Син-ремени, 18' Манния, сын Син-эннама, 19' Ипкуша, сын Или-аби, 20' Этеллум, сын Какаи, 21' Арвиум, (человек) шакканаккума-градоправителя, 22' Риш-Эрра, сын Апиnuma, 23' Ураш-аби, [...] (Далее сторона таблички разбита; все поименованные лица, судя по формуляру, должны были подтвердить принятое решение или же произвести какие-то другие юридически значимые действия). 1'-2' (Дата)».

Данный документ в ряде аспектов перекликается с табличкой VAS 7 149. После градоправителя Дильбата упомянут жрец бога Ураша, что демонстрирует роль храма местного божества в розыске украденного. К сожалению, трудно определить, чье имущество было украдено. Если обнаруженное Нахи-илумом имущество было «частным», то следует признать тот факт, что и храм местного божества, и царская администрация, и община были заинтересованы в обеспечении должного правопорядка при выяснении обстоятельств пропажи как государственного или храмового (7 149) имущества, так и имущества частных лиц.

Трудно точно определить роль Маруцума, хозяина раба, переданного Нахи-илуму в качестве залога. Скорее всего Маруцум был лично заинтересован в выяснении обстоятельств кражи или в самом украденном имуществе.

Табличка весьма интересна тем, что проясняет важный аспект процессуальной практики, связанной с термином *kiššatum*. Сравнение документов VAS 7 149 и TLB 1 243 позволяет сделать вывод о том, что при обнаружении украденного или пропавшего имущества органы дознания или владелец этого имущества впредь до его идентификации законным порядком и выяснения обстоятельств пропажи изымали его у лица, обнаружившего пропавшее, под залог (*kiššatum*⁹). Данное соображение заставляет совершенно по-иному взглянуть на интерпретацию и перевод целого ряда старовавилонских текстов, от законов до юридических документов и писем (об этом подробнее см. ниже).

Согласно табличке TLB 1 243, Нахи-илум взамен¹⁰ обнаруженного им имущества получил в залог раба, принадлежащего Маруцуму, причем указание на то, что Маруцум несет ответственность за раба по искам третьих лиц, не имеет отношения к существу данного юридического документа, но лишь снимает с нового владельца (в данном случае временного; формула обычна для купчих) ответственность за возможное неправомерное владение Маруцумом переданным Нахи-илуму рабом. Не следует забывать, что после выяснения обстоятельств кражи Нахи-илуму могло быть определено вознаграждение (ср. § 17 Законов Хаммурапи¹¹, согласно кото-

⁹ Следует отметить, что восстановление В. фон Зоденом местоимения *ša* перед именем певчего Нишурта-мансума в стк. 14 документа VAS 7 149 — см. ANW. 492, *kiššātu(m)* — совершенно бессмысленно. Чикагский словарь (Oppenheim A. L., Reiner E. (ed.) The Assyrian Dictionary of the University of Chicago. Chicago — Glückstadt, 1956) повторяет восстановление В. фон Зодена (CAD, K, V. 8 (1971). P. 460, *kiššātu*, 1b).

¹⁰ Отраженную нами в переводе синтаксическую связь предложения на строках 1'—4' с последующим текстом определяет, по нашему мнению, энклитическая частица *ma* при глаголе *is-ba-tu* (4').

¹¹ См. издание: Bergmann E. Codex Hammurabi. Textus primigenius, ed. 3 // Scripta Pontificii instituti biblici 51. Roma, 1953. Наиболее фундаментальный перевод на английский язык с комментариями: Driver G. R., Miles J. The Babylonian Laws. V. 2. Oxf., 1955. Перевод на русский язык: Дьяконов И. М., Дунаевская И. М., Магазинер Я. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3. С. 197—303. Деление Законов Хаммурапи (далее — ЗХ) на параграфы традиционно и формально.

рому за поимку беглого раба полагалось вознаграждение в 2 сикля (17 г) серебра, т. е. 10% его средней стоимости¹²).

Табличка VAS 7 149 фиксирует иную стадию разбирательства. Несмотря на лаконизм формулировок, логическая последовательность в изложении обстоятельств очевидна: имущество разыскивается, обнаружено, изъято под залог (певчий), пересчитано, идентифицировано в народном собрании, подлежит передаче владельцу (согласно решению собрания). Интересно, что в данном документе шакканаккум-градоправитель Дильбата не упоминается. На табличке же TLB 1 243 помимо градоправителя называется и один из его помощников, Арвиум.

Возвращаясь к анализу документа G 13, упоминающего обращение истца Авилум-матума к шакканаккуму-градоправителю Вавилона по поводу неправомερных действий Нахи-илума, можно предположить, что «обнаглевший» Нахи-илум, который, судя по документу, прихватил лишние 35 м² к купленному строению¹³, был крупным государственным чиновником. Подать иск на него можно было лишь шакканаккуму Вавилона, минуя шакканаккума Дильбата. Возможно также, что документ является отражением судебной волокиты, но и в этом случае следует признать, что Нахи-илум пользовался большим влиянием в городе. Градоправитель Вавилона счел иск справедливым, а детали дела были выяснены на месте «в присутствии» секиры бога Ураша.

Любопытно, что в значительно поврежденном тексте судебного решения по поводу поля Нахи-илума (TLB 1 241) среди свидетелей после имен двух братьев Нахи-илума, часто упоминаемого среди его свидетелей Нанна-ба'ири, сына Син-шеме, а также жреца бога Сина Ая-эни, перед именем писца Син-магира фигурирует имя Ахи-асада, сына Ди'ат-Амуррима, солдата-редума при шакканаккуме Вавилона (aga-uš šagin K[Ā.DI]NGIR.-[RA^{K1}]), что также может указывать на принадлежность Нахи-илума к кругу крупных чиновников.

Значительно поврежденный документ G 35 касается тяжбы того же Нахи-илума, по-видимому, со своими братьями («сыновьями Иддин-Лагамалия»), выступившими в качестве истцов по поводу поля, переданного(?) Нахи-илумом на год некоему Адад-бани. Формуляр документа нестандартен, а копия, к сожалению, оставляет желать много лучшего, однако отмеченные в нем процессуальные особенности исключительно интересны.

Транслитерация текста G 35:

^{R1}UGU¹ A. ŠĀ ¹ISKUR-ba-ni ša ²DUMU^{meš} I-din-^dLa-ga-ma-a[l]
³mN[a]-hi-DINGIR¹ ib¹-qú-r[u¹-ši²] ⁴DI.KUD^{m[es]} di-nam i-h[u-zu-ma?]¹⁴ ⁵aš
 šum A. ŠĀ la-bi-ru-ú-[tim] ⁶mNa-hi-DINGIR a-n[a] ^{d2}I[ŠKUR-ba-ni?] ⁷a-na
 ša-at-tim¹ [id-di-nu²] ⁸DUR₆.TAB ša ^dUraš a-na [A. ŠĀ] ⁹[il]-li-ik x [x x]
¹⁰[x x x] A.ŠĀ ... (далее сторона разбита)

¹² Ср. § 116. О ряде стоимостных показателей старовавилонского периода для Северной Вавилонии см.: *Farber H. A Price and Wage Study for Northern Babylonia During the Old Babylonian Period* // JESHO. 1978. 21. P. 1—51.

¹³ По-видимому, речь идет о заброшенном строении (é-bur-bal), так как с Нахи-илума по судебному решению было взыскано 4 сикля (33 г) серебра. О ценах на строения в Дильбате см.: *Кошурников С. Г.* Типы строений и цены на них по купчим из старовавилонского города Дильбата // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987. С. 12—18.

¹⁴ Сохранившаяся часть знака вполне соответствует началу знака hu. Глагол ahūzum с dīnum зафиксирован лишь в третьей породе; ANw. 19, S6: dīnam šūhuzum; ср., однако, ahūzum, G3; «(Kenntnis) nehmen, lernen», а также dīnam leqūm: ANw. 172. dīnum, 1d.

v(начало разбито) ¹[igi ...Š]U.ĤA dumu x-[...] ²[igi] U-bar-ri-ja dumu Ė[R-DINGIR] ³[igi A]bu-um-wa-qa[r] ⁴[dumu] Na-ra-am-^dEN+[ZU] ⁵[igi...^d]ISKUR dumu ^dEN+ZU-x-x₆, [igi Níg-ga-^dNan]na ⁷dumu I-[din-^dLa]-ga-ma-al ⁸igi ^dNanna-ŠU.ĤA ⁹[dumu] ^dEN+ZU-še-me ¹⁰[igi ^dEN+ZU]-m[a-g]ir dub-sar (дата разбита).

Перевод текста:

«¹По поводу поля Адад-бани, которое ²дети Иддин-Лагамаля ³у Нахи-илума оспорили, ⁴судьи судебное дело при[няли к рассмотрению(?), и] ⁵из-за находящегося в давнем владении поля, ⁶(которое) Нахи-илум А[дад-бани(?)] ⁷на год [отдал(?)], ⁸секира бога Ураша к (этому) [полю] ⁹пришла [...] ¹⁰[...] поле [...]обл-10' (Свидетели). (Дата разбита)».

В данном случае дело обошлось без вмешательства шакканаккума-градоправителя, возможно, вследствие семейного характера спора. В этой связи, однако, следует обратить внимание на два более ранних документа.

Табличка G30, датированная 5-м годом Сабиума (1844—1831), предшественника Апилъ-Сина, фиксирует результаты спора сыновей Иддин-Лагамаля (в их числе и Нахи-илум) с сыновьями некоего Хабнума по поводу межевого рва. Процессуальные данные изложены намного лаконичнее по сравнению с вышеописанными документами: поскольку «сыновья Иддин-Лагамаля по поводу межевого рва к сыновьям Хабнума предъявили претензии, судьи в храме Ураша судебное дело разрешили им начать, и сыновья Иддин-Лагамаля сыновей Хабнума в судебном процессе превозмогли» (строки 4—12 лицевой стороны таблички); далее следует обычная формула отказа ответчиков от возможных споров по этому вопросу в будущем (ее конец и начало списка свидетелей значительно повреждены). Документ не упоминает ни о вынесении секиры Ураша, ни о присутствии должностных лиц. Лишь в конце (!) списка свидетелей упомянуты жрец бога Сина (ср. табличку TLB 1 241, где жрец Сина и представитель администрации также упомянуты в конце списка свидетелей перед именем писца) и судья.

Еще более ранний документ Иддин-Лагамаля, отца Нахи-илума, описывает сходную ситуацию, когда уже сам Иддин-Лагамаль был обвинен в обмере покупателя купленной земли (G 6; 15-й год Суму-ла'эля, 1880—1845). В табличке сообщается лишь о том, что был предъявлен иск по поводу «обмера» при продаже, о выплате 3 сиклей (25 г) серебра компенсации, а также о том, что истец в будущем спорить не будет. Судьи и храм Ураша, а также какие-либо представители администрации (помимо писца) вообще не упоминаются. Создается впечатление о большем «общинном демократизме» при разрешении подобных споров в эпоху Суму-ла'эля по сравнению со временем Сабиума (G 30) и тем более Апилъ-Сина и Синмубаллита (G 13 и 35). Это и понятно, поскольку влияние центральной администрации в Дильбате при Суму-ла'эле в условиях жесткой борьбы за власть в Северной Вавилонии не было столь значительным, как при Сабиуме и его преемниках ¹⁵, и более или менее надежные гарантии благополучия в условиях политической нестабильности могла дать традиционная общинная структура. Однако следует отметить, что городской староста (рабианум) нигде в дильбатских документах до времени Хаммурапи не появляется. Если сравнить данное «умолчание» с многочисленными упоминаниями сельских старост среди свидетелей в различного рода

¹⁵ О политической истории Дильбата см. статью: Кошурников С. Г. Социально-политическая история Дильбата в правление I Вавилонской династии // ВДИ. 1986. № 4. С. 3—14.

документах (купчие, наем, завещания и др.) времени Амми-дитаны (1683—1647) и Амми-цадуки (1646—1626) из близлежащих к Дильбату районов, можно сделать вывод о меньшей бюрократизации общинной структуры в начале правления I Вавилонской династии, т. е. в условиях существования ряда мелких царств, до создания царем Хаммурапи крупного государства в пределах всей Месопотамии.

Следует также отметить, что должность городского старосты в документах из самого города Дильбата после времени Хаммурапи не встречается, но на это есть свои причины. Во-первых, при преемниках Хаммурапи резко меняется характер документации: начисто исчезают купчие на землю (очевидно, в рамках общинных наделов), практически вся документация связана с людьми, находившимися на царской службе. Во-вторых, среди свидетелей нередко появляется «начальник Дильбата» (о нем см. ниже). Возмозжно, должность рабианума при Самсу-илуне (1749—1712) в Дильбате вообще исчезает, сохраняясь лишь в близлежащих городках и поселениях, что могло быть следствием политики централизации, проводимой Хаммурапи и его преемником.

Единственным датированным документом, где упоминается рабианум Дильбата, является табличка VAS 7 7 от 12-го года Хаммурапи.

Транслитерация текста VAS 7 7 (фрагмент конверта — VAS 7 152):
₁A.ŠĀ A x [...], ₂HA. LA^dAMAR.UTU-n[a]-s[ir] ša A-ḥa-am-ú-ta i-[s]a-[mu] ₄i-na šī-im-da-at šar-ri-im ₅^{m.d}AMAR.UTU-na-sir ₆A.ŠĀ^{am} m A-ḥa-am-ú-ta ₇ib-qū-ur ^mIm-gur ^dEN+ZU ₈ū šī -bu-ut Dil-bat^{ki} ₉di-nam i-di-nu-šu-nu-ti-ma ₁₀^mA-ha-am-ú-ta ₁₁a-na ^dIp-te-bi-tam {a-n[a]} ¹⁶a-ma-im¹ ₁₂a-na ṭup-pu-um-la ₁₃id-di-nu-šu-ma ₁₄[^mA-ḥa-am-ú-ta] ₁₅ū ^dAMAR.UTU-na-sir ₁₆im-ta-ag-ru-ma ₁₇ma-ḥa-ar ^{m.d}Ip-te-bi-tam ₁₈1 iku A.ŠĀ a-na A-ḥa-am-ú-ta ₁₉id-di-nu-ma ša-pī-i[l-t]i A.ŠĀ^{im} ₂₀a-na ^dAMAR.UTU-na-sir ₂₁ud-kūr-šē ^{m.d}AMAR.UTU-na-sir ₂₂A.ŠĀ inim-nu-um-gā-gā-a ¹⁷ ₂₃i-ta-ar i-ba-qar-ma ₂₄A.ŠĀ^{am} ki-ma¹ A.ŠĀ^{im} ₂₅i-na-ad-di-in <ū a-ra-an ba-qī-r[a-nim]i-mé-du-šu> ¹⁸ ₂₆igi A-ḥu-wa-aq-ru dumu [I]p-q[ú-š]a ₂₇igi Ēr-ra-gal-še-me dumu Sin-i-q[ī-ša-am] ₂₈igi I-tūr-aš-d[u-um] dumu I-din-^d ^dLa-ga-ma-al] ₂₉igi ^dUraš- [...] ₃₀igi A-ḥi-wa-a[q-rum] dumu ĒR-^d ^dMAR.TU] ₃₁[igi] E-tel-tu[m...] ₃₂[igi] ĒR-Sin dumu Ši-lum ₃₃[igi] Sa-ma-ja-tum dumu SIG-Ē-[a] ₃₄igi Ib-ni-^d ^dMAR.TU dub-sar ₃₅iti ga-gan-ē ₃₆mu gu-za ^dŠar-pa-ni-tum

Перевод текста:

«₁Поле [...] — ₂доля Мардук-нацира — ₃которое Ахам-утта купил. ₄Согласно царскому закону ₅Мардук-нацир ₆поле у Ахам-утты ₇оспорил. Имгур-Син ₈и старейшины Дильбата ₉их дело рассудили и ₁₀Ахам-утту ₁₁для принесения клятвы Ипте'-битаму, ₁₂поскольку документ не был представлен, ₁₃передали, после чего ₁₄Ахам-утта ₁₅и Мардук-нацир ₁₆пришли к следующему соглашению: ₁₇в присутствии Ипте'-битама ₁₈₋₁₉¹ ику (треть гектара. — С. К.) поля передали Ахам-утте, а остальную часть поля ₂₀вернули Мардук-нациру. ₂₁В будущем Мардук-нацир ₂₂поле оспаривать не будет, ₂₃Если же он вернется (к этому делу), будет (его) оспаривать, ₂₄то поле равно (спорному) полю ₂₅должен будет отдать, <а издержки по иску следует возложить на него> ¹⁸. ₂₆₋₃₄(Свидетели). ₃₅₋₃₆(Дата)».

¹⁶ Писец, по-видимому, по инерции выписал предлог *ana* (в принципе, он здесь не нужен), но, так как у него было мало места, почти полностью стер знак *na* и дописал строку.

¹⁷ На конверте данная формула была длиннее. Сохранилось лишь [... in]-pād (1¹).

¹⁸ Дополнено по конверту (строки 4'—5').

По процессуальной форме этот документ больше напоминает отчет о судебно-административном разбирательстве, нежели запись решения по публичному процессу: если, согласно более ранним документам, администрация или судьи «разрепали начать» судебное разбирательство, «принимали дело к рассмотрению», то здесь Имгур-Син и старейшины Дильбата «дело рассудили». Возможно, это связано с тем, что основанием для иска послужил царский указ¹⁹ и дело относилось к юрисдикции общинной администрации, коль скоро перекупки земли осуществлялись в пределах общинных наделов²⁰. Однако и в этом случае не совсем понятно, в чем могло заключаться коренное отличие данного дела от более ранних. Очевидно, с течением времени изменились и процессуальные формы, и юрисдикция подобных дел, отражаемых документами. Претерпевала изменения и форма участия храма местного божества в судебном разбирательстве (быть может, секира Ураша и была тем самым божественным посланцем Ипте²-битамом).

Согласно табличке, суд старейшин возглавлял городской староста Имгур-Син. Хотя его должность в тексте не указана, но это, несомненно, тот же самый рабианум Имгур-Син, который в документе VAS 7 149 выступал в качестве члена счетной комиссии. Несмотря на хорошую сохранность таблички, основания для иска (помимо ссылки на царский указ) остаются неясными: ими могли быть как утрата купчей ответчиком, так и требование возврата части отчужденной земли, согласно царскому указу. Истец Мардук-нацир вполне мог быть внуком Нахи-илума, хотя основная часть его документов дошла до нас лишь от начала правления Самсу-илуны. Имя довольно распространенное (в документе отчество отсутствует), однако имена собственные, включавшие имя божества-покровителя Вавилона и, соответственно, правящей династии, зафиксированы в дильбатских документах впервые лишь в конце правления Апилъ-Сина (G 36; 17-й год Апилъ-Сина) и даже при Хаммурапи были редкостью. Возможно, Мардук-нациру дали такое имя по политическим мотивам, поскольку семейство его деда пользовалось определенным влиянием в Дильбате²¹.

Согласно другому документу времени Хаммурапи, суд старейшин возглавлял не городской староста, а шакканаккум-градоправитель Дильбата Мардук-нацир. Табличка уникальна, поскольку дословно повторяет известное по ЗХ выражение *awilam e'iltum iṣbat* (§ 117 и 119: букв. «человек кабальное обязательство схватило»), и в комплексе всех вышеописанных текстов позволяет по-новому интерпретировать как указанные параграфы ЗХ, так и ряд старовавилонских документов.

Транслитерация текста TLB 1 250:

R_1 ·1 [...]₂·a-na [...]₃·aš-šum il-ki-[x x] x [x] 4 ·^mSIG-A-ra-aḥ-tum a-[...] 22
 5 ·e-ṭi-il-tum iṣ-ba-at-m[a]₆·a-na e-ṭi-il-ti-šu 7 ·aḥ-ḥa-šu ú-ul iz'-zi-zu-ú-[ma]
 8 ·^m·^dAMAR.UTU-na-ši-ir šagin Dil-bat^{ki} 9 ·ù ši-bu-ut Dil-bat^{ki} 10 ·[di-n]am
i-di-nu-šu-nu-ti-ma 11 ·[x x x b]i-ti-x [x x] 12 ·[x x x x x] x [x x x]
v(начало разбито) 1 ·[x x A.Š] \hat{A} ^{im} i-na-ad-di-i[n-ma] 2 ·[e-ṭi]-il-ta-šu
i-ip-ra-al 3 ·[ud-k]úr-šè a-na A.Š^{im} ù bi-t[i]m¹ 4 ·[š]a aš-šum e-ṭi-il-ti-šu 5 ·^mSIG-

¹⁹ Очевидно, намек на «эдикт о справедливости» (*mīšarum*). Об этих эдиктах подробнее см. Kraus F. R. Ein Edikt des Königs Ammišaduqas von Babylon // SD 5, Leiden, 1958; *idem*. Königliche Verfügungen in altbabylonischer Zeit // SD 11, Leiden, 1984.

²⁰ Земля, выдаваемая на условиях службы, по понятным причинам не могла отчуждаться (ср. § 38—39 ЗХ).

²¹ Подробнее об этом семейном архиве см. Кошурников С. Г. Семейный архив старовавилонского времени из города Дильбата // ВДИ. 1984. № 4. С. 123—133; *он же*. Старовавилонский город Дильбат.

A-ra-ab-tum i-na-ad-di-n[u] ^{6,m,d}Uraš-na-da ù I-din^dx. [x?] ⁷ú-ul e-ra-ag-ga-mu ⁸mu ^aUraš ù *Ha-am-tu-ra-pî* ⁹[i]n-pàd-dè-meš ¹⁰[igi I]p-[p]a-li-is sa[nga x x] (далее сторона разбита).

Перевод текста:

«Д₁ [...] ₂ [...] ₃ (поскольку?) из-за службы [...] ₄ Ипку-Арахтум [...] ²², ₅ запутался в долгах, в ₆-₇ двою его братьев выручить его отказались (дословно: „по его кабальному обязательству не встали“), ₈ Мардук-нацир, шакканаккум-градоправитель Дильбата, ₉ и старейшины Дильбата ₁₀ их дело рассудили и ₁₁ [...] дома [...] ₁₂ [...]»

Об [...] ₁ [...] поля он отдаст [и таким образом] ₂ оплатит свое кабальное обязательство. ₃ В том, что в будущем поле и дом, ₄ которые из-за своего кабального обязательства ₅ Ипку-Арахтум вынужден будет отдать, ₆ Ураш-нада и Иддин[...] ₇ не будут оспаривать, ₈ именем Ураша и Хаммураи ₉ они поклялись. ₁₀ [Перед] Ишпалисом, жрецом [...] (остальная часть списка свидетелей и дата разбиты)».

Не случайно термин *e'iltum* переведен здесь «кабальное обязательство», поскольку перевод «долговое обязательство» ²³, по нашему мнению, не совсем удовлетворителен. Термин *e'iltum*, происходящий от глагола *e'elum* («привязывать», «связывать», «вешать»), в клинописных текстах встречается исключительно редко. Помимо целого спектра контекстов, связанных с «обязательствами» перед богами, в старовавилонских юридических документах и ЗХ (§ 38, 39, 117, 119) он имеет совершенно специфическое значение.

Прежде чем приступить к анализу соответствующих контекстов, следует сначала вернуться к рассмотрению уже упоминавшегося в связи с документами VAS 7 149 и TLB 1 243 термина *kiššatum*, интерпретированного нами как «залог» (или «замена»), а также определить, чем залог — *kiššatum* отличался от залога — *nipūtum*, нередко встречающегося в ЗХ. Сначала обратимся к термину *nipūtum*.

Во всех развернутых контекстах, приведенных в Чикагском словаре аккадского языка и касающихся термина *nipūtum* ²⁴ и глагола *nepūt* ²⁵, речь идет о действиях кредитора (или иного лица) в случае неуплаты по долговым документам (налогов или же вообще того, что ему причитается) и, соответственно, о законной санкции (хотя ныне это воспринималось бы как самоуправство), принуждающей должника или иное лицо заплатить (или отдать) причитающееся. Причем было вполне возможно неправомерное применение этой санкции, что отражено как в законах того времени (§ 114 ЗХ; § 22 ЗЭ ²⁶), так и в современных им документах и письмах, в особенности в ситуациях, когда кредитор и после уплаты долга или распоряджения судей продолжал удерживать заложника (YOS 2 ²⁷ 45 : 20; PBS 1/2 ²⁸ 9 : 24; VAS 7 191). Зафиксированы случаи неправомерного выбора заложника (UET 5²⁹ 68 : 21), угрозы взять заложника (UET 5

²² Очевидно, профессия.

²³ Ср. CAD, K. V. 8. P. 459—460; *kiššātu*; AHw. 492: *kiššātu(m)*; см. Струве В. В. Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине // ПС. 1958. Вып. 3. С. 3—28 (особенно с 4, 18—19).

²⁴ CAD, N. V.11/2. P. 249—251; *nipūtu*.

²⁵ CAD, N. V.11/2. P. 174; *nepū*.

²⁶ Законы Эшнунны; см. Goetze E. The Laws of Eshnunna. New Haven, 1956.

²⁷ Lutz H. F. Early Babylonian Letters from Larsa // Yale Oriental Series. Babylonian Texts. V. 2. New Haven, 1917.

²⁸ *Idem*. Selected Sumerian and Babylonian Texts // University of Pennsylvania, the Museum. Publications of the Babylonian Section 1/2. Philadelphia, 1919.

²⁹ Figulla H. H. Letters and Documents of the Old-Babylonian Period // Ur Excavation Texts. V. 5. L., 1953.

6 : 22), отказа по договоренности от осуществления данной санкции (VAS 16³⁰ 6 : 16) или же быстрого возврата заложницы по непонятным для корреспондента причинам (VAS 16 41 : 8) и т. д. Для выяснения характера данной санкции, по нашему мнению, весьма важно отметить то, что законодатели особо оговаривали случаи, когда заложник «доведен до смерти» кредитором (§ 116 ЗХ; § 24 ЗЭ), причем в этом случае наказание весьма сурово: от штрафа за раба или рабыню, равного его (ее) средней стоимости (1/3 мины, или 168 г серебра, согласно § 116 ЗХ), до смертной казни виновного (§ 24 ЗЭ) или его сына (§ 116). ЗХ также оговаривают случай естественной смерти заложника, не влекущей за собой права должника на иск (§ 115 ЗХ).

Все это свидетельствует о том, что вполне законная инициатива взятия заложника исходила от кредитора (или должностного лица) и нередко сопровождалась усиленным психологическим давлением на должника, выражавшимся в плохом отношении к заложнику. По-видимому, не случайно в большинстве случаев заложниками оказывались женщины (жены, рабыни должников и т. д.). Весьма характерной иллюстрацией к сказанному может быть выдержка из письма жрицы PBS 7³¹ 106 (35 сл.): «Пусть он доставит мне ячмень, и тогда я отошлю ему его заложницу. Заложницу я кормлю уже 5 месяцев. Неужели я должна освободить заложницу того, кто не принес мне ячмень?!».

Любопытно, что составитель ЗХ учитывал возможность и «психологического», и «экономического» давления на должника. Так, по сравнению с психологическим (дурное обращение: § 116 ЗХ), взятие в залог вола является примером исключительно экономического давления, когда кредитор лишал земледельца основы его благосостояния (§ 241 ЗХ). Наказанием должнику служит штраф, равный средней стоимости вола. Сама возможность взятия в залог вола показывает, что должники вовсе не обязательно были разорившимися земледельцами, но испытывали временные трудности. Следует также подчеркнуть, что речь идет не о *неправомерном* взятии вола в качестве залога, а о *неправомерности* взятия вола в залог, что свидетельствует об определенной «гуманности» ЗХ.

В ряде случаев термин *nipūtum* обозначал лиц (или животных, например ослов: ARM 4³² 58 : 18), взятых в залог в качестве гарантии выполнения трудовой повинности, различных работ (в том числе и ремесленниками), различного рода обязательств³³, но и в данном случае инициатива исходила от лиц, заинтересованных в должном выполнении работ. Таким образом, *nipūtum* обозначал «заложника» (или «залог») в смысле «взятого в залог», а глагол *perūt* — «брать в залог» (или «брать в виде гарантии»), т. е. оба термина предполагали законное право кредитора (или должностного лица), применяемое по его инициативе и имеющее целью принудить должника к уплате долга (или выполнению других обязательств). При этом следует подчеркнуть, что в данном случае кредитор стремился не к получению дополнительной рабочей силы (хотя необходимость кормить заложника, по-видимому, вполне позволяла использовать его труд), а к психологическому давлению на должника. В этом плане

³⁰ Schroeder O. Altbabylonische Briefe // Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Ht 16. Lpz, 1917.

³¹ Ungnad A. Babylonian Letters of the Hammurapi Period // University of Pennsylvania, the Museum. Publications of the Babylonian Section 7. Philadelphia, 1915.

³² Dossin G. Letters, TCL 25 // Archives royales de Mari 4. P., 1951.

³³ См. CAD, N. V. 11/2. P. 250—251: *nipātu*, d-f.

nipūtum в корне отличается от *kiššātum*, а глагол *perūt* — от глагола *kašāšum*.

Как уже было отмечено при анализе табличек VAS 7 149 и TLB 1 243, термин *kiššātum* относится к вполне добровольной (в соответствующей ситуации, конечно) отдаче (не взятии!) в залог (в смысле замены). При таком понимании термина становится более понятным ряд контекстов.

Следует подчеркнуть, что в данном ракурсе совершенно неприемлем перевод *kiššātum* как «долговое рабство». Данный перевод основан на интерпретации соответствующих параграфов ЗХ (117 и 119) и не имеет под собой никаких оснований, кроме «духа» этих параграфов. Любопытно, что соответствующая словарная статья в CAD ³⁴ выделяет как бы три основные группы значений — «долговое рабство» (или «служба»), «залог», «замена». В. фон Зоден более осторожен. Он дает основное значение «*etwa Schuld(sklaven)dienst*» ³⁵ и разделяет контексты на две группы: 1) речь идет о людях и 2) обо всем остальном (Sachen).

Помимо вышеупомянутых документов (VAS 7 149 и TLB 1 243) развернутые контексты, приведенные в Чикагском словаре, наглядно показывают, что в ряде случаев мы непременно должны переводить термин *kiššātum* как «замена», «залог», когда речь идет о потопленном судне и возмещении за него серебром (YOS 8 ³⁶ 53 : 3), об обязательстве, данном одним лицом в случае непривода другого, выплатить 10 сиклей (84 г) серебра в качестве «его замены» (10 gin kù.babbar *ki-iš-ša-ti-šu* — TIM 5 ³⁷ 62 : 10) и т. д.

Если отвлечься от «нависшего» над термином *kiššātum* призрака «долгового рабства» и посмотреть на §§ 117—119 ЗХ (по существу они являются одним параграфом) с точки зрения подтверждаемого документами значения «замена/залог», то станут более понятными прочие термины и вообще смысл соответствующих статей ЗХ.

Необходимо иметь в виду, что, будучи языком древнего общества, аккадский обладал зачастую в корне отличающимся от современных языков терминологическим аппаратом, отражающим степень развитости тех или иных юридических и социальных понятий и, в конечном счете, уровень абстрагирования. Так, в аккадском языке есть глагол, означающий «покупать» (*šānum*), но «продавать» будет по-аккадски «отдавать за серебро» (*ana kaspim nadānum*), «платить» по-аккадски будет «отвешивать серебро» (*kaspam šaqālum*). Соответственно, если отвлечься от «долгового рабства» для термина *kiššātum*, то *ana kiššātum nadānum* в ЗХ можно перевести «отдавать в залог» (или «взамен»), причем любопытной параллелью данному выражению являются соответствующие контексты из § 18 и 19 Эдикта Амми-цадуки ³⁸: «отдал себя, жену и детей (?) *ana kaspim ana k[i-iš-š]a-tim; [ana k]asp[im] inna[din u l] u a-[n]a ki-iš-ša-tim [i]k-k[a]-ši-iš*» («был отдан за серебро или передан в залог» или же «был продан или передан в залог»). Во втором случае глаголы употреблены в пассивной четвертой породе, причем глагол *kašāšum* (о его значении см. ниже) является однокоренным с *kiššātum*.

Следует также отметить встречающуюся в ассириологической литературе в корне неверную интерпретацию фразы DAM.GĀR *ú-še-te-eq*, как

³⁴ CAD, K. V. 8. P. 459—460.

³⁵ AHw. 492.

³⁶ Faust D. E. Contracts from Larsa Dated in the Reign of Rīm-Sin // Yale Oriental Series, Babylonian Texts. V. 8. New Haven, 1941.

³⁷ Van Dijk J. Old Babylonian Contracts and related material // Texts in the Iraq Museum. Cuneiform Texts 5. Wiesbaden, 1968.

³⁸ См. прим. 19.

якобы подразумевающую то, что тамкарум (в данном случае имеется в виду кредитор) «дал истечь (сроку договора)» и т. п.³⁹. Данная интерпретация основана на понимании термина *kiššatum* как «долгового рабства», «долговой кабалы». Глагол *etēqum* означает «проходить», «миновать» и в третьей (каузативной) породе, соответственно, «дать пройти», «пропустить». Но не срок контракта, а раба или рабыню! Поскольку рабы были товаром, их можно было подарить, «отдать за серебро» и т. д. Именно это и имел в виду законодатель.

Ниже мы приводим транскрипцию (в целях сравнения с переводом; текст хорошо известен⁴⁰) и новый перевод § 117—119 ЗХ.

§ 117: *šumma awīlam e'iltum iṣbatma aššassu mārašu u mārassu ana kaspim iddin u lu ana kiššātim ittandin* MU 3^{кам} *bit šajjimānišunu u kāši-šišunu ippešū ina rebūtīm šattim andurāršunu iššakkan*

§ 118: *šumma wardam u lu amtam ana kiššātim ittandin tamkārūm ušēteq ana kaspim inaddin ul ibbaqar*

§ 119: *šumma awīlam e'iltum iṣbassuma amassu ša mārī uldušum ana kaspim ittadin kaspam tamkārūm iṣqulu bēl amtīm iṣaqqal amassu ipaṭṭar* (Кол. Об. III 54—IV 3).

Перевод:

«§ 117: Если человек запутается в долгах так, что свою жену, своего сына и свою дочь продаст или же передаст в залог, (то) три года (в) хозяйстве их покупателя или залогоприемника они должны работать, (а) на четвертый год их должно освободить.

§ 118: Если раба или рабыню после того, как в залог он (их) отдаст, тамкарум захочет пустить дальше, продаст⁴¹, то он(а) не может быть оспорен(а).

§ 119: Если человек запутается в долгах, но при том что свою рабыню, которая родила ему детей, он продаст, (количество) серебра, (равное тому, что) отвесил тамкарум, хозяину рабыни он вернет, то свою рабыню он может освободить.»

Возвращаясь вновь к термину *e'iltum* в ЗХ и в документе TLB 1 250, следует отметить следующие аспекты социальной жизни Вавилонии.

Для человека, запутавшегося в долгах (пока так определим фразу *awīlam e'iltum iṣbat*) ЗХ (§ 117) видят два выхода: 1) «отдать за серебро» (т. е. продать) жену, сына, дочь; 2) отдать их в залог. Но почему же не поле (или сад), дом? Во-первых, потому, что, продавая поле (или хотя бы часть его), должник при сохранении прежней численности семьи вообще терял надежду выпутаться из долгов. Продавая дом (а по средней цене раба нужно было бы продать до 1 сара, или 35 м², жилой площади⁴²), должник, и так живший, наверняка, не в лучших условиях, по существу лишался со своей семьей крыши над головой и вряд ли в перспективе мог что-либо построить.

Во-вторых, поле или дом отдавать в залог вообще смысла не имело. Данное соображение основано на нашем понимании различия между «от-

³⁹ Ср., например, перевод и комментарий: *Driver, Miles*. Op. cit. P. 48—49. Другая интерпретация, которая развернуто представлена нами ниже, предложена в переводе И. М. Дьяконовым (ЗХ, с. 240), однако общий перевод параграфа иной (ср. ниже, прим. 41).

⁴⁰ См. прим. 11.

⁴¹ Перфект глагола *padānum* в значении *futurum exactum*, глаголы *ušēteq* и *inaddin* — в конструкции с *šumma*, вопреки прим. 4 к переводу И. М. Дьяконова (см. ЗХ, с. 240). Об употреблении *šumma* с формой презенса см. *Soden W. von*. Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952. § 161 i.

⁴² См. *Кошурников*. Типы строений...

дачей за серебро» и «отдачей (за серебро) в залог». Совершенно правомерен вопрос о том, в чем заключалось это различие, коль скоро и в том и в другом случае «отданный» должен был «работать на дом» покупателя или залогоприемника те же три года. Следует подчеркнуть, что интерпретация термина *kiššātum* как «долгового рабства» вообще почти полностью стирает данное различие, оставляя лишь его осовремененный «призрак». Любопытно, что заголовком для § 117—119 ЗХ, неоднократно переписывавшихся в древности, было [D1.DAB₅.(BA)] *ki-iš-ša-a-[tim]* (т. е. «закон о залоге»). Очевидно, отдача (ср. с *perūt* и *nipūtum*) в залог рабов, рабынь или членов семьи часто практиковалась как средство борьбы с долгами и отличалась от «отдачи за серебро» (т. е. продажи в рабство) лишь *залоговой суммой* и *юридическими последствиями* заключения контакта.

Условия приема в залог во многом зависели от доброй воли кредитора или третьего лица, вызывавшегося быть залогоприемником. Несомненно, в ряде случаев выгоднее было «прижать» должника, заставив его «продать». Совершенно очевидно, что «продажа» превращала человека в раба, но и принятие в залог могло быть выгодно, поскольку залоговая сумма, по-видимому, была ниже стоимости раба, а вплоть до ее возврата должником кредитор пользовался трудом отданного в залог. Социальное расслоение и процесс разорения общинников, а также лиц, находившихся на царской службе, по-видимому, достигли критической точки, и сработал механизм социальной защиты в форме закона, пресекающего продажу в рабство навечно, аналогичный механизму «эдиктов о справедливости» (*mīšarum*)⁴³, согласно которым проданное имущество или часть его могли быть возвращены прежним владельцам (сюда, очевидно, следует отнести документ VAS 7 7). Соответственно случаи продажи за «полную цену» были приравнены по своим последствиям к залоговым контрактам, а залоговый срок был ограничен тремя годами. Таким образом делалась попытка законодательного ограничения процесса закабаления свободных, а формулы *ana kiššātīm nadānum* и *ana kaspim nadānum* приобрели характер «долгового рабства», причем оба понятия одновременно.

Приведенные выше соображения в полной мере объясняют смысл § 118 ЗХ. Если понимать *kiššātum* как «долговое рабство», то как вообще (даже с терминологической точки зрения) можно было отдать в долговое рабство раба или рабыню? В случае же передачи раба или рабыни «взамен (серебра)» («в залог»), коль скоро они не были свободными, а срок залога первоначально, видимо, не был ограничен (впервые нам известно его ограничение для свободных по ЗХ), от доброй воли залогоприемника зависела их дальнейшая судьба. Но и здесь ЗХ сделали важное ограничение возможных намерений фактического хозяина рабыни (не обязательно залогоприемника, поскольку он мог ее подарить или продать), которая родила своему прежнему хозяину детей: он имеет право ее выкупить, а новый хозяин не в праве ему отказать (§ 119).

Весьма важен вопрос о том, в каком соотношении могли находиться залоговая сумма и средняя цена раба. Вероятно, сумма залога была ниже цены раба. Первоначально залоговые контракты могли не подпадать под «эдикты о справедливости», но ЗХ уже вполне осознают, что в реальной жизни залоговые контракты приобрели характер долговой кабалы и мало чем отличались от продажи в рабство (отсюда и одинаковые последствия по обоим видам контрактов).

С учетом всего вышеизложенного становится очевидным, почему дом

⁴³ См. прим. 19.

и землю в залог вообще не отдавали. При том, что земля и дом были основой существования оседлого земледельца, не было никакого экономического смысла отдавать в залог за полцены (если и больше, то уж никак не за «полную цену») то, что кормит и дает кров. Если позволяла ситуация, лучше было продать часть поля или дома и попытаться выпутаться из долгов с оставшейся частью хозяйства, чем отдать в залог в полтора-два раза больший участок земли или дома (или вообще все хозяйство) и остаться ни с чем. Отдавая же в залог члена семьи (соответственно, с гарантией, что залогоприемник не продаст его как раба ⁴⁴), *pater familias* лишал семью лишь дополнительной рабочей силы, что можно было пережить, интенсифицировав труд остальных ее членов.

Конечно, не следует понимать все вышеизложенное как неперемное свидетельство или доказательство предельного практицизма древних. Как и у наших современников, у них были свои привязанности, и в конкретных ситуациях конкретные люди по-своему выходили из сложных положений, но экономически приемлемых альтернатив было немного.

Несколько слов о глаголе *kašāšum*. В соответствии с нашим пониманием термина *kiššātum* этот глагол означает «отдать в залог», «подменить». В Чикагском словаре в одной словарной статье объединены по существу два разных глагола ⁴⁵: в разделе 1b приведены контексты с глаголом *kašāšum*, являющимся, по-видимому, деноминативом от *kiššātum* («обитаемый мир», «вселенная»; в свою очередь, происходит от названия города Киша?) и не связанным с блоком *kiššātum/kašāšum*, к которому следует отнести разделы 1a и 2. В частности, в разделе 1a приведен перевод текста UCP 10/1 ⁴⁶ 159 № 91, основывающийся на неверном понимании терминов *kašāšum* и *kiššātum*. Содержание текста таково: некто был пойман на воровстве, хозяину украденного судьи Неребтума (совр. Ишчала) передали залог (за вора!), после чего пойманный на воровстве отправился в Эшнунну, где заявил, что он является рабом частного лица, а на вопросы судей о том, совершил ли он кражу и передан ли за него залог, ответил положительно. CAD переводит фразу *ana PN₂ bēl šurqišu DI.KUD' GN ik-šu-šu-ma* так: «the judges of Neribtu exacted services (from him) for PN₂, the owner of the stolen goods». Этот перевод основан на интерпретации *kiššātum* как «долгового рабства» или «службы» и в данном контексте лишен здравого смысла. Зачем вору нужно было после выполнения какой-то службы в пользу хозяина украденного отправляться в Эшнунну и заявлять судьям, что он раб, а не свободный? Если же отбросить домыслы о какой-то «штрафной» службе, то станет понятно, что вор был отпущен под залог вплоть до выяснения всех обстоятельств, связанных с его личностью и проступком, а объявить о рабском статусе его заставил, по-видимому, страх перед более суровым наказанием, предусмотренным для свободных за кражу.

И, наконец, в чем же смысл фразы *awīlam e'iltum iṣbat*? По нашему мнению, она отражает понятие платежеспособности, но не в смысле ареста за долги ⁴⁷, а в несколько ином аспекте.

Прежде всего законно было бы поставить вопрос: чем, собственно,

⁴⁴ В ряде случаев отданные в залог (*ana kiššātum*) могли жить в своей семье, являясь в дом кредитора (*kašāšum*) на работу. Взятые же в залог (*nipūtum*), наоборот, были разделены со своей семьей. Ср. письмо PBS 7 106.

⁴⁵ CAD, K. V. 8. P. 286: *kašāšu* A.

⁴⁶ Lutz H. F. *Legal and Economic Documents from Ashjāly* // University of California Publications in Semitic Philology. V. 10/1. Berkeley, 1931.

⁴⁷ Ср. интерпретацию Драйвера и Майлза (Op. cit. P. 48—49).

заемный документ мог отличаться от *e'iltum*, под которым обычно понимают «долговое обязательство»? Ведь еще до составления контракта кредитор, несомненно, должен был быть осведомлен о платежеспособности должника. Известны долговые обязательства на крупные суммы, торговая деятельность предусматривала солидный кредит и т. д. Следовательно, долговое обязательство на крупную сумму не свидетельствует о кабальном характере ссуды. Но есть ситуации, когда *awīlam e'iltum iṣbat* по своим последствиям является очевидной долговой кабалой, и за долги приходится отдавать в залог (или продавать) членов семьи (§ 117 ЗХ) либо лишаться части хозяйства (TLB I 250; § 38—39 ЗХ). Следовательно, *e'iltum* — это не просто «долговая расписка» или «долговое обязательство», а кабальное обязательство или кабальный договор, при заключении которого кредитор явно был осведомлен о возможной неплатежеспособности должника⁴⁸. И вот когда должник обязан был выполнить те или иные взятые на себя обязательства, но не мог этого сделать, древние говорили, что его «схватило» кабальное обязательство, следствием чего могли быть продажа или передача в залог близких, передача кредитору хозяйства или его части вплоть до самопродажи, когда, по-видимому, жить было уже не на что.

Из Дильбата времени Хаммурапи (2-й год) дошел любопытный документ, фиксирующий передачу неким Гимиль-Ниссабой 1 сара (35 м²) дома своей дочери Раматум взамен уплаченных ею 1/3 мины (168 г) серебра «за кабальное обязательство» отца (VAS 7 5/6). Таким образом, в данном случае зафиксирована стоимость «кабального обязательства», которая равна средней стоимости раба.

С учетом вышеизложенного в качестве наиболее приемлемых переводов выражения *awīlam e'iltum iṣbat* можно предложить: «человек запутался в долгах» или «человек попал в долговую кабалу». Первый вариант, по нашему мнению, точнее характеризует ситуацию, второй терминологически точнее, хотя в обоих случаях изменен грамматический субъект в предложении. Дословный перевод типа «кабальное (или долговое) обязательство человека схватило», по нашему мнению, затемняет идиоматический смысл предложения.

Возвращаясь к анализу документа TLB 1 250, можно кратко выделить изложенные в нем процессуальные данные и решение: иск, очевидно, вчинили двое братьев должника (начало таблички безнадежно разбито), Ипку-Арахтум не смог выполнить взятых на себя по «кабальному договору» обязательств (возможно, из-за службы — см. стк. 3' лицевой стороны), т. е. «запутался в долгах»; его братья отказались выручить его в трудной ситуации, и именно поэтому шакканаккум-градоправитель и старейшины Дильбата постановили выделить из их, вероятно, совместного хозяйства часть поля и дома в уплату за «кабальное обязательство» Ипку-Арахтума (по-видимому, его братья проиграли это судебное дело); далее следует формула клятвы его братьев отказаться от дальнейших споров.

Дата на контракте разбита, но сохранилось имя первого свидетеля — Иппалиса, жреца какого-то божества (возможно Ураша). Тот же жрец указан первым свидетелем контракта VAS 7 4 времени Син-мубаллита (имя сохранилось в формуле клятвы; дата разбита). Следовательно, таб-

⁴⁸ С *e'iltum* в подобных контекстах, по-видимому, употреблялся глагол *rašūm* («заиметь»); см. СТ 33 47а: 3; *King L. W. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum* 33. L., 1912.

личку TLB 1 250 следует отнести к первым годам правления Хаммурапи. Дата близка и к 12-му году, которым датирован документ VAS 7 7.

Если внимательно присмотреться к табличкам TLB 1 250 и VAS 7 7, то станет очевидной любопытная деталь: по TLB 1 250 (более ранний документ) суд старейшин возглавлял шакканаккум-градоправитель Дильбата Мардук-нацир, а согласно VAS 7 7 — Имгур-Син, известный по документу VAS 7 149 в качестве городского старосты (рабианума). В обоих случаях речь идет об общинной собственности сторон в процессе, так как служебные надельные земли ни в коем случае не подлежали продаже, замещению в пользу женщин или передаче по «кабальному обязательству» (см. § 38—39 ЗХ). Соответственно, функции Мардук-нацира и Имгур-Сина, возглавлявших совет старейшин, идентичны. А не был ли вообще термин *rabi'anum* в данный период аккадским эквивалентом шумерограммы *šagin* (GIR.NITÁ)?

И действительно, данное предположение не лишено оснований и подтверждается документами из других мест. М. Столь аргументированно показал, что в районе Диялы GIR.NITÁ и *rabi'ānum* были взаимозаменяемыми терминами⁴⁹. Им же были проанализированы контексты, показывающие, что рабианум мог назначаться царем, в одном городе или поселении могло быть несколько рабианумов, причем известны как рабианумы-«шейхи» (племенные вожди), так и рабианумы «кварталов» (*babum* или «территорий», если речь шла о кочевниках) поселений и городов.

Само слово *rabi'ānum* происходит от прилагательного «большой» с присоединением суффикса единичности *-ānum*, что дает буквальное значение «великий», «предводитель», «глава», «начальник». Этот термин появляется в клинописных документах как аккадограмма в шумерском языке (ra.bu.um) в правление III династии города Ура⁵⁰. Его появление, по-видимому, связано с новой волной семитских племен (амореев), проникших в XXI в. до н. э. в Месопотамию. Историческое развитие и связанная с ним трансформация традиционных терминологических структур привели к тому, что из «шейха» рабианум превратился в городского старосту или градоправителя в эпоху Хаммурапи.

Таким образом, проблема шакканаккумов, рабианумов и шапирумов (об этом термине см. ниже) городов — во многом проблема терминологическая. Все эти термины обозначали своего рода «городского голову» (ср. контексты со словом *qaqqadum* «голова», рассмотренные М. Столем), чьи функции, конечно же, со временем изменялись в зависимости от политической обстановки и социально-экономических условий.

Для Дильбата, исходя из анализа вышеперечисленных документов, можно предположить, что в начале правления I Вавилонской династии шакканаккум-градоправитель (если такой был в то время в Дильбате; впервые зафиксирован документами при Апиль-Сине) был главой местной царской администрации, а совет старейшин могло возглавлять другое лицо (рабианум? возможно, община была тесно связана с осевшими в этом районе племенами?). С усилением власти Вавилона (Апиль-Син, Синмубаллит и особенно Хаммурапи) назначаемый царем шакканаккум-градоправитель волею царя стал и главой совета старейшин города: обе должности слились (более предпочтительным был термин *šagin*, видимо, отражавший волю царя). Трудно установить, когда это произошло, но

⁴⁹ *Stol. Studies* ... P. 83.

⁵⁰ Подробный анализ контекстов, в том числе и эпиграфических данных см.: *Stol. Studies* ...

в правление Хаммурапи совпадение должностей очевидно (TLB 1 250; VAS 7 7 и 149).

Любопытно, что ЗХ фиксируют имущественную ответственность города (или поселения — игу) и его старосты (*rabi'ānum*) за совершенный на его территории грабеж (§ 23) или убийство (§ 24) в случае, если грабитель или убийца не найден (ср. роль шакканаккума и старосты в документах TLB 1 243 и VAS 7 149). Градоправитель здесь назван старостой (*rabi'ānum*). Возможно, предпочтение этому термину следует отнести на счет дипломатической прозорливости в делах управления царя-завоевателя, выразившейся в совмещении традиций племен и общины со своей волей.

Должности градоправителя-шакканаккума и старосты-рабианума нигде более в дильбатских документах не упоминаются. Термин *sāgin*, как подметил В. Лееманс⁵¹, вообще исчезает в начале правления Абиэшу' (1711—1684), но к середине правления его отца Самсу-илуны (1749—1712) относится первое упоминание шапирума города, а именно шапирума Сиппара. В. Лееманс считает, что шакканаккумы (*šagin*) постепенно замещались шапирумами (*šāpirum*). Однако почему бы не предположить что мы вновь имеем дело с терминологическими различиями, а не по существу функций этих чиновников? Очевидно, в ряде мест была введена новая должность (или «модернизирована» старая), и новый термин постепенно вытеснил старый.

Сам термин *šāpirum*, очевидно, обозначал любого начальника (ср. с рабианумом). Так появились шапирумы городов, областей (*šāpir mātīm*), приречных районов (*šāpir nārim*). В письмах появились выражения типа «мой шапирум», довольно много писем с обращением «шапируму моему скажи...» и т. д.

К концу правления I Вавилонской династии влияние градоначальника-шапирума на местные дела, по-видимому, несколько ослабло по сравнению со временами градоправителей-шакканаккумов. Это было связано, вероятно, со все большей бюрократизацией общественной жизни (наследие крупного государства, созданного Хаммурапи) в условиях постепенного ослабления политического влияния I Вавилонской династии, когда такие крупные чиновники, как «распорядители персонала дворцового хозяйства» (*gal. unken.na eḡen ká.é.gal*)⁵², приобретали в провинции больший вес, нежели градоначальники. На это, как нам кажется, указывают два арендных договора (YOS 13⁵³ 330 и 333) из Киша от 2-го и 3-го годов правления Самсу-дитаны (1625—1595). В них в перечне арендаторов имя градоначальника-шапирума города Киша Авиль-Сина указано после имени «распорядителя» Мардук-мушаллима.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в документе YOS 13 41, где в качестве арендаторов указаны «распорядитель» Игмиль-Син, а за ним — градоначальник Киша Авиль-Син.

В связи с термином *šāpirum* хотелось бы еще раз обратить внимание вслед за А. Вальтером⁵⁴, на то, что в одном из дильбатских документов (VAS 7 113) времени Амми-цадуки упоминается *ugula Dil-bat^{ki}* (т. е. бук-

⁵¹ Leemans W. F. King Hammurapi as Judge // *Symbolae iuridicae et historicae Martino David dedicatae* 2. Lieden, 1968. P. 125—126.

⁵² Об этой должности в Северной Вавилонии см. Кошурников. Старовавилонский город Дильбат; Yoffe N. The Economic Role of the Crown in the Old Babylonian Period // *BM* 5. Malibu, 1977. P. 81—135.

⁵³ Finkelstein J. J. Late Old Babylonian Documents and Letters // *Yale Oriental Series. Babylonian. Texts*. V. 13. New Haven — London, 1972.

⁵⁴ Walther. Op. cit. S. 141.

важно «начальник Дильбата»), доставивший военное снаряжение из Пады в Дильбат. Он не назван по имени, но здравый смысл показывает, что «начальник Дильбата» — это не кто иной, как градоначальник-шапирум Дильбата Иддин-Лагамаль, сын Ураш-нацира, неоднократно упоминающийся в текстах времени Амми-цадуки. Есть и документальные подтверждения того, что шумерограмма *ugula* в старовавилонский период могла обозначать аккадское *šāpirum* (ср. *ugula aga.uš* — BIN 7⁵⁵ 6 : 18; *ša-pi-ir aga.uš^{meš}* — VAS 16 48 : 7).

CITY HEADMEN, GOVERNORS, AND BURGOMASTERS:
LEGAL PROCEEDING, KING'S ADMINISTRATION,
AND COMMUNITY IN THE OLD BABYLONIAN DILBAT

S. G. Koshurnikov

The article in general deals with some problems of structure and interaction of the major social domains of the ancient Near Eastern society — the king's and community administrations — in the Old Babylonian city of Dilbat, some 27 km to the south of Babylon. While having at our disposal just a few documents mentioning the community and its officials, we are to «trace» them in private and administrative documents.

The *rabi'ānum* of Dilbat (head of the elders) appears only twice during Hammurapi's (1792—1750 B. C.) reign (Imgur-Sin: VAS 7 7 (without title), 149), the *šagin* of Dilbat — also twice under Apil-Sin (1830—1813); Belaki: TLB I 243) and Hammurapi (Marduk-našir: TLB I 250; presumably from the beginning of his reign — according to prosopography). The analysis of the texts mentioned above, including those, which deal with some legal proceedings (Gautir, 6, 13, 30, 35), shows that both terms (*šagin* and *rabi'ānum*) had named quite the same official at the beginning of Hammurapi's reign (compare the observations by M. Stol of the documents from the Diyala region, see notes 2,49). We believe that *šagin* had become *rabi'ānum* under Hammurapi, the latter became *šāpirum* of the city after his time. So, we think that the titles of *šagin* and *rabi'ānum* had been different before Apil-Sin. With the consolidation of power under Apil-Sin and Sin-muballiṭ (1812—1793), *šagin* of Dilbat (head of the king's administration) had become the head of the elders (the fortune of the term *rabi'ānum* in this period is quite obscure), and Hammurapi preferred the term *rabi'ānum* (as a compromise with the community?), though that *rabi'ānum* was the king's official at that time. His successor was the *šāpirum* of Dilbat with a number of deputies (*eger*), while the «true» community *rabi'ānum*'s (village headmen) survived only in the neighbouring settlements.

TLB I 243 and VAS 7 149, as we believe, can help us to clear up the meaning of the term *kiššatum*. It meant a legal pledge to someone for a lost or stolen object, or a person, which had been discovered by him. It did not mean any kind of service or serfdom, but a pledge (usually for a sum of money) on the initiative of a debtor (in contrast to *nepām* and *nipūtum*, which named a legal sanction applied by a creditor). So, any kind of personal service or serfdom was the result of *ana kiššatim nadānum*. The analysis and the new interpretation of the §§ 117—119 of the Code of Hammurapi are also included (*awīlam e'iltum iṣbat* is interpreted as «he ran into debt», which means that a person had got a «bad debt», i. e. *e'iltum*).

VAS 18 23; YOS 13 255, 256, 519 show that the community allotted a certain part of its land to state officials. High state officials and elders checked the redistribution of this land, which was clearly distinguished from the state domain.

⁵⁵ *Alexander J. B.* Early Babylonian Letters and Economic Texts // Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies. V. 7. New Haven, 1943.

ГОРА, БОГ И ИМЯ: О НЕКОТОРЫХ ФРАКО-ФРИГИЙСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

К Геродоту (VII.73) восходит античная литературная традиция о родстве между фракийцами и фригийцами. Эта идея неизменно присутствует и в современной историографии, которая упоминает «фрако-фригийские племена», «фрако-фригийскую миграцию» и т. п.¹ В последнее время исследования, посвященные древней Фригии, пополнились обобщающими публикациями об археологических раскопках Гордиона и изданием «Корпуса древнефригийских надписей»². Это дает возможность провести сопоставление микросистем культур древних фракийцев и фригийцев.

Большая часть древнефригийских надписей посвящена Великой Богине-матери, культ которой надежно засвидетельствован в Анатолии и подробно освещен в литературе. В современных исследованиях под именем Кибела чаще всего подразумевается фригийская богиня. Надписи, однако, показывают, что в большинстве случаев она обозначается словом «мать» (matar; M-01c, d, W-01b, W-04, W-06, B-01), иногда сопровождаемым эпитетами, или представлена только эпikleзой (G-183). Две надписи, где используется прилагательное Kubileya/Kubeleya (W-04, B-01), происходят из Западной Фригии и Вифинии, но они высечены на скалах и не поддаются точной датировке. Скорее всего их следует понимать как упоминание о Кибелейской (матери) и связывать со сведениями Страбона (XII.5.3) и поздней лексикографической литературой (Hesych. S. v. Κύβηλα), согласно которой имя Кибела происходит от названия горы во Фригии. Наличие во фригийских надписях только прилагательного, напрашивающаяся параллель с греческой μήτηρ ὀρεία/μήτηρ Ἰδαία, отсутствие данных, позволяющих точно локализовать гору Кибела, дают основания некоторым ученым предположить, что Кибела по-фригийски означает «гора»³.

Во Фригии, как и во Фракии, Великая Богиня-мать была анонимной, ее имя сопровождали культово значимые эпитеты по названию места, где исповедовался ее культ, или по определенному культовому предмету). Согласно Страбону (X.3.12—15), она носила имена Идея, Диндимена, Сипилена, Пессинунтида и Кибела. На одном граффито из Гордиона засвидетельствован эпитет imeneia (G-183) от iman (культовый предмет или посредник⁴). Среди эпитетов с положительным значением встречаются eveteksetey (Dat. Sg.; W-01b) = «благорожденной»? (<εὖ + τίκτω) или «благосвязывающий» (от хет. takš-⁵); последнее близко к одной из предполагаемых этимологий имени Бендида (<*bhendh — «связывающая»)⁶. При любом из возможных толкований очевидно, что речь идет о харак-

¹ См., в частности: Sakellariou M. La migration grecque en Ionie. Athènes, 1958; Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 118—122.

² Young R. S. Three Great Early Tumuli. Pennsylvania, 1981; *idem*. From Athens to Gordion. Philadelphia, 1980; Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléophrygiennes. T. I—II. P., 1984.

³ Brixhe C. Le nom de Cybèle // Die Sprache. 1979. 25. 1. S. 44—45; см. дискуссию: Zgusta L. Weiteres zum Namen der Kybele // Die Sprache. 1982. 28. S. 171 f.

⁴ Байон Л. С., Орел В. Э. Язык фригийских надписей как исторический источник. I // ВДИ. 1988. № 1. С. 194.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Detschew D. Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1976. S. 61.

теристике Великой Богини. Идентичность сущности обеих богинь была замечена еще Гиппонактом (Hesych. S. v. Κοβήθη). Evtveya (B-03) переводится как «справедливая» (ср. греч. εὐδός) ⁷. Tiveya (G-183) можно связать с греч. θύω «бушевать, неистовствовать» ⁸. Смысловое ядро производных от этого греческого глагола вписывается в дионисийский круг: Θούα — название дионисийского праздника в Элиде, Θεοτήριος — имя Диониса, а Θούνη — Семелы ⁹.

И во Фракии, и во Фригии культ Богини-матери связан со скальными святилищами, где в большинстве случаев не было необходимости в специальных храмовых постройках. Скала/гора и была обителью богини, нередко ассоциируясь с самой богиней. Вероятно, именно в таком плане следует рассматривать глоссу Гесихия: Κόβελα· ὄρη Φρυγίας· καὶ ἄντρα καὶ θάλαμοι («гора во Фригии, а также пещера и лежанки в ней»). Об этом свидетельствуют и скальные памятники Фригии, ниши и ступени, ориентированные на восток и юг ¹⁰.

Святилища, расположенные в горах, дубравах, близ источников, известны и в хеттской культовой практике. Хетто-лувийская ономастическая основа šarpa- связывается с такими топонимами, как ^{uru}Šarparanda, KUR ^{uru}Šariyanda (хет. šara-, лув. šarri- «наверху», «вверху»). Известен также топоним ^{uru}Šarpaenta, где расположены святилище Бога грома и гора Šarpa ¹¹. В хеттской языковой среде уже отмечена модель образования царских династических имен от теонимов без суффиксов: название горы — имя божества — царское имя (например, Arnuwanda) ¹². Исследователи определяют эту номинацию как «азиатическую», т. е. азиатическую. Аналогичным мог бы быть случай с именем Диндимена, если принять этимологию Кречмера: *dindu- «верх, высота» ¹³. Все это указывает на первоначальную идею о скальном божестве, о горе/скале как утробе и в конце концов на идею о Матери-земле.

В литературе уже обращалось внимание на возможность того, что сын Великой Богини-матери во Фракии мог бы носить ее имя или производное от него ¹⁴. Фригийская эпиграфика предлагает два примера подобной номинации. В надписях из Вифинии и Западной Фригии встречаются одинаковые или тождественные в смысловом отношении эпитеты мужского и женского рода: evtveyay (Dat. Sg. fem.) и evtvey (Dat. Sg. masc.; B-03), areyastin (Acc. Sg. fem. — «благую») и evdemnoy (Dat. Sg. masc. — «счастливому, блаженному»; W-01a). Считается, что прилагательные мужского рода относятся к Аттису ¹⁵. При любом возможном толковании, однако, очевидно, что речь идет о мужском паредре богини или ее сыне-любвнике.

⁷ Баян, *Орел*. Ук. соч. С. 190; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Т. 1. Р., 1968. Р. 385.

⁸ Баян, *Орел*. Ук. соч. С. 187, 196.

⁹ Chantraine. Op. cit. Р. 448—449.

¹⁰ Haspels C. H. E. The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments, Princeton, 1971. Р. 173.

¹¹ Laroche É. Études de toponymie anatolienne // RHA. 1961. 19. Fasc. 69. Р. 70; Goetze A. The Linguistic Continuity of Anatolia as shown by its Proper Names // JCS. 1954. 8.2. Р. 78—79.

¹² Laroche E. Recueil d'onomastique hittite. P., 1952. Р. 75.

¹³ Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 211; Detschew. Op. cit. S. 137.

¹⁴ Фол Ал. Политика и культура в древна Тракия (в печати). С. 184.

¹⁵ Баян, *Орел*. Ук. соч. С. 182.

С точки зрения хетто-лувийской ономастики, Сарпедон также может быть назван по имени горы ¹⁶ (т. е. по имени Великой богини). Димас, отец Гекубы (Ном. II.XVI.718), по всей вероятности, носит имя, являющееся частью имени Диндимена. Такое значение подтверждает и схоласт Эврипида, который, упоминая прозвище Гекубы — Хорила (Schol. ad Eur. Нес. 3), фактически определяет одну из ипостасей Богини-матери. Возможно также, что имя мифического фракийского царя Тереея восходит к названию высокой, по словам Гомера, горы в Троаде — Терее (Ном. II. II.828—829). По сведениям Страбона (XIII.1.17), там находился храм Матери богов, называемый также «святилище Тереея». Скорее всего, в эпоху эллинизма космогоническое и культовое значение подобной номинации постепенно теряется, в результате чего название горы Сипил, например, воспринимается как производное от имени Сипила, сына Агенора и Диоксишпы (Plut. De flux.9.4—5) ¹⁷. Связь с богиней сохраняется, однако, в обратном порядке. К этому можно добавить и имя Дионис, одним из компонентов которого является название священной горы. После того как в литературе уже подробно рассматривались фрако-хетто-лувийские параллели, вероятно, надо отметить, что лувийский иероглиф № 42 , читаемый как ^dIM — «Бог грозы», тоже указывает на скальное божество: изображение, под которым вычерчен этот иероглиф в Язылыкая, принадлежит хурритскому богу Тешубу, стоящему на неизвестной горе ¹⁸. Знак, обозначающий гору в египетской иероглифике, ассоциируется с богом Сетом.

В более поздних источниках появляется и другое имя Кибелы — Агдистис, также производное от названия горы, где, согласно традиции, похоронен Аттис (Paus. I.4.5). В самом чистом виде связь между Богиней-матерью и ее сыном представлена у Арнобия (Adv. nat. V.5): гора Агдос зачала и преждевременно родила сына, которого в честь матери назвали Акдистис. В рассказе содержится древний фольклорный мотив о зачатии скалы и о ребенке, растущем не по дням, а по часам, — этот мотив известен из шумерской литературы и хурритского эпоса об Улликумми и имеет параллели в нартском и абхазском эпосах ¹⁹. У Павсания (VII. 17.9—12, вариант мотива: Diod. III.58) история передана в явно гречизированном варианте: семя спящего Зевса падает на Землю, в результате чего рождается двуполое существо Агдистис. У Гесихия сохранилась глосса: ἀδαχρούς· θεός τις παρὰ Φρυγίῃν, ἐρμαφρόδιτος («ἀδαχρούς: бог некий у фригийцев, гермафродит»). Это имя встречается и в надписях новофригийского времени ²⁰. На реверсе монет из Докимейона изображена гора Агдистис. Красный мрамор из карьеров, расположенных около города, называется «фригийский камень», поскольку он обогрел кровью Аттиса. В изображениях на монетах сохранилась священная гора — скальное святилище без храмовых построек ²¹. Оно связано со смертью/захоронением любимца богини. Результаты исследования фракийских мегалитов, а также неоднократно комментированные сведения об урне с прахом Орфея в Либетре (Paus. IX.30.4—12) наводят на мысль о том, что священное место, где отправлялся культ Великой Богини-матери, героон и царская

¹⁶ Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 72—76.

¹⁷ См. комментарий: Фол Ал. Тракийский орфизм. София, 1986. С. 124 сл.

¹⁸ Laroche E. Les dieux de Yazılıkaya // RHA. 1969. 27. Fasc. 84—85. P. 66—67.

¹⁹ Венедиков Ив. Златният стожер на прабългарите. София, 1987. С. 188—190.

²⁰ Haspels. Op. cit. P. 201—204.

²¹ Robert L. A travers l'Asie Mineure. Athènes — Paris, 1980. P. 222—240.

гробница совпадают. Такое место может быть отмечено нишей, площадкой или несколькими ступенями. Вероятно, так же следует рассматривать и фригийские скальные комплексы, куда часто входят гробницы, ниши и святилища.

В двух древнефригийских надписях встречается слово *vrekun* (Ass. Sg.: M-06, W-01a), которое фонетически напоминает название фригийского племени берекинтов и связано с глоссами Гесихия: $\beta\rho\acute{\epsilon}\kappa\lambda\upsilon\tau\alpha$, τὸν Βρέκλυντα, τὸν Βρίγα. Βρίγες γὰρ οἱ Φρύγες; Βερεκύνται· δαίμονες τινες [καὶ ῥόμφοι] «βρέκλυν»: Брекинта, Брига. Ибо бриги — это фригийцы; Берекинты: какие-то демоны [и магические круги]²². По мнению Л. С. Баюн и В. Э. Орла, фриг. *vrekun* обозначало культовый памятник или стелу²³. У Страбона (XII.8.21) Βερεκύνθες — давно исчезнувшее племя. Вероятно, уже в источниках, которые он использовал, этноним архаизирован и принадлежит ко времени до рубежа VI в. до н.э. Берекинты неизменно упоминаются как почитатели культа Великой Богини (Strabo. X.3.12), которая носит и эпитет Βερεκύντια. У Стефана Византийского есть герой Βερεκύνθες, а Стесимброт возводит имя Кабиры к названию горы Κάβειρος в Берекинтии (Strabo. X.3.3.20). В произведениях более поздних авторов, особенно поэтических, берекинты становятся синонимом фригийцев. Имея в виду несомненно культовый характер фриг. *vrekun* во фригийских надписях, связанный с деятельностью хранителя памятников (ст.-фриг. *akepanogavos*), можно предположить, что мы имеем дело с обозначением типичной культовой практики или выполнения жреческих функций, превратившимся в греческой языковой среде в этноним. Возможно, ситуация, сложившаяся в эллинской литературной традиции, похожа на то, что происходило с бессами «из сатров» (Βησσαὶ δὲ τῶν Σατρώων), которые были прорицателями в святилище Диониса (Herod. VII. 111). В современных исследованиях они отмечены как царско-жреческий род, имя которого по военно-политическим и религиозным причинам вытеснило племенное название сатров, а в римскую эпоху стало собирательным этнонимом для всех фракийцев²⁴.

В древнефригийских надписях один раз упоминаются «Великие боги» — *devos mekas* (= θεοὶ μεγάλοι). Это еще одно подтверждение того, что Фригию можно рассматривать как непосредственного участника процесса религиозного синтеза в Восточном Средиземноморье в I тыс. до н.э., исторические результаты которого позднее наблюдаются сначала на Самофракии, а потом и во Фракии. Боги были анонимными и отождествлялись с камнем, о чем свидетельствуют перстни из магнетита, которые носили посвященные в мистерии на острове. Этим они показывали, что принадлежат скале/земле, образом которой является сама Самофракия²⁵. Похоже, что фригийская надпись — самое раннее упоминание о Великих богах (VII в. до н.э.), которые в греческих надписях прежде всего самофракийские боги. Они чужды эллинской идее о божествах, «специализирующихся» в различных сферах. Они всевластны и поэтому просто великие²⁶. *Mekas* встречается вместе с *iman* или самостоятельно, в том

²² Haas O. Die Phrygischen Sprachdenkmäler (LB, 10). Sofia, 1966. S. 195; *Геро-знак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978. С. 142 сл.

²³ Баюн, Орел. Ук. соч. С. 180.

²⁴ Сарафов Т. Тракийските сатри. Принос към етногенезиса на тракийските племена // ГСУ. ФЗФ. 67. 1. 1973. София, 1974. С. 121—139; Фол Ал. История на българските земи в древността. София, 1981. С. 90.

²⁵ Cole S. G. Theoi Megaloi: the Cult of the Great Gods at Samothrace. Leiden, 1984. P. 30—31.

²⁶ Sabbatucci D. Essai sur le mysticisme grec. P., 1982. P. 199.

числе и в виде аббревиатуры (P-04c, G-111, G-147, G-204). Во фригийских надписях Аполлон (apelan) — Великий (бог) (M-05). Ст.-фриг. apelan имеет сходство с критской и кипрской формой имени²⁷. Кроме скальных (хтонических) сын Богини-матери был наделен и солярными чертами²⁸. Фригия может оказаться связующим звеном в заимствовании и переработке идей и представлений религиозного мышления: в древнехеттских текстах самое почетное место в иерархии богов принадлежит или ^aUTU, или ^aIM²⁹; очевидно, верховному божеству хеттов также присущи как хтонические, так и небесно-солярные характеристики.

В круг самофракийской проблематики часто включается фригийская богиня Адамна. Имя реконструировано на основании конъектуры Берка в пассаже Гипполита³⁰, а также глоссы Гесихия: ἀδάμνεῖν τὸ φιλεῖν καὶ Φρύγες τὸν φίλον Ἀδάμνα λέγουσιν («ἀδάμνεῖν: любить»; и фригийцы называют друга Ἀδάμνα») ³¹. Некоторые ученые считают, что такое звучание имел во фрако-фригийской языковой среде северосирийский теоним Adamma³². Греческое слово ἀδάμναξ первоначально означало очень твердый металл, из которого делались доспехи богов и героев, позднее — алмаз, а согласно Плинию, он обладал антимагнитными свойствами³³. Адамас, сын Азия, считался родом из Трои (Ном. II. XII. 136—140; XIII. 560—575). Имя засвидетельствовано как одрисское³⁴. Первоначальные споры о том, является ли Адамна мужским или женским божеством, отчасти решаются уже упоминавшимся текстом Гипполита, где этим именем назван Аттис³⁵. Если принять во внимание изложенное выше, то это неудивительно — сын Богини вполне мог носить ее имя. Все эти сведения, однако, поздние, фрагментарны и ненадежны. Поэтому едва ли было бы правомерным включать «фригийскую богиню Адамну» в круг культурных явлений балкано-малоазиатского ареала.

Фрако-фригийские параллели могли бы иметь особую ценность с точки зрения политики и идеологии. У Гесихия сохранилась глосса: βαγαῖος ὁ μάκαρος, Ζεὺς Φρύγιος. μέγας, πολὺς, ταχὺς («βαγαῖος: одержимый, Зевс фригийский, большой, многий, быстрый»), которая формально связана с ст.-фриг. bagun (Acc. Sg.; G-136). Как полагают, слово может быть иранским заимствованием³⁶. Очевидно, если говорить о Зевсе Фригийском, то он и есть «одержимый», т. е. Дионис (Ваки), большой, великий или божественный (если принять иранский смысл). Шмидт предлагает исправить βαγαῖος на βαλαῖος в значении «большой» и связать его с другой фригийской глоссой — βαλήν³⁷. Согласно греческой литературной традиции, βαλήν переводится с фригийского как «царь» (Aesch. Pers. 657), а у Софокла пастухи употребляют возглас ἰὼ βαλήν (Sext. Empir. 672,26). В «Etymologicum Magnum» Βάλιν означает «Дионис Фракийский». Поздняя лексикографическая литература является доволь-

²⁷ Chantraine. Op. cit. P. 98.

²⁸ Это для Фракии вытекает из принципов орфической доктрины (Фол. Тракийский орфизм).

²⁹ Gurney O. R. Some Aspects of Hittite Religion. Oxf., 1977. P. 6—8.

³⁰ Fauth G. A Note on the Samothracian Language // Hesperia. 1955. 24. 2. P. 108.

³¹ Аргументы «за» и «против» фригийского происхождения глоссы см. в работах: Герознак. Ук. соч. С. 134; Haas. Op. cit. S. 157.

³² Fauth W. Adamma Kubala // Glotta. 1967. 45. Ht 3/4. S. 129—148.

³³ Liddell N. G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxf., 1948. P. 16.

³⁴ Detschew. Op. cit. S. 6.

³⁵ См. литературу: Fauth. Op. cit. S. 130.

³⁶ Баюн, Орел. Ук. соч. С. 194.

³⁷ Герознак. Ук. соч. С. 138.

но ненадежным источником в том, что касается фригийского языка. Ясно, например, что *balen* в древнефригийских надписях отсутствует, тем более в значении «царь» (ст.-фриг. *vanak*). Возглас, сохранившийся у Софокла, близок к *εἰοῖ σαβοῖ, ὕς ἄττης* (Demosth. De coron. 313; Strabo. X. 3.18), а *Sabas* засвидетельствовано в скальной надписи из Фригии (M-08). Поздние сведения дают возможность связать, хотя и косвенно, *bagun* и *vaki*. Оба слова выгравированы на небольших статуэтках VI в. до н.э.— одна антропоморфная, другая изображает сокола. Вероятно, это и есть «иман», как написано на статуэтке сокола. Перевод фразы *tadoy iman bagun* гласит: «Пусть даст иман благо (получие)»³⁸. Но остальные сведения наводят на мысль о величии, божественности. Скульптурированную торкву на шее сокола дублирует бронзовая. Если о фигурке Ваки уже было высказано предположение, что она использовалась в мистериях как культовый предмет³⁹, то можно сформулировать гипотезу о предназначении алебастровой фигурки сокола во фригийской царской инвеституре. Не исключено, что по смыслу она аналогична перстням, найденным на фракийских территориях V—IV вв. до н.э. (Брезово, Гложене и т. д.). Считают, что на них изображен момент фракийской царской инвеституры, когда владетель получает инсигнии власти из рук Богини-матери.

В идеологическом аспекте фрако-фригийские параллели позволяют обрисовать типологически сходные процессы культово-религиозной и политической практики. Вероятно, многие явления духовной жизни древней Фракии имеют малоазийские корни. Эти наблюдения представляют особую ценность при изучении бесписьменных обществ, использующих чужую, заимствованную и адаптированную письменность. Все надписи из Фракии, Фригии и Самофракии имеют сакральный характер. Их анализ наводит на мысль о наличии нерасчлененного пантеона и анонимных богов, среди которых доминирует Великая Богиня-мать. Космогонический характер божеств оправдывает определение *θεοὶ μεγάλοι*. В древнефригийских надписях, прочтение которых по-прежнему вызывает споры, надежнее всего, видимо, засвидетельствованы Аполлон и Сабазий. Для *davoi* (Dat. Sg.; M-06) принимается значение «Бог-волк» благодаря глоссе Гесихия (*δαός: φῶς, δᾶδα: πῦρ, φέγγος, αὐγή. καὶ Φρυγῶν λύκος*—«*δαός*: свет, факел, огонь, пламя, сияние, рассвет; а у фригийцев волк») и утвердившейся этимологии Кречмера⁴⁰. *Pseikei / pseukeyoou* (Dat. Sg.; W-02, D-101) — прилагательное, которое связывается с Богом-львом, поскольку оно значит под изображением льва на печати⁴¹.

Божества носят культово значимые эпитеты, в устах постороннего наблюдателя, вероятно, превращающиеся в имена. Принцип номинации сохраняет хеттское (анатолийское) наследие. Параллели с хеттским обществом могли бы иметь и историко-теоретическое значение. Несмотря на наличие литературных текстов⁴², отдельные боги хеттского пантеона остаются анонимными, некоторые имена богов известны не в фонетической записи, а в виде идеограмм⁴³. В отличие от греческого хеттский пантеон не стал классическим и не литературизован. Хеттские боги изобраа-

³⁸ Ср. Баюн, *Орел*. Ук. соч. С. 194.

³⁹ Фол. *Политика и культура...* С. 224.

⁴⁰ *Kretschmer*. Op. cit. S. 211; Баюн, *Орел*. Ук. соч. С. 194.

⁴¹ Баюн, *Орел*. Ук. соч. С. 183 сл.

⁴² О хеттских литературных текстах см.: *Güterbock H. A View of Hittite Literature // JAOS. 1964. 84. P. 107 f.*

⁴³ Аналогичный случай — когда чужая иконография в искусстве приобретает смысловую нагрузку культуры, которая воспринимает ее.

жаются со своими атрибутами, причем часто эти атрибуты заменяют самих богов (и в текстах, и в изображениях). В Хеттском царстве не были созданы классические статуарные образы богов. Предпочтение отдавалось мелкой пластике, которая одновременно выполняла определенные функции при отправлении культа. Чаще всего боги почитались в образе камня или стелы⁴⁴. Это можно включить в круг явлений, которые воспринимались как фригийские в греческой литературной традиции: сохранился фрагмент Николая Дамасского (fr. 43), согласно которому фригийцы не хоронили своих жрецов, а клали их на камни длиной в 10 локтей.

И тем не менее в хеттском обществе существовала литература. Во Фракии и Фригии искусство письма было знакомо, но литературы как таковой не было. Роль реликтового священного языка, несмотря на все различия, была типологически сходной с ролью хаттских и лувийских языковых вкраплений в хеттских ритуальных текстах. В нелитературных обществах надписи дополняют изобразительную и обрядовую символику. Поэтому в них встречается множество аббревиатур, лигатур и отдельных знаков, значение большинства которых нам пока не известно. Красноречивым примером может служить знак , изображенный на граффито из Гордиона (G-208), который считается знаком Богини-матери и состоит из двух «М»⁴⁵. Огромная часть фракийского, фригийского, а вероятно, и самофракийского лингвистического материала включает антропонимы — имена посвящающих дары и их владельцев. Предполагаемые метрические тексты из Фригии и Самофракии⁴⁶ свидетельствуют о древней устной традиции. Сходные культурные явления возникают сначала во Фригии, а позже на Самофракии и во Фракии.

Проведенные наблюдения позволяют поставить вопрос о диахронном и синхронном культурном наследии. Северная Сирия может рассматриваться как зона заимствований и синтеза духовных ценностей в Восточном Средиземноморье в различные периоды. Именно там следует искать источник хурритского влияния на хеттскую культово-религиозную практику⁴⁷. Хеттское культурное наследие во Фригии, вероятно, также результат контактов с новохеттскими центрами Северной Сирии. Вторично обособляются культурные характеристики в новой исторической среде, в то время, когда на обширной территории осуществляется переход от клинописи к алфавитному письму, причем происходит это в обществе, которое имеет письменность, но не имеет литературы.

Рассмотренный материал дает возможность провести типологические, а может быть, и генетические параллели в религиозном мышлении, культурной и политической практике древней Фракии и Фригии. Сходство было замечено еще эллиническими авторами, для которых фракийцы и фригийцы были родственными племенами, причем не только благодаря традиционным представлениям о переселении фригийцев из Македонии. Возможно, что аналогии, прослеживающиеся в культе и обрядах, привели греческих авторов к идее о фригийской миграции. Проблематика будущих исследований может включить разные аспекты царской власти, ее инсигнии и символы. К уже обсуждавшимся вопросам о происхождении и распространении мегалитической культуры можно добавить близкие по смыслу вопросы, касающиеся скальных памятников или монументальной

⁴⁴ Gurney. Op. cit. P. 25—26.

⁴⁵ Баюн, *Орел*. Ук. соч. С. 200.

⁴⁶ Lehmann K. Documents of the Samothracian Language // *Hesperia*. 1955. 24. 2. № 40; Bonjante. Op. cit. P. 106.

⁴⁷ Gurney. Op. cit. P. 14—16.

погребальной архитектуры во Фракии и Фригии. Чисто лингвистический анализ фракийских и фригийских надписей, основанный главным образом на комбинаторных и этимологических соображениях, должен сочетаться с рассмотрением историко-культурного контекста. Это нужно для того, чтобы они могли быть «прочтены» не только грамматически, но прежде всего на семантическом уровне. Именно в этом контексте можно выделить фрако-фригийские параллели. Реинтерпретация материала источников — письменных и археологических — позволит очертить зону сходных культурных характеристик, куда входили Малая Азия, Юго-Восточная Фракия, часть Эгейских островов, фракийское эгейское побережье, Юго-Западная Фракия вплоть до Южной Италии.

М. Василева

THE MOUNTAIN, THE GOD AND THE NAME:
ON SOME THRACO-PHRYGIAN PARALLELS

M. Vassileva

The present progress in Phrygian archaeological and linguistic studies permits some typological Thraco-Phrygian parallels on social, political and ideological grounds. The author dwells on some Old-Phrygian epigraphic evidence which demonstrates the anonymous nature of the Great Mother-Goddess. She bore cult-significant epithets — after the place of worship — usually a mountain and her son-lover could be possibly designated by her name or its derivative. This is known to be a practice among the Hittites and could be found in ancient Thrace as well. Both linguistic and archaeological data testify a similar social and political position of the Phrygian and Thracian kings. One could trace the similitude between the megalithic monuments and the tumular burials in both countries despite some chronological discrepancies. It seems that the same historical and cultural processes were at work first in Phrygia and then in Thrace. It is probable that the common features observed in the cult and religious situation underlay the persistent Greek literary tradition about a Phrygian migration from the Balkans to Asia Minor. Yet in a wider sense the questions posed would point to the zone of cultural borrowings and adaptations which included Anatolia, part of the Aegean islands, the Thracian Aegean coast, Macedonia and reached as far as the south of Italy

© 1990 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КЕЛЬТОВ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ

(дохристианская эпоха)*

Представления о загробном существовании возникли в человеческом обществе в глубокой древности и широко варьировали у разных народов. Несмотря на разнообразие идей относительно местоположения загробного мира, он обычно вписывался в общую мифологическую картину мира и противопоставлялся миру живых¹. Жизнь после смерти иногда пред-

* Приношу глубокую благодарность С. В. Шкунаеву за ценные советы и замечания по данной статье.

¹ См.: Петрухин В. Я. Загробный мир // Мифы народов мира. Изд. 2-е. Т. I. М., 1987. С. 453.

ставлялась просто как продолжение земной, ее копия (например, у некоторых североамериканских индейцев); иногда — более счастливой (ср. древнеегипетск. иару) или, напротив, безрадостной (древнееврейск. шеол, древнегреческ. аид). В некоторых мифологических системах имелись различные загробные миры, предназначенные для разных категорий умерших (скандинавск. хель и вальхалла). Иногда вера в загробное существование выражалась в представлении о реинкарнации. Впрочем, в ряде случаев представления о реинкарнации и о загробном мире сосуществовали (например, буддийская концепция метемпсихоза, ада и рая). Первоначально подобные воззрения были связаны с культом умерших.

В данной статье предпринята попытка реконструкции представлений о загробном мире у древних кельтов; рамки ее ограничены началом I тыс. н. э. — эпохой интенсивной романизации, а затем христианизации кельтских народов. Нижней границей является эпоха гальштата, которую большинство исследователей склонны считать эпохой формирования «исторических» кельтов². Я оставляю в стороне попытки возводить кельтов к носителям культуры полей погребальных урн, унегицкой культуры, строителей мегалитов и т. п., так как генетическая связь в данном случае прослеживается не всегда и говорить об этнической принадлежности той или иной археологической культуры следует с большей осторожностью³. Необходимо помнить, что за такой огромный временной промежуток представления кельтов эволюционировали, впитывая элементы автохтонных культов, а также подвергаясь воздействию античной культуры.

Перед исследователем, изучающим те или иные аспекты духовной жизни древних кельтов, всегда возникает проблема источников, а также их достоверности. В нашем случае имеются довольно многочисленные, но часто повторяющие друг друга свидетельства греческих и римских авторов, которые ряд ученых связывают с существованием двух традиций: ранней, Посидония — Цезаря (иногда их рассматривают отдельно) и более поздней александрийской⁴. Следует, однако, помнить, что самые древние античные тексты отражают уже довольно поздний этап развития духовной культуры кельтов. Кроме того (как будет видно в дальнейшем), даже наиболее добросовестные античные авторы нередко переносили воззрения, свойственные греко-римской культуре, на чуждые им представления «варваров». В ряде случаев сообщения античных авторов явно тенденциозны: кельтские религиозные воззрения и религиозная практика либо идеализируются в духе стоицизма и пифагорейства (александрийская традиция), либо описываются с враждебных позиций (Цезарь, Лукан), обусловленных политической ситуацией — недавно завершившимся покорением Галлии Римом.

Второй обширный круг источников — ирландские саги — содержит интереснейшие данные о материальной и духовной культуре кельтов,

² *Déchelette J.* Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. V. 2. Pt II. P., 1913; *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 281; *Широкова Н. С.* Культура древних кельтов. Л., 1983. С. 37. *Туханова М. А.* Кельтская проблема в современной археологии // Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 10.

³ *Hubert H.* Les celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'époque de La Tène. P., 1974; *Chadwick N. K.* The Celts. Harthmonworth, 1970. P. 24; *Hawkes Ch. W.* Prehistoric Britain. L., 1943.

⁴ См. об этом подробно: *Chadwick N. K.* The Druids. Cardiff, 1966; *Широкова Н. С.* Кельтские друиды. Л., 1984.

в частности о кельтской мифологии⁵. Исследователей не должна смущать христианизация многих саг, она достаточно поверхностна — и дохристианские представления можно отделить от более поздних⁶. Ирландские саги донесли до нас воззрения, свойственные, очевидно, всему «кельтскому миру», хотя в ряде случаев нельзя исключить локальные особенности.

Дополнить эти нередко противоречивые данные призвана археология (материалы раскопок погребений и святилищ), а также эпиграфика, хотя памятники последней в большинстве своем отражают наиболее поздний, романизированный этап развития кельтской духовной культуры⁷.

Античная традиция крайне скупо описывает воззрения кельтов на загробную жизнь. Согласно сообщениям греко-римских авторов, кельты верили в существование некоей страны, жизнь в которой, по их представлениям, продолжала земную, а возможно, и предшествовала ей. Земная жизнь, таким образом, оказывалась как бы интермедией в вечном существовании. По свидетельству Помпония Мелы (III.2), друиды утверждали, что «души вечны и есть другая жизнь у Манов»; Лукан в «Фарсалии» (I. 455—458) говорит, что, согласно учению, распространенному среди галлов,

«...тени

Не улетают от нас в приют молчаливый Эреба
К Дигу в подземный чертог; но этот же дух управляет
Телом и в мире ином; и если гласите вы правду,
Смерть посредине лежит продолжительной жизни...»

(перевод Л. Е. Остроумова)

Плутарх кратко упоминает о том, что, по мнению кельтов, умершие живут на острове в океане (*De defectu graeculorum*. 18).

Значительно больше места отведено описанию Иного мира в ирландских сагах. Здесь сразу нужно оговориться, что «загробный мир» не следует отождествлять лишь с чудесной страной, расположенной в холмах Ирландии — сидах. В делении Ирландии на пять частей (пятин) нашла отражение практика пятичленного деления мирового пространства, характерная для многих народов мира⁸. Пятичастное деление острова находится в прямой связи с пятью поколениями завоевателей Ирландии⁹. Первоначально в этой картине мира Мунстер соотносился с низом, изна-

⁵ См.: Ирландские саги. М.—Л., 1961; Ирландские саги. Исландский эпос. М., 1973; Похищение быка из Куальнге. М., 1985, см. также переводы ряда фрагментов саг: *Rees A., Rees B. Celtic Heritage. Ancient Tradition in Ireland and Wales. L., 1976; Dillon M. Early Irish Literature. Chicago, Illinois, 1948; Le Roux F. La Mythologie Irlandaise du Livre de Conquêtes // Ogam. T. XX. Fasc. 3—6. Rennes, 1968.*

⁶ Саги, по-видимому, возникнув в устном варианте во II—IV вв., отражают события, происходившие на рубеже новой эры и даже значительно раньше. Впрочем, по выражению С. В. Шкунаева, большинство ученых принимает подобную датировку, «исходя скорее из здравого смысла, чем из надежных доказательств» (*Шкунаев С. В. «Похищение быка из Куальнге» и предания об ирландских героях // Похищение быка из Куальнге. С. 407 сл.*).

⁷ См.: *Филип. Ук. соч.; Граков Б. Н. Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974; Hubert. Op. cit.; Les celtes depuis l'époque de La Tène et la civilisation celtique. P., 1974; Dottin G. Manuel pour servir à l'étude de l'Antiquité celtique. P., 1966; Déchelette. Op. cit.; Cunliffe B. Celtic Death Rituals // *Archaeology*. 1988. V. 41. № 2. Biel J. A Celtic Grave in Hochdorf, Germany // *Ibid.* 1987. V. 40. № 6, etc.*

⁸ *Rees A., Rees B. Op. cit. P. 118—133.*

⁹ *Ibid.; Шкунаев. Ук. соч. С. 422.*

чальным хаосом, автохтонным населением острова, миром мертвых, женским началом. Затем Мунстер стали отождествлять с хтоническим миром, тайным знанием, поэтическим искусством, музыкой¹⁰. Природа Мунстера двойственна: его обитатели имеют двойную природу, обладая способностью менять форму¹¹. Так, правитель Западного Мунстера Эохайд был одноног, и этот недостаток не позволял ему претендовать на королевскую власть в других частях острова. Правитель Восточного Мунстера Ку Рои, напротив, — гигантского роста, пастух и покровитель всего живого. Его природа также двойственна: с одной стороны, он король мира, колдун и властитель иллюзий, сопровождающий людей в Иной мир; с другой — он не принадлежит Ирландии (не принимает в ней пищи и не обагрывает меча). Многие исследователи видят в Ку Рои сходство с ведическим Пушаном; который иногда представлялся богом шудр¹². Таким образом, Ку Рои — одновременно персонификация слуг, низшей ступени социальной лестницы (с этим соотносится и его связь с музыкой — в ведической Индии, например, музыканты принадлежали к очень низким кастам) и верховного божества. Соответственно Мунстер как одна провинция также полон противоречий: он ассоциируется с низким социальным статусом, миром мертвых и первоначальным миром¹³.

Как уже говорилось, именно в Мунстере находились Сиды, населенные чудесными персонажами. В определенное время года, а также суток Сиды раскрываются, их обитатели становятся видимыми и вступают в общение со смертными¹⁴.

Помимо этого в ирландских сагах часто описывается чудесная страна, расположенная далеко за морем на острове (или на островах). Она носит самые различные названия: Сад Луга («Сватовство к Эмер»), Страна Живых, Царство Победоносное («Исчезновение Кондлы Прекрасного»), Эмайн, Страна Чудесная, Страна Благодатная («Плавание Брана, сына Фебала»), Обетованная страна («Приключения Кормака в Обетованной Стране») и т. д. Этих островов может достичь и смертный (здесь нередко встречается мотив стеклянной лады). Тема путешествия на острова вообще одна из самых популярных в ирландской традиции. Чтобы попасть туда, необходимо преодолеть особую зону, где вода и суша как бы перемешаны (см. «Плавание Брана»). За ней лежит чудесная страна, описания которой хотя и цветисты, но в целом стереотипны:

Есть далекий-далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей.
.....
Радость для взоров, обитель славы,
Равнина, где сонм героев предается играм

(«Плавание Брана, сына Фебала»,
перевод А. А. Смирнова)

Радость вселяет земля эта
В сердце всякого, кто гуляет там...

(«Исчезновение Кондлы Прекрасного»¹⁵,
перевод А. А. Смирнова)

¹⁰ Там же. С. 424.

¹¹ Подробнее см.: *Rees A., Rees B. Op. cit. P. 137—139.*

¹² См., например, *ibid. P. 138; Шкунаев. Примечания // Похищение быка из Куальнге. С. 479.*

¹³ Подробнее об этом: *Rees A., Rees B. Op. cit. P. 139.*

¹⁴ *Ibid. P. 89.*

¹⁵ Цит.: Ирландские саги. С. 140, 112.

Возврат из чудесной страны возможен, но для пребывающего в ней смертного время сжимается («сто лет пролетают, как один миг»), и по возвращении он попадает в эпоху, нередко на годы и столетия отстоящую от того момента, когда он отбыл в Страну Благодатную («Плавание Брана»). В ней неведомы смерть, зло, болезнь, ложь, царят всеобщее богатство и процветание. За нею, однако, лежит мир, где, по мнению ряда исследователей, жизнь как бы разложена на ее составные части. Так, на острове Радости смеются не над чем-то конкретным — это символ веселья; остров Женщин — квинтэссенция женственности и эротической любви и т. д. («Плавание Брана», «Плавание Майль-Дуйна») ¹⁶. Во время путешествия по этому странному миру путнику встречаются острова, населенные самыми разнообразными, в том числе ужасными существами (особенно в «Плавании Майль-Дуйна»). Трудно сказать что-либо определенное о существовании неравенства в Стране Блаженства. Одни исследователи, не отождествляя Чудесные Острова ирландских саг с загробным миром (и употребляя повсеместно термин «Иной мир»), усматривают там наличие сословий. В путешествиях в Иной мир, по их мнению, мы имеем отголоски устной кельтской традиции, согласно которой Равнина Блаженных, Страна Женщин и пр. — лишь остановки в странствованиях души ¹⁷. Аналогичные странствования душ можно видеть в воззрениях, характерных для населения древнего Ирана и Индии ¹⁸, они были широко распространены у народов Сибири ¹⁹, а также в Тибете ²⁰.

По мнению других авторов, острова в океане и есть загробный мир кельтов, где нет негативных сторон земной жизни ²¹. Необходимо отметить, что иногда Земля Обетованная (или Равнина Блаженства) локализуется не на островах, а в Сидях (см. «Исчезновение Кондлы Прекрасного», «Приключения Кормака в Обетованной Стране»). Здесь действительно отсутствуют отрицательные явления земного существования: нет «ни смерти, ни невзгод ... длится непрерывный пир, которого не надо готовить, — счастливая жизнь вместе без распрей» («Исчезновение Кондлы Прекрасного») ²². Здесь произрастает древо мира, ветвь с которого — талисман истины («Приключения Кормака в Обетованной стране»). Уже указывалось, что в Стране Чудесной неведома ложь, но именно в данном случае истина выступает как принцип ²³.

Итак, между миром живых и миром умерших, согласно представлениям кельтов, по всей видимости, не было четкой грани; загробный мир доступен и для смертных, которые могут вступать в контакт с его обитателями или даже оставаться там навсегда. Все это резко различает представления древних кельтов и современные им античные и ближневосточные. Многих античных авторов непоколебимая вера в существование загробной жизни, по-видимому, настолько поразила, что они, делая отступления в по-

¹⁶ Rees A., Rees B. Op. cit. P. 323.

¹⁷ Ibid. P. 324 f.

¹⁸ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974. М. 86; Gignoux Ph. Corps osseux et âme osseuse: essai sur le shamanisme dans l'Iran ancien // Journal asiatique. 1979. Т. CCLXVII. Fasc. 1—2. P. 41—79.

¹⁹ Токарев С. А. Ранние религии мира. М., 1964. С. 198; Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 233; Бонгард-Левин, Грантовский. Уч. соч. С. 65; Gignoux. Op. cit. P. 65.

²⁰ Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М. Погребальный обряд у калмыков в XVII—XX вв. // СЭ. 1988. № 4. С. 99—100.

²¹ Dillon. Op. cit. P. 101. 124.

²² Цит.: Ирландские саги. С. 137.

²³ Rees A., Rees B. Op. cit. P. 312.

вестовании, рассказывали об обычае кельтов откладывать завершение дел до перехода в иной мир. Например, Помпоний Мела, сообщая, что у галлов было принято хоронить покойников с вещами, которые были им дороги при жизни, пишет: «Они так верят в это (в загробную жизнь. — *Е. Н.*), что откладывают устройство дел и уплату долгов до отбытия туда» (III. 2). Цезарь также говорит об обычае сжигать вместе с покойником принадлежавшие ему вещи и животных; прежде, по его словам, так поступали и с людьми, которых покойный при жизни особенно любил (BG. VI. 19). Диодор Сицилийский указывает, что в огонь бросали и письма, адресованные умершему, чтобы он смог прочесть их после смерти (V. 31. 3). Подобные верования описывает также Валерий Максим (II. 6.10). В некоторых ирландских сагах тоже встречаются упоминания о необходимости убивать при погребении принадлежавших покойному животных («Любовь к Этайн»). Все эти сообщения находят подтверждение в материалах гальштатских и латенских погребений, содержащих чрезвычайно разнообразный и богатый погребальный инвентарь, указывающий на наличие имущественного неравенства в загробной жизни. Любопытно, что в ряде погребений многие предметы найдены в двойном количестве — как бы имея в виду возможного гостя ²⁴.

В тесной связи с представлениями кельтов о загробном существовании находится многократно описываемая античными авторами вера в бессмертие души. Греко-римская традиция прямо связывает ее, а также учение о переселении душ с друидизмом (см. приведенный выше фрагмент из поэмы Лукана — в ней речь идет именно об учении друидов) ²⁵. Цезарь (BG. VI. 14), описывая «сословие» друидов, отмечает: «Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит из одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость». Аммиан Марцеллин пишет, что «с презрением относясь к земному, они (друиды. — *Е. Н.*) провозгласили бессмертие души» (XV. 98). По свидетельству Диодора Сицилийского, «учение Пифагора преобладает среди галлов, учащих, что души людей бессмертны и что через несколько лет они входят в другие тела» (V. 28. 6). Александрийская традиция постоянно проводила параллель между учением друидов и пифагорейством. Так, Ипполит утверждает: «Среди кельтов друиды глубоко изучили пифагорейскую философию... Кельты чтят их как пророков и прорицателей, так как они предсказывают события по числам согласно с пифагорейским искусством» (Philosophoumena. I.2). Более того, Климент Александрийский указывает, что Пифагор и греки получили философию от галлов и других древних народов (Stromata. I.15.70). Представление о варварах как о родоначальниках всей человеческой мудрости характерно и для других авторов александрийской школы ²⁶.

Представления о реинкарнации довольно широко представлены и в ирландской традиции. Человек может вновь и вновь под тем же (или другим) именем возрождаться в разных гелах, не сохраняя воспоминания об

²⁴ Иногда встречается и по несколько одинаковых предметов — накрытый пиршественный стол «на девять персон» в уже упоминавшемся погребении гальштатского вождя в Хохдорфе (*Biel. Op. cit. P. 27*). Подробнее см.: *Граков. Ук. соч.*; *Hubert H. Les celts depuis l'époque de La Tène et la civilisation celtique; Iron Age Chariot Burial Found in Jorkshire // Archaeology. 1984. V. 37. № 6. Joffroy J. L'oppidum de Vix et la civilisation halstattienne dans l'est de la France. Dijon, 1960.*

²⁵ Ср. также *Strabo. IV.4.4; Pomp. Mela. III.2.*

²⁶ См.: *Diog. Laert. De clar. philos. vitis. Prologos. 6; Cyril Alex. Contra Jul.; Orig. Contra Cesls. I. 16.*

этом (например, «Любовь к Этайн»). В сагах нередок мотив «непорочного зачатия»: девушка или бесплодная прежде женщина беременеет и рождает ребенка после того, как она искупалась в воде или выпила воды (иногда похлебки из Сида) и нечаянно при этом проглотила или просто вдохнула насекомое или зерно. Таково зачатие и рождение бога Луга, короля Конхобара, героя Кухулина и др. (см. «Рождение Кухулина», «Рождение Конхобара» и др.). Вообще роль женщины в процессе реинкарнации очень велика — она рассматривается как сосуд, вмещающий в себе душу, готовую возродиться.²⁷ Представление о переселении душ известно многим народам. Наиболее классический пример — Индия, но о подобном же сообщает Геродот применительно к египтянам (II.123); стадально более ранние сходные представления имелись у неиндоевропейских народов: у ряда австралийских племен, а также эскимосов, части алгонкинов, у йоруба и др.²⁸ Идея метемпсихоза занимает значительное место в пифагорействе. Но античные авторы, говоря о довольно интенсивном проникновении греческой культуры в Галлии, связывают его прежде всего с развитием в местной среде ораторского искусства и науки врачевания (Just. XLIII.5. 6—7; Plin. HN. XXX.13), а не философии. В то же время греческие и римские авторы ни словом не упоминают о популярности учения Пифагора в западносредиземноморских греческих колониях — проводниках античной культуры среди аборигенного населения. Ученые, принадлежавшие к александрийской традиции, были, видимо, введены в заблуждение чисто внешним сходством. Вспомним в данной связи характеристику, данную Страбоном учению друидов: «Не только друиды, но и другие утверждают, что души и вселенная неразрушимы, но все же в конечном счете огонь и вода одержат верх над всем» (IV.4.6). Здесь несомненно перенесение воззрений, свойственных стоицизму, на кельтские космогонические представления, и вряд ли верно будет приписывать самим кельтам идеи в духе стоицизма или ионийской натурфилософии²⁹. Не следует также забывать, что нам практически ничего неизвестно об учении друидов — оно было тайным, передавалось в устной форме, и до нас дошли лишь не вполне ясные его отголоски. Многие исследователи усматривают ряд аналогичных черт между кельтскими друидами и ведическими брахманами³⁰. По-видимому, прав Х. Юбер, полагающий, что корни подобных воззрений следует искать в индоарийской древности³¹.

В данной статье нет возможности подробно рассматривать проблему друидизма, тем более что ей посвящена обширная литература³². Вопреки существующему до сих пор мнению, согласно которому друидизм был локальным явлением и не был распространен во всем кельтском мире³³, а также независимо от того, видеть ли в нем пережиток докельтских представлений или исконно кельтский институт³⁴, допустимо думать, что друиды, представлявшие, по словам всех без исключения античных авторов, замкнутое сословие или касту (аналогично брахманам), существовали как определенный социальный слой во всем «кельтском мире». Воз-

²⁷ Dillon M., Chadwick N. K. *Celtic Realms*. L., 1973. P. 194.

²⁸ Токарев. Ук. соч. С. 198 сл.; Штернберг. Ук. соч. С. 322 сл.

²⁹ Chadwick. *The Druids*.

³⁰ Dumézil G. *Mars, Jupiter, Quirinus*. P., 1941; Dillon, Chadwick. *Op. cit.*

³¹ Hubert. *Les celtes depuis ...* P. 251.

³² Например: Chadwick. *The Druids; eadem*. *The Celts; Dottin*. *Op. cit.* Dillon, Chadwick. *Op. cit.* etc.

³³ Chadwick. *The Celtes*. P. 150; Широкова. *Кельтские друиды*. С. 13.

³⁴ Dottin. *Op. cit.* Jullian C. *Histoire de la Gaule*. V. I. P., 1908; Chadwick. *The Druids*.

можно, они составляли подобие тайных союзов и имели эзотерическое учение, закрытое для непосвященных (что делает еще более сомнительной связь их учения с пифагорейской доктриной).

Представления кельтов о душе не были адекватны более поздним воззрениям. Древнеирладская традиция дает основания думать, что кельты, как и многие народы (в том числе неиндоевропейцы), верили в существование некоей субстанции, двойника человека, его «дубликата», который после смерти тела вел вполне самостоятельное существование, подобное земному, в потустороннем мире (отчасти напоминая древнеегипетск. «Ка»³⁵). Эта субстанция отличалась от телесной только своей неуничтожимостью. Подобные воззрения (двойник нередко отождествлялся с тенью или отражением) встречались в прошлом у различных народов³⁶. Кроме того, кельтам, по-видимому, была присуща вера в наличие еще одной нетелесной субстанции, выраженной в дыхании, дуновении, духе (ср. древнееврейск. ruah, латинск. spiritus). Именно эта субстанция проникала в тело женщины, вдохнувшей или выпившей с водой какой-либо предмет или насекомое. Вероятно, с представлением о душе-дыхании была связана вера в возрождение человека в другом теле. Не исключено, что именно с душой-дыханием связан широко распространенный в кельтском изобразительном искусстве мотив птицы. Изображение взмахнувшей крыльями птицы можно видеть на боевых шлемах, найденных в Клишеви и Финистере³⁷. Образ сидящей на коне или колеснице птицы также нередко встречается на сосудах, рельефах, монетах³⁸. Известны изображения птиц, летящих перед строем идущих воинов (например, ситула из чертозского могильника у Болоньи)³⁹. Наиболее примечательна каменная скульптура собирающейся взлететь птицы над входом в святилище в Рокпертюз на юге Франции⁴⁰. Само святилище, судя по всему, могло иметь отношение к культу умерших. Птицы в кельтской мифологии — существа, принадлежащие к Иному миру. Согласно одной из версий саги об Этайн, бог Мидер уносит Этайн, бывшую в одном из прошлых перерождений его женой, с собой среди пира; они исчезают в виде птиц⁴¹. В древнеирландской традиции нередко упоминаются о птицах, появляющихся после смерти персонажей (см. «Смерть Кухулина» — на плечи убитого героя садятся прекрасные птицы). Вероятно, в более раннюю эпоху птица могла олицетворять вредоносную силу покойника: так, в саге «Болезнь Кухулина» герой заболел после охоты на прекрасных птиц, в которых была заключена «злая сила». Позднее такие воззрения трансформировались, и птица стала воплощением неуничтожимой души дыхания (ср. представление о «Ба» в древнем Египте: оно уходит из тела, чтобы жить на небе или превратиться в птицу). Вера в переход души в птицу, в душу-птицу известна в прошлом у ряда народов⁴².

Здесь уместно обратиться к культу отрубленной головы, столь широко

³⁵ Подробнее об этом см. *Большаков А. О.* Представление о двойнике в Египте Старого Царства // ВДИ. 1987. № 2. С. 3—36.

³⁶ *Штернберг*. Ук. соч. С. 292.

³⁷ *Duval P.-M.* Les Celtes. P., 1977. P. 78, 194.

³⁸ *Граков*. Уч. соч. С. 31; *Duval*. Op. cit. P. 141; *Norton-Taylor D.* The Celts. Amsterdam, 1975. P. 43.

³⁹ *Граков*. Ук. соч. С. 47.

⁴⁰ Описание святилища см.: *Chadwick*. The Celtes. P. 157 f.; *Benoit F.* L'art primitif méditerranéen de la vallée du Rhône. P., 1945. P. 15, etc.

⁴¹ *Dillon, Chadwick*. Op. cit. P. 90.

⁴² Представление о душе умершего как о птице часто встречается как у индоевропейцев, так и у неиндоевропейских народов. См. *Бонгард-Левин, Грантовский*. Ук. соч. С. 70—73; *Штернберг*. Ук. соч. С. 316, и др.

распространенному у кельтов. Наиболее подробно обычай отрезать головы убитых врагов описал Страбон (IV.5), особо подчеркивая, что галлы хранили их как величайшую драгоценность, не соглашаясь уступить ни за какое вознаграждение. В ирландских сагах есть множество упоминаний об обычае отрубать голову (иногда и руку) у поверженного врага; не сделавший этого покрывал себя позором. Мотив «отрубленной головы» — излюбленный в кельтском искусстве, он встречается практически на всей территории расселения кельтов (на барельефах, сосудах, украшениях) ⁴³. В святилищах на юге Франции имелись даже специальные ниши для хранения черепов. Подобный обычай бытовал у многих народов мира — в том числе в недавнем прошлом ⁴⁴. Исследователи связывают его с представлением о «жизненной силе», «жизненности», субстанции, с исчезновением которой «телесная» жизнь человека прерывалась. По-видимому, так обстояло дело и у кельтов: средоточием жизни считалась голова, и, только отделив ее от туловища, можно было надеяться на окончательную смерть врага. Иными словами, душа — жизненная сила в отличие от уже упомянутой души-тени, души-образа, а также души-дыхания не мыслилась вечной.

Античные авторы мало говорят о кельтских божествах потустороннего мира. Имеются краткие упоминания о Дите (Dis Pater — Caes. B. G. VI. 16; Lucan, Phars. I.455) — «прародителе кельтов». Его интересно сопоставить с ирландским Донном, богом мертвых, живущим, как и Дит античных писателей, «в подземном чертоге». Донна рассматривали как «отца людей» (подобно ведическому Яме). Как указывают некоторые исследователи, Донн, как и Яма, первым был обречен умереть и тем самым открыть дорогу в загробный мир. Таким образом, он, действительно, «отец-прародитель» людей, к которому они возвращаются после смерти ⁴⁵. К хтоническим божествам может быть отнесен и Дагда, он же «великий отец», божество с неисчерпаемым котлом ⁴⁶. С островами Блаженства связаны прежде всего имена двух божеств: Луга (владельца Садов Луга) и Мананна — морского божества (см. «Плавание Брана», «Сватовство к Эмер» и др.). Имя Луга было широко известно также на континенте. Резиденция обоих находилась на островах за морем ⁴⁷. Надо отметить, также, что дворец Мананнана нередко локализовался в Земле Обетованной или Равнине Блаженства (см. «Приключения Кормака в Обетованной Стране», «Исчезновение Кондлы Прекрасного»), которая, как уже говорилось, иногда ассоциировалась с определенным местом в Сиде.

Из галло-римских надписей известен также Огмиос (ирландск. Огма) — «водитель мертвых», нередко изображавшийся с палицей и луком. Вопрос о существовании общекельтских богов — «царей мертвых» — находится в тесной связи с проблемой общекельтского пантеона. Она выходит за рамки данной работы. Здесь можно только сказать, что позиции исследователей по данному вопросу расходятся: одни полагают, что общекельтский пантеон отсутствовал и что у кельтов существовали культы множества локальных божеств, другие рассматривают такой пантеон как

⁴³ Филип. Ук. соч.; Duval. Op. cit.; Chadwick. The Celts; Benoit. L'art primitif...; idem. Entremont, Capital celto-ligure des Salyens de Provence. Aix-en-Provence, 1957.

⁴⁴ См. например: Штернберг. Ук. соч. С. 303; Леву-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 167, и др.

⁴⁵ Dillon M. Celts and Aryans. Simla, 1975. P. 141.

⁴⁶ Ibid. P. 137; Dillon, Chadwick. Op. cit. P. 184.

⁴⁷ Dillon. Celts and Aryans. P. 137; Dillon, Chadwick. Op. cit. P. 182 f.

реальность⁴⁸. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет утверждать, что в доримскую (и, видимо, в римскую) эпоху у кельтов имелись общие хтонические божества. Скорее всего представления о них варьировали у различных племен, неся в ряде случаев отпечаток тотемистических воззрений.

Вообще божества загробного мира, судя по литературной традиции, не играли в кельтских религиозных воззрениях большой роли. О том же, на мой взгляд, свидетельствуют данные археологии и изобразительного искусства. В знаменитых святилищах в Рокпертюз, Антремон и Анзерюн на юге Франции нет изображений, которые с уверенностью можно было бы трактовать как изображения царя загробного мира⁴⁹. Например, для статуй мужчин в так называемой «позе Будды» характерно отсутствие каких-либо атрибутов, позволяющих идентифицировать его как «владыку мертвых» (и вообще как божество)⁵⁰. Это относится и к известной скульптуре «тараска из Нов» (департамент Буш-дю-Рон) — чудовища со львиным туловищем и огромной пастью, опирающегося передними лапами на человеческие головы и пожирающего человеческое существо⁵¹. Некоторые исследователи пытались трактовать его как божество загробного мира и символ смерти⁵². Такая трактовка, по-видимому, все же грешит стремлением приписать мифологическому мышлению несвойственные ему представления. Известно, что кельты начали делать статуи своих божеств под греческим влиянием; известно также и то, что у кельтских божеств не было строго разграниченных функций, что нередко сбивало с толку греческих и римских авторов (а иногда и современных исследователей, находясь в плену антропоморфных представлений античности). Изображения чудовищ, напоминающих «Тараска из Нов» встречаются не только в кельтских святилищах, но также на фибулах, торквессах, браслетах и, возможно, выполняют апотропейную функцию. Не исключено, что тараска следует рассматривать как воплощение заимствованных некельтских (ближневосточных? иберийских? лигурийских?) воззрений.

Как уже говорилось, переход в иной мир, согласно представлениям кельтов, предположительно осуществлялся с помощью птицы — души-дыхания. Птица, а также конь — традиционно хтонические божества кельтской мифологии и изобразительного искусства⁵³; их изображения часты в кельтских святилищах, связанных с культом мертвых. Возможно, кельты верили в существование посредника между миром живых и страной умерших — «водителя мертвых» с палицей и луком (Огмиос/Огма), сопровождавшего, наподобие Харона, души-тени.

Подведя некоторые итоги, можно сказать, что у кельтов, несмотря на локальные различия, имелись общие представления о «жизни после смерти». И здесь как будто возникает противоречие: с одной стороны, кельты верили в существование потусторонней страны, с другой — в переселение душ в другие тела «на этом свете». Подобные же противоречивые представления на более ранних стадиях развития имелись у эскимосов, огне-

⁴⁸ Подробнее об этом см.: *Chadwick. The Celts; Hubert. Les celtes depuis...; Gréni-er A. Les Gaulois. P., 1940.*

⁴⁹ *Benoit. L'art primitif...; idem. Entremont...; idem. Recherches sur l'Hellénisation du Midi de la Gaule. Aix-en-Provence, 1965; Jannoray J. Ensérune. P., 1955.*

⁵⁰ *Benoit. Entremont... P. 39; Duval. Op. cit. P. 112.*

⁵¹ *Филип. Ук. соч. С. 157; Chadwick. The Celts. P. 158; Benoit. L'art primitif... Pl. XX, XXI.*

⁵² *Филип. Ук. соч. С. 157; Широкова. Культура... С. 64.*

⁵³ *Benoit. L'art primitif... P. 15, 25; Finlay I. Celtic Art. L., 1973. P. 31, 34.*

земельцев и других народов⁵⁴. Этому можно дать различные объяснения. Так, учение о переселении душ могло быть учением друидов, которое, как уже отмечалось, было, по всей видимости, эзотерическим и не получило широкого распространения среди основной массы населения. Ирландские саги, напротив, могут отчасти отражать народные представления о загробной жизни. В данной связи уместно вспомнить гипотезу П. Радина, считавшего, что носителями и хранителями религиозных учений в большинстве случаев выступает небольшая прослойка жречества; народ же о них не знает, для него в повседневности достаточно совершать установленные обряды⁵⁵.

Однако указанное противоречие можно, на мой взгляд, успешнее разрешить исходя из гипотезы, согласно которой кельты верили в существование множественности душ⁵⁶. У кельтов, по всей вероятности, имелись представления о человеческом двойнике (душе-тени, душе-образе), который вел в загробном мире существование, адекватное телесному. Для таких двойников были предназначены острова за морем (и может быть, Равнина Блаженства в Сидах). Трудно, сказать, сохранялся ли после смерти социальный статус: материалы погребений свидетельствуют скорее в пользу этого. В древнеирландской традиции встречаются также упоминания о героях (возможно, представителях аристократии), предающихся играм в счастливой стране. Однако даже в небогатых погребениях в общем имелось все необходимое для жизни: следовательно, потусторонняя страна не была недоступной для рядовых членов общества. Античные авторы указывали, что похороны у кельтов необыкновенно пышны и обходятся очень дорого, так как с покойником клали все, что он любил при жизни. Поэтому вряд ли кельты, подобно индейцам Мезоамерики, считали радости загробного существования предназначенными лишь для представителей знати⁵⁷. По всей вероятности, кельтская Страна Блаженных имела мало общего и со скандинавской вальхаллой⁵⁸.

Помимо неуничтожимого двойника, души-тени, у кельтов, по-видимому, бытовали представления еще об одной нетелесной субстанции — душе-духе, душе-дыхании, которая после смерти не уходила в иной мир, а воплощалась в другое тело. Подобные воззрения были широко распространены у многих народов, хотя иногда душу связывали не с дыханием, а с кровью (ср., например, древнееврейск. *nēfēsh*). И в этом случае для кельтских воззрений характерно отсутствие идеи посмертного воздаяния, присущей доктрине пифагорейства, а также концепциям индуизма и буддизма. Корни подобных верований, возможно, следует искать не только «в индоарийской древности», как призывал Х. Юбер, но и в духовной культуре докельтского населения Европы.

Здесь же, по всей вероятности, скрываются истоки веры в жизненную силу, «душу-жизненность», сконцентрированную в человеческой голове. Иногда даже полагали, что культ отрубленной головы не кельтского, а скорее автохтонного происхождения, усвоенный кельтами и позднее получивший у них широкое распространение. Но данные древнеирландской традиции скорее говорят об обратном. Исконно кельтский культ мог утратить популярность там, где кельты не составляли большинства (напри-

⁵⁴ Штернберг. Ук. соч. С. 323.

⁵⁵ См.: Radin P. Primitive Religion. N. Y., 1957.

⁵⁶ Об идее множественности душ см.: Леви-Брюль. Ук. соч. С. 54; Штернберг. Ук. соч. С. 14—16; Леви-Строс. Ук. соч. С. 167, и др.

⁵⁷ Штернберг. Ук. соч. С. 334.

⁵⁸ Мелетинский Е. М. Вальхалла // Мифы народов мира. Т. I. С. 212.

мер в Иберии); в тех же случаях, когда кельты численно преобладали, культ мертвой головы получил важное значение (в кельтско-лигурийских областях).

Вера в существование нескольких душ — нетелесных субстанций — не исключительна; у некоторых народов имелись представления о трех, четырех и даже семи душах. Примечательно, что кельты, очевидно, верили в наличие души у всех окружающих предметов: об этом свидетельствуют нарочно сломанные или испорченные вещи в гальштатских и латенских погребениях — нужно было «убить» предмет и освободить заключенную в нем душу, чтобы та сопровождала душу владельца в загробный мир⁵⁹.

Итак, идеи кельтов о загробном существовании и тесно связанные с ними представления о душе, несмотря на ярко выраженное своеобразие, имеют аналогии в верованиях других народов мира. Вряд ли это следует рассматривать как результат прямого заимствования или непосредственных контактов. Скорее всего перед нами осуществленный уже в глубокой древности синтез, сплав идей и представлений, присущих как индоевропейцам, так и окружавшим их народам.

Е. Э. Носенко

⁵⁹ Iron Age Chariot Burial Found in Jorkshire. P. 78; *Finlay*. Op. cit; *Штернберг*. Ук. соч. С. 324.

CELTS IDEAS OF NEXT WORLD

(Pre-Christian Period)

Ye. E. Nosenko

The article deals with celts ideas of the next world. Author analyses graeco-latin texts, archacological data, Irish literary tradition. On the one hand the celts believed in the Land of the dead, situated sometimes on the islands in the ocean. On the other hand they believed in metempsychosis. This contradiction may be explained differently. The doctrine of metempsychosis might be connected with driudism, esoteric concept. On the contrary, Irish sagas may reflect folk beliefs. But according to author's opinion this contradiction ought to be resolved by the hypothesis that the celts believed in multitude of souls: soul-shadow, which exists in the next world adequate to this in life; soul-breathing, reincarnating after death of the man in another body; soul-vital energy, concentrated in the human head. Such beliefs have many parallels in the ideas of indo-european and other peoples.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1990 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ СИРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР В 1989 г.

В 1988 г. экспедиция Института археологии АН СССР начала исследования на территории Северо-Восточной Сирии; в 1989 г. работы были продолжены. Стационарным раскопкам подвергся большой холм (высотой около 17 м) под названием Телль Хазна I — Аляви (рис. 1), расположенный в 25 км к северо-востоку от г. Хасеке, недалеко от широкоизвестного городища III—II тыс. до н. э. Телль Брак, исследуемого продолжительное время английской экспедицией под руководством Д. и Дж. Отс. На Телль Хазна I была исследована первоначально юго-западная часть поселения общей площадью 575 кв. м, где были вскрыты остатки ряда архитектурных и фортификационных сооружений и нескольких погребений, относящихся в основном ко второй половине III тыс. до н. э.¹

В 1989 г. раскопки были продолжены в той же части поселения. Исследованная площадь телля достигла 1150 кв. м, почти от вершины холма и до отметки 13,87 м. Раскопано большое количество построек, различных по размерам, планировке и назначению. Прежде всего следует указать на тот факт, что подтвердилось расположение построек на специальных платформах-террасах. Таких платформ-террас, с каждой из которых связан определенный комплекс сооружений, выявлено не менее четырех. Нижняя из них примыкает к массивной (толщиной 3,30 м) оборонительной стене². На ней вскрыты прежде всего остатки комплекса из нескольких прямоугольных помещений размерами в среднем 3 × 3 м, сложенных из сырцовых кирпичей.

На площадке между северной стеной этого строительного комплекса и стеной — основанием следующей террасы выявлены остатки крупной гончарной печи³ и нескольких других сооружений. Рядом с печью находилась массивная кирпичная кладка (сооружение № 3) размером 2,60 × 1,20 м. Сохранилось 15 рядов кирпичей (30 × 30 × 7 см) на высоту до 1,30 м. Это сооружение, как установлено в 1989 г., являлось основанием арки, крепившейся с севера к борту следующей, второй платформы и связывающей их между собой конструктивно. На этой платформе-террасе открыт ряд помещений, составлявших, очевидно, часть большого строительного комплекса.

На значительном участке третьей платформы раскопана кирпичная вымостка размером 6 × 4 м, внутри которой начато исследование небольшого помещения (№ 37) с внутренними контрфорсами и, возможно, аркой. Это помещение, безусловно, не жилое. Обращает внимание отсутствие в его заполнении и на кирпичной вымостке вокруг него бытовых остатков (печей, обломков сосудов, костей животных и т. д.).

¹ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Большаков О. Г. Работы Советской археологической экспедиции в Сирии (первые результаты) // ВДИ. 1989. № 1. С. 181—185.

² Там же. С. 183.

³ Там же.

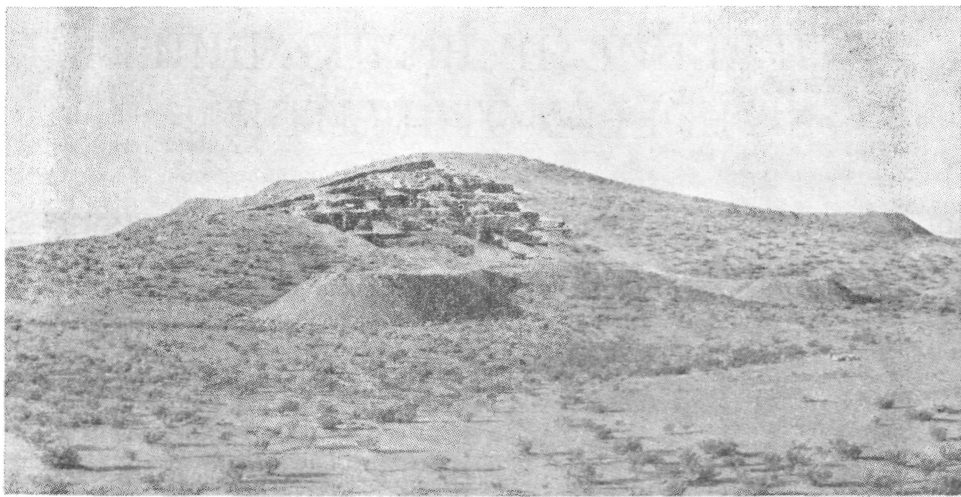

Рис. 1. Раскопки Телль Хазны I. Общий вид

Верхняя, четвертая платформа отличается исключительно плотной застройкой. На ней открыты остатки 20 помещений, примыкающих друг к другу и в ряде случаев подчиненных единому плану. Все они прямоугольной формы и сравнительно небольшой площади, дверные проемы между ними обнаружены в единичных случаях. Стены помещений сложены из сырцовых кирпичей различного стандарта, достигают в толщину до 1 м, а в высоту — до 2 м. И на данной платформе культурный слой с обычными бытовыми остатками зафиксирован лишь в отдельных случаях. Вместе с тем ряд помещений имел особое назначение. Об этом свидетельствуют значительные скопления в них золы, обгоревшего зерна и предметов ритуального характера. Особенно выразительно в этом плане помещение № 42 площадь всего $1,20 \times 1,10$ м. Оно вскрыто на глубину 2,20 м, но основание еще не достигнуто. Стены его сложены из 28—30 рядов кирпичей. Помещение было заполнено золой, в которой найдено 40 зооморфных глиняных статуэток, а также зернотерки, отдельные разрозненные кости животных и множество обугленного зерна. Близкая картина отмечена и в смежном помещении (№ 56), где обнаружено еще шесть глиняных статуэток животных (рис. 2). Наконец, в пяти случаях на полах и под полами помещений, а также в специальных кирпичных конструкциях открыты погребения как детей, так и взрослых (см. вставку).

Не менее интересны сооружения, исследованные на западном участке раскопа (помещения № 2, 4, 6, 8, 10, 62, 64, 65). Здесь на уровне от 8,10 до 13,70 м от вершины холма вскрыты остатки двух крупных построек, сложенных из сырцовых кирпичей различного стандарта (от $20 \times 10 \times 7$ до $50 \times 30 \times 7$ см). Стены некоторых из них прослежены на высоту около 3 м. Одна из построек вплотную примыкает к длинной массивной стене, по-видимому, ограничивающей поселение с запада.

Все раскопанные на Телль Хазне I строительные остатки относятся к одному периоду, о чем свидетельствуют как сама архитектура и техника строительства, так и особенно связанный с ними керамический комплекс.

Планировка и конструктивные приемы раскопанных в Телль Хазне I сооружений находят близкие аналогии на синхронных памятниках данного региона Месопотамии, прежде всего на поселении Телль Бдери, расположенном на правобережье Хабур и исследуемом с 1985 г. экспедицией Германского Археологического института⁴. Здесь в мощном (11 м) слое раннединастического и аккадского времени вскрыты

⁴ Pfalzner P. Tell Bderi 1985. Bericht über die erste Kampagne // Damaszener Mitteilungen. 1988. Bd 3.

Вклейка к ст. Р. М. Мунчаева

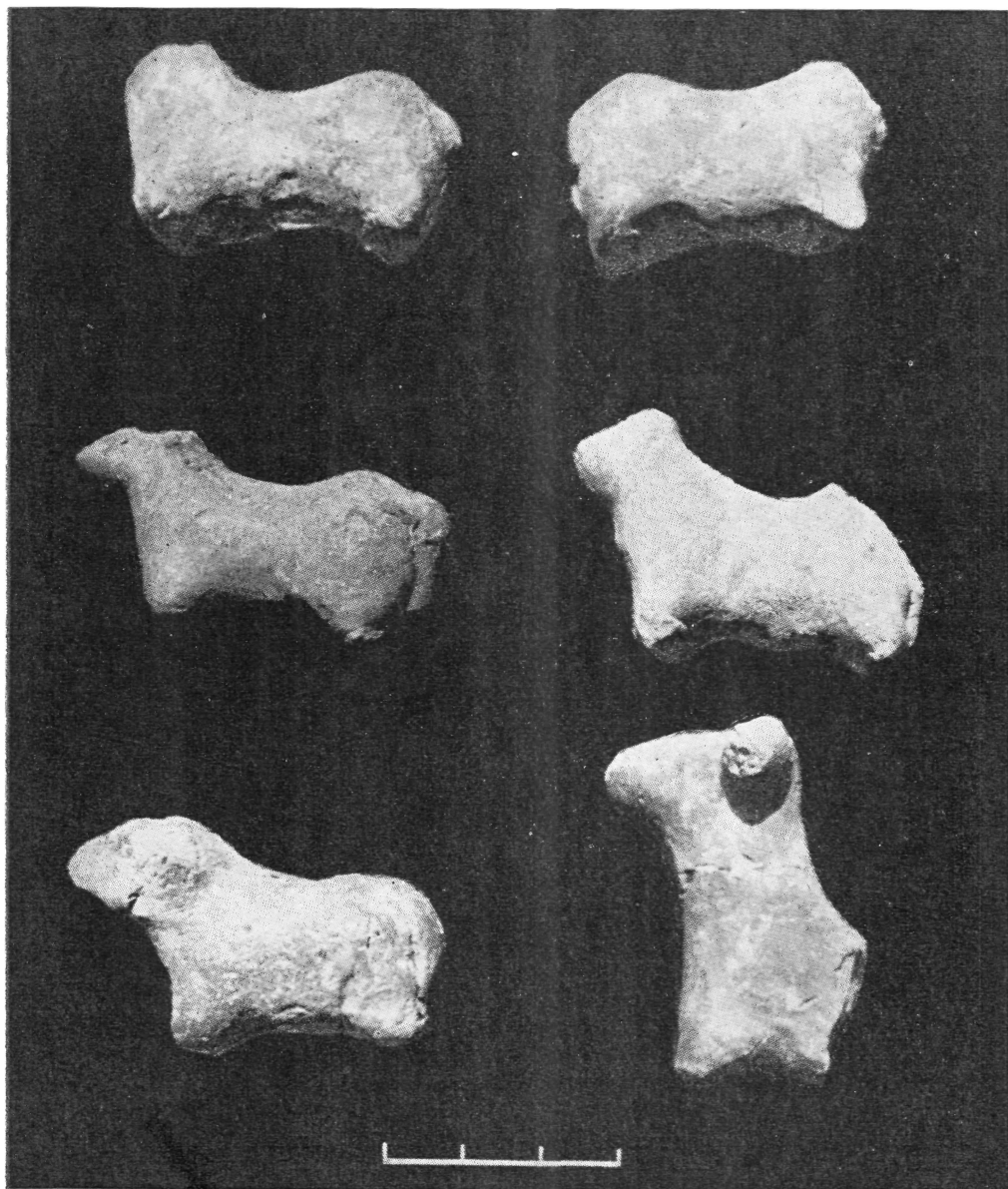

Рис. 2. Глиняные фигурки животных

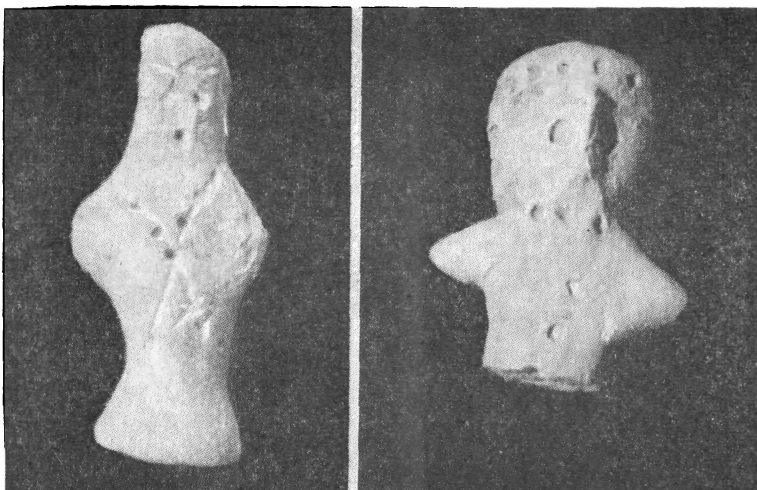

Рис. 3. Глиняные антропоморфные фигурки

также остатки оборонительной стены, аналогичной раскопанной на Телль Хазне I.

Отметим, что и на целом ряде других поселений III тыс. до н.э. в бассейне Хабуре открыты архитектурные комплексы, чрезвычайно близкие сооружениям Телль Хазны I. Речь идет, в частности, о таких памятниках, как Телль Мелебийя⁵, Телль Барри⁶, Телль Абу Хафур⁷ и др.

Указанные поселения в районе Хабуре датируются в основном второй половиной III тыс. до н.э. Этим же временем датируется исследуемый слой поселения Телль Хазна I⁸. Это убедительно доказывает прежде всего анализ массового материала — керамики. Основная часть керамического комплекса представлена достаточно однородными типами сосудов и их фрагментов, характерных для раннединастического II—III и аккадского периодов Северной Месопотамии. Большинство их изготовлено на гончарном круге. Технологически выделяются группы с органическими и неорганическими примесями в глиняном тесте. Поверхность сосудов обычно серого цвета, часто затерта или залощена. Орнаментация обычно ограничивается резьбой по венчику, изредка встречаются аппликации, а также роспись черной и красной краской. Формы сосудов в основном соответствуют типологии, предложенной ранее П. Делюгасом для района Диалы⁹, а в значительно большей мере — детальной классификации керамики Телль Бдери, разработанной П. Пфальцнером¹⁰. В керамической коллекции, полученной в результате первых двух сезонов раскопок Телль Хазны I, могут быть выделены те же, что и в Телль Бдери, основные типы. Среди них различные варианты полусферических чаш, глубокие плоскодонные миски, горшки сферической, яйцевидной или грушевидной формы, пифосы, сосуды с носиком, высокие вазы на ножках и другие формы.

Помимо сосудов в культурном слое Телль Хазны I найдены и другие глиняные изделия: пряслица, грузила, бусы, модели колес, а также значительная коллекция пластики. Последняя включает в себя 6 антропоморфных и 60 зооморфных статуэток

⁵ *Lebeau M.* Tell Melebiya // *Accadica*. 1985. 45; 1986. 46.

⁶ *Pecorella P. E., Salvini M.* Tell Barri/Kahat I. Rome, 1982.

⁷ Последние исследуется в 1987. г. экспедицией Варшавского университета под руководством проф. П. Белинского.

⁸ *Мунчаев, Мерперт, Бадер, Большаков.* Ук. соч. С. 184 сл.

⁹ *Delugas P.* Pottery from Diala region. Philadelphia. 1952.

¹⁰ *Pfalzner.* Tell Bderi.

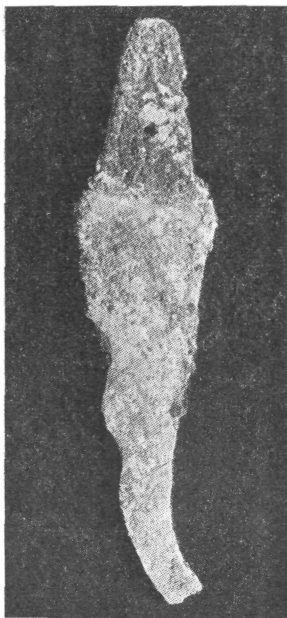

Рис. 4. Бронзовые ножны

Рис. 5. Кварцитовая цилиндрическая печать

(рис. 3). Антропоморфные фигурки стоячие и в общем достаточно стилизованы, тогда как фигурки животных выполнены в реалистической манере. В ряде случаев характерная моделировка рогов позволяет видеть в фигурках изображения баранов. Идентификация прочих статуэток требует еще специального анализа.

В коллекции находок 1989 г. обращает на себя внимание большая серия каменных зернотерок (найдено 25 экз.), большей частью овальных, длиной до 40 см, а также терочки, песты, ступки и кремневые вкладыши серпов и ножей (рис. 4).

Особо должна быть отмечена кварцитовая подвеска-печать цилиндрической формы (рис. 5). Поверхность ее заполнена резными линиями. Цилиндрические печати, как известно, были широко распространены в Месопотамии также и в III тыс. до н. э.

Наконец, укажем на открытие в Телль Хазне I еще ряда погребений, наиболее интересным из которых является погребение № 6. Оно находилось внутри помещения № 24, на четвертой террасе. Костяк лежал на спине, с подогнутыми руками и ногами, головой на запад-северо-запад. В области черепа и костей грудной клетки, таза и рук отмечены скопления плоских дисковидных бус из горного хрусталя и кварцита (всего их 316). Под голову погребенного была положена часть позвоночника барана. К северу от костяка найдены остатки расчлененной туши барана, а рядом с ними 19 круглых плоских бус из сердолика. Близ головы погребенного был поставлен большой глиняный сосуд с носиком. У костей левой руки найдена глиняная зооморфная фигурка. С данным погребением связан, вероятно, бронзовый нож с изогнутым концом, обнаруженный близ северной стенки помещения № 24.

Инвентарь описанного погребения (в частности, кварцевые и хрустальные бусы) очень близок материалу погребения № 1, раскопанного в 1988 г.¹¹ Особо отметим бронзовый нож из погребения № 6. Ножи подобной формы сравнительно немногочисленны. Они встречены в Греции, Анатолии (Трое II—V) и других областях,

¹¹ Мунчаев, Мерперт, Бадер, Большаков. Ук. соч. С. 184.

включая Сирию¹². Но нигде они не представлены в комплексах ранее второй половины III тыс. до н. э. Таким образом, и данная находка подтверждает предложенную датировку исследуемого слоя Телль Хазны I, соответствующую раннединастическому II—III и аккадскому периодам по месопотамской шкале и фазе I по шкале Амука, т. е. второй половине III тыс. до н. э.

Наряду с основными работами на Телль Хазне I экспедиция совершила ряд разведывательных маршрутов в смежных районах, в том числе по течению Джак-Джака и вади Ханзир. В ходе этих разведок было осмотрено несколько десятков теллей, скопление которых в этой части Сирии отличается особой плотностью. Зафиксированы свидетельства ранних периодов, начиная с VI и V тыс. до н. э. (керамика типа Телль Сотто и Телль Халафа). Но почти все обследованные телли содержат большие слои, аналогичные по характеру материала описанному выше слою Телль Хазны I, что позволяет говорить о весьма значительной плотности заселения Северо-Восточной Сирии в раннединастическом и аккадском периодах, об активности и многообразии протекавшего здесь исторического процесса.

Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Н. О. Бадер

¹² Deshayes J. Les outils de bronze de l'Indus au Danube. V. II. P., 1960. P. 124—125. Tabl. XLI.

© 1990 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕРВСКОМ ОАЗИСЕ

С 1980 г. в Мервском оазисе (Марыйская обл. Туркменской ССР) работает археологическая экспедиция, организованная Институтом археологии АН СССР, Московским и Туркменским государственными университетами. Основная задача ее — создание археологической карты Мервского оазиса. Нет необходимости говорить о том, насколько важна (и в научном, и в практическом отношениях) эта задача¹. Однако, несмотря на то что археологические исследования начались в Мервском оазисе более ста лет назад, подобная задача — создание достаточно полной археологической карты — не только не была осуществлена, но даже и не ставилась. В настоящее время обследована почти полностью северная часть оазиса, в результате чего зафиксировано более 80 разновременных памятников (от раннего железного века до развитого средневековья). На базе этих исследований составлено четыре археологические карты, на каждой из которых отмечены памятники, существовавшие в каждом из этих периодов (ранний железный век, парфянский и сасанидский периоды, время развитого средневековья)².

¹ У нас нет возможности подкреплять многочисленными примерами тезис о значимости подобных исследований и о принципиальной важности тех исторических выводов, которые могут быть сделаны в итоге их. Укажем только на наиболее хронологически и территориально близкие работы этого типа: Adams R. McC. Land behind Baghdad: A History of Settlement on the Diyala Plain. Chicago — London, 1965; Wenke R. J. Imperial Investments and Agricultural Developments in Parthian Sassanian Khuzestan: 150 B. C. to 640 A. D. // Mesopotamia. V. X—XI. Firenze, 1975—1976. P. 31—157.

² В своих исследованиях мы ограничиваемся практически только территорией современного оазиса, поскольку главный объект нашего научного интереса — памятники парфянского и сасанидского времени — не выходит за его пределы. Иная ситуация с памятниками раннего железного века. Основная масса их находится севернее, в более древней дельте Мургаба, и хотя самый крупный из памятников этой эпо-

Поскольку с самого начала наши исследования были ориентированы не только на формальную фиксацию памятников, но и на то, чтобы в дальнейшем попытаться получить на основе археологических материалов исторически значимые выводы, вскоре встал вопрос о первичной классификации обнаруженных памятников, но классификация не формальной, а основанной на исторической реальности. Одним словом, мы хотели, хотя бы приблизительно, понять, какой тип древнего населенного пункта скрывается под тем или иным археологическим памятником³. Однако эта работа чрезвычайно затруднена тем обстоятельством, что на территории Мервского оазиса практически не проводилось археологических раскопок рядовых памятников. В частности, вне пределов города Мерва самые минимальные раскопочные работы были проведены только на трех памятниках: Кырк-депе⁴, Улы-Кишман⁵ и Джин-депе⁶. В силу этого встала задача параллельно с рекогносцировочными работами осуществить и раскопки нескольких памятников, представляющих собой наиболее выразительные примеры того или иного типа. В соответствии с этой программой за прошедшие годы проводились раскопки на двух памятниках: Чильбурдже и Гёбеклы.

Чильбурдж впервые был зафиксирован американской экспедицией под руководством Р. Пампелли еще в начале этого века⁷, но только после исследований ЮТАКЭ в конце 40-х — начале 50-х годов стал широко известен⁸ и занял важное место во всех исследованиях, посвященных истории парфянской архитектуры и фортификации⁹.

Основные выводы, к которым пришли сотрудники ЮТАКЭ на базе визуальных исследований и сбора подъемного материала (без раскопок), могут быть сформулированы следующим образом¹⁰.

Чильбурдж — крепость позднепарфянского времени, продолжающая традиции парфянской фортификации более ранней эпохи, наиболее полно отраженной в крепости Дурнали (I—II вв. н. э.). Внутренняя застройка прослеживается плохо. Выделяется только сооружение в центре, возле которого зафиксировано большое количество золы, что заставляло предполагать наличие здесь святилища огня. Полагали также, что часть жителей проживала не в домах, а в палатках. Вопрос о датировке решался на основании изучения подъемного материала. Время существования крепости — II—III вв. н. э. Наличие следов ремонта на угловых башнях приводило к мысли, что

хи — Яз-депе расположен в пределах современной культурной зоны, тем не менее современный оазис — это только окраина (с небольшим числом памятников) Мервского оазиса эпохи раннего железа.

³ См. работу, построенную на этом принципе: *Кошеленко Г. А., Сердитых З. В.* Типология и динамика развития системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи // *Городская культура Бактрии Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского colloquium (Самарканд, 1986).* Ташкент, 1987. С. 54—58.

⁴ *Дурдыев Д.* Кырк-депе // *Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Т. V.* Ашхабад, 1959.

⁵ *Он же.* Городище Старого Кишмана. Отчет о раскопках 1956—1957 гг. // Там же.

⁶ *Мерезкин Л. Н.* К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // *ТЮТАКЭ. Т. XI.* Ашхабад, 1962. С. 12 сл.; *Кошеленко Г. А.* Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. // *КСИА.* 1963. Вып. 95. С. 79 сл.

⁷ *Huntington E.* Description of the Kurgans of the Merv Oasis // *Explorations in Turkestan in 1903 and 1904* / Ed. R. Pumpelly. V. II. Washington, 1908.

⁸ *Пугаченкова Г. А.* Парфянские крепости Южного Туркменистана (из материалов работ ЮТАКЭ) // *ВДИ.* 1952. № 2. С. 222—225.

⁹ См., например: *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. С. 51—54; *Кошеленко Г. А.* Парфянская фортификация // *СА.* 1963. № 2. С. 61; *он же.* Культура Парфии. М., 1966. С. 77; *Массон В. М.* Страна тысячи городов. М., 1966. С. 114 сл.; *Gullini G.* Architettura iranica dagli Achemenidi di Sasanidi. II «palazzo» di Kuh-i Khwagia (Sistan). Torino, 1964. P. 299—301; *Francfort H.-P.* Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. P., 1979. P. 32.

¹⁰ См. *Пугаченкова.* Пути развития... С. 51—54.

крепость перестраивалась накануне падения Парфянского царства. Жизнь здесь продолжалась до IV в. н. э.¹¹ Позднее крепость была оставлена жителями, и только в X—XII вв. Чильбурдж использовался как место стоянки караванов.

Однако наши исследования довольно сильно изменили традиционную характеристику Чильбурджа¹². Прежде всего в результате использования аэрофотосъемки и наземных работ был снят план городища, более точный, чем глазомерный план-схема, выполненный Г. А. Пугаченковой¹³. Аэрофотоснимки показали, а наземные работы подтвердили наличие обширного застроенного пространства вокруг самой крепости, чего сотрудники ЮТАКЭ не зафиксировали. Но наиболее важные результаты дали раскопки, хотя и не очень значительные по своим масштабам. На территории Чильбурджа было заложено пять раскопов. Материал, полученный при этих работах, позволил более точно представить историю памятника. Как и предполагалось ранее, крепость Чильбурдж возводилась в позднепарфянское время. Однако укрепления, которые всеми исследователями считались парфянскими, в действительности должны быть отнесены к более позднему времени. Парфянским временем датируются укрепления, вскрытые только при наших работах. Они выполнены из пахсы; были выявлены небольшая часть стены и часть башни. На этом этапе территория населенного пункта ограничивалась укреплениями. В конце этого раннего периода (IV в. н.э.) происходит некоторая перестройка укреплений, в частности забутовывается башня.

Следующий большой период в истории Чильбурджа приходится на V—VIII вв. н. э. (рис. 1). Именно тогда на руинах старых укреплений возводятся новые, частично сохранившиеся до сего времени — те самые, которые до наших раскопок считались парфянскими. В это же время вокруг крепости возник и разросся большой неукрепленный пригород. Заметный упадок в VIII в. н. э., когда этот пригород гибнет, был, видимо, связан с арабским завоеванием. Сам же городок в пределах своих укреплений просуществовал вплоть до монгольского нашествия. Та планировка, которая была выявлена аэрофотосъемкой и подтверждена раскопками, относится именно к этому времени.

В ходе раскопок был получен довольно значительный археологический материал. Помимо керамики (парфянского, сасанидского и средневекового времени) были найдены монеты (две парфянские — маргианского чекана II в. н. э.¹⁴, три сасанидские — халки Шапура I, Шапура II и Кавада I¹⁵ и три сельджукидские — плохой сохранности), а также несколько терракотовых статуэток позднепарфянского и сасанидского

¹¹ Ранее Г. А. Пугаченкова говорила предположительно и о V. в. н. э. (Парфянские крепости... С. 224).

¹² Подробнее см.: *Gaibov V., Koshelenko G., Novikov S. Chilburj // Bulletin of the Asia Institute (in press).*

¹³ Отметим только самые основные уточнения плана. На старом плане на западной стене фиксируется 8 башен (не считая угловых), в действительности же их — 9. То же самое число башен старый план дает и на восточной стене (также не считая угловых), в действительности их — 10. Неточно было учтено также и количество башен на южной стороне. На старом плане их — 8 (не считая угловых и предвратного укрепления), в действительности же — 9. Было также выяснено, что северная стена крепости не имела ворот. Здесь располагался мощный бастион без каких-либо следов прохода. Ворота имелись только в южной стене. Аэрофотосъемка показала, что к крепости вела только одна большая дорога и она подходила к южным воротам. Было также выявлено отличие характера угловых башен от того, что было засвидетельствовано ранее. Они были выдвинуты вперед за гладь стен и связаны с ними только узкой перемычкой. Такое устройство совершенно уникально в истории фортификации Мервского оазиса.

¹⁴ См. *Пилляко В. Н. Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком // ВДИ. 1980. № 4 — тип V/4 и V/5.*

¹⁵ См. *Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, — тип Ia; Göbl R. Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971, — тип V/2.*

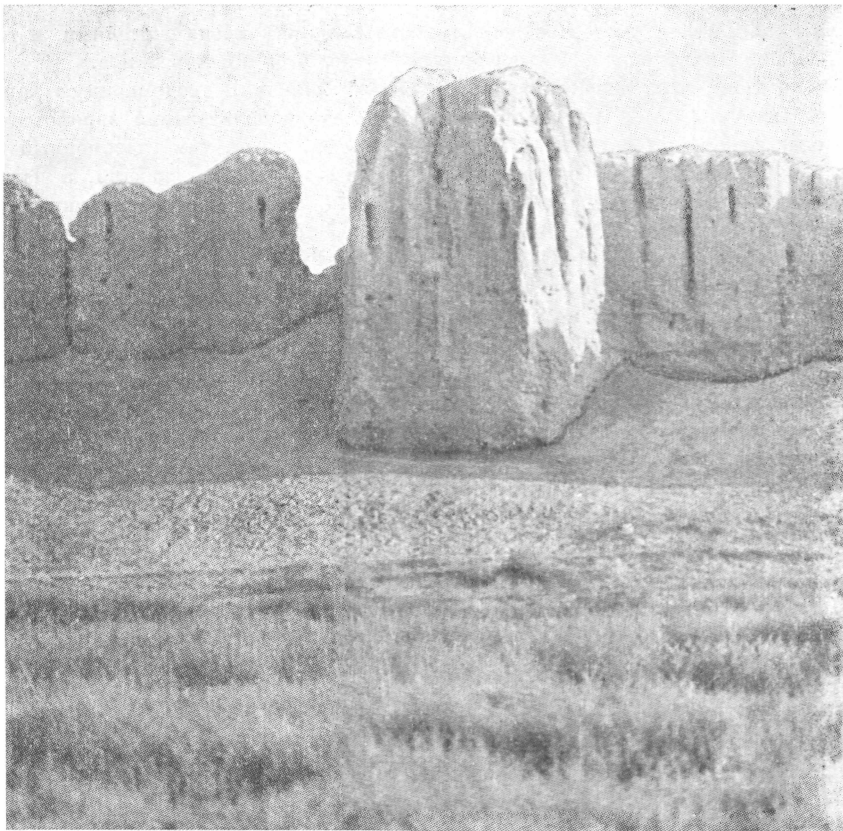

Рис. 1. Городище Чильбурдж. Общий вид

времени, среди которых выделяется одно из изображений так называемой Великой маргианской богини¹⁶ (рис. 2, см. вклейку).

Другим памятником, который раскапывали сотрудники экспедиции, был Гёбеклы. Этот памятник также был впервые зафиксирован в ходе работ экспедиции под руководством Р. Пампелли¹⁷, а позднее неоднократно посещался сотрудниками ЮТАКЭ. Результаты их наблюдений были обобщены Г. А. Пугаченковой¹⁸. Она считала Гёбеклы небольшим городком, в центре которого располагался высокий, почти квадратный арка. В центре арка на возвышенном холме находился дом правителя. Вокруг же арка располагался собственно город, являвшийся ремесленным центром. Продукция ремесла шла, по ее мнению, в обмен на продукты скотоводства кочевников. Относится этот памятник, по мнению, Г. А. Пугаченковой, к раннеарфьянскому времени.

Раскопки позволили изменить представление о памятнике. Его никак нельзя считать ни городом, ни городком. На протяжении нескольких лет мы закладывали шурфы на территории, окружающей памятник, но ни в одном из них не было обнаружено никаких следов культурного слоя. Следовательно, памятник ограничивается размерами только той территории, которая окружена его оборонительными стенами.

¹⁶ Ср. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня // СА. 1959. Т. XXIX—XXX. С. 126. Рис. 6, 7.

¹⁷ Huntington. Description ... P. 223—224.

¹⁸ Пугаченкова. Пути развития... С. 44—45.

Рис. 2. Городище Чильбурдж. Терракотовая статуэтка. Первые века н. э.

Рис. 7. Городище Гёбеклы. Терракотовая статуэтка. III в. н. э.

Гёбеклы представляет собой почти квадрат. Его размеры (по гребню стен) — 88 × 88 м. Памятник ориентирован своими сторонами почти точно по странам света с небольшим (около 10°) отклонением оси север — юг к востоку. Руины стен возвышаются над окружающей территорией на 12—13 м. Внешние склоны стен достаточно крутые. Центральное место занимает большой бугор, возвышающийся над окружающей территорией на высоту 20,7 м. У него весьма крутые склоны. Верхняя площадка бугра имела форму неправильного овала с размерами: север — юг — около 27 м, запад — восток — 26 м. В стенах Гёбеклы имелись единственные ворота — в середине южной стены. На территории городища Гёбеклы было разбито три раскопа: раскоп I — на центральном бугре; раскоп II — в восточном секторе южной оборонительной стены; раскоп III — в западном секторе этой же стены.

В результате нескольких сезонов раскопок мы выявили следующую картину. Прежде всего удалось определить, что Гёбеклы пережил четыре основных периода своего существования. Предлагаемые ниже хронологические определения этих периодов построены на базе находок нескольких десятков монет¹⁹. Распределение монет по слоям крайне показательны и, как представляется, не может вызывать больших сомнений.

I слой — время возведения сооружения. Дата неизвестна (сейчас можно сказать только, что ранее I в. н. э.).

II слой — парфянское время (I—II вв. н. э., вероятнее всего, только II в. н. э. В этом слое встречаются только парфянские монеты маргианской эмиссии I—II вв. н. э.).

III слой — раннесасанидское время (вероятнее всего, только III в. н. э. В этом слое встречаются парфянские монеты маргианской эмиссии первых веков н. э., так называемый «мервский всадник» — монеты царя Мерва 240—260 гг. н. э. и монеты сасанидского царя Шапура I — 243—273 гг. н. э.) (рис. 8).

IV слой — IV в. н. э. (к вышеуказанным монетам добавляются монеты сасанидского царя Шапура II (309—379 гг.) и кушаншаха Варахрана II, датируемые концом IV в. н. э.).

Сооружения самого раннего периода зафиксированы и на центральном бугре (раскоп I), и в юго-восточном углу крепости (раскоп II). На центральном бугре в сезоне 1989 г. мы обнаружили только верхнюю часть стены здания этого периода, и поэтому судить о нем в целом сейчас, естественно, невозможно. На раскопе II, однако, мы смогли полностью вскрыть угловую башню, что дало возможность судить о характере первоначальных укреплений. Башня в плане прямоугольная, ее размеры (рис. 3):

	север — юг	запад — восток
внешние	11,7 м	9 м
внутренние	7,1 м	3,7 м

Вход в башню находился в северо-западном углу, он выводил во внутрискладный коридор. Сохранность стен башни различна: от 2,5 до 5,3 м в высоту. Башня была построена на небольшой глиняной платформе высотой 0,25 м. При строительстве собственно башни использовалась комбинированная техника с чередованием рядов пахсы и сырцовых кирпичей. Внутрискладное пространство башни было забутовано на высоту 1,5 м. Верхняя плоскость забутовки была превращена в пол внутрискладного помещения. Каждая из стен башни имела специальное место для размещения воина-стрелка. Чрезвычайно интересно устройство бойниц. Отверстие в стене делилось двумя вертикально поставленными сырцовыми кирпичами на три бойницы: одна — для прямого боя и две — для косоприцельного (в одном случае — в западной стене — кирпич делил отверстие на две бойницы). Бойницы расширялись наружу и имели скос вниз, тем самым расширялось «поражаемое» пространство. В целом же достаточно было

¹⁹ Определения монет произведены А. Б. Никитиным.

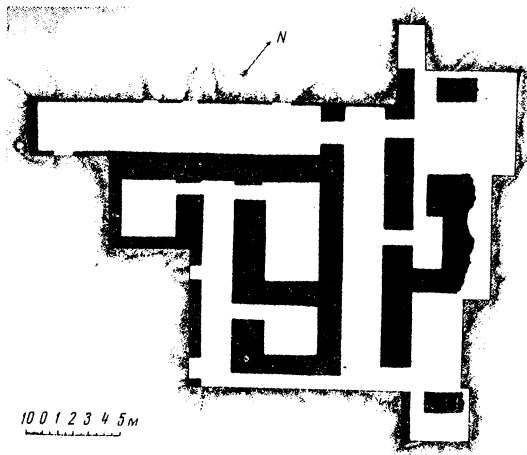

Рис. 4. Городище Гёбеклы. Раскоп I. Здание парфянского времени. План

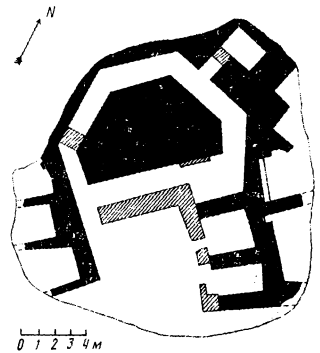

Рис. 3. Городище Гёбеклы. Раскоп I. Здание сасанидского времени. План

четырёх стрелков, чтобы из 11 бойниц иметь в поле зрения довольно значительное пространство у подошвы башни. Сама башня была двухэтажная; часть второго этажа сохранилась.

Таким образом, даже та небольшая часть укреплений ранней крепости Гёбеклы, которую нам удалось обнаружить и вскрыть, свидетельствует о том, что с самого начала это было весьма мощное укрепление, рассчитанное на то, чтобы выдержать достаточно серьезный натиск противника. Стрелки располагались на двух этажах башни, вероятно, и на ее крыше, за специальным парапетом. Бойницы были устроены таким образом, что стрелы нападавших были малоопасны для воинов, находящихся в башне. В то же время относительно немногочисленный гарнизон башни мог держать под контролем весьма обширное пространство. К сожалению, внутри башни не было обнаружено абсолютно никакого материала, который позволил бы определить время ее сооружения.

Второй период жизни Гёбеклы может быть охарактеризован более подробно. Относящиеся к этому периоду сооружения вскрыты на более значительной площади. Они исследовались на раскопе I (центральный бугор) и на раскопах II и III (оба — участки южной стены).

Начнем описание с раскопа I (рис. 4). Здание, относящееся к этому периоду, вскрыто пока только частично. Однако и сейчас уже можно высказать некоторые соображения о его структуре и архитектурных особенностях. Центральная часть здания состояла из нескольких помещений явно жилого (возможно, также и парадного) назначения. Они тщательно отделаны, в двух из трех вскрытых помещений этого типа были обнаружены пристенные камины. Сами помещения были перекрыты сводами. Находки на полу практически отсутствовали. Эту жилую (и возможно, парадную) часть здания окружала система обводных коридоров. В настоящее время полностью вскрыт восточный коридор и почти полностью — северный. Эти коридоры имели подсобно-хозяйственный характер. В восточном коридоре было обнаружено огромное количество фрагментированной керамики, в северном — буллы (см. ниже). Кроме того, с восточной стороны к основному объему здания были пристроены еще помещения, также имевшие подсобный характер (в одном из них обнаружен большой очаг). Коридоры также имели сводчатые перекрытия.

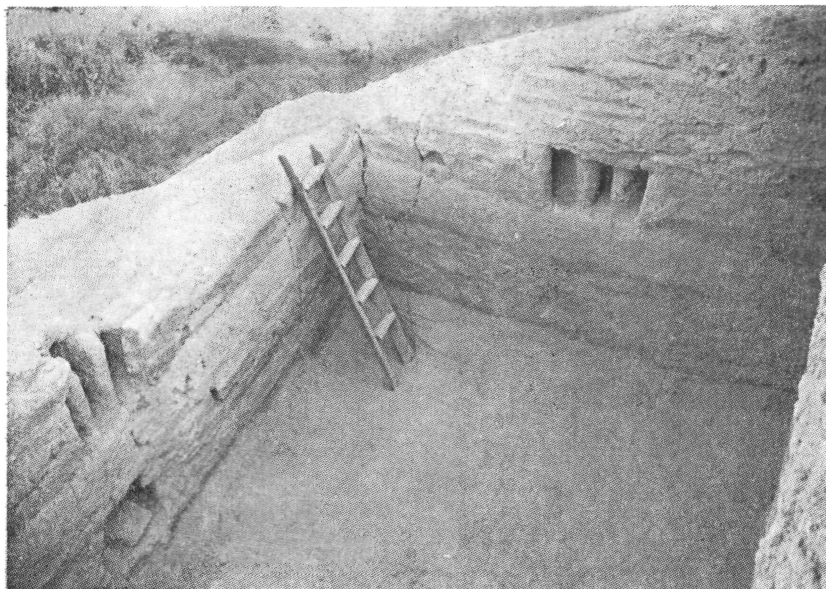

Рис. 5. Городище Гёбеклы. Башня

На раскопках II и III были исследованы относящиеся к этому периоду укрепления Гёбеклы. В обоих случаях основой укреплений была мощная стена, построенная на руинах стены более раннего времени; при этом более поздняя стена выступала несколько вперед по сравнению с более ранней. Сложена она была из сырцового кирпича. Внутри стены был довольно широкий коридор, который служил стрелковой галереей. Передняя стена коридора имела бойницы (плохо сохранившиеся). Задняя же стена опиралась на остатки стены более раннего времени. Коридор имел высоту до 2,5 м и был перекрыт сводом, хорошо сохранившимся на раскопе III. Внутри коридор имел выступы, служившие своеобразными границами отдельных отсеков.

В целом эти укрепления сильно отличались от предшествующих: угловые башни были слабо выражены, основу обороны представляла стена, имевшая внутри стрелковую галерею, которую занимали воины-стрелки. Видимо, размещались они и на крыше стрелковой галереи, где должен был быть устроен парапет.

Следующий период в жизни Гёбеклы связан с решительными перестройками на центральном бугре, менее значительными по форме, но очень показательными по содержанию: система укреплений лишается своего фортификационного значения. Внутреннее пространство стрелковой галереи перегородками разделяется на отсеки, в задней стене прорубаются двери, и, таким образом, укрепления превращаются в жилища (рис. 5). Они весьма различны по размерам (от четырех до одной комнаты), но во всех таких жилых отсеках обнаружены в большом количестве косточки винограда и абрикоса, остатки зерна, кости. На центральном бугре перестройка имеет более радикальный характер. Во всех помещениях была срублена верхняя часть сводов, и пространство этих помещений было забутовано. Хорошо заметна разница в методах забутовки: центральные помещения тщательно закладывались сырцовыми кирпичами, а периферийные засыпались землей. Поверх старых конструкций был еще насыпан и плотно утрамбован слой земли, и уже на нем возводилось новое здание. Планировка этого здания не имеет аналогий в архитектуре Средней Азии (рис. 6). Вся его северную часть занимало шестиугольное в плане помещение, в центре которого располагалась

Рис. 6. Городище Гёбеклы. Раскоп II. Здание раннесасанидского времени.

шестиугольная монолитная платформа, выполненная из сырцового кирпича и пахсы. Все остальное пространство занимали большой айван к югу от центрального помещения и ряд комнат, располагавшихся по периферии центрального. Большая часть этих помещений разрушена, но даже по тому, что сохранилось, можно сделать вывод, что эти помещения имели хозяйственное и подсобное назначение: в них стояли хумы для припасов, в одном зафиксирован пристенный камин.

Возможно, главное здание Гёбеклы этого периода имело культовое назначение. Однако архитектура его столь необычна, что твердых заключений мы сделать не можем. Это сооружение погибло в результате пожара: слои золы и пепла лежат на полу центрального помещения и во многих подсобных. Точно такие же слои, возникшие в результате пожара, засвидетельствованы почти во всех помещениях и жилой части памятника.

Последний период существования Гёбеклы плохо представлен архитектурными остатками. Небольшие бесформенные следы стен, смытых и развеянных за полторы тысячи лет, отмечены на центральном бугре. На раскопе II нет и этого. На раскопе же III от этого периода сохранились очень интересные остатки. Одно из помещений, существовавших в предшествующий период, в IV в. н. э. было приспособлено для погребений по зороастрийскому обряду. Здесь были обнаружены разрозненные человеческие кости и несколько черепов.

В ходе раскопок Гёбеклы был получен интересный вещественный материал. Среди находок привлекают внимание бронзовые и железные наконечники стрел (втульчатые, трехгранные в большинстве случаев), бронзовые кольца, керамические пряслица, глиняные ядра, железная крица, так называемые «стили» и т. д. Была получена очень значительная коллекция керамики, включая большое количество целых сосудов. Особая ценность этой коллекции состоит в том, что она происходит из достаточно точно определяемых и сравнительно узких хронологических слоев, что, очевидно, позволит в дальнейшем создать более надежную стратиграфическую шкалу.

Особую группу находок составляют терракотовые статуэтки. И ранее в Гёбеклы

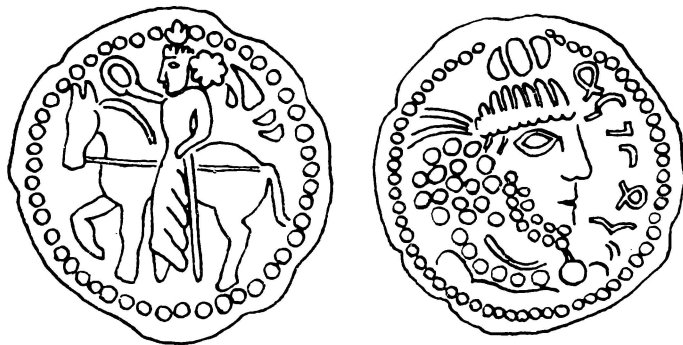

Рис. 8. Мервский оазис. Монета «царя Мерва» (40—60-е гг. III в. н. э.) (прорисовка А. Б. Никитина)

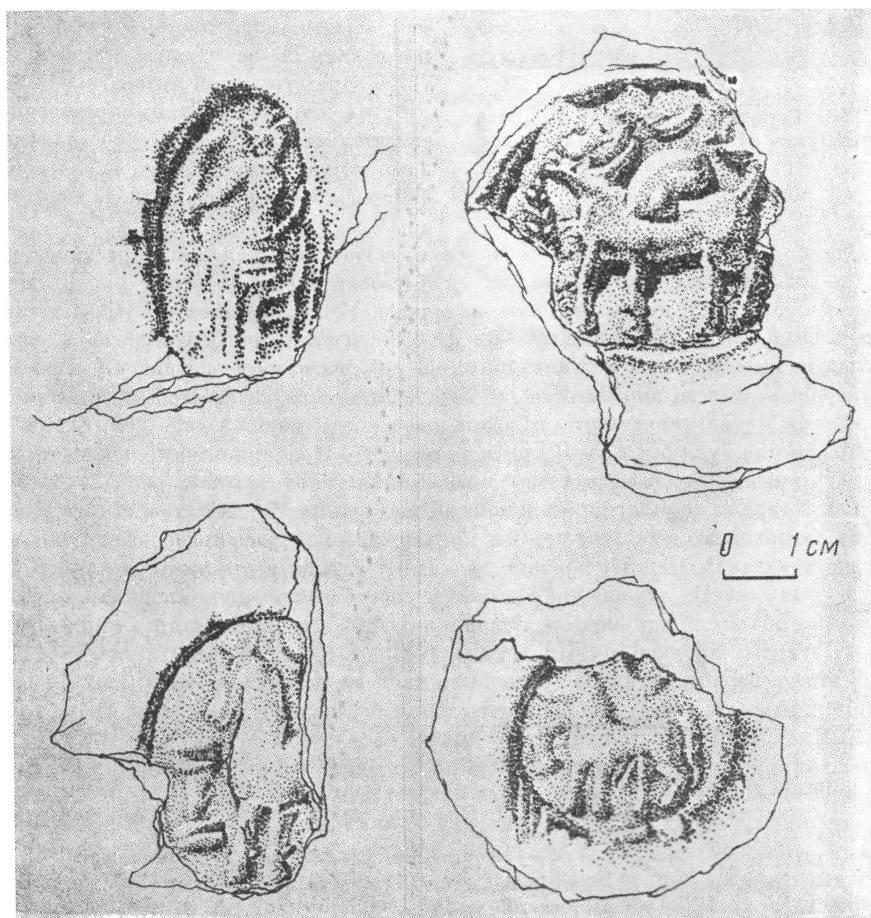

Рис. 9. Городище Гёбеклы. Буллы из раскопок 1989 г. (прорисовки А. А. Наумова)

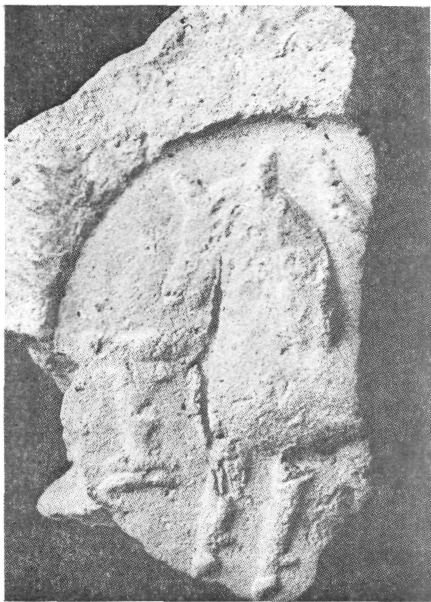

Рис. 10. Городище Гёбеклы. Фрагментарная булла с изображением коня перед алгарем (раскопки 1989 г.)

Однако наиболее сенсационная находка, осуществленная в ходе раскопок на Гёбеклы, — это большое число глиняных булл (сезоны 1988 и 1989 гг.) (рис. 9). Первым предвестником этого открытия стала находка в 1982 г. фрагмента хума с оттисками двух печатей²⁰. На одном оттиске был изображен увенчанный Никой царь, который преследует на коне козла или антилопу (рис. 10), на втором — Ника. Судя по характеру изображения на первом оттиске, печать относится ко времени правления Арташира, царя Мерва, зависимого от Сасанидов, т. е. примерно к 240—260 гг. н. э.

Коллекция булл была обнаружена на раскопе I в здании второго периода. Как отмечалось выше, обводные коридоры этого здания использовались для хозяйственных нужд. В северном коридоре и были найдены все буллы. Предваряя описание этой коллекции, необходимо указать, что мы придерживаемся расширительного толкования термина «булла»²⁴. Под это понятие подпадают глиняные предметы различной формы с оттисками печатей, служившие в качестве своеобразной «пломбы» для опечатывания различных объектов: документов, тюков и емкостей с товарами и продуктами, замурованных дверных проемов и т. п.

В этом северном коридоре буллы были найдены на двух уровнях (на двух полах). Однако надо иметь в виду то обстоятельство, что указанное помещение имело хозяйст-

сотрудниками ЮТАКЭ было поднято значительное их число²⁰, немало их было найдено и в ходе наших работ. Наряду с наиболее обычными для Мервского оазиса типами «Великой женской богини» здесь встречены и иные терракотовые статуэтки, более редких типов (рис. 2, 7, см. вклейку).

Наконец, одной из наиболее важных категорий находок, сделанных в ходе исследований Гёбеклы, являются острака. Всего их найдено десять, из которых восемь уже опубликовано²¹, два найдены недавно и готовятся к публикации. Надписи на фрагментированных сосудах представляют собой личные имена (видимо, их владельцев). Особый интерес представляет надпись на целом сосуде. Она отличается по содержанию от всех других известных ныне парфянских текстов на керамике. Это единственная надпись с пространством благопожелания, не находящим прямых аналогов в зороастрийской литературе²². Находки этих острака со всей определенностью свидетельствуют о том, что парфянский язык и парфянское письмо использовались в Мервском оазисе по крайней мере вплоть до IV в. н. э.

²⁰ Они хранятся в г. Ашхабаде в коллекциях ЮТАКЭ и Института истории АН ТуркмССР.

²¹ Подробнее см.: *Лившиц В. А., Никитин А. Б.* Парфянские надписи с Гёбеклы-депе // ВДИ. 1989. № 3. С. 80—89.

²² Там же. С. 88.

²³ См. *Никитин А. Б., Согомонов А. Ю.* Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса // ВДИ. 1987. № 4. С. 119.

²⁴ Подробнее о дискуссии относительно данного термина см.: *Göbl R.* Die Tonbullen vom Tacht-e Saleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. В., 1976. С. 9—10.

венное назначение (судя по обнаружению булл, очевидно, складское), где за порядком следили не очень тщательно, и поэтому помимо двух уровней полов прослеживается большое число локальных «подмазок» — ремонтов отдельных участков пола. Обнаруженные буллы, очевидно, использовались как указание на сохранность товаров, хранящихся в различных контейнерах (сосудах разных размеров, для которых они служили пробками, тюков, ящиков и т. п.). Показательно то, что на верхнем уровне пола буллы были найдены с большим количеством зерен (видимо, пшеницы). Можно предположить, что буллы Гёбеклы найдены там, где они снимались с указанных контейнеров и выбрасывались как уже ненужные (этим, видимо, объясняется и большое число фрагментированных экземпляров).

Всего до настоящего времени обнаружено более 500 экземпляров находок этого типа. На каждой (достаточно хорошо сохранившейся) булле почти всегда имеется несколько отпечатков-оттисков. Все они, как правило, крупные (в основном размеры приблизительно 18×25 мм), различной формы (преобладает овальная).

Изображения на оттисках очень разнообразны и включают более 30 сюжетов. Эти сюжеты следуют различным иконографическим традициям: древневосточным (воспринятым парфянами), эллинистическим и, наконец, местным, древнемаргианским. К числу первых, видимо, можно отнести сюжеты с изображением сидящего на троне царя, коня перед алтарем; ко вторым — изображения Пегаса, обнаженной мужской фигуры; к третьим, видимо, сюжеты с геометрическим орнаментом.

Буллы представляют собой весьма ценный источник для изучения экономики, права, торговли и административного устройства; анализ сюжетов и иконографии может дать много для понимания искусства и идеологии. Значение находок булл с Гёбеклы особенно велико потому, что для решения почти всех указанных вопросов в применении к древней Маргиане материала почти не было²⁵. Более того, необходимо подчеркнуть, что восточнопарфянский регион до настоящего времени был весьма беден находками подобного рода²⁶. Исследование булл, полученных в ходе археологических работ на Гёбеклы, приведет к важным и интересным выводам по истории этого малоизученного региона Средней Азии.

А. Г. Губаев, Г. А. Кошелев, С. В. Новиков

²⁵ Пугаченкова Г. А. Мервские геммы-инталии // ТЮТАКЭ. 1963. Т. XII. С. 201—212.

²⁶ См.: Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ. 1954. № 4. С. 159—169; Пилилко В. Н. Оттиски печатей на парфянских хумах // Памятники Туркменистана. 1970. 2(10). С. 14—15; Bivar A. D. H. Seal-impressions of Parthian Qumis // Iran. 1982. XX. P. 161—176.

© 1990 г.

РУЧКА АМФОРЫ С НАДПИСЬЮ ИЗ МАТХУРЫ

Начиная с III в. до н. э. Матхура (округ Матхура, штат Уттар-Прадеш, Индия) была крупным поселением, торговым, ремесленным и культурным центром. Положение города в «сердце Индии», на берегу одной из крупнейших рек ее северной части делало удобным его сообщение с другими районами — через этот город проходили в важнейшие пути из Декана, Северо-Западной, Западной и Восточной Индии. В первые века н. э. Матхура стала международным центром, о чем с полной достоверностью свидетельствуют данные археологии, в том числе находки местной скульптуры, и другие исторические источники.

Во время раскопок, проводившихся в Матхуре в 1973/74 — 1976/77 гг. Археоло-

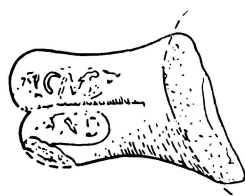

Рис. 2. Прорисовка клейма на ручке от амфоры

Рис. 1. Ручка от амфоры из раскопок Матхуры. Вид сбоку и сверху

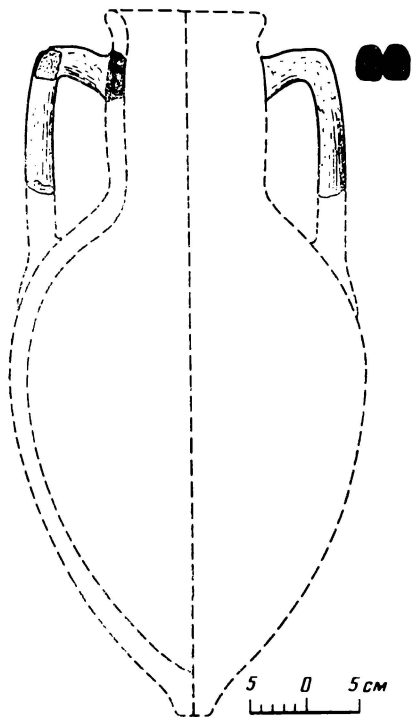

Рис. 3. Реконструкция амфоры

гической службой Индии¹, среди многих других интересных находок такого рода была обнаружена ручка амфоры с клеймом. Она заслуживает особого внимания, поскольку несомненно принадлежит западному миру. Ручка амфоры была обнаружена в древней свалке, относящейся, видимо, к IV, т. е. кушанскому периоду (I—III вв. н. э.), во время раскопок холма Амбарिश Тила, расположенного в северной части города Матхура.

Характерные черты рассматриваемого экземпляра следующие. Фрагмент ручки желтовато-коричневого цвета состоит из двух стволов, соединенных боковыми сторонами; размер каждого — 12 × 10 см. Глина несколько грубоватой выделки, с примесями песка, однако поверхность ручки отполирована или как-то иначе обработана. Важнейшей особенностью изучаемого экземпляра является отсиснутое на его верхней поверхности клеймо фабриканта. Оно состоит из двух оттисков, сделанных отдельно на каждом из стволов ручки. Буквы несколько смазаны (рис. 1—3).

¹ Joshi M. C. Mathura as an Ancient Settlement // Mathura — The Cultural Heritage / Ed. D. M. Srinivasan. New Delhi, 1988. P. 169 ff.

Э. Л. Уилл, специалист из Массачусетского университета, познакомившись с находкой, сочла данную ручку близкой к типу 12 по разработанной ею системе (аналогичен форме 3 по Дресселю и группе 3 по Панелла — Фано), который датируется I в. н. э.² В своем отчете она отметила, что данный тип амфор изготавливался в Кампании, вероятно в районе Помпей; по ее мнению, «тип 12 имитирует форму хорошо известных греческих коссских амфор. Такие амфоры служили в качестве тары для экспорта имитаций косского вина, упомянутых Катонем Старшим (De agricult. 112) и Плинием Старшим (NH. 14. 79), а также и других сортов вина, производившихся в районе Помпей — Сорренто». Далее в своем отчете она отмечает: «Хотя несколько экземпляров того же клейма были найдены в разных поселениях (Помпеи, Остия, Карфаген, Александрия и два поселения в Швейцарии), чтение букв, всегда оттиснутых небрежно, остается неясным. Экземпляр из Матхуры показывает (и это вторая причина его важности), что первая буква клейма — М, что не могло быть установлено по известным ранее экземплярам. Все клеймо может быть прочитано M. CANSTR (первая часть) и SVR (вторая часть). Возможно, что первая часть читалась M. CAVSTR. Первая часть клейма почти наверняка содержит аббревиатуру типичного римского имени: praenomen M. (Marcus), nomen, начинающийся на CAN или CAV, и cognomen, начинающийся на STR. Хотя ни один из известных помпейцев не носил имени, которое значится на клейме, однако в Помпеях известны имена Cantrius, Canius и Candinus³. Род Кантриев был выдающимся — некий M. Cantrius Marcellus обозначен как „duovir“ и „благодетель“ города в одной помпейской надписи (CIL, X. 857d). Человек, упомянутый на матхурском фрагменте, мог быть его родственником или вольноотпущенником. Надпись SVR на второй части клейма может быть именем раба-гончара или, возможно, указанием на vinum surrentinum. Окончательная интерпретация изучаемого клейма остается неясной, однако его широкая распространенность от Швейцарии до Индии показывает, что оно было маркой некоего крупного торгового дома. Это клеймо должно быть прибавлено ко все возрастающему числу данных, свидетельствующих о том, что Индия вовсе не была просто экспортером предметов роскоши на римский Запад, но также и ввозила римские товары».

Кроме Матхуры подпадающие датировке фрагменты амфор были обнаружены еще в ряде индийских поселений, в том числе в Арикамеду⁴ (Пондишери), Канчипураме⁵ (Тамиланд), Колхапуре⁶ (Махараштра), Невасе⁷ (Махараштра), Тере (Махараштра), Джуннаре⁸ (Махараштра), Дварке⁹ (Гуджарат), Девнимори¹⁰ (Гуджарат), Нагаре (Гуджарат), Уджайне (Мадхья-Прадеш) и Таксиле¹¹ (Пакистан). Кроме того, о популярности импортного вина в древней Южной Индии свидетельствуют многочисленные находки фрагментов амфор также в Канчипуре и Арикамеде. Амфорные фрагменты, найденные в Индии, принадлежат слоям II в. н. э., однако, видимо, фрагмент

² Мы благодарны Э. Л. Уилл, которая осмотрела и проанализировала публикуемую ручку из раскопок Матхуры, а также представила нам технический отчет, сделав ряд важных замечаний. Благодарим также нашего сотрудника г-на Дж. Н. Ганди и г-на Раджбира Сингха из Археологической службы Индии за помощь в подготовке иллюстраций к предлагаемой публикации.

³ *Castren P. Ordo populisque Pompeianus. Rome, 1975. № 97, 98, 108.*

⁴ *Wheeler R. E. M., Ghosh A., Krishna Deva. Arikamedu: An Indo-Roman Trading Station on the East Coast of India // Ancient India. Bulletin of the Archaeological Survey of India. 1946. № 2. P. 17 ff.*

⁵ *Indian Archaeology. 1962—1963. A Review. New Delhi, 1963. P. 12.*

⁶ *Sankalia H. D., Dikshit M. G. Excavations at Brahmapuri (Kolhapur). Poona, 1945—1946.*

⁷ *Sankalia H. D. and others. From History to Prehistory at Nevasa (1954—1956). Poona, 1960. P. 280 f.*

⁸ *Indian Archaeology. 1957—1958. A Review. New Delhi, 1958. P. 67.*

⁹ *Ansari Z. D., Mate M. S. Excavations at Dwarka (1963). Poona, 1966.*

¹⁰ *Mehta R. N., Chowdhary S. N. Excavations at Devnimori. Baroda, 1966. P. 77.*

¹¹ *Marshall J. Taxila. V. II. Cambr., 1951. P. 406—408; v. III. Pl. 121, 15.*

из буддийского поселения Девнимори должен датироваться несколько более поздним временем. Эти амфоры, согласно Дж. Маршаллу¹², первоначально использовались римскими торговцами для транспортировки и хранения масла и вина. Однако химические анализы¹³ нескольких амфорных фрагментов свидетельствуют о большей вероятности того, что и они использовались как тара именно для вина. Эти анализы обнаружили присутствие на внутренней поверхности черепков смолистого вещества, применявшегося, возможно, для снижения пористости сосуда. Однако по мнению одного из авторов анализов, д-ра К. Т. М. Хеджа, эти смолы, вероятно, являются остатками винного осадка.

Тамильская литература¹⁴ также содержит сведения об импорте вина в Индию из западных стран. Термин *kusula*, который применяется в классической санскритской литературе для обозначения керамического сосуда с конической, видимо, ножкой, похожей на человеческую ногу, мог употребляться для обозначения амфоры¹⁵. Указанные положения подкрепляются также свидетельствами «Перипла Эритрейского моря»¹⁶, в котором говорится, что вино было одной из основных статей ввоза в Баригаду (Бхаруч) из Аполлага и Оммана в Персидском заливе — портов, контролировавшихся Парфией. Здесь также сообщается, что корабли плыли вдоль низменного побережья Скифии, через которое река Сият (Инд) впадает в Эритрейское море. «Перипл» упоминает также многочисленные портовые города как на западном, так и на восточном побережье Индии, а кроме того — находящиеся внутри материка торговые пункты, подобные Таксиле, Харсадде и Уджайну (36—64). Особый интерес представляет сообщение «Перипла» (49) о ввозе италийского, а также лаодикийского и арабского вина на рынок Баригады.

Птолемей, Страбон и Плиний подробно описали центральноазиатский путь, связывавший Бактрию с Индией. Согласно сообщениям этих античных авторов, чтобы достичь Индии, требовалось пересечь хребет Гиндукуш. Обычный путь лежал через перевал Унаи до Кабула, а затем на юго-восток, через Хайберский проход в Пешавар. От Кабула до территории Индии можно было добраться через Гандхару, т. е. Пенджаб, Матхуру и далее на восток до Паталипутры. Основной путь разветвлялся в Матхуре, соединяя ее с Уджайном (Удджайни). Восточная дорога в конце концов приводила в Тамралипти (совр. Тамлук), древний порт в Западной Бенгалии. Район Гандхары был связан дорогой, идущей вдоль берега Инда, с областями нижнего Инда. Сухопутный путь соединял их, в свою очередь, с Матхурой через Северный Раджастхан, а другой — с Баригадой (Бхригукачча), т. е. совр. Бхаручем в Гуджарате.

Матхура, таким образом, была перекрестком всех главных дорог внутренних областей Индии кушанской эпохи. Поэтому мы предполагаем, что амфора, которой принадлежала изучаемая ручка, попала в Матхуру, скорее всего, через порт Баригада в Гуджарате, куда она, возможно, была доставлена римским кораблем непосредственно из средиземноморского мира. Трудно сказать, однако, когда точно — в I в. н. э. или позже — амфора с содержащимся в ней вином попала в Матхуру, но ясно, что не ранее II в. н. э. она была выброшена, после того как ею перестали пользоваться.

Римская керамика с клеймами, на которых значились имена гончаров и их родов, была найдена при раскопках Арикамеда¹⁷, однако эти клейма располагались либо внутри сосудов, либо на донце, с наружной стороны. То, что клейма на ручке амфоры

¹² Ibid. P. 406.

¹³ Mehta, Chowdhary. Op. cit. P. 77; Wheeler etc. Op. cit. P. 45.

¹⁴ Pillai K. The Tamils Eighteen Hundred Years Ago. Madras. P. 12, 37; Srinavas Iyengar P. T. History of the Tamils from the earliest times to 600. A. D. Madras, 1929.

¹⁵ Chaturbhani / Ed., transl. into Hindi Moti Chandra. Bombay, 1949. P. 211.

¹⁶ The Periplus of the Erythraean Sea / Ed., transl. in English G. W. B Huntingford. L., 1980. P. 41 f., 47 f., 51.

¹⁷ Wheeler etc. Op. cit. P. 39 f.

из Матхуры расположены на видном месте, свидетельствует о коммерческом назначении глиняной тары, содержимое и изготовитель которой, производящий стандартный тип амфор для каждого сорта вина, должны были быть известны. Таким образом, во время перевозки было возможно легко определить разные виды амфор.

М. К. Джоши, А. К. Синха

© 1990 г.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕЛЬТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Влияние литературной традиции во Франции было издавна настолько значительным, что большинство работ по истории Галлии строилось в основном на трудах греческих и латинских классиков, а не на материалах археологии. Около двадцати лет назад положение начало решительно изменяться в связи с разработкой методики раскопок и обращением археологов к изучению палеоэкологии. Ростом числа охранных раскопок, которые влекут за собой вскрытие больших площадей, и развитием аэрофото съемки, выявляющей неизвестные доныне строения, объясняется все возрастающее количество новых открытий кельтских поселений и святилищ. Французы наконец-то стали больше интересоваться своими далекими предками — конечно еще и потому, что противопоставление цивилизации и варварства больше не является неременной чертой их мышления.

Не претендуя на полноту в этом кратком обзоре, мы хотели бы обратиться к областям, где продвижение вперед было в последнее время наиболее заметным, — изучению окружающей среды и хозяйства, характеристике жилища и его устройства, исследованиям религии и мест культа. Изучение керамики, металлообработки, монет и кельтского искусства активно продолжается сегодня по направлениям, проложенным поколениями ученых.

Экономика и окружающая среда. Используя опыт изучения палеолита, несколько молодых ученых разработали методику анализа различных органических остатков — пыльцы, семян, дерева, костей. Дендрохронология позволяет сегодня датировать археологические слои восточных районов Франции, и нет сомнения, что в ближайшие годы она сделает возможным построение типологии вещей, датирующих развитие среднего и позднего латена.

Анализ органических остатков не ставит себе в данном случае целью ни определить время появления тех или иных растений, ни оценить степень доместикации. Дело в том, что при исследованиях этой эпохи нам приходится иметь дело со средой обитания, очень похожей на нашу собственную и подвергшуюся многоплановому воздействию человека, ибо известно, что галлы были оседлыми земледельцами, интенсивно использовали вполне освоенную ими территорию. Таким образом, задачей исследования становится скорее определение пропорций использования естественных ресурсов земли и их комбинаций, выявление специфики эволюции хозяйства и его региональных вариантов. Так, П. Маринваль, исследуя семена, подчеркивает разнообразие зерновых в железном веке, когда рожь, овес и пшеница были распространены шире, чем в более раннее время¹. Виноград и оливки начинают возделывать на юге, однако исследованных образцов сейчас еще слишком мало для характеристики сельскохозяйственных ре-

¹ *Marinval P. Approche de l'alimentation végétale en France du Néolithique au Second âge du Fer (Mémoire de diplôme de l'EHSS, dactyl.)*. P., 1983.

гионов страны. Зато косвенным образом можно сделать вывод о росте производительности труда — по текстам, упоминающим экспорт пшеницы, а также по быстрому и повсеместному распространению вращающихся жерновов, которые во II в. до н. э. полностью заменили архаические плоские мельницы.

Исследование скотоводства недавно было предпринято П. Меньелем². В изучаемую эпоху основу стада составлял крупный рогатый скот, овцы, бараны, свиньи, зафиксировано и употребление в пищу лошадей и собак, а также разнообразной домашней птицы, почти не оставляющей археологических следов. Немногочисленны и находки останков диких животных в жилищах, и хотя охота, как известно по другим данным, не выходит из употребления, повседневный рацион людей того времени мало от нее зависел. Точные измерения, осуществленные на значительном числе образцов, позволяют сделать вывод о рациональном содержании стад. Так, изучение графиков данных о сроках убоя телят для употребления их мяса в пищу говорит о том, что они забивались в конце периода роста, в то же время сохранялось некоторое количество волов и коров (для получения молока и в качестве тягловой силы), а также один-два быка на стадо для воспроизводства поголовья. В зависимости от места находок мы можем выделить ориентацию хозяйства на производство мяса, молока, шерсти и т. д. Свиноводство приобретает в латенскую эпоху все большее значение, но баранина все еще остается основой мясного рациона на юге страны. Здесь уже можно предполагать региональные различия, но количество данных сейчас еще недостаточно для составления общей карты. Насколько мы знаем, стремление улучшить породу скота не увлекало галлов: рост в холке у большинства видов домашних животных постоянно уменьшался с эпохи неолита и вплоть до конца латенского времени. Лишь в галло-римский период наблюдается противоположная тенденция.

Жилище. Привычное представление о галльской хижине, унаследованное от литературной традиции, сегодня опровергается археологией. Тщательные раскопки позволяют обнаруживать разнообразные и добротные жилища, даже если следы их не так внушительны, как остатки каменных построек. Дерево в сочетании с соломой и глиной служит в галльское время основным строительным материалом. Камень используется только в тех случаях, когда он доступен и легко поддается обработке, как, например, на известняковых склонах Бургундии или в Бретани. Дуб, бук и хвойные породы употребляются для опор и несущих конструкций. Мягкие породы дерева — для перегородок. Крепление деталей с помощью шипов, пазов и «в лапу» широко распространено, гвозди же входят в употребление лишь накануне римского завоевания.

Дома утапливались в грунт на значительную глубину для сохранения тепла, а также для укрепления несущих конструкций — галлы умели добиваться этого только глубоко вкапывая опоры в землю. Низкие стены жилищ были защищены сильно выступающей кровлей, крутые скаты которой облегчали сток воды по соломе. Полы внутри помещений, глинобитные или из толченого камня, были тщательно сделаны и постоянно поддерживались в порядке. В местностях, богатых хвойными породами деревьев, стены делались из горизонтально положенных стволов, связанных по углам в перекрест. Если же камень был легко доступен, галлы сооружали толстые облицованные стены из блоков, положенных посуху или на глине. Чаще всего стены бывали просто перегородками между вкопанными столбами, которые поддерживали кровлю. В таком случае основа из сплетенных ветвей обмазывалась толстым слоем смеси глины, песка, соломы и шерсти животных. Нередко она окрашивалась снаружи светлой краской.

Крыши в большинстве своем были двускатными, однако нередко закруглялись над торцами дома. В железном веке крыши нередко поддерживались центральным рядом опор, несущих тяжелый конек. Стропила, обычно из тонких стволов молодых деревьев, расположенных верхушкой вниз, крепились к коньку своего рода вилками, уходясь своим нижним концом в боковые венцы стен. Без сомнения, с конца эпохи брон-

² Méniel P. Chasse et élevage chez les Gaulois. P., 1987.

зы появляется и более совершенная конструкция, без столбов по центру и конька. Стропила из стволов, обращенных верхушками кверху, скреплялись по два на уровне конька. Поперечными балками связывали боковые венцы, чтобы верх стены не отходил в сторону под давлением кровли. Эта деталь (стропила — балка) придавала упругость всей конструкции, задавала ей ритм и позволяла удлинять по желанию жилище.

Галльские жилища во Франции всегда были квадратными или прямоугольными в плане, даже если использовавшиеся строительные материалы и четырехскатная кровля придавали им внешне округлую форму. Только в Бретани в последние годы удалось открыть круглые основания домов. Они вписываются в традицию Британских островов и атлантического побережья Испании.

Жилое пространство домов колебалось от 30 до 60 м², иными словами, было достаточно для размещения одной не слишком большой семьи. Более обширные постройки встречаются лишь в виде исключения. Археологические данные почти не позволяют судить о внутреннем устройстве домов. Все попытки реконструировать их облик могут быть основаны лишь на разрозненных деталях, почерпнутых из текстов и материальных памятников в самых разных областях Европы.

Вся ремесленная и сельскохозяйственная деятельность осуществлялась в ту эпоху уже вне дома в специальных помещениях, обычно располагавшихся вокруг. Тексты, многократно подтвержденные раскопками, описывают ткацкие мастерские, наполовину утопленные в землю. Чаще всего они бывали квадратными в плане, а их низкая четырехскатная кровля покрывалась компостом, который позволял поддерживать внутри влажность и температуру, необходимые для работы. Всякого рода пристройки и навесы, следы которых накладываются друг на друга, служили для работ по дереву, кости, глине и для плетения. Амбары, напротив, хорошо различимы по следам массивных и тесно поставленных столбов, расположенных в три ряда по три в каждом. На этих опорах, каждая из которых прикрывалась плоским камнем для защиты от грызунов, покоилась конструкция из тесаного дерева с двускатной кровлей. Зерно помещали также в подземные хранилища, проще говоря, ямы характерной цилиндрической или конической формы с максимально суженным входным отверстием. В таких хранилищах, заполненных доверху и закупоренных герметично пробкой из глины и соломы, зерно могло храниться в течение многих лет. В одной только Шампани известны десятки подобных хранилищ. Источники, колодцы и цистерны обеспечивали потребности населения в воде. Таким образом, само жилище, а также амбары, погребца, ямы и колодцы составляли компактно расположенный комплекс галльской фермы. Современный уровень наших знаний не позволяет говорить о местных особенностях в отделке и украшении жилищ, о чем наверняка свидетельствует разнообразие планов их оснований.

Иерархия поселений. В «Записках о Галльской войне» Юлий Цезарь описывает различные типы поселений — отдельно расположенные фермы, деревни и укрепленные поселения (*oppida*). Такая структура расселения и сегодня характерна для многих областей Европы с умеренным климатом, но сформировалась она лишь в последние века до нашей эры. Аэроразведка позволила за последние полвека выявить отдельные галльские фермы, а широкомасштабные разведки с последующим вскрытием больших площадей дали возможность изучить несколько деревень, датируемых II—I вв. до н. э. И наконец, возобновление раскопок *oppida*, известных с XIX в., способствовало уточнению стратиграфии и разработке хронологии, предлагаемой нами.

Фермы, расположенные группой, засвидетельствованы начиная с эпохи бронзы. К объединению их подталкивали, в частности, и соображения безопасности, однако говорить о деревнях в собственном смысле слова можно только тогда, когда развитие ремесленной и торговой деятельности преобладает и занятия жителей. В противоположность тому, что думали исследователи еще десять лет назад, основные экономические изменения конца железного века происходили не в *oppida*, а в неукрепленных поселениях на равнине, появление которых датируется полувеком раньше.

Вот лишь несколько примеров во Франции: Ольна (деп. Пюи-де-Дом), Аллед (деп. Мэн и Луара), Левру (деп. Эндр). Ремесленное производство в этих деревнях становится специализированным — раскопки открывают мастерские по производству и обработке железа, кости, бронзы с набором разнообразных орудий труда, но главное — резко возрастает объем производства. Значительного размаха достигает и средиземноморский импорт, прежде всего амфор для вина. И наконец, начало местной монетной чеканки свидетельствует о развитии экономики, широко открытой внешнему миру.

Oppida представляют собой новые, возведенные на возвышенностях поселения, переиначившие функции этих больших деревень. Стоит ли за этим стремление сохранить традиции предков, получить защиту богов или страх нападения? Возможно, и сами галлы не вполне точно знали, что побудило их сделать такой выбор. Защищенные самой природой (холмами, отрогами, мысами и излучинами рек) oppida дополнительно укреплялись валами в наиболее уязвимых точках. В эпоху позднего латена дело идет к тому, что искусственными укреплениями обносят и все поселение. В то же время oppida приобретают нередко гигантские размеры. Порой их площадь в десять раз больше, чем у поселений предшествующего времени. Иногда они перестают испытывать потребность в использовании оборонительных преимуществ рельефа местности.

Укрепления, предстающие сегодня в виде невысокого земляного вала, сооружались с большой тщательностью, а их обращенная к неприятелю сторона возвышалась обычно на четыре метра. Этот внешний фас подпирался прочным остоном из дерева, покрытым камнями или толстым слоем земли. Цезарь был поражен укреплениями Аварика — Буржа, которые он подробно описал (В. G. VII.23), забыв, однако, упомянуть длинные железные штыри, десятки которых найдены при исследовании примерно 45 известных сегодня «галльских стен». Использование тонн железа без всякой технической необходимости и сам гигантизм, характерный для оборонительных сооружений позднего латена, подчеркивают ту культурную роль, которую играли эти укрепления в то самое время, когда осадная техника римлян сделала их устаревшими в военном отношении. Эти укрепления служили скорее монументальной оправой города, чем действительной защитой, которую обеспечивали скорее крутые насыпи со рвами, следы которых находят поверх разрушенных «галльских стен».

То, что совершенно справедливо называют «цивилизацией oppida», стало внезапно развиваться с конца II в. до н. э. Эти поселения возникают на важнейших торговых путях того времени, какими были, в частности, крупные реки. Так, нам известны целые цепочки таких укреплений вдоль течения Сены, Ло, Эны. В некоторых областях возникал огромный центральный oppidum, и прежние укрепления на возвышенности по мере возможности перестраивались на новый лад (к примеру в Лимузене). В других — oppida развивались из десятка существовавших прежде деревень, которые обладали рядом признаков городов (в Берри, Пикардии). Почти всегда на месте современных центров провинций некогда находился oppidum, располагавшийся, однако, не точно на месте позднейшего римского города, а на ближайшей от него возвышенности.

В последние годы в долине Эны проводились исследования поселений типа oppida. Вскрытие больших площадей в Вильнев-Сен-Жермен, в Конде-сюр-Эн обнаружило сеть улиц, расположенных нерегулярно, но четко ограниченных заборами или рвами (иногда перекрытыми). Почти перпендикулярные пересечения основных улиц были новым явлением в мире доисторических культур. В образуемых ими кварталах располагались или мастерские с лавками вдоль улиц, или замкнутые группы построек, включавшие жилой дом, хранилища и подсобные помещения, подобно отдельно расположенным сельским фермам Галлии. Археологам удалось выявить производственные и жилые зоны oppida, однако проблема специализации кварталов в целом остается еще дискуссионной. Трудность представляет пока и выделение зон культового и общественного назначения. Хотя различные признаки с очевидностью указывают на их существование, «засечь» соответствующие постройки, соорудившиеся из легких материалов

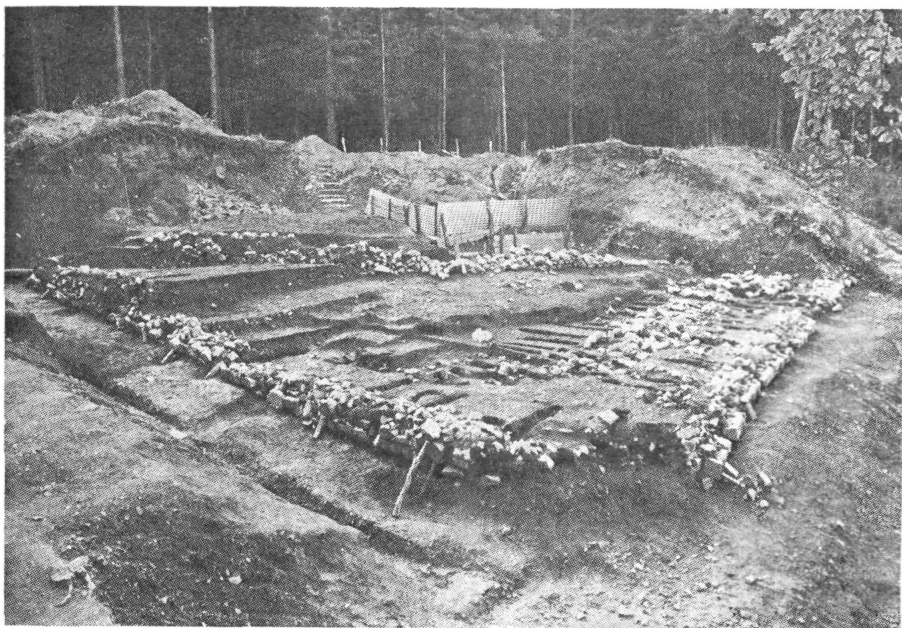

Рис. 1. Бибракта. Порт дю Ребу. В северном углу ворот (на снимке справа) основание «галльской стены». Слева дорога, ведущая на поселение

и не имевшие утвари, сложно. Покинутые в большинстве своем в последние десятилетия I в. до н. э., всего лишь через столетие после своего возникновения, oppida возрождаются как галло-римские города, одевшись в камень и переместившись в ближайшую долину.

Раскопки Мон-Беврэ. «Бибракта» Цезаря, oppidum Мон-Беврэ, отождествленный в 1868 г. со столицей племени эдуев, является классическим кельтским поселением I в. до н. э. За тридцать лет раскопок Ж. Бюллио и его племяннику Ж. Дешелетту удалось выявить здесь главную линию укреплений, «галльскую стену», исследовать богатые, уже романизованные жилища, мастерские ремесленников, святилище и «форум». Возобновленные в 1984 г. раскопки ставили перед собой двоякую цель: исследование феномена урбанизации и уточнение хронологии этого хрестоматийного поселения. Мон-Беврэ было заселено по крайней мере три четверти века. Необходимо, таким образом, постараться выделить фазы изменений в материальной культуре и сделать выводы для тех поселений, датировка которых привязана к Мон-Беврэ. Это было бы полезно и для изучения самого поселения: хотя Бюллио и определил жилые и производственные кварталы, общественную, культурную и торговую зону, мы еще не знаем, застраивались ли они одновременно, происходило ли это до или после римского завоевания.

Археологические службы Франции объединили свои усилия для разработки долгосрочной программы исследования этого поселения³. Работы ведутся на трех главных

³ Недалеко от раскопок была построена база экспедиции. Там расположены небольшой административный центр, рабочие помещения обслуживающего персонала и служебные, включающие фотолабораторию, группу информатики, чертежные и реставрационные мастерские, а также склад для хранения находок. Все работы контролирует и координирует международный научный совет. Семь экспедиций из европейских стран (Великобритании, Бельгии, Испании, Венгрии, Германии, Италии и Швейцарии) работают здесь в тесном сотрудничестве с французскими исследователями из Национального центра научных исследований, университета, музеев и Министерства культуры.

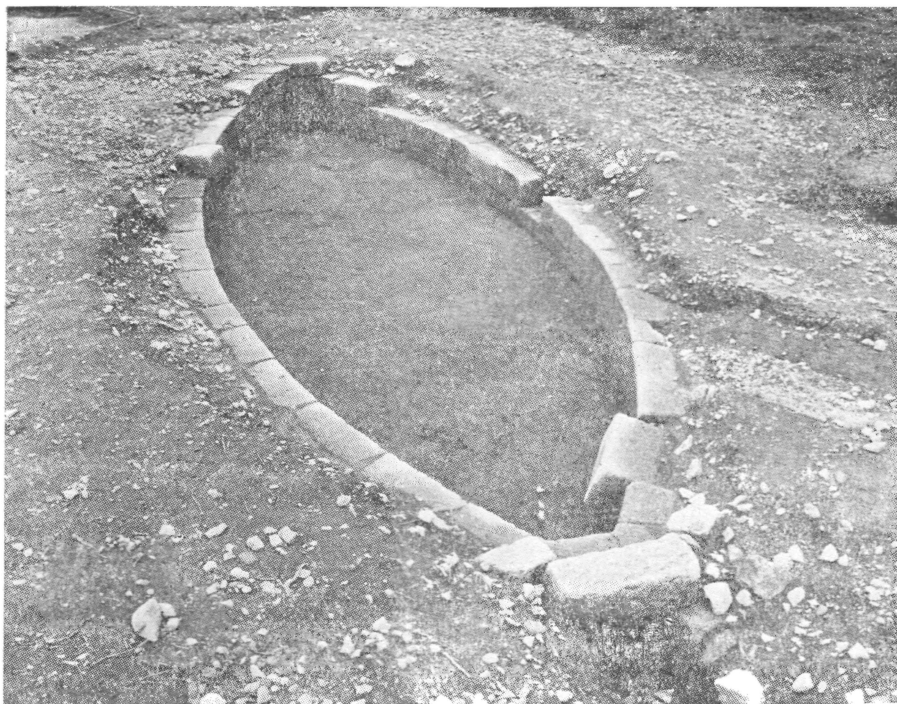

Рис. 2. Бибракта. Ла Каньот. Каменный бассейн

раскопах — Терраса (культовая зона), Ла Каньот (жилище), ворота Порт дю Ребу. Эти монументальные ворота шириной 19 м представляют собой два изгиба «галльской стены», образующих коридор длиной 40 м (рис. 1). Они вдвое шире всех известных ворот *oppida* Европы. Здесь выделено пять строительных периодов, включая три типа сменявших друг друга укреплений. Ниже всего — глубокий ров с частоколом, раскопки которого еще не завершены, над ним — знаменитая «галльская стена» — конструкция из земли, камней и брусьев, скрепленных железными гвоздями. Развалившаяся «галльская стена» была перекрыта массивной земляной насыпью, увенчанной камнями. Все эти сооружения сменяли друг друга до рубежа нашей эры, а частокол может датироваться II или началом I в. до н. э.

В районе Ла Каньот, почти в самом центре поселения, широкомасштабные исследования направлены на выявление связей между производственными и жилыми кварталами в зоне, не затронутой более ранними раскопками. Наиболее поразительным на настоящий момент открытием стал выполненный в средиземноморской технике каменный бассейн овальной формы, совершенно не типичной ни для классического, ни для кельтского мира (рис. 2). Трудно было предвидеть существование монументального каменного убранства такого рода в *oppidum*, расположенном так далеко на севере, уже в эпоху Августа.

И наконец, исследования культовых сооружений доказывают непрерывность религиозного культа на этой возвышенности в средние века и новое время. Следы собственно кельтских культовых построек трудно различимы. Может быть, Терраса — пустое пространство площадью в 1 гектар с насыпью и четырьмя рвами вокруг — это и есть святилище? Проясните этот вопрос позволяя сравнительные данные.

Святилища. Археологические исследования латенской эпохи во Франции в последние пятнадцать лет отмечены также открытиями и раскопками святилищ. Если от-

влечся от туманных и противоречивых сообщений литературных источников, святилища кельтов были до этого времени плохо известны. Открытия новых памятников были сделаны сперва на севере Франции, в Пикардии, где раскопано с десяток таких ансамблей. Однако теперь такие святилища находят почти на всей территории Франции вплоть до Германии.

Два объекта привлекают особенное внимание. Это Гурнэ-сюр-Аронд (деп. Уаза), где святилище было раскопано полностью, и Рибемон-сюр-Анкр (деп. Сомма), где на территории комплекса очень больших размеров были сделаны исключительно интересные находки (главным образом, человеческих костей). Оба эти памятника достойны упоминания, так как в них воплощены основные признаки кельтского святилища. Место культа в Гурнэ представляло собой прежде всего огороженное пространство. Этот постоянный признак встречается и во всех остальных случаях. В Гурнэ прямоугольный участок со сторонами 37 и 45 м был окружен ровом и невысоким земляным валом. Вход находился посреди восточной стороны, там, где прерывалась линия рва. Сам ров глубиной до двух метров составляет главную часть памятника, сохранившуюся лучше всего и давшую наибольшее количество материала. Когда святилище функционировало, он исполнял роль *lavissae*, окружавших греческие и латинские храмы. Именно туда складывали приношения и остатки жертвоприношений. Таким образом, находки из рва непосредственно свидетельствуют о разворачивавшихся там некогда обрядах. Но к этому мы еще вернемся.

Как и большинство мест культа, святилище в Гурнэ имело долгую историю, запечатленную в многочисленных архитектурных новациях. Сооружено оно было в первой половине III в. до н. э. мигрировавшим кельтским населением (без сомнения, одним из племен белгов). Однако и прежде здесь, должно быть, существовало святилище местного населения, некоторые следы которого обнаружены. Пришельцы, таким образом, относительно мирно смешались с предшествующим населением, однако ввели новую форму культа, до той поры не проследивавшуюся в этих краях. Святилище было построено целиком из земли и дерева. Ров был укреплен для защиты от непогоды. Снаружи его окружал частокол, который на уровне входа образовывал внушительные ворота. Вначале там не было никакого храма, а лишь девять ям, располагавшихся вокруг самой большой, центральной. Скорее всего, именно там разворачивались жертвоприношения. Позже, очевидно, для совершения обрядов в любую погоду над центральной ямой было возведено строение. Речь шла скорее о круглом в плане укрытии, чем о подлинном храме, понимаемом как жилище божества. В конце II или в начале I в. до н. э. этот храм был перестроен и сделался квадратным в плане с ориентацией, как и прежде, на вход, т. е. на восток.

Это святилище имело явно военный характер, на что указывает находка во рву двух тысяч единиц оружия. Кропотливые раскопки и реставрация позволяют понять их культовое назначение. Это военные трофеи, взятые у дальних врагов: некоторые пожны мечей ornamentированы подобно найденным в Венгрии и Югославии экземплярам. Это побывавшее в сражениях оружие отбиралось с учетом его эстетических достоинств (доля изукрашенных ножен исключительно велика). Они были подвешены вдоль рва в точности так же, как греческие или римские трофеи. Как и в последних случаях, существовал культовый запрет прикасаться к ним, и в частности ремонтировать. Таким образом, трофеи оставались в одном и том же состоянии десятки лет, пока дерево не гнивало и ржавчина не съедала металл. Куски оружия, упавшие на землю, тщательно разламывались, а потом сбрасывались в ров. Это напоминает то, как в ту же эпоху разбивалось оружие, найденное затем в погребениях с трупосожжением.

На военный характер святилища накладывался и хтонический, что вполне обычно и для римской архаической религии, с которой кельтская имеет немало общего. Остатки четырех десятков быков были также извлечены из рва. Osteологические и археологические исследования позволяют заключить, что после того как они были умерщвлены

ны различными способами (топором, ножом, дубиной) их не употребляли в пищу, а оставляли гнить в центральной яме в течение долгих месяцев и лишь потом убирали оттуда. Так же, возможно, поступали и с лошадьми. Напротив, свиньи и овцы, особенно молодые, очевидно, были изысканным блюдом культовых пиршеств.

Подобные обряды совершались в Гурнэ около двух веков. Незадолго до Галльской войны оно было преднамеренно уничтожено и тщательно сровнено с землей. Возможно, это произошло в связи с перепланировкой поселения, хотя не исключено и то, что здесь сыграли роль и первые волнения племен перед римским завоеванием. Сразу же после его завершения в 40-х годах до н. э. святилище было восстановлено на том же самом месте. Новый храм представляет особенный интерес: сохранив форму предшествующего, он имел еще и легкую круговую галерею, что наводит на мысль о существовании (возможно, с древности) обряда, связанного с обходом храма. Этот новый храм, разрушенный в 20-х годах до н. э., может рассматриваться как прототип галло-римского *fanum*. Он показывает, что *fanum* был лишь каменным воспроизведением галльских храмов.

Столь же парадоксальна и судьба этого святилища в галло-римское время. Никакого нового культового здания здесь не строили до середины IV в. н. э., когда на месте галльского храма был возведен *fanum*. Каким бы образом ни передавалась все это время память о священном характере этого места, поражает ее длительность и устойчивость. Использование в галло-римскую эпоху кельтских культовых мест оказывается настолько обычным, что археологи стали применять эту закономерность при поиске доримских святилищ, обнаруживаемых прежде с таким трудом. Сравнительно легко, особенно при помощи аэрофотосъемки, выявить галло-римский *fanum* — и тогда остается только проверить наличие на этом же месте следов латенского времени.

Среди остатков жертвоприношений, открытых во рву Гурнэ, фигурируют около шестидесяти разрозненных человеческих костей. Они принадлежали по крайней мере одиннадцати людям. Некоторые длинные кости сохранили следы ударов мечом. Однако этих свидетельств недостаточно, чтобы — как это, к сожалению, подчас слишком легко делается — говорить о человеческих жертвоприношениях у галлов.

Находки в святилище Рибемон-сюр-Анкр, о которых мы хотели бы рассказать, показывают, насколько сложна проблема человеческих останков в святилищах. Здесь мы снова имеем дело с пространством, окруженным рвом. Гораздо большего размера, чем в Гурнэ, это святилище исследовано еще далеко не полностью, хотя уже сегодня можно утверждать, что это самый значительный культовый комплекс в Пикардии. По многим признакам он сходен со святилищем в Гурнэ. И здесь мы видим большую важность оружия, датируемого тем же периодом. Отличает комплекс в Рибемоне огромное количество найденных там человеческих останков (более пяти тысяч костяков на сегодняшний день). Их значение, как и важность самого памятника, состоит еще и в сохранности находок. В то время как в Гурнэ костные останки и оружие сохранились плохо, в Рибемоне они были найдены, так сказать, в «первичном» или «вторичном» состоянии, иными словами, в той же позиции, в какой они использовались и во времена функционирования святилища. Конечно же, и данные, которые можно почерпнуть здесь для изучения ритуала, имеют качественно иное значение.

В целом костные останки могут быть разделены на три группы. Первую, за неимением другого термина, можно назвать оссуарием. Во внутреннем углу святилища, под прикрытием земляной насыпи, было найдено два таких оссуария, причем один был поврежден траншеей времен Первой мировой войны. Другой, изученный лучше, представляет собой наполовину обвалившееся сооружение. Первоначально это была небольшая квадратная в плане (со сторонами менее двух метров) постройка высотой около метра. Она была заполнена исключительно длинными человеческими костями, среди которых встретилось несколько лошадиных. Все они были уложены перекрывающими друг друга слоями, по типу устройства «галльской стены». Все это было похоже на своего рода коробку, наполненную остатками трупосожжений, сложенными поверх

ямы, напоминающей углубление от столба. Она была глубиной примерно в метр и сама заполнена обожженными костями. Вокруг были найдены предметы латенского вооружения. Всего там было найдено более двух тысяч костей, принадлежащих примерно пятистам индивидам.

В нескольких метрах оттуда, на насыпи вдоль рва, исследователи натолкнулись на человеческие кости, расположенные иначе. Анатомическое соединение костяков здесь частично сохранилось. Были найдены части скелетов, соответствовавшие половинам рассеченных трупов, иногда отдельным членам. Одна из половин скелета лежала вместе со своим мечом.

Не менее интересен третий тип находок. С внешней стороны рва на протяжении десяти метров в длину удалось проследить большое нагромождение костей. Там покоились сотни более или менее расчлененных костных останков, как будто они были там брошены истлевать. Иногда среди них встречалась грудная клетка или сочлененные конечности. Не могло ли это быть своего рода складом, откуда предварительно были изъяты кости, необходимые для оссуариев?

Антропологические исследования костей уже ведутся, но они займут немало времени, ибо к антропометрическим проблемам прибавляются вопросы, связанные с археологическим контекстом, травматологией и сохранностью костей. Однако уже первые результаты позволяют сузить круг гипотез. Так, отпало предположение о некрополе, возможно даже «героическом». Почти все кости принадлежат взрослым индивидам в возрасте от 15 до 40 лет, среди которых около 40% женщины. Постоянно встречается обезглавливание, к которому, возможно, подвергались уже трупы. Вообще же все тела были расчленены сильными ударами меча или ножа. Речь идет скорее всего о телах врагов, с которыми поступали почти так же как и с их оружием, однако ничто не доказывает, что имели место человеческие жертвоприношения. Заслуживает рассмотрения предположение о телах врагов, подобранных на поле битвы, во всяком случае пока не появились новые результаты антропологических исследований.

Святынище в Рибемоне, где обилие человеческих костных останков кажется несколько мрачным, не было в этом смысле исключением. Хотя и в меньшем количестве, четыре других памятника тоже дали подобные находки человеческих костей. Можно констатировать, что пикардийская Белгика исключительно богата особым рода святынищами, которые отмечены богатством оружия и нередко костными останками людей ⁴. Расширение масштаба раскопок и разведок в этом районе позволяет изучать связи между этими священными местами и племенными территориями, пытаться установить, существует ли особая священная география, которая дублирует или играет роль географии политической. Можно утверждать, что с III в. до н. э. эти святынища были связаны с формированием территорий галльских племен, возможно, определяя их границы, в то время как oppida не играли еще никакой роли. Совершенно очевидно, что, явившись в эти края, племена белгов приняли за сакральное освоение территории. В некоторых случаях, представляется, сами oppida возникли вокруг подобных сакральных центров. И наконец, эти работы позволяют лучше понять, как происходил в этом районе процесс романизации. Можно думать, что римляне опирались прежде всего на этот религиозный костяк, придавая его элементам новую окраску, немного видоизменяя их на свой манер, но по существу оставляя в неприкосновенности.

Обе эти черты (связь с духовным миром и принадлежность к обширной кельтской общности Европы) отчетливо заметны на примере еще одного важного открытия, о котором уместно сейчас сказать. Оно относится прежде всего к области искусства, но,

⁴ Исследования латенского времени на севере Франции имели практические последствия для организации археологических работ. Потребовалось создание двух лабораторий, необходимость которых быстро стала очевидной. Обе находятся в Компьене и занимаются одна реставрацией металлических изделий, а другая исследованием костных останков животных. Без лабораторных исследований было бы невозможно понять ритуал этих святынищ и выявить их связи с отдаленными районами кельтского мира.

Рис. 3. Кельтский шлем из Агри. Фото
Х. Гомеса

Рис. 4. Каменное изваяние из Левру
(деп. Эндр). Известняк. Фото CNRS

как мы увидим, затрагивает и многие из намеченных выше проблем. Речь идет об открытии шлема из Агри (рис. 3). Этот шлем, целиком покрытый золотыми пластинками, которые украшены богатым орнаментом, — один из замечательных шедевров кельтского искусства. Он был случайно найден в 1981 г. спелеологами, которые обследовали недавно открытый грот Перра в Агри (деп. Шаранта). Последовавшие за этим охранные раскопки позволили обнаружить существенную часть — тимбр и другие фрагменты, которые вместе с найденными спелеологами позволили почти целиком восстановить шлем. Правда, оказалось невозможным изучить изначальный контекст клада, ибо многочисленные детали шлема были растащены землеороющими животными. И все же исследование шлема, ставшее возможным благодаря реставрации, в сочетании с металлографическим анализом позволяет выдвинуть некоторые гипотезы, которые мы рассмотрим после описания находки.

Этот шлем, как и другие кельтские или итало-кельтские шлемы раннего латена, состоит из трех элементов: тимбра, парагнатид и гребня шлема, который редко сохраняется, но здесь представлен несколькими фрагментами. Это была, должно быть, сложная конструкция, крепившаяся не только к верхушке шлема, но и в восьми других точках по всей его высоте. Возможно, имелись и подвижные элементы, как на шлеме из Чиумести (Румыния). На сегодняшний день, пока реконструкция еще не завершена, наиболее интересным представляется тимбр: это яйцевидный корпус, сделанный из железа и покрытый рельефными бронзовыми полосами, к которым крепились золотые пластинки, покрывавшие всю поверхность. Вогнутые поверхности были украшены приклеенными кусочками коралла и серебряными заклепками с бронзовой позолоченной шляпкой. Композиция орнамента чрезвычайно сложна и достойна публикации отдельным томом, который сейчас готовится. Лучшее ее описание с некоторыми сокращениями мы заимствуем у Хосе Гомеса, которому и принадлежит это открытие.

«Орнамент представляет из себя следующее:

- верхняя часть: два регистра украшений из коралла, первый из которых при взгляде сверху образует розетку;
- третий регистр: перевернутые пальметки в окружении листьев на заштрихованном фоне, разделенном перегородками;
- четвертый регистр: ограничен двумя рядами полумесяцев, внутри цепочка S-образных элементов с промежутками в форме сердца, которые спереди заполнены расположенными крестообразно пальметками, а сзади — двумя рядами цветов лотоса в сложной композиции, напоминающей геральдический цветок лилии. Изображения трехлучевых звезд заполняют уголки между вершиной и основанием S-образных элементов;
- пятый регистр: крупные пальметки, в промежутках между которыми (в верхней части регистра) уголки заполнены растительным переплетением;
- затылочная часть украшена ветвевидным орнаментом, элементы которого расположены симметрично по отношению к перевернутой пальметке.

Стилистически это очень оригинальная система украшений, имеющая немного прямых параллелей. И в то же время набор ее компонентов типично кельтский, но относящийся к эпохе, когда такие шедевры ювелирного искусства остаются редкостью. Доминирующие мотивы принадлежат так называемому первому западному стилю, другие — переходному между ним и стилем Вальдальгесхайм, а некоторые и целиком последнему. Наконец, можно отметить и некоторые параллели с наиболее ранними памятниками стиля венгерских мечей. Очевидно, что создавший или только украсивший эту вещь мастер находился под разными и подчас очень удаленными влияниями, но смог в совершенстве их освоить (в отличие, к примеру, от мастера шлема из Амфревила — наиболее близкого соответствия шлему из Агри, возможно даже его подражания). В ожидании окончательной публикации шлема его можно датировать второй половиной IV в. до н. э.

Очевидное мастерство художника сочетается в этой вещи с еще более поразительным техническим искусством, которое открывается нам после анализа и реставрации. Мастер или мастера, которые работали над этим шлемом, прекрасно владели самыми изощренными техническими приемами той эпохи. Даже использованное ими золото было исключительно чистым (99%). Реставрация дала сведения, помогающие ответить на изначальный вопрос о причинах самого присутствия шлема в этом гроте. Исследование сохранившихся в окислах следов показало, что найденные отдельно фрагменты (парагнатиды, гребень) первоначально находились внутри шлема, а значит хрупкий предмет был осторожно разобран и составные части его тщательно уложены. Тот факт, что он просто лежал на земле, а не был спрятан в каком-нибудь естественном углублении или нише, наводит на мысль о том, что мы имеем дело с культовым приношением, хотя уточнить его назначение сейчас невозможно.

Эту находку следует связать с другим недавним открытием, пусть и несравненно более скромным, но имеющим немало общего с описанным шлемом. Это тоже произведение искусства, контекст находки которого известен. Речь идет об антропоморфном каменном изваянии (рис. 4). Хотя в художественном плане оно не идет ни в какое сравнение со шлемом из Агри, тем не менее это типичный образец позднего и весьма распространенного по всему кельтскому ареалу Европы стиля. Главный интерес этой находки заключается в ее контексте. Изваяние, найденное в Левру в деревне латенского времени (так называемые «Арены»), лежало в мусорной яме вместе с тремя исключительно редкими и впервые встреченными на этом памятнике предметами. Это были два точила из песчаника и оленьи рога длиной 75 см. Таким образом, можно полагать, что и здесь мы имеем дело с добровольным приношением (наверно, сброшенным, в мусорную яму, которая играла роль своего рода готовой *favissa*). Некоторое почтение к предметам имевшим, возможно, сакральное назначение, выразилось в том, что их поместили в укрытие, не дав себе все же труда соорудить подходящее вместилище. Здесь мы сталкиваемся с примером не слишком заинтересованного отношения к предметам

культы, что дает немало сведений об обрядах вообще. Другой важнейший элемент археологического контекста этой находки — датировка. Такие предметы вообще редко встречаются в четко датированных слоях. В этом же случае сопутствующий материал (в основном керамика) относится к первой четверти I в. до н. э. До настоящего времени археологи датировали изделия этого типа временем после римского завоевания.

Заключение. Мы видели, как кельтология в последние годы получила новый импульс благодаря развитию французской археологии в целом. Интерес общественности к кельтам, усилия Министерства культуры по развитию археологии, создание новых рабочих групп при Национальном центре научных исследований (CNRS) позволили расширить полевые исследования. Эти усилия увенчались многими открытиями, и наши представления не только о повседневной жизни, но и о религии и структуре кельтского общества значительно изменились. Все более многочисленные контакты с европейским научным сообществом от Ирландии до Венгрии позволяют сегодня организовывать коллоквиумы, научные обмены и даже совместные раскопки. Это своего рода возрождение кельтской «койне»!

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

- Audouze F., Buchsenschutz O.* Villes, villages et campagnes de l'Europe celtique. P., 1989
Bertin D., Guillaumet J.-P. Bibracte. Ville gauloise sur le mont Beuvray. Guides archéologiques de la France. P., 1987
Brun P. Princes et princesses de la Celtique. P., 1987
Brunaux J.-L. Les Gaulois. Sanctuaires et rites. P., 1986
Brunaux J.-L., Méniel P., Poplin F. Gournay I. Les fouilles du sanctuaire et de l'oppidum (Suppl. à la Revue archéologique de Picardie). P., 1985
Brunaux J.-L., Rapin A. Gournay II. Boucliers, lances, dépôts et trophées (Revue archéologique de Picardie). P., 1988
Buchsenschutz O. e. a. Fortifications de l'âge du fer dans le Centre de la France // Revue archéologique. 1981. № 1. P. 45—66
Buchsenschutz O. Structures d'habitats et fortifications de l'âge du Fer en France septentrionale. P., 1984
Buchsenschutz O. e. a. Levroux I. L'évolution du canton de Levroux d'après les prospections et les sondages archéologiques (Suppl. à la Revue archéologique du Centre). Levroux, 1988
Bulliot J.-G. Fouilles du Mont Beuvray. 2 vol. Autun, 1899
Collis J. Oppida. Earliest Towns North of the Alps. Sheffield, 1984
Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. T. 4. Le second âge du fer. P., 1914
Duby G., Wallon A. Histoire de la France rurale, des origines à 1340. V. 1. P., 1975
Duval P.-M. La Gaule jusqu'au milieu du 5e siècle. Les sources de l'histoire de France. 2 vol. P., 1971
Duval P.-M. Les Celtes. P., 1977
Giot R., Briard J., Pape L. Protohistoire de la Bretagne. Rennes, 1979
Guilaine J. La France d'avant la France. P., 1980
Lagrand C., Thalmann J.-P. Les habitats protohistoriques du Pègue (Drôme). Grenoble, 1973
Py M. L'oppidum des Castels à Nages (Gard) (35e suppl. à Gallia). P., 1978
Les structures d'habitat à l'âge du fer en Europe tempérée. L'évolution de l'habitat en Berry. Colloque de Levroux. 1978/Ed. O. Buchsenschutz. P., 1981

Периодические издания

- Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est. Dijon
Revue archéologique du Centre de la France. Tours
Revue archéologique de l'Ouest. Rennes
Aquitania. Bordeaux
Revue archéologique de Narbonnaise. Montpellier
Revue archéologique de Picardie. Paris
Gallia et Gallia préhistoire. Paris
Bulletin de la Société préhistorique française. Paris

Ж.-Л. Брюно, О. Бюксеншюц
Эколь Нормаль. Археологическая лаборатория. Париж

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1990 г.

Академик МИХАИЛ ИВАНОВИЧ РОСТОВЦЕВ

Международный «круглый стол»

Открывая полтора года назад в нашем журнале новую рубрику «Из истории науки» публикацией неизвестных глав II тома книги М. И. Ростовцева «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства», редколлегия выступила с предложением пригласить для участия в их обсуждении советских и зарубежных специалистов. Завершив в предыдущем номере издание рукописных материалов, мы открываем международный «круглый стол». Для участия в обсуждении и оценке богатейшего творческого наследия и той роли, которую сыграл наш выдающийся соотечественник в развитии мирового антиковедения нынешнего столетия, свои статьи и заметки прислали в журнал известные советские и зарубежные историки и археологи. Открывает дискуссию статья Э. Д. Фролова о жизненном и творческом пути М. И. Ростовцева в первый, российский период его биографии (до 1918 г.). Затем ВДИ намечает опубликовать работы о научной судьбе ученого на Западе, о его неизданных рукописях, хранящихся в архивах Ленинграда и Йельского университета (США), о месте и роли М. И. Ростовцева в изучении социальной и экономической истории Греции, Рима и эллинистического Египта, археологии и истории античных государств Северного Причерноморья. Будет дана развернутая оценка помещенных в предыдущих выпусках ВДИ глав «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» в свете современного антиковедения и скифологии. Публикации сопровождаются ранее не издававшимися фотографиями Михаила Ивановича Ростовцева, которые получены из советских и зарубежных архивных хранилищ.

Э. Д. Фролов

СУДЬБА УЧЕНОГО: М. И. РОСТОВЦЕВ И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ НАУКЕ ОБ АНТИЧНОСТИ

История науки, как и всякая другая, исполнена драматизма, и даже наша наука — антиковедение — при всей ее видимой отрешенности от современной действительности, при всем присущем ей консерватизме знает свои периоды стремительного подъема и спада, бурных перемен и трагических коллизий, мощно захватывающих в свой водоворот и общее научное движение, и людей, его представляющих. И это понятно, поскольку наука об античности при всем ее своеобразии и даже некоторой обособленности в кругу исторических дисциплин является частью гуманитарной отрасли знания, всегда подверженной сильнейшему воздействию сторонних сил — общественного развития и политических перемен. В этой связи судьба крупнейшего русского ученого — специалиста по истории классической древности Михаила Ивановича Ростовцева (1870—1952) в высшей степени показательна и интересна. В ней, как в капле воды, отразился бурный процесс духовных исканий, общественных и поли-

тических перемен, который так характерен для истории России конца прошлого и особенно всего нынешнего столетия. Но мало того: общий процесс радикальных перемен не просто отразился на внешних обстоятельствах жизни ученого, но еще и произвел во внутреннем его мире, в его научном творчестве такую существенную и, как оказалось, плодотворную трансформацию, что это стало основанием нового научного подъема, невероятной по масштабам духовной реализации, преобразовавшей, в свою очередь, и личную судьбу Ростовцева и — благодаря его трудам — лик современной науки об античности.

Но чтобы по достоинству оценить феномен Ростовцева, нужно подробнее ознакомиться с его жизнью и деятельностью. Это — непростая задача. Подробной своей автобиографии или каких-либо мемуаров М. И. Ростовцев, насколько мы знаем, не оставил. Известным восполнением недостающих первоисточников могло бы быть то своеобразное духовное завещание, с обзором собственной научной деятельности, которое Ростовцев составил в 1941 г. и передал своему американскому ученику С. Б. Уэллсу, но оно нам недоступно. Дореволюционная русская историография успела откликнуться на ученую деятельность Ростовцева лишь несколькими рецензиями на отдельные его труды да весьма краткими и к тому же немногочисленными общими обзорами¹. В советское время имя Ростовцева как эмигранта оказалось фактически под запретом. За весьма сжатым обзором его ученых заслуг в известном труде В. П. Бузескула, по существу примыкающем еще к дореволюционной историографической традиции², последовала длительная полоса молчания, прерываемая лишь изредка критическими выходками самого резкого свойства. И только в 1969 г., с публикацией небольшой заметки В. И. Кузищина обозначился поворот к более взвешенной позитивной оценке творчества великого ученого³. Этот поворот нашел свое отражение и в вышедшем под редакцией того же В. И. Кузищина коллективном пособии «Историография античной истории», где, впрочем, замечания о Ростовцеве носят по необходимости весьма сжатый характер⁴.

Иначе обстоит дело с зарубежной литературой, где имя Ростовцева рано стало известно и где своевременно было оценено значение его научных свершений. Это и достаточно информативная статья русского историка Г. В. Вернадского, опубликованная еще при жизни Ростовцева и недавно переизданная Х. Хайнемом в переводе на немецкий язык⁵, и целая серия некрологов и воспоминаний, среди которых выделяются своей обстоятельностью и глубиной оценок статьи упомянутого уже С. Б. Уэллса и А. Момильяно⁶. Завершается этот достаточно длинный ряд зару-

¹ Наиболее крупный из таких обзоров: *Бороздин И. Н.* Ученые заслуги М. И. Ростовцева // Отчет о 3-м присуждении медалей им. гр. А. С. Уварова. М., 1915. С. 34—49 (и отдельно: М., 1915. 16 с.).

² *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. II. Л., 1931. С. 172—175, 183—184, 207—210.

³ См.: *Кузищин В. И.* Ростовцев Михаил Иванович // СИЭ. Т. XII. 1969. Стб. 218—219.

⁴ *Историография античной истории* / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 175—176, 189—191, 193—194.

⁵ *Вернадский Г. В.* М. И. Ростовцев // *Seminarium Kondakovianum*. IV. Prague, 1931. С. 239—252; *Heinen H. G.* Vernadskys Notiz zum 60. Geburtstag von I. M. Rostovtzeff (10.11.1930) // *Studien zur alten Geschichte*. Bd II. Roma, 1986. S. 379—395.

⁶ *Welles C. B.* M. I. Rostovtzeff // *Gnomon*. 1953. Bd XXV. P. 140—144; *idem*. M. I. Rostovtzeff // *Architects and Craftsmen in History*. Festschrift für A. P. Usher. Tübingen, 1956. P. 55—73; *idem*. Bibliography — M. Rostovtzeff // *Historia*. 1956. Bd V. P. 358—381 (список трудов М. И. Ростовцева, насчитывающий 444 номера).

бежных публикаций о Ростовцеве обширным обзором его жизни и научной деятельности, составленным французским историком Ж. Андро и приложенным, вместе с исчерпывающим списком трудов Ростовцева, к только что вышедшему французскому изданию его «Социально-экономической истории Римской империи»⁷. Настало время и нашей историографии откликнуться подобающим образом — хотя бы и столь запоздало — на ученые свершения своего знаменитого соотечественника, используя для этого все имеющиеся материалы — и опубликованные у нас и за рубежом, и неопубликованные, поскольку они нам доступны.

Начать необходимо с биографии М. И. Ростовцева, поскольку в обстоятельствах его жизни, в его происхождении, воспитании, усвоенных общих воззрениях и научных традициях, в его общественных и личных связях, наконец, в испытаниях, выпавших на долю его страны, людей его круга и его самого, — во всем этом, что составляет личную судьбу человека, мы найдем разъяснения особенностям научного творчества Ростовцева — направленности его ученых разысканий, концептуальному содержанию его работ, наконец, даже форме их литературного воплощения. При этом еще раз подчеркнем, что жизнь Ростовцева, замечательная сама по себе, интересна еще и как своеобразное зеркало, в котором отразилась судьба целой социальной группы — русской буржуазно-дворянской интеллигенции на исходе XIX и в начале XX столетия.

Михаил Иванович Ростовцев родился 29 октября (10 ноября нового стиля) 1870 г. в Житомире в семье учителя местной гимназии. Его прадед Павел Ростовцев был купцом, выходцем из Ростова Великого (откуда и прозвище), и принадлежал к низшему городскому сословию мещан. Но уже его дед Яков Павлович Ростовцев сумел получить университетское образование, стал учителем, а затем и директором гимназии и дослужился до чина тайного советника, получив благодаря этому права потомствен-

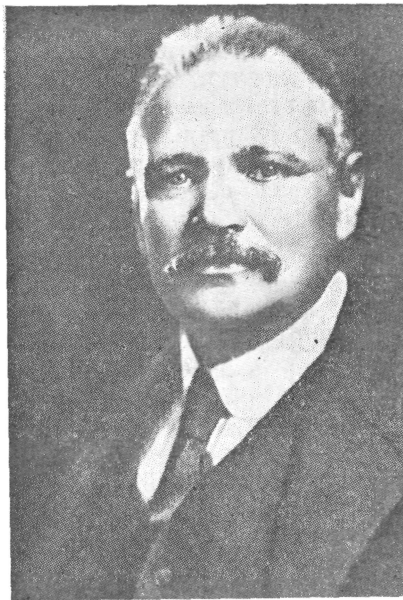

Рис. 1. Академик М. И. Ростовцев. Нью-Хейвен, 5 октября 1930 г.

Momigliano A. M. I. Rostovtzeff // Momigliano A. Studies in Historiography. L., 1966; P. 91—104 (первоначально в «Cambridge Journal». 1954. V. VII. P. 334—346). Из прочей зарубежной литературы назовем еще: *Préaux C. M. Rostovtzeff: // Chronique d'Égypte. 1954. T. XXIX. P. 183—190; Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit. Darmstadt, 1972. S. 334—349, 372—373; Gilliam J. F. Addenda to the Bibliography of M. I. Rostovtzeff // Historia. 1987. Bd XXXVI. P. 1—8; Wes M. A. The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // Historia. 1988. Bd XXXVII. P. 207—221.*

⁷ *Andreu J. Introduction: Antique, moderne et temps présent: la carrière et l'oeuvre de M. I. Rostovtzeff (1870—1952) // Rostovtzeff M. I. Histoire économique et sociale de l'Empire Romain. P., 1988. P. I—LXXXV; idem. Bibliographie des oeuvres de Rostovtzeff / Ibid. P. 645—675.*

ного дворянства. А отец будущего ученого Иван Яковлевич Ростовцев был уже потомственным интеллигентом и дворянином и сделал большую карьеру, дослужившись до должности попечителя учебного округа (в Оренбурге) и чина действительного тайного советника.

По своему происхождению будущий историк принадлежал, таким образом, к буржуазно-дворянской служилой интеллигенции, а через нее был, что называется, кровно связан с той социальной группой, верхушкой городской буржуазии, интерес и симпатии к которой определили позднее социальную направленность всего его научного творчества. Современный исследователь «русской подосновы» Ростовцева Маринус Вес отлично показал, как сквозь картину жизни Римской империи у Ростовцева отчетливо проступает та русская среда, к которой он сам принадлежал, и как в жизненных установках дорогой его сердцу римской городской буржуазии сквозит тот набор ценностей, которые он сам исповедовал. «В своей „Социально-экономической истории Римской империи“, — замечает Вес, — Михаил Ростовцев описывает падение Римской республики и основание принципата Августа и его преемников как процесс, посредством которого нация фермеров, руководимая полуфеодальными лендлордами, стала трансформироваться в капиталистическое и все более урбанизированное государство. Городская буржуазия играла все более важную роль, между тем как старая знать постепенно, но неуклонно отодвигалась в сторону. Политика, однако, до поры до времени была оставлена в распоряжении этой знати. Для того, чтобы смягчить какие-либо возможные потрясения во время этого процесса, было необходимо иметь сильную и хорошо организованную центральную власть. Ростовцев постоянно подчеркивает ту мысль, что императоры, как правило, поддерживались городской буржуазией в провинции. Эта последняя была главной силой в империи во времена Флавиев и Антонинов, или, как называет этот режим Ростовцев, „просвещенной монархии“, Принципат II века в особенности является в его глазах триумфом „образованных классов“. Ключевые слова в его описании — „дисциплина“, „долг“, „служба государству“ и „повиновение“. Все эти понятия были исполнены для Ростовцева вполне определенного внутреннего смысла. Все это, возможно, более говорит о самом Ростовцеве, его семье и среде русской „буржуазии“ XIX в. вообще, чем о городской элите Римской империи. Согласно Ростовцеву не столько рождение и состояние, сколько личные качества, умение и интеллектуальные способности были необходимы для назначения на административную должность в Риме II века»⁸.

Социальной и политической ориентации того класса, к которому принадлежал Ростовцев, соответствовали и те интеллектуальные интересы и, в частности, то предпочтение классическому образованию, которые были характерны для официальных верхов и связанной с ними части русской дореволюционной интеллигенции. Как и его дед и отец, Ростовцев обучался в классической гимназии сначала в Житомире, а потом в Киеве. Более того, у него рано пробудился особенный, специальный интерес к классической древности, свидетельством чего стало написанное еще в гимназические годы сочинение «Администрация римских провинций в эпоху Цицерона», в котором уже обнаружилось характерное для Ростовцева направление научной мысли⁹. Не удивительно, что по окончании гимназии

⁸ *Wes. Op. cit.* P. 212.

⁹ *Andreau. Introduction.* P. V (со ссылкой на приводимое Уэллсом свидетельство самого Ростовцева).

он поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где стал специализироваться по классической древности. Два года он проучился в Киевском университете (1888—1890), а затем еще два — в Петербургском (1890—1892), куда перевелся после отъезда отца в Оренбург.

В Петербургском университете его учителями были выдающиеся специалисты — профессор всеобщей истории Ф. Ф. Соколов, ставший зачитателем в России нового, эпиграфического направления, его коллеги филологи-классики П. В. Никитин и И. В. Помяловский, тоже обратившиеся к эпиграфическим занятиям, а также молодой еще тогда преподаватель, ученик Соколова В. К. Эрнштедт, позднее ставший крупнейшим специалистом по греческой палеографии. Особенная близость установилась у Ростовцева с профессором Ф. Ф. Зелинским, одним из самых глубоких знатоков древней греческой и латинской литературы и языческой религии, блестящим лектором и пропагандистом античной культуры. Ему Ростовцев был обязан своим совершенным знанием античной литературной традиции, умением представить творчество древних писателей в контексте идей и настроений, характерных для их эпохи, наконец, вкусом к религиозным древностям. Тогда же, в годы обучения в Петербургском университете Ростовцев сблизился и с другим корифеем дореволюционной русской науки, выдающимся знатоком византийского и древнерусского искусства академиком Н. П. Кондаковым, который приобщил его к таинству иконографического анализа. Увлечение методом и личностью Кондакова было столь сильным, что Ростовцев и его университетские друзья С. А. Жебелев, Я. И. Смирнов и Б. В. Фармаковский составили небольшой кружок «фактопоклонников» (как они сами себя называли), объединенных общим интересом к памятникам древнего изобразительного искусства и общим же почитанием учителя — Кондакова. Сложное переплетение интересов к античной социальной истории, к античному городу и искусству нашли отражение в увлечении Ростовцева темою Помпей, чьей историей он стал заниматься еще в студенческие годы. По окончании университетского курса в 1892 г. он на свой счет совершил первую поездку за границу и посетил Италию и, конечно, Помпеи.

Между тем началась его самостоятельная преподавательская и ученая деятельность. По окончании университета он три года преподавал в царскосельской гимназии (1892—1895), после чего получил командировку от Петербургского университета за границу на три года для завершения своей профессиональной подготовки (1895—1898). Такие трехгодичные заграничные командировки стали предоставляться с 1880 г. по инициативе Ф. Ф. Соколова выпускникам университета — специалистам по истории классической древности для подготовки к профессорскому званию.

Ростовцев великолепно распорядился предоставленной ему возможностью и много потрудился за границей и для совершенствования своих знаний, и для установления контактов с западноевропейскими учеными, и для выбора тем будущих научных работ. Летом 1895 г. он совершил поездки по Анатолии и Греции, затем направился в Рим, где усиленно работал в библиотеке Германского Археологического института и свел близкое знакомство с Августом Мау, руководителем раскопок в Помпеях. Зимой 1895/6 г. он провел в Вене, работая в семинарах археолога Отто Бенндорфа и эпиграфиста Евгения Бормана. Последний обратил его внимание на тему государственного откупа в Риме, побудив заняться одной надписью из Галикарнасса от II в. н. э., содержавшей сведения об откупщиках — сборщиках портовых пошлин в провинции Азии. Летом 1896 г.

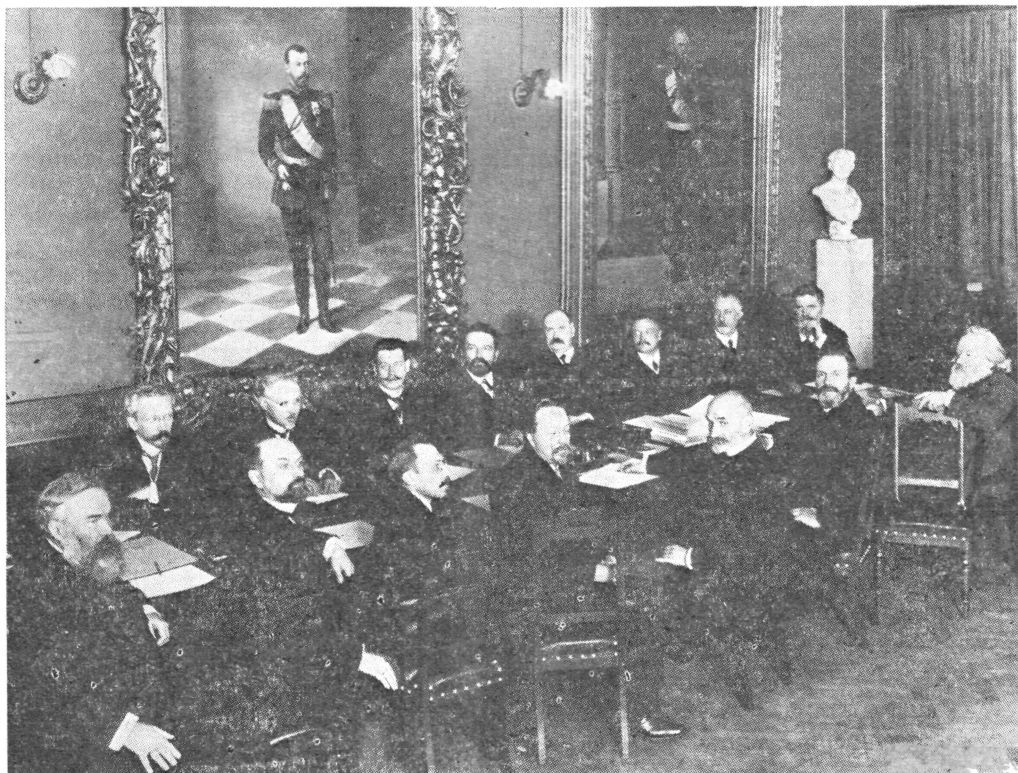

Рис. 2. Заседание Совета профессоров историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по случаю чествования декана факультета проф. Ф. Брауна. 1913 г. Фото К. Буллы. Музей ЛГУ. Сидят у стены, слева направо: Э. Д. Гримм, С. Ф. Платонов, А. И. Введенский, Ф. А. Браун, Д. К. Петров, М. И. Ростовцев, И. М. Гревс, И. Д. Андреев; сидят в первом ряду, слева направо: П. А. Лавров, Б. А. Тураев, С. А. Жебелев, С. К. Булич, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. Ф. Зелинский, Н. И. Кареев

Ростовцев совершил поездку в Испанию, примкнув к направлявшейся туда группе друзей во главе с Н. П. Кондаковым. Зимой 1896/7 г. он работал в Национальной библиотеке и в Кабинете медалей в Париже, где свел знакомство с известным нумизматом Эрнестом Бабелом и подружился с Морисом Пру, вместе с которым занялся изданием и исследованием древних коммерческих пломб. Летом 1897 г. — поездка в Тунис и Алжир, затем пребывание и работа в Лондоне, где он познакомился (по-видимому, именно тогда) с издателями египетских папирусов Б. П. Гренфеллем и Дж. Магаффи, и снова Париж. Наконец, в 1898 г., прежде чем вернуться в Россию, — новая поездка по странам Средиземноморья.

К этому надо добавить интенсивную переписку и многочисленные заочные знакомства, в частности с учениками великого Моммзена Отто Гиршфельдом и Ульрихом Вилькенем, которые и сами были выдающимися специалистами: первый — по проблемам римского имперского управления, а второй — по папиру- и остракологии и истории эллинизма. Знакомство с этими представителями западноевропейской науки сыграло большую роль в становлении Ростовцева как ученого, равно как и в дальнейшей его научной карьере. Напомним хотя бы о том, что крупнейшая

из работ Ростовцева, увидевших свет до революции в зарубежных изданиях, — его «Исследования по истории римского колоната» — была напечатана в издававшейся У. Вилькеном серии ученых трудов — в приложении к так называемому «Архиву по папирологии и родственным дисциплинам».

Современному историографу бросается в глаза особенная связь молодого Ростовцева с немецкой наукой, но в этом ничего удивительного не было. Германия являлась ближайшим западным соседом России и русское антиковедение складывалось под сильнейшим воздействием немецкой науки. В особенности это воздействие ощущалось в Петербурге, и оно достигло своего апогея к исходу XIX столетия, когда немецкая наука по классической древности добилась безусловно лидирующего положения в мировом антиковедении. Для Ростовцева в бытность его за границей контакты с такими немецкими учеными, как О. Гиршфельд, У. Вилькен, а затем еще и У. Виламовиц-Меллендорф и Эд. Мейер, были тем более естественными, что они шли в русле уже сформировавшегося у него собственного научного интереса, и они оказались для него тем более продуктивными, что он никогда не становился безусловным, рабским приверженцем какой-либо одной национальной школы.

Но не только кабинетная наука об античности, на каком бы высоком уровне она ни находилась на Западе, оказала благотворное воздействие на молодого русского ученого. Важно было и непосредственное приобщение к культуре средиземноморских стран, где на каждом шагу можно было натолкнуться на впечатляющие остатки античности, где элементы древней цивилизации продолжали жить не только в живописных развалинах, но и в планировке поселений и жилищ, в языке и обычаях местного населения — греков, итальянцев, французов, испанцев, жителей Северной Африки. Для Ростовцева современный средиземноморский город стал реальной опорой и источником вдохновения в живой работе мысли, старающейся воссоздать черты античной городской цивилизации. Он полюбил эти южные города и никогда уже не мыслил ни жизни своей, ни работы вне живой связи с ними. Арнальдо Момигльяно, лично знавший Ростовцева, замечает по этому поводу: «Быть может, качеством, наиболее примечательным в нем, была его любовь к уличной жизни. Улицы, сады, многообразная наружная деятельность средиземноморского города зывала к нему самым непосредственным образом. Можно было видеть, что его любовь к классической истории была внушена его личным знакомством и его большой любовью к современной южной жизни, будь то в Средиземноморье или в Анатолии. Помпеи были его любимым городом с юности. Позднее он влюбился в Остию и Большую Лептис. А открытие другого города — Дуры на Евфрате — было одним из величайших свершений в его жизни»¹⁰.

Вообще годы заграничной стажировки были замечательным периодом в жизни Ростовцева. Он был молод, его любознательность, энергия и работоспособность не знали пределов, мозг его без усталости впитывал новые знания и впечатления. Он установил контакт со многими европейскими специалистами и стал своим человеком в крупнейших центрах западного антиковедения — Риме и Вене, Париже и Лондоне. Его статьи с 1896 г. непрерывно появлялись в западноевропейских изданиях — в венских «Археолого-эпиграфических сообщениях», в «Сообщениях Германского

¹⁰ Momigliano. Op. cit. P. 92.

Археологического института (в Риме)», в парижском «Нумизматическом обзоре», в берлинском «Филологе», в «Сборнике по археологии и истории Французской школы в Риме» и др. — и его имя все более становилось известным в ученом мире. Но самое главное: он стремительно расширил сферу своих научных интересов и занятий и, сохраняя верность общему направлению — исследованию социальной жизни Римской империи, осуществил ряд глубоких разработок по разным линиям. Картина древнего римского города по раскопкам в Помпеях, административное управление и откупная система в Римской империи, коммерческая жизнь (в частности, по свинцовым пломбам-печатям) и аграрные отношения в эллинистическо-римском мире — вот те безусловно важные темы, которые были затронуты им в годы заграничной стажировки и которые в большей или меньшей степени остались главными для него и в последующее время.

В Россию Ростовцев возвратился совершенно сложившимся специалистом. В 1898 г. он начал преподавать в качестве приват-доцента в Петербургском университете и одновременно на Высших женских курсах (Бестужевских). Его предметами были латынь (чтение древнего автора), римская история и специальный семинар, по-видимому, по римским древностям. Его ученая карьера развивалась стремительно: в 1899 г. он защитил магистерскую диссертацию (об откупной системе в Риме), в 1903 г. — докторскую (о римских тессерах). Число публикуемых им работ неуклонно возрастает, скоро он становится одной из самых авторитетных фигур в научном мире Петербурга. С 1901 г. он — профессор Петербургского университета, в 1908 г. становится членом-корреспондентом, а в 1917 — действительным членом Петербургской Академии наук. Наряду с преподавательской и научной деятельностью он все более активное участие принимает и в общественной жизни: после 1905 г. примыкает к кадетской партии и становится ее видным деятелем, активно сотрудничает в больших литературных и научно-политических журналах — «Вестник Европы», «Мир Божий» и «Русская мысль» (оба первых издавались в Петербурге, а последний — в Москве). В общественной деятельности активную помощь ему оказывает его жена Софья Михайловна Ростовцева, урожденная Кульчицкая (Ростовцев женился на ней в 1901 г. и счастливо прожил с ней до конца своих дней). Дом Ростовцевых становится одним из видных центров научной и литературной жизни в Петербурге.

Нас, естественно, более всего интересует научная деятельность Ростовцева, которая с первых шагов оказалась отмечена не просто крупными достижениями, но совершенно новым — новаторским в полном смысле слова — качеством. В самом деле, в истории русской науки об античности с именем М. И. Ростовцева связано формирование нового в, как оказалось, в высшей степени перспективного направления — социально-экономического по преимуществу, которому суждено было стать заглавным в науке XX в. В этой связи интересно будет присмотреться к той внутренней логике, которой несомненно было отмечено развитие дореволюционного антиковедения, в первую очередь Петербургской исторической школы. Ее основоположник, заступивший на кафедру всеобщей истории в Петербургском университете в 1835 г. М. С. Куторга (1809—1886), не просто оказался первым в России оригинальным исследователем древнегреческой истории, «первоначальником у нас науки об эллинизме», по выражению издателя его посмертного «Собрания сочинений», но и определенно выступил с заявкой на ее общее осмысление, указав на значение ее политических и идеологических достижений, а именно созданного в Афинах при Перикле своеобразного республиканского строя, политики,

Рис. 3. Профессора историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Стоят: второй слева — В. Н. Бенешевич, третий слева — И. Д. Андреев, в центре — И. А. Бодуэн де Куртене и Н. И. Кареев, третий справа — П. А. Лавров, второй справа — Д. М. Айналов. Сидят: слева — Ф. А. Браун и Э. Д. Гримм, третий справа — И. М. Гревс, второй — С. К. Булич, первый — М. И. Ростовцев. Фото из музея ЛГУ (фотографии для статьи Э. Д. Фролова подобраны В. Ю. Зуевым)

и развитых в ту же пору бесценных для человечества идей свободы гражданина и свободы мысли.

Чуть позже, однако, следующим поколением русских исследователей античности эта концепция Куторги стала восприниматься как преждевременная претензия на такие широкие теоретические обобщения, до каких наука еще не доросла. Это новое поколение в лице сменившего Куторгу на петербургской кафедре в конце 60-х годов Ф. Ф. Соколова (1841—1909) в порядке реакции на эти, как оно считало, преждевременные обобщения обратилось к скрупулезному изучению источников, к педантичной реконструкции исторических фактов, справедливо полагая, что без такой предварительной работы, без исследования частных, немислимо никакое общее построение. В основу этой своей преимущественно аналитической работы Соколов и его школа положили изучение эпиграфического документа, надеясь, что необходимое при этом сочетание исторического и филологического труда доставит исследованию нужную точность и надежность.

И вот теперь, на рубеже XIX—XX вв. в отечественном антиковедении вновь свершился важный поворот. Под воздействием новых археологических открытий, которые ввели в оборот массу новых, в том числе и документальных эпиграфических и папирологических материалов (в особенности по позднему эллинистическо-римскому периоду), под влиянием новых историко-философских концепций и самой социальной действительности, властно ориентировавших историков на изучение и в прошлом фундаментальных явлений общественной жизни, в русской науке об античности вновь обнаружилось стремление обратиться к постижению общего характера древней цивилизации, но теперь уже посредством ис-

следования самых глубинных ее социально-экономических основ. Решение такого рода задачи являлось теперь делом гораздо более исполнимым, поскольку наука о классической древности опиралась уже на весьма богатое воссоздание фактической истории античного мира и располагала гораздо более отточенным историко-филологическим методом.

В ряду зачинателей нового социально-экономического направления с самого начала были крупные фигуры: И. М. Гревс (1860—1941), исследовавший формирование у римлян крупного землевладельческого хозяйства; М. М. Хвостов (1872—1920), изучавший торговлю и промышленность греко-римского Египта и прослеживавший общие линии социально-экономического развития древних обществ; Р. Ю. Виппер (1859—1954), в своих лекционных университетских курсах тесно связавший политическую историю древней Греции и Рима с социально-экономическими отношениями в античном мире, и др. Но наибольшее значение для развития и утверждения в качестве заглавного этого нового направления имела, бесспорно, научная деятельность М. И. Ростовцева.

Характерный для научных занятий Ростовцева особенный интерес к социально-экономической истории античного мира первоначально реализовался на римском материале. Экономической жизни древнего Рима были посвящены обе его диссертации, изданные по тогдашнему обыкновению в качестве самостоятельных больших монографий: магистерская диссертация — «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» (СПб., 1899) и докторская — «Римские свинцовые тессеры» (СПб., 1903). Обе опирались на материал, собранный и изученный Ростовцевым в значительной степени еще в годы его заграничной стажировки: подступом к первой послужила публикация им новонайденной галикарнасской надписи, содержавшей сведения о деятельности откупщиков в Малой Азии, содержание второй непосредственно примыкало к изданию свинцовых пломб, осуществленному Ростовцевым совместно с М. Пру. В магистерской диссертации Ростовцевым был внимательно исследован важнейший элемент экономической политики античного государства — откупная система. Начав с самых ранних свидетельств об откупах в классической Греции (в частности, в речи «О мистериях» афинского оратора конца V в. до н. э. Андокида), охарактеризовав затем ситуацию с откупами в эллинистическом Египте и республиканском Риме, он напоследок подверг самому обстоятельному анализу данные об откупной системе в Римской империи — сведения, содержащиеся как в литературной традиции, так и в эпиграфических и папирусных документах и относящиеся как к собственно Риму, так и к вошедшим в его состав Египту и Иудее.

Замечательны зрелость и ясность мысли, отличающие этот первый большой труд молодого ученого (Ростовцеву тогда не было еще и 30 лет). Свою задачу он видит прежде всего в изучении тех «следов», т. е. тех документальных свидетельств, которые оставило по себе развитие откупной системы и постепенно сменявшей ее практики более или менее непосредственного взимания налогов имперским чиновным аппаратом. Посредством скрупулезного источниковедческого анализа удастся показать и общие контуры традиционной откупной системы, включая деятельность компаний публиканов, и те модификации, которые для оздоровления экономики вносили в эту систему императоры, используя для этого и возможность полисной (муниципальной) структуры римского общества и опыт эллинистической монархии. При этом автор отлично сознает важность исследуемого им вопроса. «Распространяться о том, — пишет он, — какое зна-

чение имеет экономическая история человечества для понимания его судеб, излишне; не надо настаивать и на том, каким важным показателем экономической жизни народа является его финансовая администрация. Базу же финансовой администрации составляют агенты взимания, способ взимания стоит в тесной и непосредственной связи с экономической жизнеспособностью народа, и если это откуп, то нет ничего важнее для выяснения себе экономического состояния страны, как уразуметь, какая форма откупа господствует в стране, в какие отношения становится государство к свободным предпринимателям, в какой мере оно регулирует и направляет их деятельность» (Предисловие, с. X—XI).

Но он не только хорошо представляет себе заглавное значение экономики в жизни общества — он отдает себе отчет также и в том, каким сложным историческим целым было Римское государство и как важно различать в его структуре и политике традиции, восходящие к эллинскому полису и эллинистической монархии, с одной стороны, и начало собственно римское, с другой. «Римская империя, — поясняет он, — создавалась из таких диспаратных элементов, вобрала в себя государственную жизнь стольких народов, что в истории тех ее учреждений, которые касаются жизненного нерва каждой из этих частей, мы необходимо должны искать и найти элементы прежнего, элементы государственной мудрости доримского времени. Римское государство основалось на двух главных формах античной государственности: на эллинской политике и на эллинистической монархии, слившейся элементы политики с восточным территориальным единовластием. Эти основы вобрала в себя Римская империя: Римская республика есть высшее развитие греческой политики, Римская империя — распространение принципов эллинистической монархии на весь греческий, италийский и варварский мир, подразумеваемая под варварами и носителей старой восточной культуры и свежее кельто-германские народности. Отделить элементы эллинской политики и эллинистической монархии от того, что было продуктом чисто римской государственной мудрости, указать на то, как из этих элементов создалось то, что мы зовем римским государственным откупом императорского времени, явилось второй нашей задачей» (там же, с. XI).

Другой аспект экономической жизни древнего Рима и другой круг источников затронуты в докторской диссертации Ростовцева. Здесь специально изучению подверглись римские свинцовые тессеры — своеобразные жетоны, широко распространившиеся в обиходе со времен Августа и служившие заменителем денег, своего рода контрамарками или ордерами. Они использовались государством при раздачах народу хлеба или денег, но также и частными лицами и корпорациями в их разнообразных сношениях с клиентами. Этот материал, должным образом препарированный, проливает дополнительный и подчас весьма яркий свет на экономическую жизнь и повседневный быт древнего римского общества. Введение его в оборот — несомненная научная заслуга Ростовцева.

Магистерская и докторская диссертации Ростовцева заложили прочное, поистине фундаментальное основание его занятиям римской историей. В последующие годы он с успехом продолжал исследования в первую очередь административного управления и финансовой политики Римской империи. Здесь, помимо большой критической рецензии на книгу (магистерскую диссертацию) своего коллеги, петербургского историка Э. Д. Гримма о развитии власти римских императоров (ЖМНП, 1902, май), выделяется целый цикл статей по сюжетам римской экономической истории, опубликованных в специальных зарубежных энциклопедиях:

«Conductor» — в «Эпиграфическом словаре римской древности» Э. Де Руджеро, «Congiarium», «Ab epistulis», «Fiscus» и «Frumentum» — в «Реальной энциклопедии науки классической древности» Паули — Виссоны. Тот, кто пользовался энциклопедиями такого рода, знает, что публикуемые в них статьи являют собой подлинные мини-монографии, знакомство с которыми составляет непереносимое условие для всякого, кто вновь пожелал бы обратиться к этим сюжетам. Другая серия статей на схожие или иные сюжеты римских государственных древностей была опубликована Ростовцевым в русских энциклопедических словарях: «История города Рима», «Сенат римский», «Форум», «Царская власть в Греции и Риме», «Эдилы», «Юлий Цезарь» — в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона, «Август», «Ауспиции», «Вилла», «Ворота городские и триумфальные», «Колонат» — в «Новом энциклопедическом словаре». Эти статьи носят более популярный характер, но и они полезны, особенно для начинающего историка.

Параллельно продолжались и развивались исследования по двум другим аспектам римской истории, составлявшим — при видимом отличии — своеобразное диалектическое единство. С одной стороны, следуя усвоенному еще в студенческие годы интересу к «живой», предметной античности, представленной в археологических остатках, в развалинах древних поселений и жилищ, в памятниках древней архитектуры и изобразительного искусства, Ростовцев продолжал внимательно следить за работами археологов, особенно в Италии. Он живо откликался на все новые находки как в любимых им Помпеях, так и в самом городе Риме, в своих публикациях стараясь со всею возможною точностью воссоздать облик римского дома и сельской усадьбы, равно как и города в целом — маленького, муниципального, каким являлись Помпеи, и столичного центра, каким был Рим (ср. его обзоры: «Помпеи за 1893—1895 гг.» — ЗРАО, т. VIII, 1896, вып. 3—4; «Археологическая хроника римского Запада» — ФО, т. IX, 1895; «Новое о Пантеоне» — ЖМНП, 1895, апрель). Итоги этих увлечений и изысканий нашли отражение отчасти в популярных брошюрах «Римский дом» (СПб., 1902) и «Древний город Рим» (СПб., 1910), а еще более в обстоятельной монографии «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж» (СПб., 1908), отдельные разделы которой посвящены городской истории Рима (Палатин) и Помпей, сельским виллам и сакрально-гробничным сооружениям.

Воссоздавая архитектурный облик римского города, а вместе с тем и картину жизни городских слоев римского населения, которые возбуждали в нем особенный интерес и симпатии, поскольку в них он видел аналог близкий ему городским слоям современного русского общества, Ростовцев, однако, не оставлял без внимания и всегдашний антипод городу — крестьянство. И здесь, явно откликаясь на актуальнейшую тему русской действительности, он с особым вниманием занялся разработкой проблемы колоната, стремясь понять судьбы едва ли не самого многочисленного класса сельского населения Римской империи, природу его закрепощения, столь, казалось, сходную с недавно еще крепостным состоянием русского крестьянства. Поначалу Ростовцев коснулся этой темы в ряде статей общего или предварительного характера («Происхождение колоната» — ФО, т. XIX, 1900; «Der Ursprung des Kolonates» — «Klio», Bd I, 1901; «Kolonat» — «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», hrsg. von J. Cobrad, 3. Aufl., Jena, 1910), а затем появилась и монография, к неудобству для русского читателя сразу же и только в немецком издании, монография, которая до сих пор остается едва ли не самым фун-

даментальным трудом по истории колоната: «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates» (Leipzig — Berlin, 1910).

И вот что замечательно: как в римском архитектурном пейзаже, так и в колонате Ростовцев осознанию принимал в расчет роль исторических традиций, силу воздействия, которое оказывала на Рим цивилизация эллинизма. Сопоставляя сходные формы социальной жизни, Ростовцев выводил корни колоната как вида полусвободного арендаторства, чреватого закрепощением, из эллинизма, из практики македонских и эллинистических царей, жаловавших своим друзьям и служителям земли с крестьянами, становившимися, по воле жалователя, зависимыми и даже прикрепленными в земле арендаторами.

Вообще интерес к эллинистической эпохе у Ростовцева, начавшего с изучения истории Римской империи, был типологически вполне оправдан. В практике греко-македонских царей, управлявших обширными территориальными державами, он без труда находил истоки административной и финансовой политики римских императоров (в частности в откупной системе), в бурном развитии греческих городов на Востоке видел прообраз расцвета городской жизни в ранней империи, а в положении зависимого сельского населения в эллинистических царствах — аналог и предвосхищение зависимого, крепостного состояния арендаторов-колонов в империи поздней. Показательно, что в одном и том же столь примечательном в научной биографии Ростовцева 1900 году, когда началась публикация серии его энциклопедических статей по римской экономике и была напечатана первая заметка о колонате, увидели свет практически одновременно еще две его работы, знаменовавшие обращение к тематике эллинизма: обширная рецензия на труд Ульриха Вилькена о греческих острака из Египта и Нубии, проливавших новый свет на финансовое управление в эллинистическо-римском Египте (ЖМНП, 1900, март), и принципиальная статья теоретического плана о развитии капитализма в древнем мире («Русская мысль», 1900, № 3). В этой последней Ростовцев решительно выступил против примитивизирующей концепции К. Бюхера, относившего классическую древность к стадии натурального, ойкосового хозяйства. Вслед за Эд. Мейером Ростовцев признавал высокий уровень развития коммерции и промышленности в античном мире, а в птолемеевском Египте склонен был усматривать особенное воплощение капиталистического начала в древности.

Интерес Ростовцева к эллинизму и прежде всего к экономической жизни птолемеевского Египта в последующие годы набирал силу и находил выражение как в обстоятельных рецензиях на труды современных ученых (на книги М. М. Хвостова о торговле и промышленности в греко-римском Египте — ЖМНП, 1907, октябрь и 1914, октябрь; на книгу В. Отто о жречестве и храмах в эллинистическом Египте — GGA, Bd 171, 1909), так и в собственных оригинальных исследованиях, в том числе и в опубликованных на немецком языке статьях о зерновом хозяйстве и торговле птолемеевского Египта («Archiv für Papyrusforschung» Bd III, 1906 и Bd IV, 1908). И как в работах об экономической жизни и финансовой политике римского государства, о римском городе и колонате накапливались наблюдения, легшие затем в основу фундаментальной «Социально-экономической истории Римской империи», так в этих рецензиях и частных исследованиях по проблемам эллинистической экономики зрели идеи, нашедшие позднее отражение в еще более обширной «Социально-экономической истории эллинистического мира».

Социально-экономическая история Рима и эллинизма — это, по сути

дела, одна, главная тема в научном творчестве М. И. Ростовцева — одна, но не единственная. Другой такой же сквозной для него темой стала история античного юга России. В своем обращении к истории античного Причерноморья Ростовцев следовал традиции, естественной для русского антиковедения, однако у него был здесь и свой особенный интерес. Античное Причерноморье с естественными для него контактами местных племен и греческих колонистов стало для Ростовцева своеобразным опытным полем для решения проблемы всемирно-исторической важности, которая также была подсказана русской действительностью и волновала его не меньше, чем судьбы города или крестьянства, — проблемы взаимодействия Востока и Запада, возможности сближения и интеграции различных по происхождению культур. Русский патриот по своему характеру и западник по убеждениям, Ростовцев тяжело переживал отстраненность России от западного мира. Будущее своей страны он связывал с возможностью преодоления этой отстраненности, прежде всего посредством развития городов с их буржуазией, этих естественных носителей культуры западного типа, и в любых взаимодействиях восточных и западных начал в древности или в новое время искал подтверждения своим историко-политическим расчетам.

Работы Ростовцева по истории античного Причерноморья весьма многочисленны, касаются самых разнообразных сюжетов и потому лишь весьма условно могут быть разнесены по определенным рубрикам. Все же, поскольку это входит в задачу любого историографического обзора, мы попробуем распределить северопричерноморские штудии Ростовцева по известным группам и коротко их охарактеризовать. Прежде всего можно, по-видимому, выделить группу работ, посвященных архитектуре и изобразительному искусству античного Северного Причерноморья. Начав с заметки о росписях керченских катакомб (ЗРАО, т. IX, 1897), Ростовцев упорно продолжал заниматься этим сюжетом, пока, наконец, не дал исчерпывающее его исследование в фундаментальном труде «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1913—1914). Это издание состоит из двух частей: в первой даются описание и всестороннее исследование памятников, причем не только собственно искусствоведческое, но и историческое (например, по росписям склепов и саркофагов воссоздаются черты религиозных воззрений, военного дела и даже быта населения античного Причерноморья); вторая часть являет собой роскошно изданный атлас — 112 таблиц рисунков, многие из которых, за утратой или порчей самих памятников, могут теперь служить первоисточниками для их изучения.

В другую группу можно свести большое число статей, посвященных отдельным городам и государствам Причерноморья — Ольвии, Херсонесу, Хараксу, но более всего Боспору. Здесь есть подлинные исследовательские шедевры, как, например, опирающаяся на новую эпиграфическую находку статья о херсонесском историке Сирыске (ЖМНП, 1915, апрель). Отметим также изящные источниковедческие этюды, заново препарирующие уже известные литературные тексты и показывающие их значение для исторической реконструкции, — о Страбоне (в «Сборнике статей в честь В. П. Бузескула», Харьков, 1914) и о Полиене (статья «Амаго и Тиргатао»), ЗООИД, т. XXXII, 1915). Они посвящены истории Боспора, так же как и великодушные работы, демонстрирующие виртуозное владение самым разнообразным историческим материалом, археологическим и письменным, и высокую способность их идейной интерпретации: «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре» (ИАК, вып 49, 1913) и «Бронзовый

бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа» («Древности. Труды Моск. арх. об-ва», т. XXV, 1916).

Своеобразным итогом этих северопричерноморских штудий Ростовцева явились две его книги: «Эллиństwo и иранство на юге России» (Пг., 1918) и «Скифия и Боспор (критическое обозрение памятников литературных и археологических)» (Пг., 1925). В первой из них дается общий и достаточно популярный очерк истории народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху. Описываются, с одной стороны, рано заселившиеся этот край киммерийцы, скифы (их-то Ростовцев и считает в соответствии с господствующим в науке мнением ветвью иранских племен), синды, меоты и сарматы, а с другой — явившиеся сюда чуть позже греки, но более всего внимание уделяется их контактам, экономическому, политическому и культурному взаимодействию. Всю работу пронизывает ряд важных идей, делающих эту небольшую книжечку подлинным кладом исторической мудрости. Это представление об оригинальном характере местной скифской культуры, которая не может считаться примитивной, варварской только от того, что греки все другие народы именовали варварами. Это, далее, убеждение в плодотворности контактов греков с местным скифо-сарматским населением, поскольку итогом этого взаимодействия явилось сложение на Боспоре такой социально-политической системы и такой культуры, которые и типологически и по уровню достижений превосходили или даже превосходили свершения восточного эллинизма (Ростовцев указывает, в частности, на реализм и пафос боспорского искусства, соперничавшего в этом отношении с искусством пергамской школы).

Наконец, здесь выражается уверенность в том, что свершавшееся в глубочайшей древности в Причерноморье плодотворное взаимодействие античной и скифо-иранской культур не прошло бесследно для восприимчивых этого древнего симбиоза — славянских племен, и что уже таким путем Россия была вовлечена во всемирно-исторический культурный процесс. Общим образом совершенно отчетливо эти мысли выражены Ростовцевым в конце его очерка, когда он характеризует состояние и судьбу северопричерноморских городов в конце античной эпохи: «Это были уже не те города, которые когда-то основали здесь греки. Создалось новое население и новая культура. Две струи: греческая и скифо-сарматская слились, пока и ту и другую не залили волны германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее. Культуру свою, однако, эти новые народы унаследовали от старых ее носителей и творцов и понесли ее с собою далеко на север и на запад» (с. 186).

В то время как «Эллиństwo и иранство на юге России» носит научно-популярный характер, вторая книга — «Скифия и Боспор» — является фундаментальным источниковедческим исследованием, в котором сведены воедино и подвергнуты анализу важнейшие виды источников, литературных и археологических, относящихся к истории Северного Причерноморья и прежде всего Боспора в античную эпоху. Книга эта являет собой лишь первую часть — обширное источниковедческое вступление — широко задуманного труда, вторая часть которого должна была содержать изложение самой уже истории Боспорского царства и сопредельного с ним мира скифских и сарматских племен. Поспешный отъезд Ростовцева за границу летом 1918 г. прервал работу над этим капитальным произведением. Первая часть позднее, в 1925 г., была опубликована главным образом стараниями С. А. Жебелева, от второй части в архиве Ростовцева в Ленинграде остались разрозненные фрагменты — отдельные главы, публикация которых только что завершена в «Вестнике древней истории».

Из приведенного обзора научной деятельности М. И. Ростовцева — обзора по необходимости сжатого и неполного — явствует, какой крупной величиной был он в русском дореволюционном антиковедении. Значимость и авторитетность его позиции в ученом мире дополнительно подчеркивались и утверждались интенсивной критической и публицистической деятельностью. Он был непременным и подчас весьма суровым рецензентом всех сколько-нибудь заметных трудов русских и иностранных ученых по интересующим его проблемам эллинистическо-римской истории или античного Причерноморья (к указанным выше наиболее крупным его рецензиям добавим в этой связи еще одну — на сочинение И. И. Толстого о религиозных древностях и, в частности, о культе Ахилла в Причерноморье — ИАК, вып. 65, 1918). Его публицистическая деятельность ярко иллюстрируется статьями исторического или историко-политического характера в популярных журналах «Русская мысль», «Мир Божий» и «Вестник Европы» (и здесь тоже к ранее названным таким его статьям добавим еще одну — «Мученики греческой цивилизации в I и II вв. по Р. Х.» в «Мире Божьем» за 1901 г., № 5, где античный материал использовался для полемики с антисемитизмом).

Еще одним свидетельством научной энергии и авторитета Ростовцева может служить то, что в 1900-е годы он неоднократно выступал инициатором и редактором переводов на русский язык крупнейших трудов западных антиковедов: «Очерка римской истории и источниковедения» Б. Низе (изд. 3-е, СПб., 1910), «Истории античного коммунизма и социализма» Р. Пельмана (СПб., 1910), «Эллинистическо-римской культуры» Ф. Баумгартена, Ф. Поланда и Р. Вагнера (СПб., 1914). С другой стороны, показательно широкая публикация его собственных трудов за границей. Практически все его крупные работы по эллинистическо-римской тематике довольно скоро переиздавались за границей в переводе на немецкий язык (так именно было с обеими его диссертациями и с работой об эллинистическо-римском архитектурном пейзаже), а некоторые сочинения (как, например, серия энциклопедических статей по экономической истории Рима, статьи об экономике греко-римского Египта и большой труд о колонате) сразу же составлялись им для публикации за границей и в русской версии их просто нет (о чем, конечно, приходится только пожалеть). Наконец, значение ученой деятельности Ростовцева подчеркивается его участием в международных конгрессах — I и III Археологическом (в Афинах и Риме, 1905 и 1912 гг.) и III и IV Историческом (в Берлине и Лондоне, 1908 и 1913 гг.), где его доклады всегда возбуждали внимание и интерес. О признании его ученых заслуг Петербургской Академией наук мы уже упоминали.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что уже в дореволюционный период Ростовцев стал одним из самых выдающихся лидеров современной науки об античности. Но он был не только ученым — он был еще и учителем, и об этой стороне его деятельности также необходимо упомянуть. Конечно, своеобразным наставником он выступал уже и в своих трудах, содержавших не только богатую историческую информацию, но и широкие новые идеи, оригинальную интерпретацию исторических явлений и процессов, а для внимательных читателей, для желающих учиться — также и массу ценнейших методических указаний. Но он был учителем науки и в самом прямом смысле, поскольку преподавал в Петербургском университете и на Высших женских курсах. При этом надо подчеркнуть, что он отнюдь не был преподавателем-эмпириком, но обладал продуманной системой взглядов на задачи и методы классического образования.

Что это были за взгляды, какой широтой и благородством они отличались — об этом можно судить, в частности, по статье Ростовцева, посвященной памяти одного из его университетских учителей — филолога-классика П. В. Никитина¹¹. С интересом и сочувствием выписывает здесь Ростовцев девизные высказывания древних, на которые любил ссылаться Никитин (приводим их в современных переводах):

«Не беда сказать лишний раз, если этому сколько ни учишь, все мало» (Сенека. Нравственные письма к Луцилию. 27.9. Пер. С. А. Ошерова).

«Любое умение в отрыве от справедливости и других добродетелей оказывается хитростью, но не мудростью» (Платон. Менексен. 246 е. Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн).

«Свободнорожденному человеку ни одну науку не следует изучать рабски. Правда, если тело сильно заставляют преодолевать трудности, оно от этого не делается хуже, но насильственно внедренное в душу знание непрочно» (Платон. Государство. VII. 536 е. Пер. А. Н. Егунова).

С полным одобрением перелагает Ростовцев и текст официальной записки, которую Никитин составил в связи с обсуждавшимся уже тогда вопросом о судьбе классического образования в России. «Предполагавшееся уничтожение преподавания древних языков в средней школе, — вспоминает Ростовцев, — огорчало его прежде всего потому, что он видел в этом гибель, грозящую преподаванию всего историко-филологического цикла наук (...). «Чтобы навсегда покончить с докучным классицизмом, кем-то было предложено, — пишет П. В., — вообще искоренить употребление в Российской империи языков греческого и латинского. Если это предложение будет принято, русской историко-филологической науке нанесен будет тяжкий удар. По классической филологии, по-видимому, не слишком много слез прольется, но убиты будут и другие отделы науки, к которым не принято относиться с таким жестоким пренебрежением: из русской науки придется вычеркнуть, напр., почти всю древнюю историю, многие важные части средней истории, сравнительного языкознания, истории философии, истории искусства, истории всеобщей литературы, истории русской литературы; даже вопрос о происхождении русского государства придется предоставить в полное ведение немцев. Может быть, средней школе не должно быть и дела до историко-филологической науки; но откуда же помимо этой науки будут получаться те гуманитарные начала в составе преподавания средней школы, которыми так дорожат и противники классических гимназий?»¹².

Но Ростовцев был не только теоретиком, но и великолепным практиком университетского преподавания. Он обладал редким сочетанием педагогических талантов, позволявших ему с одинаковым блеском читать лекции, вести семинарские занятия и руководить работой начинающих исследователей. В России у него было немало учеников, старавшихся усвоить его методы, и среди них — известный специалист по римской истории профессор М. Е. Сергеевко (1891—1987). В ее неопубликованных воспоминаниях, копию с которых она в свое время любезно предоставила нам, содержится следующий исполненный любви и признательности отзыв о Ростовцеве, ученицей которого она была на Бестужевских курсах: «Михаил Иванович играл в жизни Курсов роль не меньшую, чем Гревс. С какой щемящей отрадой вызываю я в памяти его облик: невысокую коренастую фигуру с волосами бобриком и бритым квадратным лицом римлянина.

¹¹ См.: *Ростовцев М. И.* П. В. Никитин. Его взгляды на науку и классическое образование // Памяти П. В. Никитина. Пг., 1916. С. 6—19.

¹² Там же. С. 15—16.

Был он неумолимо строг, беспощадно требователен к нашей работе и трогательно заботлив о нас, наш грозный учитель и наш добрый старший брат <...>. Он знал своих учениц, любил их и любил их учить. Занятия у него захватывали круто и властно. Время для нас, учениц его семинария, мерялось промежутками от четверга до четверга, т. е. от одного занятия до другого, и свободным был только четверговый вечер, остальные дни надо было „готовиться к Ростовцеву“. Читался ли текст древнего автора, читались ли надписи — все нужно было комментировать, и обязанность эта распределялась между слушательницами. Комментарий был делом нелегким: перебирали груды материала, часто упускали нужное, терялись среди ошибки противоречивых утверждений. А надо было прийти к каким-то стойким заключениям и обосновать их. „Судагыня (Михаил Иванович слегка картавил), важно не то, что вам кажется, а то, что есть на самом деле; благоволите это доказать“. *Quod est demonstrandum* — слова эти были постоянно на устах нашего учителя, и до сих пор они звучат для меня как колокол, зовущий на верную дорогу».

Выдающийся ученый и признанный мэтр, Ростовцев в силу своего активного темперамента не только не избегал, а, напротив, вращался в самой гуще внеуниверситетской общественной жизни. Стараниями его самого и его жены квартира их в Петербурге стала одним из влиятельных литературных салонов, где обсуждались все художественные и научные новинки и где формировалось общественное мнение. На вечерах по вторникам у Ростовцевых можно было встретить выдающихся представителей русской культуры: поэтов И. А. Бунина и А. А. Блока, художника Л. С. Бакста, известных ученых — историка Н. И. Кареева и литературоведа Н. А. Котляровского и др.¹³

Приверженец либеральных взглядов западнического толка, Ростовцев, как уже упоминалось, рано примкнул к кадетской партии и близко сошелся с ее лидером П. Н. Милюковым. Переворот, осуществленный большевиками в октябре 1917 г., он решительно не принял, увидев в нем проявление темной силы — бунта низов, грозящего России полным уничтожением культуры. Всегда актуализировавший свои научные штудии, Ростовцев немедленно откликнулся на новую революцию в России очерком о Гражданских войнах в Риме (очерк этот под заглавием «Рождение Римской империи» печатался в «Вестнике Европы» за 1918 г., № 1—4, а затем в том же году вышел и отдельным изданием). Здесь Ростовцев впервые и именно по отношению к Гражданским войнам II—I вв. до н. э. развил идею о губительном выступлении армии, составленной из низов и возглавляемой честолюбивыми политиками, как главной причине разрушительной социальной революции — идею, которую он позднее перенес на трактовку смут в Римской империи в III в. н. э.

Позицию неприятия Октябрьской революции Ростовцев выражал и открыто, в различного рода публичных заявлениях. Последствия неминуемо должны были сказаться, и Ростовцев летом 1918 г. решил покинуть Россию. Его отъезд фактически был бегством, поэтому он ничего практически не смог взять с собой, ни своих бумаг, ни книг. Бумаги — записные книжки, письма, рукописи лекций, научных и публицистических работ — оказались впоследствии распылены, но все же значительная их часть хра-

¹³ Ср. трогательное описание одного из таких вечеров в воспоминаниях жены Бунина Веры Николаевны: *Бунин В. Н. Беседы с памятью // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 193—194. О посещении вечеров у Ростовцевых Блоком см. его переписку и дневник: Блок А. А. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. Л., 1982. С. 183; Т. 6. Л., 1983. С. 218 (Блок, впрочем, не жаловал хозяйку дома).*

нится и поныне в ЦГИА и в Архиве АН СССР. Что же касается книг Ростовцева, его личной библиотеки, то она впоследствии была передана Научной библиотеке Ленинградского университета, составив там отличный, хорошо подобранный фонд классиков и пособий по классической древности¹⁴.

Оказавшись за границей, Ростовцев через Швецию добрался до Англии, где он провел первые, самые трудные для него два года эмиграции. Какое-то время он пробыл в Оксфорде, но дружеских контактов с английскими коллегами не сложилось и должности в Оксфордском университете он не получил (впрочем, не известно в точности, добивался ли он этого места). В эти годы он кое-что перепечатывал из своих прежних работ, перерабатывая их для английских или французских изданий, а также активно занимался политической публицистикой, публикуя язвительные статьи против большевиков и новой утвердившейся в России власти¹⁵.

Жизнь Ростовцева за границей вошла в сравнительно нормальную колею тогда, когда он получил приглашение в США, в Университет Мадисона (штат Висконсин). Проработав там пять лет (1920—1925), он перешел в несравненно более престижный Йельский университет (в Нью-Хейвене, штат Коннектикут), где его по-настоящему оценили и где для него были созданы самые благоприятные условия. По предложению Ростовцева Йельский университет даже включился в начатые еще французами широкомасштабные раскопки древнего поселения на Евфрате Дура-Европос, развалины которого были обнаружены после первой мировой войны. Совместная американо-французская экспедиция провела здесь 10 археологических сезонов (1928—1937), благодаря которым эллинистическая (а позднее парфянская, римская и снова иранская) крепость Дура-Европос стала «сирийскими Помпеями». Ростовцев руководил как самими археологическими работами, так и изданием девяти томов предварительных сообщений (окончательная публикация материалов была осуществлена лишь после второй мировой войны)¹⁶.

В Йельском университете Ростовцев активно работал до 1939 г., когда, отойдя от преподавания, он перешел на положение заслуженного профессора. Он тяжело переживал начало второй мировой войны, которая вновь пробудила в нем опасения за судьбу западной цивилизации, культуры и науки. По свидетельству одного из его учеников, тоже эмигрировавшего из России и прижившегося в Америке, Э. Бикермана (его свидетельство известно нам в передаче С. Л. Утченко), мучила Ростовцева и сильная тоска по родине. В довершение ко всему в последние годы жизни его постиг тяжелый недуг, лишивший возможности продолжать творческую работу. Он умер в Нью-Хейвене 20 октября 1952 г.

В американский период научная деятельность М. И. Ростовцева пережила новый подъем. По меткому наблюдению А. Момильяно, то, что для другого человека в его возрасте (Ростовцеву было к моменту эмиграции 48 лет) обернулось бы совершенной трагедией, для Ростовцева, сумевшего пережить кризис, стало новым импульсом к творчеству¹⁷. В напи-

¹⁴ О судьбе библиотеки Ростовцева см.: Горфункель А. Х., Николаев Н. И. Неотчуждаемая ценность. Л., 1984. С. 174.

¹⁵ *Andraeu*. Introduction. P. XXI—XXIII; *idem*. Bibliographie des oeuvres de Rostovtseff. P. 659—661.

¹⁶ Подробнее о роли Ростовцева в археологических работах в Дура-Европос см.: *Andraeu*. Introduction. P. XXVIII—XXX. О самом городе: Шишова И. А. Дура-Европос — крепость Парфянского царства // Уч. зап. ЛГУ. 1956. № 192. Серия ист. наук. Вып. 21. С. 107—125.

¹⁷ *Momigliano*. Op. cit. P. 92, 98.

санных и изданных за границей новых капитальных трудах по социально-экономической истории античного мира он на свой лад, со страстью и увлечением, свел счеты с действительностью. В «Социально-экономической истории Римской империи» (The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926) и «Социально-экономической истории эллинистического мира» (The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. I—III. 1941) он не пожалел красок на описание античных городов, этих главных очагов цивилизации, и их деятельного населения, тех общественных слоев, которые он определял общим понятием «буржуазия». И каждый раз он пытался понять причины упадка и римской цивилизации, и — что случилось еще ранее — эллинистической.

В случае с Римской империей он видел причину исторической трагедии отчасти в косной политике Римского государства и вторжениях варваров, но еще более — и здесь его пером прямо водил его русский опыт — в роковом отрыве городской цивилизации и буржуазии от крестьянства, от всех вообще низов, которые, наполнив армию и увлекая за собой «солдатских» императоров, взяли в III в. губительный верх над городом. В случае с эллинизмом он главную причину упадка относил на счет государственной политики эллинистических царей, своими регламентациями сковавших предпринимательскую инициативу и деятельность средних городских классов, а кроме того, разумеется, и на счет римских завоевателей, своими разрушениями и вымогательствами довершивших общий кризис. Однако этими краткими указаниями и общими суждениями мы и должны здесь ограничиться — подробный обзор жизни и деятельности Ростовцева в период эмиграции не входит в нашу задачу.

В заключение попытаемся сжато оценить тот вклад, который М. И. Ростовцев внес в современную науку об античности. Его деятельность как исследователя античности была исключительно разнообразной и плодотворной. Все же можно выделить те главные разделы древней истории, которые в особенности привлекали его внимание и где он сделал более всего. Это — социально-экономическая история Римской империи, эллинизм и античное прошлое Причерноморья. В каждом из этих разделов он вскрыл своими исследованиями глубинные пласты социально-экономической жизни, знание которой признано теперь неслучайным условием адекватного постижения античности.

В истории Римской империи Ростовцев обнажил и исследовал важнейший нерв древней государственной жизни — финансовую, именно откупную систему, проследил истоки и показал существо важной социальной новации — колоната, наконец, изучил по существу и предложил общее истолкование — пусть спорное и тенденциозное — имперскому кризису III в. и последующему крушению античного мира. В истории эллинистического времени, куда его увело стремление познать истоки той универсальной системы, которая при римском господстве охватила весь античный мир, Ростовцев не только исследовал отдельные структурообразующие элементы, такие, в частности, как самоуправляющийся город, крупное поместье и царская власть, но и определил общие контуры и судьбы как социально-экономической системы, так и цивилизации эллинизма в целом. Наконец, в истории античного Причерноморья, области, особенно дорогой отечественному антиковедению, Ростовцев досконально разработал тему взаимоотношений античности с миром окружающих варваров, показал оригинальность вклада обоих контрагентов — греческих городов и скифо-сарматских племен и, таким образом, обосновал значение этнокультурного взаимодействия как решающего фактора исторического раз-

вития. Некоторые увлечения, проявленные Ростовцевым при оценке достижений причерноморских «иранцев» (т. е. скифов) в государственном строительстве и культуре, равно как и степени конструктивного взаимодействия их с греками, не могут поставить под сомнение его большие заслуги в разработке темы «античность и варвары»¹⁸.

Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности все новыми и новыми идеями, Ростовцев всегда старался опереть их на должное документальное основание. При этом он резко расширил источниковую базу и открыл новые возможности интерпретации: свинцовых пломб и тессер — для реконструкции римской экономической жизни и быта, папирусов — для изучения экономической системы эллинизма, памятников архитектуры и изобразительного искусства — для воссоздания живого облика античности как в классических, центральных ее регионах, так и на периферии, в Причерноморье и на Переднем Востоке. Но и в работе с традиционными видами письменных источников, с памятниками литературными и эпиграфическими, он показал себя несравненным мастером. Его источниковедческие штудии по античному Причерноморью, и среди них в особенности, конечно, «Скифия и Боспор», являют собой сокровищницу драгоценных мыслей, проливающих свет не только на значение тех или иных конкретных исторических данных, но и на более общие аспекты античной традиции (например, на роль Эфора в развитии идеализирующей варваров тенденции или на развитие в Причерноморье собственной, местной исторической традиции).

В лице Ростовцева в русской науке ярко выступил новый тип деятельного человека, столь характерный для России рубежа XIX—XX вв. Интеллектуально одаренный и энергичный, эрудированный и богатый идеями, разносторонний, но и предельно дисциплинированный в своих занятиях, Ростовцев воплощал в себе ту новую европейскую культуру творчества, которая проявилась и в таких его замечательных соотечественниках и современниках, как И. А. Бунин, С. В. Рахманинов, Ф. И. Шалапин, а еще раньше — П. И. Чайковский. Его научное творчество оказалось исключительно результативным именно потому, что оно было в высшей степени органичным: оно питалось традициями мирового антиковедения, но в то же время получало импульсы и от отечественной действительности. В ряду проблем античной истории, которыми занимался Ростовцев, главнейшие безусловно те, что были навеяны русской современностью: города и средние городские классы («буржуазия») как главные носители цивилизации; драматическая коллизия города и деревни, городских классов и крестьянства; соотношение индивидуального предпринимательства и регламентаций, исходящих от сильной государственной власти, чье существование необходимо для поддержания державного политического единства; наконец, взаимоотношения культур Востока и Запада и возможность их плодотворного взаимодействия и интеграции¹⁹.

До какой степени направление исследований Ростовцева оказалось созвучно общему движению научной мысли нашего столетия, с ее характерным вниманием к фундаментальным социально-экономическим и этнокуль-

¹⁸ Мы сочли необходимым оговорить свое критическое отношение к крайностям развитого Ростовцевым взглядом именно потому, что он получил широкое распространение и в советской историографии. Необходимые оговорки делал уже и В. П. Бузескул (Уж. соч. Ч. II. С. 174—175).

¹⁹ Значение «русских корней» Ростовцева признают и зарубежные исследователи его творчества. См., в частности: *Momigliano*. Op. cit. P. 92—93, 96—98; *Heinen*. Op. cit. S. 382 (во вступлении к переводу статьи Г. В. Вернадского); *Andreau*. Introduction. P. XVIII—XX, XXXIX ss.

турным процессам — это видно из того, что творчество Ростовцева, будучи интегральной частью мирового (после эмиграции — западного) антиковедения, обнаруживает вместе с тем удивительную близость с последующей утвердившейся на его родине марксистской историографией — близость и в выборе предметов исследования и даже в наборе понятий и терминов. Это замечено не только современными исследователями его творчества²⁰ — это ощущал и сам Ростовцев. Недаром в предисловии к «Социально-экономической истории эллинистического мира» он с таким упорством отрещивается от всякого родства с марксизмом. Но сходство, очевидно, и объяснялось тем, что и Ростовцев, и позднейшая советская историография получали импульсы от сходных или даже одних и тех же сил — от новейшей социологической философии и современной российской действительности. При всем том решающим оказалось не сходство, а различие, именно принципиальное расхождение политических установок и обусловленная этим разность идейных трактовок исторических явлений и процессов.

Как бы то ни было, не приходится отрицать большого воздействия трудов Ростовцева на последующее развитие русской (советской) науки об античности. В советское время имя Ростовцева или вовсе обходилось молчанием, или упоминалось в сугубо критическом контексте, но его не забывали, его работы читались, и идеи, брошенные им, давали всходы. Можно без труда назвать целый ряд крупных тем или направлений в советской историографии античности, которые так или иначе восходят к Ростовцеву: архитектурный облик и жизнь античного города; противостояние и взаимодействие полиса и территориальной державы, эллинистической монархии и Римского мирового государства; роль государства в экономической жизни эллинистического и римского общества; типологии форм зависимости, в частности на примере колоната; проблема взаимоотношений античности с миром варварских племен, в первую очередь в Причерноморье; продиктованные определенным решением этой проблемы представления о «двусторонности» греческой колонизации, о высоком уровне и оригинальном характере скифской государственности и культуры, об эллинизме на Боспоре, упреждающем эллинизм на Переднем Востоке; развитие универсальной и локальной античной историографии; формирование в русле историко-этнографической традиции нового жанра этнографической утопии (начиная с Геродота и Эфора) и т. д. и т. п.

Древнее изречение гласит: *habent sua fata libelli* — книги имеют свою судьбу. В данном случае приходит на память и его парафраза: *habent sua fata scriptores* — писатели имеют свою судьбу. Отрадно сознавать, что имя М. И. Ростовцева, трудами которого мы никогда не переставали пользоваться, теперь в полном объеме возвращено отечественной науке об античности.

²⁰ Ср.: *Heinen*. *Op cit.* S. 395 (в послесловии к статье Вернадского).

THE FATE OF A SCHOLAR: M. I. ROSTOVITZEV AND HIS PLACE

IN RUSSIAN STUDIES OF ANCIENT HISTORY

E. D. Frolov

The name of M. I. Rostovtzeff (1870—1952) is associated in Russian studies of antiquity with the forming of a new, highly promising trend, viz., the socio-economic, which was destined to become a main one in the twentieth century. Rostovtzeff acquired

his reputation at the turn of the century when he was a leading member of the St. Petersburg history school. His work was exceptionally varied and fruitful. He did much, especially, to develop such fields as the history of the Roman Empire, Hellenism, and the relations between the classical and barbarian worlds in the Black Sea littoral.

In each of these fields he uncovered quite deep strata of socio-economic life, knowledge of which was a *sine qua non* of adequate comprehension of antique civilisation. His scholarly work was fruitful precisely because it was supremely organic: while integrally linked with the general development of world classical studies, it was at the same time strongly influenced by contemporary Russian reality, which gave it special actuality and intensity. His significance as a teacher of history was great, not only through his writings but also directly as a professor of St. Petersburg University, and in the Bestuzhev Women's Courses, where he read brilliant lectures and led practical seminars on Roman history. Rostovtzeff's teaching work was an important element in the development of Russian studies of antiquity, and the main line in it runs from him, despite the long period of silence to the present generation of Soviet ancient historians.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1990 г.

А. Б. КОВЕЛЬМАН. Риторика в тени пирамид. Массовое сознание римского Египта. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. 192 с.

Книга А. Б. Ковельмана с броским названием «Риторика в тени пирамид. Массовое сознание римского Египта», вышедшая в серии «По следам исчезнувших культур Востока», рассчитанной на широкого читателя, представляет большой интерес и для специалистов, так как посвящена исследованию малорабатываемой в нашей историографии темы о сущности и содержании массового сознания в эпоху Римской империи. Она тем более интересна, что вводит в научный оборот много папирологического материала, недостаточно изученного и не всегда доступного¹. В ее основе лежат исследовательские статьи автора, опубликованные в ВДИ и других изданиях².

Книга состоит из Введения, пяти глав (I. Риторика в эдиктах; II. Риторика прошений; III. Греческое письмо как литературный факт; IV. Нравственный прогресс в римском Египте; V. Риторика и фаюмский портрет) и Заключения. Книга иллюстрирована и к ней приложены краткие «Словарь деятелей античной культуры и христианства» и «Словарь административных терминов».

Название работы и ее структура хорошо отражают основные аспекты разрабатываемой автором проблемы: риторика документальных папирусов (писем, жалоб, прошений, официальных актов и пр.) как свидетельство эволюции массового сознания в греко-римском Египте. В ходе разработки затрагивается целый ряд вопросов: о роли второй софистики в развитии риторики и роли риторики в развитии «ментальности» и «духовности» в римском обществе, о независимости риторического стиля от характера идеологии, о соотношении языческих и христианских этических представлений и др.

А. Б. Ковельман не согласен с определением массового сознания как низшего уровня общественного сознания, т. е. только как обыденного, повседневного, рутинного. По его мнению, массовое сознание, воздействуя на мировоззрение философов, способствует и возникновению новых философских систем; в истории бывают эпохи, «когда массовое сознание приближается к теоретическому мышлению на невиданно короткую дистанцию, эпохи, когда философствуют на площади и проповедуют с кровель» (с. 14). К таким эпохам он относит и II—IV века в истории Египта.

Основным методом изучения массового сознания А. Б. Ковельман считает семантический анализ, но не отдельных слов и понятий, а «системы фраз», отражающих систему понятий, т. е. анализ стилистических особенностей документов. Следуя за

¹ К сожалению, папирологические издания и литература о них имеются лишь в центральных библиотеках (обычно в одном экземпляре), поэтому пользование ими крайне затруднено.

² См. ВДИ. 1978. № 3; 1981. № 1; 1984. № 2; 1985. № 3; см. также: Ковельман А. Б. «Умеренные» в римском Египте // Античный и средневековый город. Античная древность и средние века. Свердловск, 1981.

Л. Я. Гинзбург³, он утверждает, что стиль нельзя рассматривать как чисто литературное явление: «Как и сама литература, — пишет он, — стиль высвечивает психологию авторов, психологию эпохи» (с. 10). В античности «сознательно установленный» и всеобъемлющий риторический стиль появляется в Римской империи в период расцвета второй софистики: слияние вульгаризованной философии с ораторским искусством и породило этот стиль «устойчивый и нарочитый, отражающий целый комплекс идей» (с. 12). Его присутствие в папирусах, по мнению автора, можно проследить уже со II в. н. э., причем стиль этот характерен и для языческих и для христианских письменных памятников — эдиктов, прошений, писем. Таковы отправные позиции А. Б. Ковельмана, из которых он исходит в последующем анализе конкретного материала.

Рассмотрение папирусов автор начинает с эдиктов, так как именно они положили начало распространению риторики в документах римского Египта и через них осуществлялся процесс взаимодействия разных типов идеологии и массового сознания правящих и управляемых классов. Сопоставляя терминологию и фразеологию эдиктов и прошений эллинистического и римского времени, он отмечает, что в папирусах II—IV вв. с помощью риторических «общих мест» и штампов конкретные ситуации и конфликты типизируются, индивидуальные персонажи подводятся под определенные обобщенные категории — «умеренных» (*μετριοί* = *humiliores*) и «почтенных» (*δύνατοι* = *honestiores*). Эти риторические клише, часто не совпадавшие с реальной действительностью, стали для людей, не знакомых с теоретическим и рефлексивным мышлением, «орудиями осознания общественной структуры, ее нравственных параметров, своего места в ней. Тем самым риторика способствовала моральному освобождению угнетенных» (с. 56).

Анализ дошедшей до нас в папирусах частной переписки эллинистического и римского времени привел автора к выводу, что во II—IV вв. при сохранении прежней структуры писем стиль их стал более эмоциональным, у авторов писем изменилось восприятие жизни; они стремятся осмыслить свои эмоции, избыточно изображают их. Новое отношение к эмоциям было связано с обусловленной реалиями повседневной жизни повышенной чувствительностью, жаждой милосердия. Столь же характерны для писем этого времени рассуждения на моральные темы, поучения, христианские логики. Но мораль II—IV вв. отличается не столько новыми чувствами и добродетелями, сколько новым отношением к чувствам и добродетелям. Произошла не смена моральных установок, а смена типов морали: место морального чувства заняла моральная норма, отсюда — моральные сентенции, понятие греха.

Изучение писем и прошений позволяет автору поставить вопрос, справедливы ли суждения о нравственном прогрессе в позднеантичном обществе. По его мнению, в римском Египте определенный прогресс имел место, но суть его сводилась к появлению новых идей на смену нерасчлененному обыденному сознанию: «Не одна концепция сменяет другую, но концепции (самые разные) сменяют отсутствие концепций. От одного уровня ментальность переходит к другому. Соответственно появляются сентенции, поучения — следы присутствия „идей“, поддающиеся исследованию и классификации» (с. 103).

Этот феномен автор прослеживает прежде всего в отношении понятий «человек» и «сословие»: сначала (по его мнению, лишь в римскую эпоху), появилось «личное самосознание», человек почувствовал себя человеком, затем появились представления об «умеренных» и «почтенных», о равенстве и неравенстве, столкнулись христианская и языческая концепции воздаяния и судьбы. Касаясь различных сторон повседневной жизни, нашедших отражение в папирусах и других письменных памятниках II—IV вв., — труда, учебы, карьеры, служения, рабства и т. д., А. Б. Ковельман подчеркивает, что изменились не сами по себе сферы жизненных интересов, но отношение к ним,

³ См. рецензируемую работу, с. 9—10, прим. 11.: Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Статьи и очерки. Л., 1982.

их оценка ⁴, причем в восприятии их явно вырисовывается «раскол между мыслями и чувствами, идеологией и психологией» (с. 120).

В итоге своего исследования А. Б. Ковельман еще раз подчеркивает огромные заслуги риторики в пробуждении самосознания: она доводила философские идеи до понимания масс, учила их рассуждать и теоретизировать. Характерными чертами массового сознания во II—IV вв. были морализаторство и рефлексия, а массовая рефлексия, по мнению автора, не только признак кризиса общества, но и его катализатор.

Такова в основных чертах предложенная А. Б. Ковельманом концепция формирования массового сознания в римском Египте и его эволюции во II—IV вв. В принципе с ней можно согласиться, но убедительность некоторых положений автора, с моей точки зрения, ослабляется двумя моментами: схематичностью трактовки социально-экономических процессов, в условиях которых складывались выявленные им элементы массового сознания, и недостаточным вниманием к конкретной ситуации, породившей тот или иной документ, к контексту отдельного письма и прошения.

Исторический фон дан в рецензируемой работе крупными мазками — это тысячелетие от завоевания Египта Александром Македонским до завоевания его арабами, кульминацией его был римский период, когда произошел «невиданный духовный перелом», «Египет не просто обратился в христианство, он обратился в философию» (с. 4), когда появились концепции равенства и неравенства, проповедь уважения к физическому труду и одновременно презрение к нему, оценочное, рефлексивное восприятие социальной действительности. По мнению автора, за рефлексией и прочими явлениями духовной культуры стояли определенные явления материальной жизни; важнейшими моментами в этом плане он считает падение птолемеевского царского хозяйства и развитие частной собственности; римляне придали египетскому обществу облик гражданского общества; возник квазиполисный средний слой, духовным потребностям и возможностям которого идеально соответствовал риторический стиль.

В такой характеристике материальной жизни немало натяжек и неточностей. Государственное хозяйство приходит в упадок уже при Птолемах, а частная собственность на землю постепенно распространяется. Однако царские земли и какие-то элементы государственного хозяйства продолжали существовать и при римлянах — вплоть до конца IV в. Едва ли можно говорить о том, что начиная со II в. римляне придали египетскому обществу облик гражданского: эдикт Каракаллы датируется началом III в., но и он не имел существенного значения для распространения полисного устройства, так что лишь в IV в. наблюдается муниципализация Египта. Едва ли можно согласиться с авторской характеристикой египетского общества эпохи эллинизма: «Философы философствовали, остальные наживались, платили налоги, проектировали каналы и т. п.» (с. 80), жителям птолемеевского Египта были чужды идеи равенства и неравенства людей, ибо они «попросту были не „людьми“, а чиновниками и работниками царского хозяйства» (с. 109). Думается, что эти поспешные обобщения возникли в результате стремления автора как можно более выпукло показать прогресс в формировании массового сознания в римском Египте и недостаточного знакомства с папирологическим материалом эллинистической эпохи. Нельзя, например, забывать, что греко-македонским высшим и средним слоям птолемеевского общества, переселившимся в Египет из полисов Эллады и Малой Азии, идеи равенства и неравенства, свободы и рабства были прекрасно известны так же, как практика литургий, значение образования и основные параметры «культурной жизни» (гимнасии ведь возникли при первых Птолемах). Уже в начале II в. до н. э. в Египте понятие «эллин» приобрело социальный смысл, иными словами, в его содержание вкладывались представления

⁴ «На место бездумного действия стало осмысление — и чувства, и общества, и религии, и нравственности. Строго функциональный подход сменился „избыточным“, „избыточными“ сделались и документы эпохи, наполнившись „необязательными“ риторическими красотами» (с. 79—80).

об определенном образе жизни и культурном уровне. Следовательно, и для той эпохи можно говорить о какой-то форме массового сознания у средних слоев, противопоставлявших себя «египтянам»; вероятно, у «египтян» тоже было какое-то массовое сознание, поскольку они не только «платили налоги», но и восставали и отстаивали свои исконные обычаи и верования.

Действительно, документы эллинистического времени прагматичны, менее описательны, сентиментальны и философичны, чем письма и прошения II—IV вв., но это означает лишь, что в них труднее выявить элементы массового сознания, что требуется более обстоятельный анализ ситуаций, породивших тот или иной документ. Думается, что при более внимательном отношении к эллинистическим папирусам автор смог бы дать и более убедительную картину эволюции массового сознания в греко-римском Египте. Тем не менее рецензируемая книга, несомненно, представляет большой интерес как с точки зрения поставленных в ней проблем, так и благодаря детальному анализу обширного папирологического материала римской эпохи, впервые в отечественной историографии введенного в научный оборот.

А. И. Павловская

© 1990 г.

О риторике и фаюмских портретах

Несколько особняком стоит в книге А. Б. Ковельмана небольшая, но емкая по информативности глава V «Фаюмский портрет и риторика» (с. 142—148). Заголовок привлекает к ней внимание специалистов: в таком контексте ни риторика, ни фаюмские портреты до сих пор не рассматривались, а это может сузить появление новых точек зрения на давно известные памятники.

Фаюмские портреты (название они получили по месту первых находок в 80-х гг. прошлого века) это мумийные портреты, укреплявшиеся на месте лица умершего, запеленутого бинтами. Появившиеся в I в., они стали постепенно вытеснять картонажные расписные маски. В IV в. с укреплением позиций христианства и отмиранием древнего местного обычая мумификации исчезают и фаюмские портреты.

Эти находимые только в Фаюме портреты (в музеях и частных собраниях мира их хранится сейчас более 700 — разной степени художественных достоинств и разной сохранности) культурно-художественный феномен, значение которого трудно переоценить: это по существу единственные дошедшие до нас памятники станковой живописи первых четырех столетий нашей эры. По ним специалисты судят о развитии живописи той переломной эпохи, о ее технических достижениях, художественных пристрастиях людей того времени.

Материал главы распадается на две части. В первой, чисто фактологической, излагаются положения, почерпнутые из работ отечественных и зарубежных специалистов. Вторая часть основывается на умозаключениях самого автора. На просчетах в обеих частях я и остановлюсь. Начну с мелочей.

Использованная автором научная литература скудна, в ней отсутствуют новые работы. Труды А. С. Стрелкова, В. В. Павлова, К. Парласки, привлекаемые автором, насыщены вещевым материалом, но они отражали уровень науки 50-летней и 20-летней давности, опираться только на них рискованно. Автор говорит лишь о восковых красках (с. 148), однако живописцы широко использовали темпера и энкаустическую темперу.

Констатируя наличие двух точек зрения на истоки фаюмского портрета (одни видят их в портретном искусстве римлян, другие — в эллинистическом искусстве Египта), автор разделяет мнение исследователей, которые выводят фаюмские портреты из римских традиций: бытовой (живописные и скульптурные портреты, обычно предков, помещавшиеся в атриуме) и художественной (влияние римского скульптурного портрета).

Однако ныне все большее число специалистов, не отрицая разного рода влияния на сложение фаюмского портрета, склоняются все же к мнению, что это явление чисто египетское, уходящее корнями в многотысячелетние традиции египтян, в их до мелочей разработанную погребальную практику. Подавляющее большинство портретов изготовлялось по своему прямому и единственному назначению — для погребальных нужд. Об этом говорят и технические и художественные особенности самих памятников: размеры и форма дощечек, почти однотипные ракурсы моделей, одинаковое освещение, головы меньше натуральных размеров, неряшливое «доличное» письмо, наконец, их приспособленность к мумиям. Об этом же свидетельствует и наличие на некоторых портретах нимба и желтого (золотого) венка на голове моделей. Нимб вокруг головы изображенного — это не христианский атрибут святости, а типичный для Востока древний символ, указывающий на то, что покойник уже перешел в светлый, лучистый потусторонний мир. В Египте он издавна символизировал слияние с солнечным божеством Осирисом. Эту роль вполне могли выполнять и желтые или позолоченные фоны портретов (зачастую выполнявшиеся, когда портрет был уже укреплен на мумии). На ритуальный характер фаюмских портретов указывают и венки. Да и поражающий до сих пор зрителей реализм (вернее, похожесть изображений на модель) ранних портретов следует связывать опять же с древним египетским правилом — возможно точнее передать облик умершего, чтобы душа нашла своего хозяина, не перепутав его ни с кем другим.

Неубедительно приводимое автором предположение А. С. Стрелкова, будто случилось, что «некоторые особенно ценные портреты, принадлежавшие богатым людям, после церемонии погребения вынимались из погребальных пелен и водружались в атрий» (с. 143). Требуется уточнение и утверждение (с. 143), что портреты заказчиков висели по римскому обычаю в атрий. Обычно это были портреты (скульптурные, живописные, маски) не заказчиков, а их предков.

Можно привести и другие примеры такого рода. Винить за них автора неудобно, поскольку он повторял устаревшие положения или необоснованные догадки других. Но серьезные возражения могут вызвать и собственные утверждения автора. Так, он пишет, что фаюмский портрет «становится понятным лишь в контексте риторической культуры» (с. 144) или что «фаюмский портрет — риторика в живописи и по стилю, и по социальной сути» (с. 148). Иными словами, он напрямую связывает фаюмские портреты с риторикой.

Риторика в жизни людей той далекой эпохи действительно играла огромную роль. Недаром С. С. Аверинцев назвал одну из своих работ «Риторика как подход к обобщению действительности». Но занимаясь фаюмскими портретами, исследователь сталкивается с действительностью иного рода, чем та, которую имел в виду С. С. Аверинцев и которую подразумевал автор рецензируемой книги. Его ошибка заключается в том, что он полагал, будто фаюмские портреты создавались как обычные станковые произведения (вроде натюрмортов или пейзажей), предназначенные украшать дома и только по смерти хозяина-владельца использовавшиеся в погребальном ритуале. Выдвигаемый автором тезис о связи (внешней ли, внутренней ли) фаюмских портретов с риторикой требовал подробного и разностороннего обоснования. Однако свои доводы он строит главным образом на высказываниях Петрония, для которого, по словам автора, «и риторика, и египетская живопись невыносимо вульгарны» (с. 144). В доказательство приводятся цитаты из «Сатирикона». Однако речь в них идет о монументальных росписях со сценами из «Илиады» и «Одиссеи» и личной жизни заказчиков.

Да и умер Петроний в 66 г., вряд ли он мог видеть или даже слышать о портретах, которые мы называем теперь «фаюмскими».

Большое недоумение вызывает такой пассаж: «Персонажи фаюмских портретов — бывшие Савлы, ставшие Павлами. Цель их жизни — александрийское или римское гражданство, греческий облик» (с. 145). Если понимать эту фразу буквально, она не имеет смысла, ведь иудей Савл, уроженец города Тарса, был римским гражданином и остался им, сделавшись христианином Павлом. Если понимать ее как иносказательную, то выходит, что персонажи на фаюмских портретах не язычники, а христиане. Но христиане римскому гражданству предпочитали всеобщее братство во Христе.

Выпуская книгу в серии популярной, следует более тщательно разграничивать предварительные выводы и проверенные факты. Главе о фаюмских портретах этого, к сожалению, не хватает.

А. Я. Каковкин

© 1990 г.

Kültepe-Kaniş II, New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Ozgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi). Ankara, 1986

Второй сводный отчет о раскопках существовавшего в XIX в. до н. э. в Малой Азии международного торгового центра — Каниша — появился более четверти века спустя после выхода первого. Он содержит великолепную обработку чрезвычайно интересного материала, делая его доступным для любого историка.

По обыкновению книга издана на двух языках — турецком и английском. Представлены находки трех археологических слоев: а) времени расцвета канишской торговой общины, XIX в. до н. э., слой II; б) периода возрождения поселка после пожара (судя по исследованию глиптики и другой мелкой пластики, проведенному Нимет Эзгюч, период датируется частично временем царствования Шамши-Адада I и Самсуилуна — 1749—1712 гг. до н. э.), и, наконец, в) бесписьменного слоя I^a. Примерно 11 тысяч клинописных табличек Каниша остаются пока неизданными.

Книга состоит из шести частей: I часть — новые наблюдения по раскопкам пяти районов II слоя (с. 1—15) с реконструкцией 22 построек, II часть — археологический контекст клинописных архивов слоя I^b (с. 17—21), III часть — предметы из драгоценных металлов (с. 23—38), IV часть — ремесленные мастерские I^b и II (с. 39—51), V часть — мелкие находки и фигурная посуда Каниша обоих слоев (с. 53—83), VI часть — украшения из Ачемуйюка (с. 85—86). Изложение результатов исследований занимает 94 страницы текста, книгу заключают список иллюстраций, таблица отождествления вещей с инвентарями двух музеев, хранящих находки, в Кайсери и Анкаре, планы 15 домов (некоторые с аксонометрической проекцией, конструкциями печей и входов), 23 цветные таблицы керамики и бус, 123 снимка расчищенных домов и деталей интерьера с набором керамических форм на складах, 32 снимка клинописных табличек с вполне читаемым текстом и еще неизданных, 69 снимков находок из металла, камня, керамики, 6 планов городища и его отдельных кварталов, в том числе домов металлургов.

В итоговом комментарии (с. 91 слл.) отмечено включение в книгу находок 1984 и 1985 гг. Экспонированы керамика последнего года раскопок (табл. 135), большой керамический ящик-купальня с ручками для переноса (табл. 134), огромные котлы с головками быков у ручек; клинописные таблички, раскопанные в местном квартале S—T—U/14—16 (табл. 5), где слои I^b и I^a предельно сближаются. Здесь хорошо сохра-

нились архитектура, печи, очаги, имеются погребения в каменных ящиках и пифосах; улица, мощенная плитами с открытым дренажем; в одном из лучших домов (сохраняющих традиционную структуру с лестничной площадкой для подъема в верхнее жилье и деловыми помещениями внизу) у одной из печей найдено три сосуда с клинописными табличками и конвертами, приготовленные для обжига; найден большой ригон с головой куропапки и другой — с головой орла — первое изделие такого рода из стеатита (обычно каменными делали только парфюмерные сосуды). Примечательны фаянсовая фигурка нагой богини, большеносой и большеглазой, с руками у груди — подвеска, лопнувшая во время обжига (табл. 133, 3^a, 3^b), стеатитовая модель для отливки топора, соответствующая изделию, найденному в 1954 г. Автор отмечает, что на фоне богатой коллекции местной посуды количество северосирийского и месопотамского импорта невелико (с. 93) — это лишний раз подчеркивает значение промыслов Каниша. Обнаружен небольшой фрагмент самой значительной из всех найденных до сих пор клинописных табличек — в забутовке здания слоя I^b на главном холме Каниша. Насколько мне удалось понять его содержание по обрывкам строк, это договор, обеспеченный обменом заложниками и указанием нормы паевых компаньонов и приведем их к присяге — особенность, характерная для паритетных соглашений с правителями. Заканчивается текст обычной формулой штрафа за нарушение уговора. Найденная там же модель для отливки свинцовой молитвенной плакетки дает изображение особой божественной триады: фигурка мужчины — против обыкновения безбородого и безоружного, женская — с младенцем на руках, между ними орел вверху и вздыбленная антилопа внизу. На этом заканчивается комментарий к новейшим находкам — дополнение, бесценное по содержательности.

Переходя к содержанию самой книги, остановимся на моментах, представляющих наибольшее наглядности. Карум занимал около двух квадратных километров хаотичной застройки с улицами, петляющими между домами; некоторые районы вовсе не имели улиц, вмещающая до четырех рядов построек. Такого рода застройка удачно названа М. И. Джандиери «сотовой» (ВДИ. 1981. № 2). Р. Опифициус называет ее «агглютинирующей». Кое-где улицы были вымощены и дренаж спрятан под вымосткой. Все дома имели как минимум второй этаж, вероятен и третий. Постройки, как правило, не имели прямых углов, предпочитались «корабельные». Ширина улиц там, где они имелись, достаточна для проезда телеги. Нижний этаж построек — деловой, верхний — жилой. Все дома карума имеют фундамент из андезита и сырцовые стены, кроме одной каменной, соседствующей с печью. Все хранилища, расположенные ниже пола, — каменные, как полагает автор, для защиты от сырости; нам, однако, кажется, что скорее от подкопа. Оптовики часто распределяли свои товары по частным домам, а не в казенных хранилищах, особенно если в партиях товара было много контрабанды. В некоторых домах главные комнаты и часть узких помещений вымощены камнем; автор объясняет это необходимостью употребления воды для производственных нужд. Крыши плоские, из бревен, обмазанных глиной. Справа или слева от входа обычен парапет; нам кажется, что это мог быть прилавок (приказчик, находившийся в доме, назывался «стоящим в дверях» — маловероятно, что снаружи дома). Наиболее частые типы домов: 1) двухкомнатный; 2) две пары комнат; 3) две комнаты, раскрытые в большую, главную; 4) большая главная комната с двумя маленькими у каждой короткой стены; 5) большое число комнат вдоль коридора. Два-три этажа очевидны по частому использованию горизонтальных и вертикальных балок и обязательной лестничной площадке. Важная часть дома — кладовая под лестницей и особенно помещение с печью, очагом и жаровней. Очаг обычно в углу: это толстостенный сосуд из огнеупорной глины на полу или погруженный в пол. Обиходная посуда (иногда с остатками еды) рассеяна по дому в отличие от запасов новой, хранившейся в кладовках.

I часть книги, как мы говорили, приводит новые данные по раскопкам пяти районов: район первый имел позади крупнейшего дома (12 × 9 м) четыре ряда домов без

улиц. Из шести рассмотренных Т. Эзгючем домов половина не имела архивов, т. е. либо обитатели их в торговле не участвовали, либо были компаньонами тех, кто имел архивы. Отмеченные автором ниши неопределенного назначения в одном из таких домов могли, с нашей точки зрения, быть «сейфами», типичными для горских больше-семейных жилищ. В следующем «большом» районе один из крупнейших домов квартала С—D/11—12 (размер 14 × 8) дал громадный архив — 1600 документов и 400 конвертов, несомненно упавших из верхнего жилья. (Следует сказать о роли конверта в документации канишитов: ссудная запись вкладывалась в конверт, который заверяли в конторе общины, *bît kârim*, и с этого момента запись превращалась в вексель, который мог предъявить к оплате любой участник дела где угодно.) Таким образом, это, несомненно, архив крупного ростовщика. Другой, еще более просторный дом (15,5 × 6,8 м) этого квартала расширился постепенно и был, судя по инвентарю, обиталищем мастеровых. Здесь найдено 200 документов. Т. Эзгюч пока обходит район раскопок Б. Грозного (1925 г.), из которого происходит единственный систематически изучающийся в последние годы архив оптовика ИмдЭла. Предполагается расчистить его в дальнейшем; это закрепит важнейший сдвиг в обработке канишских архивов — переход к систематической поархивной обработке материала. В третьем районе дом второй сектора L/9 (5,7 × 4,2 м) имел одну сырцовую стену, прочие каменные, с кладовой внизу; обнаружено много терракотовых изделий, среди них ритон, архив табличек — 80 штук. Этот дом принадлежал местному торговцу, так же как и пятый в секторе M/10—11. Здесь улица максимально благоустроена — трехметровой ширины (для вывоза продукции), с каналом под вымосткой. Район четвертый, наиболее содержательный по архитектуре и находкам, был обитаем и в слое I^a. Здесь дом местного торговца Шупиахшу состоял из трех частей (три, две и три комнаты) и был вдвое больше, чем состоятельный ассирийский дом. Первая комната (13 × 2,5 м) имела ход наверх и две кладовки с мелкой и средней посудой, печь — крупнейшую во всем каруме (диаметр 2,4 м), главный зал размером 5,8 × 5,3 м с очагом и платформой в центре, с зерновой ямой в углу, скамьей типа возникших в Канише в последнюю четверть III тыс. (т. е. в доархивный период жизни поселка). С нашей точки зрения, сбилие заготовленной посуды свидетельствует о службе обеспечения тарой розничной торговли. Т. Эзгюч подчеркивает здесь, что отмеченный им в 1966 г. единый жизненный уровень для пришлых и местных торговцев подтверждается дальнейшими данными. Пожар в поселке случился осенью и был настолько сильным, что спасти ничего не удалось. Однако некоторые дома избежали общей участи. К числу их относится дом второй этого района: здесь найдены посуда, две каменные модели для литья и свинцовые слитки — последнее, как кажется, позволяет отождествить часто упоминающийся металл *appa* со свинцом (см. ниже). Третий дом, U—Y/19—20, имел вход с небольшой площади; здесь хранилось очень много посуды, преимущественно фигурной, в том числе в форме башмачка, фруктовые вазы, сосуды типа Алишар III. Архива нет. Число местных торговцев в этой производственной части карума выше, чем в северной. Среди местных домов кроме дома Шупиахшу наиболее значительным был дом Перувы. В нем были найдены кимвалы (12,8 × 13 см), изданные Нимет Эзгюч. К. Биттель пишет о длительной традиции использования их в культе богини Кибелы (до VI в. до н. э.). Напомним, что дочери оптовиков Пушукена и АмурИштара, дяди ИмдЭла, были жрицами этой богини. Тем самым причастность Перувы к этому культу открывает основу гарантий его престижа. Во введении Т. Эзгюч сетует на то, что на территории карума культовая постройка и контора все еще не найдены. Нам кажется, что их здесь не было и быть не могло, поскольку поселок был по существу филиалом административного центра на главном холме (см. КТК, с. 14 сл., 17 сл. и др.). Посредниками, защищавшими жителей карума, были такие люди, как Перува, относившиеся к элите местного купечества. Как бы то ни было, Т. Эзгюч признает, что ассирийцы ассимилировались в местной среде, по стилю жизни отличной от их родины (с. 15).

Во II части книги, посвященной археологическому контексту архивов карума следующего, I^b слоя, автор вновь подчеркивает, что тот не стал беднее. Находки в погребениях свидетельствуют о роскошной жизни. Все изменения дают развитие той же местной культуры. Отличительная черта — сокращение роли Ашшура. Исчезновение *ḥamuštum*, должностного лица конторы (эпонима недельного срока службы шестерки членов совета, каждый из которых дежурил в конторе один день), не надо связывать с Ашшуром, где такого эпонимата не было, но исключительно с исчезновением краткосрочных ссуд и падением скорости денежного оборота. Причина заключается в исчезновении привозных тканей, которые были главным предметом вывоза ашшурцев, если не считать свинца — денег их внутреннего рынка, которые было выгодно менять в Канише на серебро (свинец здесь стоил вдвое дороже: за 1 сикль серебра — 7 сиклей свинца вместо 15 в Месопотамии). Исчезнувшие ссудные документы были векселями, т. е. ценными бумагами, которые также играли роль денег и могли обесцениваться по причине вытеснения из торговли товара, с которым они были связаны. Товаром этим, как известно, были ткани *кутану*, вытеснение которых местным текстильным промыслом известно еще по II слою. Как отмечает Б. Ландсбергер, письма которого цитирует Т. Эзгюч, документация слоя I^b уже не коммерческая, а семейная: браки, чаще разводы, лишения наследства, работорговля. Нарушение договора карается штрафом в 20 мин серебра (сумма, равная паю оптовика в коллективной торговле карума слоя II) или смертью. Таким образом, налицо свидетельства разрушения кланового бизнеса канишитов.

Судя по документации слоя I^b, город на юго-востоке Малой Азии — Бурушхаттум (хеттская Бурушханда) остается вторым торговым центром наряду с Канишем, как и в документации II слоя; упоминаний о металле *anpaku* в текстах уже нет, называются только медь, серебро и металл *amutum*, который Б. Ландсбергер предложил отождествить с железом взамен прежнего отождествления с железом металла *ašium*; *ḥusaḡu*, прежде отождествлявшийся с гематитом, он предложил отождествить с лапис-лазули. Лазурита, кажется, пока нет, а обсидиан найден на главном холме Каниша в особом хранилище в количестве двух тонн, есть и вещи из обсидиана в каруме и Ачемуйюке. Если менять отождествление драгоценного камня, то, наверное, нужно бы учесть эти находки. Т. Эзгюч приводит аннотации Б. Ландсбергера к документам kt k/K 1, kt n/k 30, 32, 33, 34, 39, kt p/k 4, 6, 7, 15, 16, 17, 19 и в семи таблицах (47, 49, 50, 58—61) дает снимки документов слоя I^b для сравнения с текстами слоя II. Всего в слое I^b найдено 174 документа, возможно, среди них есть и попавшие сюда из II слоя; 87 табличек найдено поверх слоя I^b, и среди них также есть относящиеся ко II слою. Как пишет Т. Эзгюч, территория карума обрабатывалась в течение почти четырех тысячелетий, в эллинистическое и римское время была кладбищем, слои кое-где перерывы и перемешаны. В Алишаре синхронные тексты рассеяны по террасе, т. е. вовсе не имеют археологического контекста, в Богазкёе найдено всего полсотни документов при плохом состоянии слоя. Таким образом, единственным опорным контекстом остается канишский. На главном холме также есть тексты слоя I^b, всего 39 документов, все из дворца Варшамы и других монументальных построек. Два фрагмента одного текста оказались в разных концах городища — еще одно доказательство необходимости по-архивного изучения документов. Только четкое разделение лиц, упоминавшихся в каждом архиве, позволит разложить документы правильно, иначе систематизировать их невозможно.}

Часть III содержит анализ найденных диадем, золотых полос, пластин, фрагментов; особо выделены серьги, кольца из свинца и бронзы, покрытые золотым листом; подвески, кольца, лунницы, застёжки, булавки из золота и серебра, печати и пр.; отдельно рассмотрены золотые вещи и бусы, найденные на главном холме Кюль-тепе.

Часть IV представляет особый интерес, так как содержит уникальные данные о ремесленных мастерских карума обоих слоев — II и I^b (с. 39—51). Одной из главных черт поселка представляется разбросанность мастерских — они не составляют

компактного района, явно возникнув спонтанно и беспорядочно. Другой важной чертой является совместное нахождение в одном доме, в одном жилье литейщика, камнереза (уровня ювелира — резчика печатей) и превосходного гончара. Два последних, несомненно, обеспечивали изготовление форм для литья. Среди моделей есть великолепный образчик полированного камня для отливки двух дисков с изображением орла, распростершего крылья, с головой в профиль и телом анфас (с. 47 — для двух сторон штандарта?). Превосходное оружие, найденное в поселке, иногда имеет соответствующие ему модели в мастерских; типы кинжалов и копий воспроизводятся в местной глиптике в руках богов. Универсальность мастерских, тесно связанных с жильем, — типичная черта большесемейных промыслов. Преобладают портативные тигли и формы отливок, но встречаются и крупные, стационарные (80 × 50 см — с. 41). В четырехкомнатном доме сектора aa—bb/19—20 с инвентарем кузнечной мастерской есть и клинописный архив, к сожалению, до сих пор не изданный (с. 42). В одном и том же доме не редкость печи, модели для отливок, сопла, тигли, заготовки камня, слитки меди и свинца и груды пряслиц. Обычно такие дома архива не имеют; Т. Эзгюч считает их местными, объясняя отсутствие документации обособленностью ремесленников (с. 43).

Часть V объединяет мелкие находки слоев II и I^b, поскольку традиции изготовления фигурной посуды, кувшинов, ваз и пр. не прерывались. Зооморфные ритоны здесь предельно разнообразны (лев, кабан, собака, орел, бык, заяц и др.). В заключительной группе комментируются находки костяных, металлических и каменных вещей: булавки, сосуды, кимвалы, оружие, пряжки, цепочки, браслеты, свинцовые гирьки; особо выделены многочисленные каменные гирьки, заслуживающие специального рассмотрения, напершия булавы, камень для полировки, игральные доски.

В VI части публикуются (с разрешения Нимет Эзгюч) украшения из Ачемуйюка; аналогии канишским вещам из этих раскопок комментируются и в других разделах.

В разделе комментария к находкам из кости, металла и камня (с. 70 слл.) автор отмечает, что «каменные формы исключительно многочисленны по сравнению с другими центрами и обнаруживают большую вариабельность», что служит доказательством ведущей роли металлургии в Канише. Костяные булавки воспроизводят серебряные образцы. То же можно сказать и о замечательных канишских кувшинах, несомненно, воспроизводящих металлические образцы. Преобладают бронзовые, медные и свинцовые вещи: булавки, сосуды, оружие, цепочки, пряжки, гирьки — последние автор склонен отнести к категории слитков (с. 77), с чем невозможно не согласиться. В слое I^b найдены три оловянных слитка (50,15; 24,7 и 30,6 г). Т. Эзгюч, комментируя эту находку, замечает: «Хотя олово было основным металлом канишской торговли, других слитков не найдено». Если мы припомним, что в документах этого слоя annaku не упоминается, но есть множество его упоминаний в документах предыдущего II слоя, где среди находок изобилуют слитки свинца, то, наверное, придется вернуться к прежнему отождествлению этого термина скорее со свинцом, нежели с оловом. Последнее, как известно, всегда было дефицитным и в средневековье ради экономии смешивалось со свинцом при плавке бронзы. Возможно, и канишская металлургия пользовалась этим соединением. Примечательно, что в канишских слитках олова есть примесь серебра, серебро же было международными «деньгами» в Передней Азии. Следовательно, не исключено, что эти слитки были именно «деньгами», а не ремесленным сырьем. С точки зрения денежного обращения канишской торговой общины чрезвычайно интересны вариации веса гирек, приведенные Т. Эзгючем в большой таблице 131 с комментарием и списком на с. 78—80.

Традиционная форма гирьки-уточки представлена мельчайшей из всех известных на Ближнем Востоке, весом в 1,9 г, т. е. менее четверти сикля (45 «зерен», uṭṭātu). Большинство гирек овальные, из черного и серого гематита, красные и коричневые редки. Есть гирьки в форме финиковой косточки и яйцевидные. В списке дано 76 экземпляров: примерно треть (23 штуки) относится ко II слою, половина (37 штук) —

к слою I^b и 8 штук — к слою I^a. В обоих главных слоях гирьки относятся к жилым комплексам, в могилах найдено 8 штук. Одна из этих последних — с металлическим кольцом, вдетым в провизь на кончике; почти все похожи на бусы, но без провизы, и одна сторона у них плоская. По весовым данным чаще всего встречается соответствие одному сиклю. Вес двух экземпляров II слоя — 8 г и 8,05 г; в 13 экземплярах слоя I^b ряд дает нарастание до полуграмма: 8—8,05—8,1; четыре штуки весят 8,17—8,2—8,4—8,45—8,5 г (возможно, в порядке конкуренции скупого и щедрого хозяина). Предлагаемая нами систематизация гирек из таблицы дает любопытнейшие колебания весовых единиц. Они группируются, с нашей точки зрения, согласно ступеням клинописной записи дроби сикля, которые соответствуют ступеням повышения процента, известным из деловой переписки канишитов: 5, 10, 15, 20, 25%, принятых между компаньонами в соответствии с падением платежеспособности должника, и, наконец, 30% — «сообразно делу карума» (kīma awāt kārīm) — на тот крайний случай, когда пришлось прибегнуть к ссуде в конторе карума (bīt kārīm). Для людей, связанных с производством, а не торговлей, условия ссуд были иными — здесь «шаг» крупнее, обычно 40, 60% и выше, вплоть до изъятия недвижимости и заложников. Шкала гирек этих уровней не касается!

Принимая за *нулевую ступень* мельчайшую гирьку, весом 0,65 г (= 15 «зерен», слой I^b), для *первой ступени* (= 1/6 сикля, 30 «зерен»), имеем четыре экземпляра: одну из II слоя — 1,1 г, другую, такого же веса, из слоя I^a; две из слоя I^b весом 1,15 г и 1,3 г. Для *второй ступени* (= 1/4 сикля, 45 «зерен», 5% в месяц с мины), имеем три гирьки: из II слоя — 1,6 г, с поверхности и из слоя I^a одинаковые по 1,8 г. *Третья ступень* (= 1/3 сикля, 60 «зерен»), две гирьки: обе из слоя I^b — 2,2 г и 2,68 г. Здесь также есть гирька и с добавлением «нулевой» ступени, 75 «зерен»: две одинаковые из II слоя, по 2,8 г, одна весом 3,05 г и по одной из слоя I^b — 3,22 г и с оя I^a — 2,85 г. *Четвертая ступень* (= 1/2 сикля, 90 «зерен», —10% в месяц с мины), представлена двумя гирьками: из слоя II — 3,3 г, из слоя I^b — 3,7 г. Полусикль также имеет гирьку с добавлением «нулевой» ступени, 105 «зерен», она представлена двумя экземплярами из слоя II — 3,8 и 3,95 г. *Пятая ступень* (= 3/4 сикля, 135 «зерен»), представлена пятью гирьками: из II слоя — 6,3 г, остальные — из слоя I^b — 5,12; 5,6; 6,3; 6,35 г (это 15% с мины в месяц). *Шестая ступень* (= 5/6 сикля, 150 «зерен»), представлена одним образцом из слоя I^b — 6,75 г; гирька с добавлением к этому весу «нулевой» ступени, 165 «зерен», также одна из II слоя — 7,8 г. Самое последнее добавление — 15 «зерен» — даст уже целый сикль. Примечательно, что есть добавление «нулевой» ступени и к целому сиклю: 195 «зерен» — две гирьки из слоя I^b — 8,85 г и 9 г, и одна из II слоя — 8,6 г. Точность расчетов с деньгами, где 15 «зерен» учитывались как при учете роста процента, так и при выплате таможенной пошлины, заставляет думать, что прамовета уже существовала! Процент за просрочку платежа начинали начислять «с рассвета» (kīma šgī ina pamāgi) дня, следующего за днем платежа, но оформить вексель в конторе, видимо, не торопились. Суммой в 15 «зерен», как мы знаем из переписки, могли и пренебречь, если в дальнейшем задержка не нарастала. Как нам кажется, в самой этой минимальной ступени уже содержалась поблажка (льготный день, сверх суток). Дело в том, что ежедневный процент по норме, соответствующей «делу конторы», составлял 9 «зерен» и 15 были полуторной нормой к ним. Возможно, дежурство члена недельной коллегии, ḥamuštum, вообще длилось не весь день, поскольку они все были заняты личным делом, кроме этой общественной нагрузки, а присутствие открывалось лишь к вечеру, и дела велись в собственном доме дежурного. Но это уже вопрос реалий, как правило, недоступных для нас.

Гирь весом в мину, 60 сиклей, и производных от нее — единицы. Есть одна из II слоя на *четверть мины*, 15 сиклей, 109 г; четыре гири на *треть мины*, 20 сиклей, из них две II слоя — 178,5 и 180 г; одна из слоя I^b — 165 г и одна из слоя I^a — 173 г. «Провес» в размерах двух сиклей можно было позволить себе, разве что взвешивая медь, но не серебро! Есть одна гиря на *полмины* из слоя I^b — 248 г. *Целая мина*

представлена в двух экземплярах из II слоя, 430 и 475 г (с недостачей по минимальному весу сикля 18 и 5 г!). Особенно интересны две крупнейшие гири: из II слоя — 4250 г и из слоя I^b — 5260 г. Если каждая из них соответствовала самой частой крупной сумме серебра, 10 минам, то в первой недоставало 1 3/4 мины, а во второй было лишку на четверть мины. Это соответствие представляется вероятным, поскольку наблюдается систематическое расхождение между гирями слоя II и I^b в сторону занижения в первом случае и завышения во втором. Конкуренция «щедрости» характерна для свободного рынка в ситуациях ненадежного положения торговли. Все представленные Т. Эзгючем гири прекрасно укладываются в сетку особенностей денежных операций канишитов, известных из их переписки. Поэтому здесь уместно остановиться на определении свинцовых дисков с дыркой, которые автор относит также к категории гирь. Один из них происходит из II слоя, прочие — из слоя I^b. Вес их менее определен, как замечает Т. Эзгюч, из-за окисла: диск с двумя штрихами, это, видимо, 2 сикля — 19,4 г (на полсикля больше!); 50,75 г (= 7 сиклей?), 59,95 г (= 8 сиклей?), 575 г (= мина + 10 сиклей), 80 г (= 10 сиклей), 405 г (мина без 10 сиклей?), 1 кг 12 г (= две мины + 7 сиклей?). Свинцовые «гири» в форме оливковой косточки — на 25 г (= 3 сикля?), 53,5 г (= 7 сиклей). Если две последние можно рассматривать и как слитки, широко встречающиеся в Канише, то диски, напротив, пожалуй, и были той самой праформой монеты, которой не могло не быть (как известно, в группу «денег» слитки входят наряду с монетой). Если это так, то появление праформы монеты именно в свинце примечательно, так как этот металл был деньгами внутреннего рынка Месопотамии и Загирья — районов максимально развитого обращения. Здесь уместно перечислить и гири близкого к свинцовым дискам веса, опущенные нами в перечень гематитовых образцов. Они делятся на четыре группы: *первая* — в пределах трех сиклей, из II слоя — на 24,5 г, из слоя I^b — на 24,35, 24,5 и 24,62 г; *вторая* группа — в пределах пяти сиклей, из II слоя — на 41 г (такая же куплена с рук); из слоя I^b — на 45 г и из слоя I^a — на 42 г; *третья* группа — в пределах восьми сиклей, из II слоя — на 62,7 г, из слоя I^b — на 68 г.; *четвертая* группа — в пределах 10 сиклей, все пять экземпляров из слоя I^b: 81 г, 82,5 г, 89 г, 95 г и 98,4 г. Последняя гиря, строго говоря, равна 12 сиклям, т. е. 1/5 мины. Сумма в 10 сиклей соответствует дебену в Египте, где точкой отсчета операций были, видимо, сборы в казну. В статуте канишской общины штраф в 10 сиклей серебра платил секретарь совета, если собирал общее собрание без ведома глав совета. Здесь это также казначейские масштабы, в частной переписке на порядок ниже: обычная угроза — «никто не даст займы и сикля»; наличными выплачиваются только балансные небольшие суммы, деньги же «до последнего сикля» постоянно в обороте.

Появление в ряду свинцовых дисков соответствий 7 сиклям представляется неслучайным. Курс анатолийского серебра по отношению к деньгам Месопотамии составлял 1 : 7 (7,5; 8) в отличие от месопотамского курса 1 : 14; 15. В Сирии мог подниматься до 1 : 9, а в Месопотамии соответственно до 1 : 16,5. Именно эта разница денежных курсов и была причиной перекачивания свинца в Малую Азию, где было выгодно выменивать его на серебро. Утверждения о восточном происхождении аппаки основываются на этих валютных операциях, игнорируя смысл их. Ценность валюты зависит от товарооборота оптовых партий более всего: в Малой Азии это медь и шерсть, а ткани, подвозившиеся оптом извне, как уже отмечалось, начали вытесняться местным текстильным промыслом еще в период II слоя Кюль-тепе, отсюда и вытеснение приходившей вместе с ними валюты, свинца.

На этом мы заканчиваем обзор материалов книги Т. Эзгюча, насыщенной великолепно обработанным интереснейшим материалом, необходимым любому историку, в надежде на дополнительную рецензию квалифицированного археолога, посвященную драгоценностям Каниша и Ачемуйока, достойным специального рассмотрения.

Н. Б. Янковская

В 1986 г. вышел новый сводный отчет о раскопках малоазийского памятника I тыс. до н. э. Кюль-тепе (Каниша, находящегося в 19 км от Кайсери), охвативший материалы раскопок с 1959 по 1985 г. включительно. Систематические раскопки этого памятника, интересного уже в силу особого расположения на пересечении древних внутрианатолийских дорог и его роли в общей организации торговых связей на протяжении всего длительного периода его функционирования, ведутся начиная с 1925 г. (хотя отдельные работы организовывались эпизодически и раньше; они связаны с именем Б. Грозного). Огромный материал, характеризующий особенности Каниша, его внутреннюю жизнь, находил уже отражение в специальных изданиях, в частности в подробных отчетах о раскопках в 1948 и 1949 г., свободной работе, опубликованной в 1959 г., а также в специальных статьях в различных журналах¹. В работе анализируются специально отобранные материалы, позволяющие дать торгово-производственную характеристику *карума* (торговой общины) Каниша, которые, по словам автора, «не только освещают историю и искусство Анатолии, но дают детальную картину первых торговых структур древности» (с. XI). Общий объем археологических раскопок Кюль-тепе, количество накопленного материала, содержание находок обеспечивают широкие возможности для определения особенностей поселения в системе других памятников II тыс. до н. э. Но главным для автора оставалось исследование динамики экономической жизни Каниша, включая производственные показатели ее потенциала.

Состав и общая характеристика основных разделов работы Т. Эзгюча освещаются в рецензии Н. Б. Янковской, в которой, в частности, особое внимание уделяется анализу платежных расчетов, рассмотрению курса основных оборотных средств, объяснению специфических мер, выявленных ею в публикуемом наборе гирек, обнаруженных в Канише. Последнее существенно углубит наши знания об организации торговли в Анатолии II тыс. до н. э., в частности в Канише, который определяется Н. Б. Янковской как важный центр международной торговли. Нам же представляется возможным остановиться целенаправленно на характеристике приводимого в работе материала, содержащего сведения о производственной жизни города Каниша.

В этом плане особое место в книге занимает четвертый раздел под названием «Мастерские карума Каниша». Основная часть описываемых Т. Эзгючем мастерских связывается с обработкой металла. Природа канишских мастерских, как пишет Т. Эзгюч, «очевидна благодаря их инвентарю». Это «портативные формочки для производства металлических изделий, большие стационарные формы, врытые в землю (пол), значительное количество тиглей, сопла, воздуходувные трубки, много нестандартных форм, различные инструменты, используемые мастерами» (с. 39). Описывая мастерские слоя Ib и слоя II, Т. Эзгюч особо подчеркивает значение большой мастерской кузнеца-медника во втором слое, материал которой, по его словам, содержит важную информацию не только о металлообработке в Канише, но и о развитии металлообработывающего производства анатолийских областей самого начала II тыс. до н. э.

В характеристике мастерских важное место занимает описание литейных форм. Формы, найденные в мастерских, многочисленны и разнообразны по своему характеру, размерам, материалу. Например, в одной мастерской слоя Ib (в квадрате Z—aa/26—27) обнаружено 14 форм, из них 6 — терракотовых и 8 — из твердого камня (с. 40). Технические условия отливки изделий в формы из разного материала несколько различаются. Литье в каменные формы требует нагревания последних. Р. Тайлекот, про-

¹ См. *Özgüç Tahsin. Kültepe-Kaniş. Ausgrabungen in Kültepe 1948 // Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. V ser. № 107. Ankara, 1950; idem. Kültepe-Kaniş. New Researches at the Center of the Assyrian Trade Colonies. Ankara, 1959.*

водивший специальные исследования, отмечал, что нагрев таких форм до 200° и смазывание (например сажей) обеспечивают оптимальные условия их использования при литье².

Терраотовые формы более пластично реагировали на температуру раскаленного металла, хотя тоже требовали специального подогрева. Наличие форм из разного материала в одной мастерской свидетельствует в какой-то степени о широкой подготовленности мастера, умевшего маневрировать в работе с разными по материалу формами. Формы, обнаруженные в Кюль-тепе, как правило, имели матрицы на всех или нескольких гранях призмы. Для некоторых форм две-три матрицы фиксируются на одной поверхности. Размеры форм, как отмечалось, разные. Самая большая терраотовая форма — 50 × 80 см была закреплена в полу и предназначалась для изготовления длинных специальных брусков. Формы использовались для отливки различного рода изделий: серег, дисков, молотков, топоров, слитков, наконечников копий такого же образца, как в руках богов на печатях Каниша, и т. д.

Судя по опубликованным материалам, применялись разные принципы и приемы литья — литье в формы открытые и закрытые двойные или в так называемые разъемные двойные (части которых изображены на табл. 37, 1 *a*, *b*; 3 *a*, *b*). На некоторых формах прослеживаются желобки, ведущие от рельефа матрицы к краю формы — литниковые отверстия, через которые заливали металл в форму. К рассматриваемому периоду литейная техника на всем Ближнем Востоке достигла уже значительного развития³. Приводимые Т. Эзгючем данные о литейных формах кюльтепинских мастерских (описания, таблицы, рисунки) не только раскрывают высокий производственный потенциал технически развитого литейного дела Каниша, но и выступают важным доказательством успешного развития его в рассматриваемый период в Передней Азии.

Необходимым компонентом организации литейного дела являются специальные приспособления для расплавления металла. Описывая мастерские, Т. Эзгюч отмечает в них специальные технические сооружения и оборудование — печи, большое количество тиглей, сопла, воздухоудвные трубки, специальные глиняные сосуды и другие приспособления, используемые для плавки и выплавки металла.

Тигли представлены разными вариантами и размерами. Особо выделяет Т. Эзгюч интересную по своему устройству и характеру материала мастерскую, раскопанную в комплексе квадрата N—M—L /14—15, в которой были найдены в значительном количестве тигли, в том числе необожженные, в сочетании с формами для заготовок, соплами, воздухоудвными трубками (с. 42). Тяжелые сосуды со следами бронзы были обнаружены в другой мастерской слоя I (в квадрате aa/23—27). Т. Эзгюч замечает, что эти сосуды были сделаны из грубой огнеупорной глины. Приспособления, предназначенные для плавки металла, и прежде всего тигли должны были выдерживать высокие температуры до 1000° и выше и, как правило, изготавливались из особых, часто отощенных кварцем или другим отошителем огнеупорных глиняных масс⁴. Ко II тыс. до н. э. тигли как необходимый «инструментарий» литейного дела имели уже длительную историю технического функционирования (тигли из Тали-Иблис датируются V тыс.

² *Tylecote R. F. Casting Copper and Bronze into Stone Moulds // Bulletin of the Historical Metallurgy Group. 1973. 1. P. 2—4.*

³ *Forbes R. J. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950; idem. Studies in Ancient Technology. V. VIII. Leiden, 1964.*

⁴ В средневековье, например, использовался специальный термин для обозначения особых глиняных масс, из которых изготавливали тигли. Известный арабский химик X в. ар-Рази пишет в своей книге «Тайны тайн»: «Если не найдешь (такой чаши), то сделай подобную ей из глины (для изготовления) тиглей...» (*Каримов У. И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957. С. 97*).

до н. э.)⁵. Количество и характер тиглей — важные показатели большой емкости плавильных работ в Канише. А сами тигли, точнее весь их комплекс, включающий и необоженные варианты, представляют особый интерес для восстановления температурных режимов и дифференцированной характеристики приемов металлообработки.

Организация необходимой для выплавки и расплавления металла температуры происходила в Кюль-тепе, как отмечалось, в период уже высокоразвитых на Востоке и дифференцированных металлургии и металлообработки, по отработанным схемам и при наличии специализированного оборудования и прежде всего специальных горнов (один из древнейших — горн Тимны в Палестине — относится к IV тыс. до н. э.)⁶. В то же время находки горнов, археологически четко увязываемых с металлообработывающими работами, — крайне редкое явление. И в этом плане кюльтепинские мастерские содержат чрезвычайно важный материал. Как правило, горны для обработки металла — в отличие от керамических печей — небольшие. Выплавка же руд и плавка металла требовали концентрации огня при коротком, но жарком пламени. Об эффективности использования небольших емкостей для плавления и выплавки металла, в том числе различного рода тигельных плавок, можно судить по данным этнографии, в частности о выплавке металла мастерами Индии, Африки⁷. Рисунки и фотографии печей, проводимые в работе, служат в комплексе с описаниями ценным материалом для исследования «теплотехнических» оснований развития металлообработывающего производства. Дополнение их специальными чертежами и технически важными показателями сделало бы их еще более научно значимыми.

Сопла и воздуходувные трубки — практически постоянный инвентарь мастерских первого слоя. Именно при помощи таких трубок раздувался огонь в маленьких горнах, в которые помещались тигли, как это изображено на стенках египетской гробницы Ти (2500 г. до н. э.)⁸. Сопла и трубки изготовлялись в мастерских. Т. Эггюч отмечает наличие формочки для изготовления сопла. Готовые изделия дорабатывали ковкой в холодную, в горячую, с промежуточным и заключительным или только с заключительным обжигом. В качестве инструментов и приспособлений дляковки Т. Эггюч отмечает наковаленки в виде плоских камней. Большая лопнувшая от жара колода на подставке была обнаружена в одной из комнат (квадрат aa/19—20), мощенной каменными плитами. Вокруг находились тигли и куски шлака (с. 41).

О развитости и широких масштабах кузнечных и литейных работ свидетельствуют сами металлургические изделия: медные, свинцовые, серебряные. При изготовлении изделий широко использовались бронзы. Бронза на Ближнем Востоке появляется на рубеже IV—III тыс. до н. э. Найденные в Уре образцы, относящиеся к III раннединастическому периоду, содержали олово в пределах 6—10%⁹.

Олово, вводимое в состав бронз (уже при добавке ее к меди в количестве 5% температура плавления смеси падала до 1050° и возрастала ее твердость), упоминается в текстах Каниша. В канишских клинописных документах оно называется *аннаку*. Но последнее могло одновременно означать и свинец. Необходимо отметить, что при практическом использовании олова и функционировании его в торговых операциях в древности и даже в средневековье свинец и олово различали плохо, они не имели

⁵ Investigation at Tal-i-Iblis / Ed. J. Coldwell // Illinois state Museum. Preliminary Reports. № 9. Illinois, 1964. P. 18—20.

⁶ Lupu A. Metallurgical Aspects of Chalcolithic Copper Working at Timna (Israel) // Bulletin of the Historical Metallurgy Group. 1970. 1.

⁷ Forbes R. L. Studies in Ancient Technology. V. VIII. L. 1964. P. 127.

⁸ Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1967. С. 337.

⁹ Woolley C. L. Ur Excavations. II. Royal Cemetery. P. 290; Elam C. F. Some Bronze Specimens from the Royal Graves at Ur // The Journal of the Institute of Metal. L., 1954. XLVIII. P. 98—100.

четких определений. Цезарь при упоминании олова в Британии называл его *plumbum album* (белый свинец) в отличие от обычного свинца *plumbum nigrum* (черный свинец). В сочинении такого крупного средневекового ученого Востока, как Бируни (X в.), достаточно точно дифференцировавшего вещества, название *анук* связывается со свинцом. Глава о свинце начинается так: «Это *анук*, а по-персидски он называется *усруф*». Но далее: «... *абар*, идущий на изготовление глазных лекарств,— это не малайское олово (*расаф кала'и*) и не передельный свинец, а это один из видов свинца, чистый, мягкий...»¹⁰. «*Абар* и *анук*,— пишет У. И. Каримов,— в некоторых словарях не различаются ... Но Рази употребляет слово *абар* в смысле олова»¹¹. Именно поэтому в тех случаях, когда слово *анук* связывается с денежными операциями малоазийских торговцев, необходима особая осторожность в его интерпретации.

Данные о мастерских, приводимые Т. Эзгючем, позволяют говорить о том, что производство, организованное в них, ориентировалось на значительный объем выпускаемых изделий при большом ассортименте последних. В этом плане металлообрабатывающее производство Каниша — серьезное доказательство его характеристики как торгово-производственного центра, ориентированного и на экспорт, в котором металл играл важную роль (с. 70). Такое положение Каниша определялось не только общей ситуацией активного развития торговых связей во II тыс. до н. э., когда он стоял в центре пересечения торговых путей, но и активным развитием металлургической и металлообрабатывающей деятельности на Анатолийском плато. Здесь было открыто значительное количество (около 50) мест, связанных с ранней металлургической деятельностью, собраны образцы шлаков, руды, зафиксированы пункты металлообработки, проанализированы многие древние изделия¹². Каниш выражал четко определившуюся тенденцию расширения роли металлообрабатывающего производства в экономической организации древнего общества Передней Азии.

Кроме металлообработки в Канише процветало производство резьбы по камню. Об этом свидетельствуют не только каменные формы, сами изделия, но и сырьевые заготовки. Т. Эзгюч отмечает обработку хрустала и обсидиана. В одном из помещений было найдено более двух тонн обсидиана (с. 51). Там же был обнаружен кусок обсидианового сосуда и обсидиановая заготовка. Безусловно, важным компонентом организации специализированного труда была керамика. Керамические изделия Каниша разнообразны и выполнены в лучших образцах изделий Передней Азии. В общем производственном потенциале Кюль-тепе важную роль играли и другие ремесла, в первую очередь ткацкое.

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что общепроизводственный потенциал Каниша, во всяком случае представленный слоем I б, не позволяет рассматривать его лишь как торговый центр (хотя и имеющий международную значимость) с подсобными, необходимыми для функционирования такого постоянного и крупного для своего времени поселения производствами. Развиваясь сначала как торговый международный промежуточный пункт в малоазийской торговле, Каниш постепенно вырастает в самостоятельный торгово-ремесленный центр, представляющий определенный тип организации поселения-города.

Особую значимость в работе представляют материалы, обеспечивающие соответствующие возможности реконструкции (хотя и опосредованным путем) условий функ-

¹⁰ Бируни *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед*. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. М., 1963. С. 242.

¹¹ Каримов. Указ. соч. С. 152. Прим. 309.

¹² Neuninger H., Pittioni R., Siegl W. Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolien // Arch. Austr. Wien. 1964. Ht 35. S. 98—110; *idem*. Research in Prehistoric Metallurgy in Turkey // HW. 1974. V. 8. № 2.

ционирования ремесленного труда в период продолжающегося становления его как особого типа организации общественного труда.

Особенности расположения мастерских, их размеры, внутренняя планировка, содержание инвентаря, оборудование, заготовки, сами вещи раскрывают мир ремесленного труда. Рассматривая мастерские слоя I b, Т. Эзгюч подчеркивает одну особенность, очень важную для характеристики организации специализированного труда. Мастерские *карума* не выделяются в отдельный участок, а разбросаны хаотично (с. 37), и каждая из них функционирует как бы самостоятельно. Между тем в ситуации сложного и многопланово проявляемого процесса развития ремесленного труда известны как характерные для III—II тыс. до н. э. своего рода производственные комплексы, археологически фиксируемые в виде особых, выделяемых на поселениях участков. Такого рода производственный участок, связываемый с гончарным производством, обнаружен на среднеазиатском памятнике Алтын-депе (период Намазга-V — конец III — начало II тыс. до н. э.), где сосредоточены в принципе однотипные печи¹³. Особо выделяется на Алтын-депе и место производственной деятельности «металлистов». Локализованный производственный участок гончаров отмечает М. Този для Шахри-Сохте¹⁴ (II тыс. до н. э.). Не останавливаясь на рассмотрении вопроса о становлении разных форм организации ремесленного труда в процессе вычленения его как особого типа труда, важно отметить безусловную специфику функционирования ремесленного труда в Канише. Несомненно, последняя определялась во многом условиями формирования Каниша — сначала как промежуточного торгового пункта, затем — особенностями его функционирования и развития и постепенного превращения в торгово-производственный центр.

Мастерские, описываемые Т. Эзгючем, не только были хаотически разбросаны, но, судя по приводимым данным, имели при многих общих чертах свой индивидуальный отпечаток. Автор отмечает достаточно высокий уровень жизни и положение ремесленников. Дома ремесленников имеют каменные фундаменты, добротные стены из сырцовых блоков и не производят впечатления убогих. Полы часто, особенно в рабочих комнатах, вымощены каменными плитами. Некоторые мастерские принадлежали состоятельным мастерам. Большая производственная мастерская расположена в квадрате N—M—L/14—15, где были обнаружены печи, тигли, формочки для сопла, необожженные формы и т. п. (с. 41—42, 77). Описывая мастерскую другого типа в квадрате bb—cc/19—20, Т. Эзгюч указывает на мощный пол, наличие у каждой стены каналов с водой. Все мастерские имеют выход на улицу; возможно, там были специальные места для совершения торговых операций. Инвентарь, полуфабрикаты, количество и характер производимых изделий и организация самих мастерских свидетельствуют о большей или меньшей втянутости самих производителей в обменные отношения, хотя основные движения товара организовывались торговцами.

Показательно, что ремесленники и торговцы селились рядом и по уровню жизни, судя по археологическим данным, различались мало. Т. Эзгюч высказывает свое согласие с Мюллером, что мастерские I и II слоев Кюль-тепе, богатые инвентарем, являются типичными не только для Центральной Анатолии, но и для всей Западной Азии (с. 46). Однако представляется, что при сохранении общих технико-технологических схем, производственных норм и социально-экономической значимости существовали отличия в положении, характере организации производственной деятельности ремесленников для разных по уровню, особенностям, месту в экономических и политических отноше-

¹³ Сайко Э. В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973; Масимов И. Керамическое производство бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад, 1976. С. 95—96.

¹⁴ Tozi M. The notion of Craft Specialization and its Representation in the Archaeological Record of Early States in the Turanian Basin // Marxist Perspectives in Archaeology. Camb., 1984. P. 22—52.

ниях социально-поселенческих структур Ближнего Востока городов. В этом плане канишские мастерские дают характерный (но корректируемый особенностями функционирования Каниша в его торгово-экономических связях) вариант. Одной из особенностей его является повышенная активность и маневренность связей ремесло — торговля.

Приводимые Т. Эзгючем в работе материалы достаточно убедительно вскрывают не только «жизнь торгового центра во всем его размахе», что являлось важной задачей автора, но и изменения статуса Каниша. Хорошо выявляются изменения основы функционирования города в связи с превращением его из торгового, передаточного, узлового (в какой-то мере «служебного») пункта в торгово-ремесленный центр, имеющий иной потенциал и уровень жизнедеятельности.

В целом новая работа Т. Эзгюча, посвященная Канишу, представляет интерес не только для характеристики Каниша как примера поселения с определяющей торговой, а затем торгово-ремесленной функцией, но и для изучения характера экономических связей малоазийских городов. Приводимые в работе данные в комплексе с материалами других публикаций по Канишу имеют также важное значение для углубления и расширения проблематики города древнего Востока, в том числе в плане технико-производственных условий и социально-экономических форм его развития.

Э. В. Сайко

© 1990 г.

КАРФАГЕН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

W. HUSS. *Geschichte der Karthager*/C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1985//Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 3. Teil 8. S. 578.

Рецензируемая книга вышла в свет в известной серии справочников по истории древнего мира «Handbuch der Altertumswissenschaft». В соответствии с общим характером публикуемых в указанной серии трудов она должна быть исчерпывающим на момент издания справочным пособием по карфагенистике. Конечно, у автора рецензируемого сочинения, профессора Бамбергского университета (ФРГ) В. Гусса были блестящие предшественники — О. Мельцер и У. Карштедт¹, а также Ст. Гзелль², однако со времени публикации их обобщающих трудов прошло несколько десятилетий интенсивного изучения Карфагена и в целом истории и культуры финикийя в Западном Средиземноморье. Неоднократно издававшиеся в различных странах книги О. Карфагене³ по охвату материала и по своему общему уровню значительно уступают упомянутым выше сводкам, которые к настоящему времени не могли не устареть. Труд П. Сэнта⁴ посвящен преимущественно археологическим проблемам. Исследование В. Гусса,

¹ Meltzer O. *Geschichte der Karthager*. Bd I—II. B., 1879—1896; Meltzer O., Kahrstedt U. *Geschichte der Karthager*. Bd III. B., 1913.

² Gsell St. *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*. T. I—VIII. P., 1913—1928.

³ Lapeyre G.-G., Pellegrin A. *Carthage punique*. P., 1942; Walter G. *La destruction de Carthage*. P., 1947; Barreca F. *Cartagine e la sua civiltà*. Sassari, 1960; Warmington B. H. *Carthage*. L., 1960; Fantar M. *Carthage*. Tunis, 1970; Moscati S. *I Fenici e Cartagine*. Torino, 1972; Decret F. *Carthage ou l'empire de la mer*. P., 1977. Acquaro E. *Cartagine: un impero sul Mediterraneo*. Roma, 1978; Tlatli S.-E. *Le Carthage punique*. P., 1978.

⁴ Cintas P. *Manuel d'archéologie punique*. V. I—II. P., 1970—1976.

таким образом, отвечает давно уже ощущавшейся потребности свести вместе весь материал по истории и культуре Карфагена и рассмотреть их в единстве как законченный процесс во всей его сложности и многообразии⁵.

В целом книга В. Гусса отличается необходимой полнотой. В ней практически учтены все источники — археологические, эпиграфические и нарративные, в том числе и те, на которые его предшественники не обращали должного внимания. Современная исследовательская литература также учтена в труде В. Гусса практически без пропусков. В связи с этим хотелось бы отметить, что В. Гусс преодолел принцип «*Rossica non leguntur*»; он тщательно учитывает все публикации советских историков, посвященные Карфагену и вообще финикийцам на Западе, давая им непредвзятую объективную оценку. В результате мы располагаем сочинением, в котором всесторонне изучены как политическая история Карфагена от момента основания до гибели, так и его экономика, социальная и общественно-политическая структура, организация управления и духовная жизнь. Само собой разумеется, автор был скован источниками, распределенными по отдельным проблемам крайне неравномерно, а иногда и чрезмерно лаконичными; он, однако, стремится соблюсти в своем изложении необходимые пропорции. Книга В. Гусса завершает собой важный этап в развитии карфагенистики (30—80-е годы); дальнейшее развитие этой науки возможно теперь только от рубежей, намеченных в рецензируемом труде.

Тем не менее в труде такого рода, посвященном к тому же теме, недостаточно обеспеченной источниками, а потому полной лагун и белых пятен, возможны и даже неизбежны спорные положения. Мы не устанем повторять, что наука есть область споров и что дискуссионность того или иного исследования сама по себе не является его недостатком. Однако спорные тезисы в работе В. Гусса нуждаются в специальном рассмотрении.

Привлекают внимание прежде всего замечания В. Гусса о датировке начала финикийской колонизации на Западе (с. 7). Как известно, между литературной традицией, относящей начало финикийской колонизации к XII в. до н. э., и археологическими памятниками (древнейшие финикийские фонды на Западе датируются VIII в. до н. э.) существует разрыв. Вопреки ходячим представлениям автор резонно замечает, что относительно поздняя датировка археологического материала не объясняется началом финикийской колонизации в VIII в.; он склонен датировать начало финикийской экспансии XI в. до н. э. Нам представляется, правда, что нет оснований отказываться от датировок этого процесса второй половиной XII в., сохраненных античной традицией, воспроизводящей, по всей видимости, финикийское предание. С этой оговоркой позиция В. Гусса кажется единственно приемлемой.

Обращают на себя внимание и замечания В. Гусса по поводу библейского Таршиша (с. 29—30). Автор обоснованно отвергает филологически несостоятельное отождествление библейского Таршиша с киликийским Тарсом, а также идентификацию Тартесса с Гадесом, имевшую хождение в античной историографии. Наиболее распространенная в исследовательской литературе точка зрения, согласно которой библейский Таршиш адекватен Тартессу античной исторической традиции и локализуется в Южной Испании, до сих пор наиболее полно и убедительно отвечает имеющемуся в настоящее время фактическому материалу⁶.

⁵ Уже после публикации книги В. Гусса увидела свет монография Ю. Б. Циркина «Карфаген и его культура» (М., 1986), в которой автор особенно много места уделил истории культуры. В этом отношении исследование Ю. Б. Циркина хорошо дополняет труд В. Гусса.

⁶ Гипотеза, согласно которой Таршиш следует искать на островах Эгейды (предположительно Лемнос и Лесбос; см. *Немировский А. И.* Этрусски. От мифа к истории. М., 1983. С. 33—36), представляется фантастической и не заслуживающей серьезного рассмотрения по существу. Упоминание у Полибия (III.24.2—4) во втором договоре Карфагена с Римом *Μαστίας Ταρσηίου* бесспорно свидетельствует об идентичности Таршиша и Тартесса.

Останавливаясь на обстоятельствах основания Карфагена (с. 40—42), В. Гусс отрицает историчность свидетельства об этом событии Помпея Трога, сохраненного в изложении Юстина (18. 4—5). Его аргументы: отсутствие в тирской ономастике имени Пигмалион, если не принимать во внимание восходящий к Менандру Эфесскому царский список у Иосифа Флавия (С. Ар. I. 124—125); утверждение, что руководство колонизационным процессом принадлежало женщине, неубедительно; обстоятельства побега легендарны; история Бирсы основывается на греческой народной этимологии; рассказ о находке конской головы восходит к изображениям конской головы на пунийских монетах; предположение, что Карфаген на раннем этапе своей истории управлялся царями, по меньшей мере, спорно, как и утверждение, будто в Карфагене существовал культ Элисы.

Судить о том, существовало ли в Карфагене имя Пигмалион, мы не можем, так как необходимый материал отсутствует. Между тем в надписи KAI 73 на золотом медальоне, найденном в Карфагене, но происходящем с Кипра и датированном VIII в. до н. э., Пигмалион (pigmlyon) представлен богом — спасителем некоего Йада Милька, сына Пудихиллеца; ср. также у Гесихия (s. v. Πυγμαλίων· ὁ Ἰαδῶνις παρὰ Κυπρίους. Имя божества в качестве царского имени засвидетельствовано для Тира еще в одном случае (царь Ба'ал), так что царское имя Пигмалион как воспроизведение имени соответствующего божества для Тира — хотя и редкий, но не единичный случай. Имя Пигмалион считается греческим⁷; оно, по-видимому, было заимствовано вместе с соответствующим культом от кипрских греков до IX—VIII вв. По Аполлодору (Biblioth. 3.14.3) известно, что кипрский царь Пигмалион был персонажем греческих сказаний, где он изображен выдающимся скульптором, влюбившимся в изваянную им статую Галатеи. Как бы то ни было, для списка тирских царей имя Пигмалион засвидетельствовано не только Юстином, но и Менандром Эфесским, и высказывать по этому поводу сомнения оснований нет.

Сомнения в том, что Дидона-Элисса могла возглавить колонизационное движение, также не представляются основательными. Достаточно вспомнить активную роль, которую играла Изевел, по происхождению тирская царевна, в политической жизни Израильского царства; ее дочь Аталия в течение нескольких лет была правительницей Иудейского царства. Традиция относится к ним резко отрицательно, однако факт остается фактом: в жизни сиро-палестинских обществ возникали ситуации, когда фактическая власть оказывалась в руках женщин. Дидона-Элисса в качестве организатора колонизационной экспедиции, основательницы и правительницы Карфагена вписывается в этот ряд без каких-либо натяжек.

История Бирсы в изложении Юстина (18.5.9) действительно производит впечатление греческой народной этимологии (dein empto loco, qui corio bovis tegi posset ... unde postea ei loco Byrsae nomen; греч. βύρσα — «шкура»). Перед нами, однако, два очевидных факта: разработка широкораспространенного фольклорного сюжета и Бирса — название холма, на котором был расположен и основан Карфаген, хорошо засвидетельствованное античной традицией. Араб. buršun — «подстилка, циновка» позволяет предположить, что слово с аналогичным значением (*burš — «подстилка, циновка, разостланная шкура») существовало также и в финикийско-пунийском языке. Если бы это было так, перед нами был бы любопытный пример близости (случайной?) одинаково звучащих слов — финикийского и греческого. Сказанное дает основания думать, что Юстин сохранил финикийское предание (Помпей Трог вообще воспроизводит один из вариантов пунийской исторической традиции⁸), ориентирующееся не на греческую, а на финикийскую этимологию. Существенно, что прямой ссылки на греческий язык у Юстина нет. Общеизвестно, что фольклорные предания об историческом прошлом нередко в той или иной форме отражают историческую реальность.

⁷ Friederich J., Rölling W. Phönizisch-punische Grammatik. Roma, 1970. S. 99.

⁸ Шифман И. III. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л., 1963. С. 40—41.

Что касается рассказа о находке конской головы, то ход рассуждений может быть и обратным тому, который принял В. Гусс: это предание возникло не потому, что карфагеняне изображали на монетах конскую голову, но напротив, появление конской головы на монетах объясняется этим преданием.

Ничего невероятного нет и в том, что в Карфагене на раннем этапе его истории существовали монархический режим и культ легендарной основательницы города Дидоны-Элиссы. Царская власть в финикийских городах переднеазиатского региона была повсеместно, в том числе и в Тире. Нет ничего удивительного в том, что она возникла и в Карфагене в ситуации, когда колония с самого начала была независимой от Тира и ею руководила женщина, принадлежавшая к тирской царской семье. Республиканский режим был здесь следствием государственного переворота. Заметим, впрочем, что у Юстина только Дидона-Элисса именуется царицей; в греческой историографии верховные правители карфагенян устойчиво именуются царями. В разработке легенды об основании Карфагена у Помпея Трога — Юстина прослеживается литературное влияние и отчетливо ощущается фольклорность традиции. Однако в любом случае нет оснований не принимать предание в целом.

Думается, что В. Гусс прав, не отвергая указание Страбона, согласно которому население Карфагена достигало к началу III Пунической войны 700 тыс. чел. (с. 50 — 51). Действительно, Карфаген был одним из самых многолюдных городов древности, и Страбон точно указывает порядок величин, которыми исчислялось его население. В. Гусс отмечает, в частности, что во время войны с Агафоклом (IV в.) карфагеняне могли в короткий срок мобилизовать гражданское ополчение в 45 тыс. воинов. Заметим еще, что по окончании III Пунической войны, после страшного побоища, учиненного римлянами в Карфагене, они взяли в плен 50 тыс. чел., укрывавшихся в храме Эшмуна. Вообще же цифра Страбона, возможно, восходящая к свидетельству Полибия, не невероятна. Достаточно вспомнить, что население Рима в I—II вв. н. э. составляло 1—1,5 млн. чел., а ценз провинциальной, ничем не выделявшейся Апамен в Сирии дал цифру 200 тыс. чел. (если принять, что учитывались только граждане-мужчины, эта цифра должна возрасти, по крайней мере, в 2,5—3 раза).

Вероятно, более глубокой проработки заслуживал эпизод изгнания Малха, его бунта и гибели (с. 62—63). С нашей точки зрения, следовало бы рассмотреть эти события в плане социальной и общественно-политической борьбы в карфагенском обществе; В. Гусс ограничивается только весьма неопределенным замечанием: «политические противники Малха», а также указанием на принадлежность Магона к политической группировке, устранившей Малха. Между тем свидетельство Юстина (18.7.2—19) дает основание говорить об антиолигархической направленности бунта Малха, о введении им новых законов, т. е. о политических реформах, а также об установлении им режима личной диктатуры.

На с. 66 (прим. 86) в качестве источника по истории финикийян В. Гусс указывает на известный из Южной Франции «Марсельский» тариф жертвоприношений (КАI 69). Однако можно считать установленным, что он происходит из карфагенского храма Ба'алцафона, а в Массилию попал при невыясненных обстоятельствах после гибели Карфагена. Плавание Ганнона вдоль африканского побережья Атлантического океана и основание там карфагенских колоний (что нашло отражение в «Перипле Ганнона») автор склонен датировать последней третью VI в. до н. э. (с. 82). В. Гусс делает вывод, что экспедиция Ганнона состоялась до 465/64 г., во-первых, исходя из того, что сведения о попытке перса Сатаспа, современника Ксеркса (486—465/4 гг.), совершить плавание вокруг африканского побережья Геродот (4.43) получил от карфагенян, и, во-вторых, потому, что Гекатей Милетский (GH 1, Hecat. F357) знал о существовании Мелитты — города, основанного Ганноном. Аргументация В. Гусса небезупречна. Геродот действительно ссылается на карфагенян, повествуя о предприятии Сатаспа, однако сведения о нем могли быть получены в Карфагене из рассказов участников экспедиции, которая на обратном пути, как можно предполагать, не миновала Карфаген.

Что же касается Гекатея Милетского, то город, основанный им, не обязательно идентичен колонии, основанной Ганноном: все-таки Гекатей говорит о «полисе ливийцев» (πόλις Λιβύων), а не о полисе ливии-финикиян. С нашей точки зрения решающий аргумент в пользу датировки «Перипла» VII—VI вв. до н. э. — находка в Могадоре пунийской керамики, датированной указанным временем⁹.

Одним из объектов оживленной дискуссии в карфагеноведении является вопрос о локализации Прекрасного мыса, упоминаемого в первых двух договорах Карфагена с Римом, цитируемых Полибием (3.22.4—11; 3.24.3—13). Обычно его ищут в Северной Африке и отождествляют либо с Promunturium Apollinis (=мыс Фарина = Рас Сиди Али ал-Мекки), либо с Promunturium Mercuri (=мыс Бон = Рас ат-Тиб). В. Гусс (с. 87—89) высказывается в пользу первой идентификации. От решения данного, на первый взгляд третъестепенного, вопроса зависит решение целого ряда важных проблем истории торговли и межгосударственных отношений в Западном Средиземноморье, поэтому он заслуживает специального рассмотрения. Как известно, Полибий (3.23.1—4) локализует Прекрасный мыс в Северной Африке непосредственно перед Карфагеном (имеется в виду морской путь к Карфагену), севернее города. Высказываясь в пользу мыса Фарина, В. Гусс отмечает, что суда, прибывавшие из Италии к побережью Северной Африки западнее мыса Фарина, должны были миновать его. Само название Καλὸν ἀκρωτήριον он возводит к Pulchri promunturium, упоминаемому Титом Ливием (29.27.12); вместо ожидаемого Καλὸν ἀκρωτήριον Полибий ошибочно перевел Καλὸν ἀκρωτήριον. Последний довод представляется все же недостаточно убедительным. Маловероятно, что Полибий в предполагаемом древнелатинском *Polkroi *promontousiom (Pulchri promunturium) мог принять генетив *Polkroi за прилагательное, присоединенное к *promontousiom; конструкция, которую имел в виду В. Гусс, была бы *Polkrom *Promontousiom — разница слишком очевидная. Другое дело, что, не имея надежных географических ориентиров в самом документе, Полибий мог спутать «Мыс Прекрасного» с «Прекрасным мысом».

В. Гусс, безусловно, прав, когда он считает нужным при решении подобных проблем исходить не из комментария Полибия к договорам, а непосредственно из текста договоров. Первый договор не содержит указаний, где находится Прекрасный мыс; там только упоминается запрет римлянам и их союзникам плавать за Прекрасный мыс: кроме этого, имеются специальные статьи, регламентирующие торговлю [в Ливии, Сардинии и Сицилии. Второй договор Карфагена с Римом запрещает римлянам плавать за Прекрасный мыс, в Мاستию и Тартесс; для римской торговли закрыты Сардиния и Ливия. Как показал Л. Виккерт¹⁰, эти клаузулы становятся понятными, только если Прекрасный мыс отождествить с мысом Палос на Пиренейском полуострове.

Как известно, второй договор Карфагена с Римом был заключен от имени карфагенян, тирян и утикийцев. Упоминание в договоре тирян, которые ко времени его заключения (В. Гусс принимает дату 348 г.) не имели, по мнению автора, каких-либо интересов в Западном Средиземноморье, вызывает сомнения. Еще Р. Вернер¹¹ вместо Καρχηδόνιοι καὶ Τύριοι читал Καρχηδόνιοι Τύροι, что он воспринимал как «тиряне из Карфагена». В. Гусс вслед за Р. Гиршфельдом предлагает читать Καρχηδόνιοι κήριοι (с. 150—151), в чем он видит эквивалент пунийскому b' l qrtħdšt «хозяева (т. е. граждане) Карфагена». В. Гусс, несомненно, прав, когда он, ссылаясь на цитируемый Полибием (7.9.5—6) договор Ганнибала с Филиппом V, говорит о существовании формулы κήριοι Καρχηδόνιοι, которую в грекоязычных документах обозначались граждане Карфагена и которая действительно соответствует пунийскому b' l qrtħdšt¹². Однако в том тексте, который вслед за Р. Гиршфельдом рекон-

⁹ Шифман. Возникновение... С. 91—92; там же и литература.

¹⁰ Wickert L. Zu den Karthagerverträgen // Klio. 1938. S. 352—358.

¹¹ Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. Bd II. München, 1975. S. 349—352.

¹² Короблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976. С. 174.

струирует В. Гусс, порядок слов оказывается обратным сравнительно с тем, который зафиксирован в упомянутом договоре; в результате и постулируемое соответствие предполагаемой пунийской формуле оказывается невозможным. Однако и вне зависимости от сказанного результат, к которому приходит В. Гусс, требует слишком радикальных исправлений дошедшего до нас текста, чтобы быть верным. В данном случае текст предельно ясен, и именно упоминание в договоре тирян говорит и о тесных контактах Тира с его колонией, и о глубокой заинтересованности Тира в западно-средиземноморской торговле.

Значительный интерес представляют замечания В. Гусса по поводу «проблемы виновности» в I Пунической войне (с. 218—222). Заметим кстати, что В. Гусс, выступая, так сказать, с карфагенской стороны, вполне последовательно называет Пунические войны Римскими. С нашей точки зрения, необходимости в таком переименовании, которое способно лишь внести путаницу, нет. Но в конце концов это всего лишь спор о номенклатуре. Гораздо существеннее другое. В. Гусс оценивает сообщения Полибия о начале I Пунической войны как тенденциозные и проримские. Рассматривая имеющийся в распоряжении исследователей материал, В. Гусс приходит к следующим заключениям. Римляне предполагали первоначально, что кампания будет ограничена по своим масштабам; инициаторами конфликта были римляне практически без объявления войны; карфагеняне не были заинтересованы в войне и, направив посольство в Рим, пытались ее предотвратить; Рим с самого начала вел дело к войне с Карфагеном. Причину войны вслед за источником Диодора и его последователями В. Гусс видит в *πλοῦσις* Рима, хотя в 264 г. и ограниченной, конкретно говоря, их стремлением овладеть сокровищами большей части Сицилии, а также тем, что Сицилия стала объектом римской экспансии («римского империализма», — пишет В. Гусс). В плане оценки конкретной политической ситуации в момент начала I Пунической войны оценки В. Гусса сомнений не вызывают. В. Гусс обоснованно говорит и о тенденциозности Полибия, который развивает в своем изложении концепцию римской историографии. Тем не менее его оценка политической позиции Карфагена представляется неточной. Можно представить себе, что Карфаген стремился на данном этапе избежать прямой конфронтации с Римом. Однако его стремление поглотить Сиракузы и овладеть всей Сицилией очевидно. На этом пути Карфаген не мог не столкнуться с Римом, и едва ли карфагенским властям была не ясна эта перспектива. Они могли выжидать более благоприятного момента, они могли пытаться достичь политического урегулирования дипломатическими средствами, но целью их усилий был захват всей Сицилии, которая была объектом также и карфагенской экспансии. Таким образом, если непосредственными зачинщиками войны были римляне (сомнения по этому поводу исключены), то глубинные ее причины лежат в захватнических притязаниях обеих сторон.

Говоря о целях завоевательной политики Гамилькара Барки в Испании, В. Гусс (с. 271) отвергает широко распространенное в античной традиции мнение, согласно которому Гамилькар имел в виду создать базу и добыть необходимые средства для возобновления борьбы с Римом. В. Гусс полагает, что Гамилькар вторгся в область, к которой Рим до тех пор не проявлял никакого интереса, имея в виду создать новый территориальный и материальный базис Карфагенской державы, уравновесив потерю Сицилии, Сардинии и Корсики. Справедливость этого тезиса очевидна; очевидна, однако, и его неполнота. Как и античная историография¹³, мы можем, говоря о намерениях Гамилькара Барки, исходить только из общей оценки политической ситуации, а она однозначна: в Испании Баркиды встретились с Римом. Известно, по сообщению Аппиана (Hannib. 2), что уже Гамилькар должен был разделить с Римом Испанию на сферы влияния, а его преемник Гасдрубал, как свидетельствуют Полибий (2.13.7) и Ливий (21.2.7), также заключил с Римом аналогичный договор. Трудно допустить, что Гамилькар Барка не видел перед собой, отправляясь в Испанию, эту перспективу.

¹³ Polyb. 3. 10.5; 12.2—4; Corn. Nep. Hamilc. 1.4; 3.1; 4.2 sq.; Liv. 21. 1.4—2.2

Другое дело, что на первых порах стороны стремились избежать вооруженного столкновения и регулировали свои взаимоотношения политическими средствами, однако факт остается фактом: после того как Карфаген потерял Сицилию, Сардинию и Корсику, борьба оказалась перенесенной в Испанию. В связи с этим представляется, что В. Гусс недооценивает значение клятвы Ганнибала, когда он заявляет, что она не доказывает фактического существования «реваншистских» планов Гамилькара. Клятва Ганнибала была, несомненно, задумана и осуществлена Гамилькаром как политическая демонстрация, провозглашавшая его (Гамилькара) цели; именно так она воспринималась современниками и потомками; именно поэтому она получила широкий резонанс не только в Карфагене, но и за его пределами.

Как известно, предметом оживленной дискуссии уже с древности и вплоть до настоящего времени является вопрос о том, насколько целесообразным было поведение Ганнибала после битвы при Каннах. Ливий (22.51.4) вложил в уста Махарбала — начальника конницы в пунийской армии — знаменитую фразу: «Ты умеешь побеждать, Ганнибал; пользоваться победой ты не умеешь». Катон, как справедливо замечает В. Гусс (с. 332, прим. 281), считал отказ Ганнибала атаковать Рим после победы при Каннах тяжелой стратегической ошибкой. В современной исследовательской литературе господствует, однако, иная точка зрения. Тем более примечательна позиция В. Гусса, полагающего, что с карфагенской точки зрения было бы лучше, если бы Ганнибал двинулся на Рим. Такая оценка кажется наиболее обоснованной; она подтверждается и всем последующим развитием событий¹⁴.

Говоря о проблеме царской власти в Карфагене, В. Гусс (с. 458—460) справедливо отвергает сомнения в том, что карфагенские магистраты, обозначаемые в греческой и римской историографии терминами βασιλεῖς, reges, идентичны пунийским суффетам. Прав он и тогда, когда считает, что обвинение, предъявленное, по сообщению Юстина (18.7.18), Малху в стремлении к царской власти (adfectati regni accusatus), свидетельствует, по-видимому, об отсутствии в Карфагене во времена, когда Малх пытался захватить власть (VI в. до н. э.), соответствующего института. Тем не менее следует, как кажется, принять во внимание близость формулы, употребленной Помпеем Трогом — Юстином, к стандартным политическим обвинениям, обычным в республиканском Риме, в частности, в I в. до н. э.; таким образом, здесь не исключен анахронизм. В то же время имя Малх (финик. «царь») могло восприниматься как своего рода декларация о стремлении его носителя к царской власти, если оно не было сокращением от имен типа Малкиэль «Мой царь — Бог» и т. п.

Вообще с нашей точки зрения представляется возможным следующее развитие событий: после гибели Дидоны царская власть в Карфагене исчезла при неизвестных обстоятельствах, и ей на смену пришла республиканская организация во главе с магистратами, называвшимися традиционно для сиро-палестинского региона суффетами («судьями»). Приведенная выше греческая и римская титулатура могла быть традиционной. Формула βασιλεῖα κατὰ νόμον, засвидетельствованная Дионом Лаертским (3.85) и Диодором (14.54.5), говорит, по-видимому, не только об ограничениях карфагенской царской власти законами, сколько о выборности царей; о выборности царей упоминает и Аристотель (Polit. 2.8.2—5). Показательно, что Диоген Лаертский (3.85) видел в царской власти «по закону» полисную магистратуру (πολιτικὴ γὰρ ἐστίν).

Неоднократно встречающийся в надписях термин ἡδμή «могучие» В. Гусс (с. 462) склонен воспринимать как титул членов карфагенского совета. С нашей точки зрения¹⁵, это слово имеет более широкое значение; оно является титулом карфагенской, а также и местной аристократии.

¹⁴ *Кораблев*. Ук. соч. С. 140—142.

¹⁵ *Schiffmann I. Zur Interpretation der Inschriften IFPCO Sard. 36 und 39 aus Sardinien // RSF. 1976. V. IV. Pt 1. P. 49—52.*

В заключение хотелось бы заметить, что наличие этих и других дискуссионных моментов в книге В. Гусса говорит не об уровне книги, а о состоянии карфагенистики. Постановка проблем и попытка их решения являются стимулом для дальнейшей работы, что в еще большей степени увеличивает значение монографии В. Гусса.

И. Ш. Шифман

© 1990 г.

GIOVANNI REALE. Per una nuova interpretazione di Platone. Rilettura della metafisica dei grandi dialoghi alla luce delle «Dottrine non scritte». Quarta edizione. Milano, 1986. 668 p.

В настоящее время перед платоноведением стоят два основных комплекса задач: *герменевтический* и *реконструкционный*. Если герменевтические задачи появились непосредственно вслед за возникновением платоновской философии, то задачи реконструкции мировоззрения Платона в целом стали особенно актуальными лишь в последнее время. Такое положение объясняется прежде всего тем, что первыми герменевтами-комментаторами Платона были его ученики, в достаточной степени представлявшие себе мировоззрение учителя. Поэтому для них первостепенное значение имела передача, отчасти толкование передаваемого, но не реконструкция модели мышления Платона, которая предположительно была им известна.

Традиционное платоноведение XIX в. также считало герменевтику своей основной задачей. Однако в это время перед исследователями уже встал более общий и принципиальный вопрос: реконструкция платоновского мировоззрения в его целостности и совокупности. Параллельно возник и другой вопрос: на основании каких материалов и источников могла быть проведена подобная реконструкция? Ответ науки XIX в. был однозначен: исключительно на основании *собственных произведений Платона*, т. е. «прямой традиции» и практически полностью отвергая «непрямую» (записи учеников). В связи с этим для традиционного платоноведения особое значение приобрели проблемы подлинности/неподлинности диалогов, входящих в *Corpus Platonicum*, а также вопросы хронологии, существенные для реконструирования эволюции взглядов Платона («эволюционной параболы» платоновской философии).

В XX в. работы Х. Кремера и К. Гайзера положили начало так называемой Тюбингенской школе (далее — ТШ) платоноведения. Преследуя в принципе ту же цель реконструкции системы взглядов Платона, представители ТШ сочли необходимым ввести новые методы исследования. Наиболее важным принципом этой новой методологии явилось широкое использование «непрямой традиции», по мнению приверженцев ТШ, отражавшей — с минимальными искажениями — «неписаное учение» Платона, не предназначавшееся для разглашения. Ориентация на «непрямую традицию» не отвергает использование и анализ платоновских текстов, т. е. «прямую традицию», равно как и не исключает традиционную герменевтику из круга задач платоноведения. Однако основная цель исследователей ТШ — не реконструкция некоего «всеобщего платоновского текста», а реконструкция всего, что *«думал Платон»*. Сама идея реконструкции того, «что было в действительности», несомненно, восходит к традициям тюбингенской теологической школы, в частности к работам Бульмана по демифологизации Нового Завета в целях воссоздания реальной исторической картины.

Известный итальянский специалист-классик Джованни Реале, автор многих работ о Платоне и Аристотеле — один из видных представителей ТШ, последователь Кремера и Гайзера, которым он и посвятил свой фундаментальный труд о Платоне, выдержавший уже четыре издания (1-е — 1984 г.): *«Per una nuova interpretazione di Platone»*. Реале исходит из того, что достижения ТШ подвели к необходимости це-

респекта традиционных толкований платоновских взглядов, и его книга как раз и представляет собой попытку подобной «переинтерпретации» платоновского учения в целом.

Рецензируемая книга состоит из двух основных разделов. Первый, включающий в себя Предисловие и первую часть, посвящен обоснованию необходимости новой интерпретации учения Платона, анализу предшествующих интерпретаций и вообще истории платоноведения. Здесь содержится критика в адрес традиционной науки, излагаются основные методологические предпосылки и положения, выдвинутые представителями ТШ, анализируются проблемы соотношения «прямой» и «непрямой» традиции, «написанного» и «ненаписанного», устного и письменного текста. Второй раздел книги (вторая, третья, четвертая части) представляет собой попытку реконструкции платоновского мировоззрения методами ТШ, построенную на новом прочтении ряда диалогов в свете «неписаного учения» (*Dottrine non scritte*) и соответственно новую их интерпретацию.

Представляется целесообразным более подробно остановиться на первом, «методологическом» разделе книги, поскольку в нем содержится концептуальный спор в достаточно специальной области классической филологии — традиционного платоноведения и ТШ. Хотя первый раздел как бы менее оригинален, он тем не менее весьма значим: без него прочтение второй части книги было бы затруднено. Для читателя же, только знакомящегося с Платоном и основными направлениями в платоноведении, именно первый раздел особенно полезен.

В Предисловии Реале говорит о необходимости новой интерпретации Платона, стимулируемой новым прочтением платоновских диалогов, учитывающим данные «непрямой традиции». Решающую для автора роль сыграла в этом известная работа Т. Куна, раскрывающая то, каким образом интерпретация Платона, предложенная ТШ, не укладывается в традиционную парадигму (с. 15) с точки зрения эпистемологии¹. Реале широко использует термин Куна «парадигма», введенный для обозначения определенной, характерной для данного времени методологически единой системы научных концепций. Что касается парадигмы ТШ, то она не продолжает традиционную парадигму, так называемую «парадигму Шлейермахера», а является, по словам Реале, «новой альтернативной парадигмой», действующей на принципиально ином уровне (с. 15 сл.). Задача Реале, как он ее для себя формулирует, — доказать, что парадигма ТШ действительно нова и действительно альтернативна. По мнению Реале, сосуществование обеих этих парадигм в одном измерении невозможно, развитие же парадигмы ТШ содержит перспективы движения по новым направлениям, открывающим в платоноведении новую эпоху, и заставляет взглянуть на систему Платона под новым углом зрения (с. 15—16).

I глава первой части книги посвящена анализу того, насколько применима эпистемологическая теория Куна к истории изучения Платона. Здесь тьюбингенская парадигма представляется автору наиболее перспективной и революционной концепцией современного платоноведения. Попутно Реале следующим образом формулирует основную проблему, занимающую исследователя (с. 21): «Хотя мы знаем все, что Платон написал, мы тем не менее не можем сказать, что знаем все, что Платон *думал*» (курсив наш. — Н. М.). Невозможность знания всего, что думал Платон, объясняется, по мнению Реале, двумя причинами: 1) Платон не ощущал необходимости все свои мысли доверять записи (ср. рассуждения на эту тему в «Федре» и в 7-м письме, а также свидетельства учеников: Платон «говорил, но не писал»; существование так называемых *ἄγραφα δόγματα*); 2) диалогическая литературная форма произведений Платона сама по себе мешает изложению и формулированию концепции в чистом виде (с. 22).

Чтобы разрешить вопрос, что «думал Платон» и преодолеть действие двух вышеназванных причин, необходимо очертить хотя бы контуры платоновских доктрин. Для этого же нужен особый, комплексный подход, «синтетическое органическое видение»

¹ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962.

(*visione sintetica organica*). Реале считает, что создание именно такого видения — «основная задача исследователя, стремящегося понять Платона» (с. 22—23). Оптимальным для решения этой основополагающей задачи методом и является парадигма ТШ.

II глава первой части книги посвящена подробному обзору теорий и концепций в платоноведении, т. е. — в терминах Куна и Реале — основных парадигм. Эта часть может считаться образцовым руководством по платоноведению. Вся история изучения философии и текстов Платона, считает Реале, вписывается в четыре основные парадигмы: 1) парадигма прямых последователей и учеников Платона, развивавшаяся в 1-й Академии; она отдавала предпочтение изучению и толкованию «неписаного учения» и сама послужила источником «непрямой традиции». Особое внимание уделено изучению взглядов трех основных представителей этой парадигмы: Аристотеля, Спевсиппа и Ксеоократа (с. 54—61); 2) неоплатоническая парадигма, самая продолжительная по времени (от медиоплатонизма до XIX в.), ориентировавшаяся в основном на «прямую традицию», но учитывавшая и «непрямую» (с. 61—70); 3) парадигма Шлейермахера (с начала XIX в.), ориентирующаяся исключительно на письменные источники. Именно этой парадигме оппозиционна парадигма ТШ. Структура парадигмы Шлейермахера исследована Реале в тщательно разработанной схеме, отражающей эволюцию развития ряда вопросов, связанных с изучением Платона в сфере действия *scienza normale* (с. 74—83); 4) парадигма ТШ. Ее структура подробно анализируется в III главе.

В заключение обзора парадигм Реале выделяет три основных положения, определяющие отличие традиционной парадигмы от парадигмы ТШ; парадигма Шлейермахера; а) настаивает на автаркийности диалогов; б) считает, что диалоги демонстрируют единство философской системы в достаточной степени; в) отвергает определяющую роль «непрямой» традиции. В противовес этому парадигма ТШ: а) отрицает автаркийность платоновских диалогов; б) считает, что единство философской системы может продемонстрировать лишь реконструкция устной традиции, а не диалоги; в) настаивает на том, что только «непрямая» традиция, восстанавливающая «неписаное учение», дает ключ к прочтению всего платоновского корпуса в его единстве и целостности.

III глава и посвящена специально структуре парадигмы ТШ и ее основных направлений. Имеется в виду прежде всего изучение «непрямой» традиции, которая, по мнению теоретиков ТШ, может хотя бы отчасти восстановить «неписаное учение». Необходимость обращения к «неписаному учению» мотивируется высказываниями самого Платона (в «Федре» — устами Сократа и в 7-м письме) об отношении к «написанному». Реале приводит следующие шесть положений, характеризующих отношение Платона к письменной передаче сказанного («Федр» 274В — 278Е): 1) запись (письменная фиксация) — не мудрость, а лишь видимость мудрости; 2) текст неодушевлен, и тем самым он не может спорить, объяснять или защищаться (интересно введение критерия персонализации, по которому письменный текст противопоставляется устной речи); 3) живая беседа — оригинал, записанная беседа — копия устной речи; 4) запись содержит элементы «игры», мифологизации, устная передача отличается максимальной серьезностью, искусством диалектики и вообще «гораздо прекраснее» записи (с. 98); 5) ясность и полнота принадлежат устной речи, а не записи; 6) наконец, писатель-философ не доверит записи «вещи наибольшей важности» (с. 88—105).

Таким образом, по Платону, *устная* передача мысли более ценна и к тому же первична, а *запись* менее ценна и к тому же вторична. Рассуждения о первичности и вторичности, казалось бы, самоочевидны, однако Реале имеет в виду то, что Платон в «Федре» хотел особенно подчеркнуть определенную «обесцененность», инертность, негибкость письменной фиксации сказанного. Та же мысль содержится и в 7-м письме Платона, где, в частности, говорится: то, что настоящий философ доверяет записи, не является для него самым главным (ер. VII, 341 В—Е). Приведенные выше положения заставляют сделать вывод, что в записанных диалогах Платона отсутствует нечто

основоположное, так как настоящий философ излагает свои самые сокровенные мысли только в беседе, т. е. *устно*. Поэтому тот, кто хочет узнать истинные мысли Платона, должен попытаться узнать, что он *говорил*. Оптимальная возможность этого, по мнению приверженцев ТШ, — изучение свидетельств учеников, т. е. «непрямой» традиции, которая, исходя из высказываний самого Платона, должна быть ближе к истине, чем «прямая» традиция. Прояснение «неписаного» учения поможет пониманию «написанного», а совокупное освоение и первого и второго будет означать проникновение в платоновское мировоззрение в его целостности — такова в общих чертах концепция ТШ, которую отстаивает и Реале.

Позиции ТШ не раз критиковались представителями традиционного платоноведения². Укажем и мы на ряд положений в концепции Реале, на наш взгляд, уязвимых. Одно из них, в частности, касается отношения представителей ТШ к проблеме устной и письменной передачи мысли, т. е. беседы и письменного текста. Представляется прежде всего, что не стоит переоценивать свидетельства самого Платона о его отношении к письменной фиксации живой речи, основанные почти исключительно на двух упомянутых источниках. Современные исследования имеют в виду комплексный анализ текста: и каждого диалога в отдельности, и всех текстов платоновского корпуса, своего рода макротекста, сильно расширяющего диапазон возможных направлений реконструкции платоновского мировоззрения.

С проблемой устного / письменного связано и другое, представляющееся недостаточно убедительным положение ТШ. Следует ли при реконструкции «неписаного» учения доверять «непрямой» традиции в большей степени, чем «прямой»? Дело не только и не столько в том, что в записях платоновских учеников были возможны искажения и отклонения от сказанного в действительности, а скорее в том, что — возвращаясь к Платону — свидетельства учеников также даны в записи, следовательно, это, по определению, такая же копия, то же вторичное отображение произнесенного, что и в диалогах. И «прямая», и «непрямая» традиции являются, таким образом, *собранием письменных текстов*, и основное различие между ними заключается, строго говоря, в литературном оформлении. Если, как это делает Реале, полностью следовать платоновскому тезису о меньшей ценности записей, то в таком случае записи самого Платона и записи учеников оказываются в одинаковых условиях и, при прочих равных, предпочтение все-таки должно быть отдано произведениям самого философа, а не записям его слушателей, быть может, не всегда достаточно квалифицированных. Думается, что источником реконструкции платоновского мировоззрения должны служить в равной мере как «прямая», так и «непрямая» традиции.

Однако, с другой стороны, многие позиции ТШ представляются весьма перспективными. Убеждение в том, что Платон не *писал* всего, что *знал*, представляется неопровержимым, свидетельствуя о наличии некоего скрытого, глубинного уровня его философской системы. На это указывает сама структура диалогов, майевтический принцип, определяющий ее, прием уклонения от прямого ответа на основной вопрос диалога. Эзотерическое «неписаное» учение представляется недостающим компонентом для понимания системы взглядов Платона. Традиционное платоноведение с опаской относится к разного рода предположительным реконструкциям незафиксированного. Однако думается, что реконструкции такого рода вполне правомерны, и именно они способны возвести платоноведение на качественно новую ступень, заставить посмотреть на «платоновский вопрос» под другим углом зрения. Проблема «заполнения лакун», т. е. реконструкции неизвестного, «недостающего», осуществляемая представителями ТШ, кажется в данный момент более плодотворной, чем традиционная, достаточно статичная проблема толкования уже известного, «имеющегося в наличии». Именно с этой точки зрения попытка новой интерпретации Платона, предпринятая Реале, выглядит вполне конструктивной.

² См. хотя бы: *Tigerstedt E. N. Interpreting Plato. Stockholm, 1977; Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy. V. 5. Cambr., 1978.*

Второй большой раздел книги Реале посвящен непосредственному приложению методов ТШ к интерпретации платоновских текстов. Анализируя взгляды Платона и отдельные его произведения, автор считает необходимым возвращаться к положениям традиционной парадигмы, сравнивая их с концепцией ТШ уже в приложении к конкретному материалу. Второй раздел книги, определенный нами как реконструкционный, или, иначе, «реинтерпретационный», состоит из трех основных частей (соответственно вторая, третья, четвертая части книги по оглавлению). Вначале рассматривается проблема соотношения теории идей (*онтологии*) и теории начал (*протологии*) в плане первичности одной из них. Продолжает эту тему анализ структурной связи между онтологией и протологией, при этом отмечаются герменевтические перспективы нового (иного) прочтения ряда произведений Платона (Государство, Парменид. Сократ — Политик — Философ, Филеб), вытекающие из анализа такого рода.

Последняя часть этого раздела посвящена концепции творчества ума-демиурга (демиург как высший интеллект и верховный бог, с. 605—606; Федон, Государство, Сократ, Политик, Филеб и в основном Тимей) и зависимости этой концепции от теории начал (образ демиурга и его связи с протологией, с. 603—622); демиург как собиратель элементов тела, как создатель космоса в его единстве, как творец времени, как творец души в соответствии с геометрической и числовой структурой (с. 561—602).

Если проблема соотношения устного и письменного важна в первую очередь как отправная точка самой методологии ТШ, то проблема соотношения теории идей и теории начал — определяющий момент непосредственно в изучении платоновских доктрин. Не случайно поэтому вопрос, что первично в учении Платона, онтология или протология, освещается Реале как важнейшая составная часть концептуального спора между представителями традиционной парадигмы и парадигмы ТШ. Реале отстаивает первичность и приоритетность теории начал, утверждая, что новая интерпретация и переосмысление Платона должны начинаться прежде всего с признания первостепенного значения протологии. Анализируя соотношение и связи протологии и онтологии, Реале, несомненно, опирается на основные теоретические положения Крэмера³, содержащие острую полемику с парадигмой Шлейермахера и уделяющие основное внимание философской структуре и значению платоновской теории начал. Как и в разделе, посвященном принципам и методам ТШ, Реале и здесь рассматривает основные расхождения во взгляде на роль теории идей в философском мировоззрении Платона у последователей Шлейермахера и представителей ТШ (с. 172). Согласно традиционному платоноведению: 1) идеи являют собой высшую метафизическую точку и основной стержень платоновской мысли; 2) в ходе развития платоновской философии эволюционировала и теория идей; 3) теория идей была первой и основной для Платона теорией, лишь в конце жизни он стал говорить о более для него второстепенной теории начал.

Согласно ТШ: 1) идеи не могут быть высшей метафизической точкой платоновского учения, так как над ними стоят начала, от которых эти идеи происходят; 2) эволюция теории идей, прослеживаемая приверженцами традиционной школы, отражает не столько эволюцию самой доктрины, сколько эволюцию способа передачи этой доктрины и ее более тесную связь с теорией начал; 3) теория начал существенна для большинства платоновских диалогов. Платон исходил из теории начал, на основе которой он развил теорию идей — таков вывод Реале о первичности одной из двух теорий, отражающий важное философско-герменевтическое положение ТШ. Отметим, что подобно тому, как предпочтение «непрямой» традиции ни в какой мере не отвергает «прямую», так и значение теории идей ни в какой мере не отвергается, однако первичной, а потому и основоположной считается теория начал.

При анализе некоторых диалогов Реале следует двум основным «директивам» ТШ: интерпретировать диалоги в свете «неписаного» учения и исходить при их разборе

³ Krämer H. Platone e i fondamenti della metafisica. Milano, 1982.

из концепции первичности и «основности» теории начал. При этом Реале стремится к выходу за пределы одного диалога, предпринимая попытки реконструировать на его основе некий более крупный фрагмент философской доктрины Платона.

Выход книги Реале — безусловное событие в платоноведении. Вполне вероятно, что критики позиций ТШ найдут в ней целый ряд дискуссионных положений, начиная от самой методологии ТШ и кончая интерпретацией отдельных диалогов и тем более реконструкцией платоновского учения. Думается, однако, что основной спор между представителями двух направлений в платоноведении продолжает оставаться концептуальным. Поэтому вполне понятно желание Реале, убежденного приверженца ТШ, как можно решительнее изложить позицию свою и своих единомышленников. Это стремление можно отнести как к достоинствам, так и к недостаткам книги.

К достоинствам — потому, что монография Реале необыкновенно полно и рельефно, с обильным комментарием и толкованиями представляет структуру парадигмы ТШ. К недостаткам — потому, что нередко автор в стремлении доказать преимущество новой концепции повторяется и такого рода повторения делают композицию книги более рыхлой, снижают энергию и концентрированность изложения. Так, на наш взгляд, чрезмерное число раз противопоставляется парадигма Шлейермахера парадигме ТШ (см., например, с. 15—16, 46, 85, 426 и др.). Однако эти недостатки относятся к манере изложения, но не к его сути.

Указывая на некоторые недостаточно обоснованные положения ТШ, мы хотели бы тем не менее подчеркнуть перспективы, открытые этим направлением. Отметим и то, что книга Реале содержит не только и не просто изложение теории: будучи основана на анализе широкого круга текстов, с учетом многих платоноведческих работ, снабженная четкими схемами, она содержит самостоятельные и нетривиальные результаты, еще раз подчеркивающие плодотворность нового направления.

Н. А. Михайлов

© 1990 г.

НОВЫЕ ПАПИРУСНЫЕ ФРАГМЕНТЫ НОВОЙ АТТИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

За 15 лет, прошедших со времени издания папирусных фрагментов греческой комедии¹, в периодической печати и сборниках появились публикации неизвестных ранее папирусных текстов новой аттической комедии. Эти фрагменты весьма различны между собой как по величине, так и по степени сохранности текста, и их идентификация вызывает многочисленные предположения и споры. Настоящий обзор охватывает папирусные фрагменты произведений новой аттической комедии, опубликованные с 1974 по 1987 г.

1. В папирусном свитке III в. н. э. — Р. Оху. inv. 16 2B52/E (a) + A 2B48 (a)² — сохранились остатки трех колонок, по 22 строки в каждой (фр. А—С), и семь небольших отрывков (фр. D—J.), в которых читаются лишь отдельные части слов.

¹ Comitorum Graecorum fragmenta in papyris reperta ed. C. Austin. B.— N. Y., 1973; rez.: Luppe W. // Göttingische Gelehrte Anzeiger. 1975. Bd 227. S. 179—206. Библиографическое дополнение к фрагментам К. Остина: Luppe W. Literarische Texte unter Ausschluss der Christlichen. Drama // APF. Bd 27. S. 234, 249.

² Handley E. W. Some New Fragments of Greek Comedy. Proceedings of the XIV International Congress of Papyrologists (Oxford, 1974). L., 1975. P. 133—147.

Лучше всего сохранился фрагмент А, который представляет собой диалог между хозяином и рабом: хозяин подозревает раба в воровстве и грозит отправить его на пытку. Начала стихов и указания на перемену действующих лиц не сохранились, поэтому распределение реплик является весьма условным.

Хозяин: ...если только я узнаю, что, продав (это), ты скрывашь деньги от меня... (пусть) я не буду твоим господином ... не продавайте... а если какое-то воровство (станет мне известно)... Иди сюда, ты понял?... Ты видишь, что я имею... ибо сказать... даже немного и не буду обращать внимание... В молодости этот малый был распят на колесе... (но, если я увижу), что, зная об этом, ты мне не сказал, я отправлю тебя на пытку. *Раб:* Клянусь Зевсом... конечно, если я скрыл что-нибудь от тебя и не опишу по порядку точно все то, что находится внутри и что мы передали другим... *Хозяин:* ...на этом мы сойдемся, как мне кажется... не напрасно следует это... чтобы одновременно делать важные вещи... но я скажу об этом. Также необходимо... это сказать... откуда я буду точно знать...

Во фрагментах В и С читаются лишь отдельные слова. Несмотря на то что фрагмент А дает довольно большой и связный отрывок текста, точная атрибуция этих фрагментов вызвала много разногласий. Э. Хэндли, впервые опубликовавший фрагменты, считает, что реконструируемый диалог похож на сцену между Смикрином и Давом из комедии Менаандра «Щит» (ст. 166—215) и составляет часть попыток Смикрина овладеть имуществом брата Хэрестрата после ложного свидетельства о его смерти. По гипотезе Э. Хэндли, Смикрин (хозяин) требует от Дава (раба) полный список имущества Хэрестрата и грозит ему наказанием в случае, если не получит этого списка. Э. Хэндли помещает фрагмент в лауну из 200 стихов, которая начинается после 468-го стиха.

Основные доводы М. Росси, У. Арнотт и Д. Дель Корно³ против предположения Э. Хэндли таковы: во-первых, множественное число *κεχρηται εν* — «мы вручили кому-то» (ст. 15) должно относиться к Клеострату и Даву, так как последний только что возвратился домой после длительного отсутствия и не мог иметь дел с кем-нибудь еще. В таком случае это не соответствует содержанию комедии «Щит», поскольку Клеострат и Дав ни с кем не занимались финансовыми операциями. Во-вторых, Смикрин не является непосредственным хозяином Дава и поэтому не может угрожать ему пыткой. Кроме того, данный фрагмент, если бы он относился к комедии «Щит», повторял бы прежние диалоги между Смикрином и Давом (ср. «Щит» ст. 18 сл., ст. 166 сл., ст. 399 сл.), это вызвало бы неудовольствие зрителя.

Затем, в нашем диалоге хозяин требует у раба полный и точный список имущества. Если речь идет о списке имущества Хэрестрата, то Смикрин не может требовать его у Дава, который только что вернулся домой и не может быть вовлечен в управление имуществом Хэрестрата. Если же речь идет о списке того имущества, которое Дав привез с собой (в ст. 274—275 Смикрин требует: «А ну, пришлите мне Дава с подробной описью всего имущества»), то трудно предположить, что теперь, когда после известия о смертельной болезни брата перед Смикрином открывается перспектива овладеть новым, еще большим состоянием, он все еще проявляет столь большой интерес к имуществу, которое привез Дав, что даже угрожает ему пыткой.

Следовательно, хотя данный фрагмент не может быть рассмотрен как сцена с участием Смикрина и Дава из комедии Менаандра «Щит», он представляет собой вариант того же сюжета из другого произведения новой аттической комедии, возникший благодаря сходству тем и частой повторяемости стереотипных сюжетов новой комедии⁴.

³ См. Ярхо В. Н. Примечания / Менаандр. Комедии. Фрагменты. М., 1982 (далее — Менаандр). С. 472. К содержащимся там отсылкам на точки зрения М. Росси и У. Дж. Арнотта теперь следует добавить статью: D. Del Corno. P. Oxy. inv. 16 2B52 / E(a) + A 2B48 / a e un aspetto della drammaturgia menandrea // Scritti in onore di O. Montevocchi. Bologna, 1981. P. 125—131.

⁴ См., например, *Пласт*. Привидение. 620 сл., где хозяин, возвратившийся после долгого отсутствия домой, требует от плутоватого раба отчет о финансовых операциях.

2. Тем же самым почерком, что и фрагмент Р. Оху. inv. 16 2В52/Е (а) + А 2В48/а написан папирус Р. Оху. 678⁵. Текст фрагмента 678 представляет собой начала ямбических стихов в верхней части колонки, на что указывает сохраненное верхнее поле. В 7-й строке, последней из сохранившихся строк колонки, встречается собственное имя Αἰσχροῦν. Хотя этого факта недостаточно для атрибуции фрагмента, он проливает тем не менее свет на связь фрагментов 678 и В (Р. Оху. inv. 16 2В52/Е (а) + А 2В48/а), где в 6-м стихе содержится конец слова ...ρων. Возможно, это окончание того же самого имени. Таким образом, это совпадение может послужить основанием для дальнейших попыток идентифицировать данные тексты.

3. К комедии Менандра «Щит» К. Гайзер⁶ попытался также отнести небольшой папирусный фрагмент Р. Berol. 21445, левая часть которого сравнительно хорошо сохранилась и датируется первой половиной II в. н. э.⁷ В нем речь идет о необходимости подчиняться слову правителя и закону (ст. 3—4), о девушке, которая призывает отца обнять ее (ст. 5—6) и о каком-то человеке, который является или был хорошим судьей (ст. 8). Размер (ямбический триметр) и содержание отрывка дают возможность отнести его к новой комедии. Однако, поскольку знаки, указывающие на перемену действующего лица (если, конечно, таковые существовали), утеряны вместе с началом строк, не ясно, происходит ли какая-нибудь перемена говорящего и кто рассказывает о плачущей девушке и о хорошем судье.

К. Гайзер, справедливо полагая, что папирус II в. н. э. не может представлять отрывка из какого-нибудь малоизвестного и не пользующегося популярностью произведения, выдвинул гипотезу о том, что данный фрагмент является частью диалога между Давом и Смикрином из комедии Менандра «Щит» и может быть включен в лакуну после 468-го стиха в заключительной части III акта комедии. В это время в пьесе разыгрывается интрига, предложенная Давом, против старого алчного Смикрина, которому по закону (ср. ст. 2) как ближайшему родственнику принадлежит право жениться на сестре погибшего Клеострата и овладеть его состоянием. Дав выдумывает историю о внезапной смерти брата Смикрина Хэрестрата. Так как дочь Хэрестрата оказывается в таком случае более богатой наследницей, Смикрин обращает на нее все свое внимание и отказывается от брака с сестрой Клеострата. К. Гайзер предполагает, что новый папирусный фрагмент относится к той части разговора между Давом и Смикрином, где Дав рассказывает Смикрину о смертельной болезни Хэрестрата, о том, как его дочь оплакивает предстоящую смерть отца и молит его обнять ее⁸. Дав убеждает Смикрина смело претендовать на состояние Хэрестрата и льстит ему, говоря, что тот всегда умел хорошо разбираться в сложных делах. Тем не менее несмотря на убедительность гипотезы К. Гайзера, остаются непонятными слова о необходимости подчиняться слову правителя (ст. 2) и их связь с содержанием данной комедии Менандра. Поэтому вряд ли материал нового папирусного фрагмента является достаточным для того, чтобы сделать какие-либо окончательные выводы.

4. Одна из самых обширных и в то же время спорных папирусных находок, относящаяся к тому же к столь ранней дате, как III в. до н. э., обнаружена при демон-

⁵ Фрагмент Р. Оху. 678 был впервые опубликован Гренфеллем и Хэнтон в 1904 г. Его текст, комментарий и библиография к нему даны К. Остином в «Comisogum Graecorum Fragmenta» под номером 269. Сходство почерка и формата обоих фрагментов привлекло к себе внимание Тэрнера, Кокля, Хэндли, который считает, что оба папируса были частями одной и той же книги (см. *Handley E. M. P. Oxy. 678. A Fragment of New Comedy // BICS. 1977. 24. P. 132—134.*

⁶ *Gaiser K. Ein neues Fragment aus Menanders Aspisis (P. Berol. 21445) // ZPE. 1983. Bd 51. S. 37—43.*

⁷ *Kannicht R. Anecdota Graeca. Drei literarische papyri // Praestant interna. Festschrift U. Hausmann. Tübingen, 1982. S. 374—380.*

⁸ См. «Щит» 383—385: Хэрестрат, решив сообщить Смикрину о своей мнимой смерти, хочет предупредить жену и детей, чтобы они не восприняли ее как настоящую и не оплакивали его.

таже мумии⁹. На папирусе представлены три довольно больших фрагмента (фр. А — 19 стихов, фр. В — 20 стихов, фр. С I — 14 стихов) в хорошем состоянии и семь небольших фрагментов, в которых читаются лишь отдельные слова и буквы. Из них фрагмент С II соединяется с D I, а D II — с E¹⁰. Язык фрагментов напоминает Менандра, однако каких-либо указаний на более определенную их атрибуцию не имеется¹¹.

Хотя точный порядок расположения фрагментов неизвестен, А и В II являются по всей видимости, частью экспозиционной сцены и относятся, таким образом, к самому началу комедии. Сцены перед закрытой дверью, к которым относится фрагмент С I, также обычно находятся в начале произведений новой аттической комедии¹².

В приводимом ниже переводе использованы предложения к греческому тексту, сделанные в процессе подготовки его к печати¹³. Фрагмент А представляет собой признания молодого человека в любви, о которой он рассказывает своему другу либо наставнику-педагогу¹⁴. В переводе эти персонажи обозначены соответственно А и В.

- 2 (В) домой... если бы
ты сам не шел (навстречу). Ибо разве
кто-нибудь смог бы купить так ярко горящий факел.
- 5 (А) Ты чрезвычайно болтлив. Меня не волнует
веселое шествие, ибо все время — ночью,
на рассвете, вечером — я думаю лишь об одном,
собираюсь с духом и усердно прогуливаюсь (у дверей).
Ибо я влюблен, несчастнейший из людей,
- 10 совершенно необычным образом, не видя лица той,
в которую я влюблен, клянусь двенадцатью богами.
- (В) Как же ты любишь, о несчастнейший?
(А) Многим это также кажется невероятным.
(В) Мне кажется, ты бесишься и слишком предаешься неге.
(А) Ты говоришь о чем-то несурзном. Я прошу тебя...
Приятный нрав, приятно иметь...
...лицо же никогда...
...так что (сердце) бьется...
...скромную...

Фрагмент В II продолжает тему несчастной любви. Влюбленный юноша характеризует свою избранницу как истинную гетеру (фр. В II, 16 ἐν τοῖς λόγοις ἦδαι, ἑταῖρα τῷ τρόπῳ)¹⁵. Этот фрагмент также представляет собой диалог между влюб-

⁹ Maresch K. P. Köln 203. Neue Komödie (Menander?) // Kölner Papyri. 1985. Bd V. S. 1—21.

¹⁰ Gaiser K. P. Köln 203. Zwei neue Szenen aus Menanders «Hydria» // ZPE. 1986. Bd 63. S. 12.

¹¹ Сложные слова с ὑπο- и ὑπερ- являются излюбленными у Менандра (фр. А, ст. 5: ὑπαδολέσχης — ср. ἱπαλαζών

Asp. 375, ὑπόλειος Sic. 201, ὑπομελαγχολῶ Phasma 57, ὑποφοβέομαι Georg. 2, ὑποαίνομαι Epit. 558; фр. В II, ст. 7 ὑπερηδός, В II, ст. 15 ὑπερπρόσωπος — ср. ὑπερῶ Peric. 404, ὑπερφυγέ Asp. 412; Epit. 349, ὑπερπικρος Dyc. 129, ὑπεριστέιος Mis. 93).

¹² Ср. Men. Mis. A 1 sq.

¹³ Maresch. Op. cit. S. 4—21.

¹⁴ Ситуация в фрагменте А несколько напоминает «Ненавистного» Менандра.

¹⁵ Свободнорожденная девушка, каким бы ни было ее положение в пьесе, никогда не характеризовалась в произведениях новой аттической комедии таким образом. Подобная характеристика с трудом может быть дана свободной гражданке, вся жизнь которой проходит в гинекее. Ей чаще всего дается определение κοσμία, ἐλευθέρη (см., например, Men. Dyc. 50, 202, Her. 18, 19; Ter. And. 119, Neaut. 225, Eun. 230, Нес. 164). Так же она характеризуется и в произведениях, интрига которых разворачивается вокруг происхождения девушки, даже если вначале она выступает как гетера (ср. Plaut. Cist. 88, Curc. 51, 57, 518; Ter. Neaut. 280).

ленным юношей (он обозначен как А) и его другом. Так как не ясно, является ли этот персонаж тем же самым, что и в фрагменте А, он обозначен здесь как Г.

- 1 (Г) ...подумай, передал слепой Эрот¹⁶
тебе свечеч страсти тайно¹⁷.
- (А) Ах, разбойник!¹⁸ (Г) Ты не владешь собой, безумный.
Что с тобой произошло, теперь происходит в самую пору.
- 5 Ведь ты предал себя самого, негодный.
Что здесь сказать? Какой-то приятный человек пришел сюда,
В высшей степени приятный человек¹⁹. О госпожа,
Поведительница Эфеса, скажи, — ведь это твой гражданин.
- (А) Если я вынес это — что, собственно, я вынес такого страшного,
- 10 клянись богами²⁰? Я влюбился в девушку, не зная ее нрава,
но и сейчас хвалю его. Я бы хотел увидеть ее так,
как я ее видел, а не так как я думал, (что я ее вижу).
Я не знаю, что сказать, кроме того, что она мне очень нравится
и это неведение мне по нраву.
- 15 Та, которую я видел, очень красива,
приятна в разговоре, гетера нравом.
Я безумно хочу обладать ею
и связать с ней всю свою жизнь.
(Г) Никто из богов его не спасет...
- 20 (А) Почему? (Г) Скажи мне, ты решил предаться разврату?

Фрагмент С I представляет собой перебранку рабов (они обозначены как Д и Е)
у закрытой двери:

- 1 (Д) ...но надо
их потревожить, черт побери. (Е) Клянись богами,
что это за человек, который несет сюда
фасийское вино? (Д) Да, это так, как я думаю.
- 5 Направляюсь к их двери. (Е) Вовремя
увидел я тебя! (Д) А ты кто такой? (Е) Фу-фу!
(Д) Этот человек еще не вышел из дома?
(Е) Так ты с того времени все еще прогуливаешься здесь?
(Д) Кажется, причина этого, клянись Зевсом... (Е) Следовательно,
10 изрядно ты разругался сам с собой... перестань
... дверь рукой.
(Д) ... а теперь и вновь ногой
(Е)(Д) О, чудовища!

¹⁶ По восстановлению τωφ[λός] Ἔρωτος (Austin, West).

¹⁷ λαθῶν — West.

¹⁸ Слово ληϊστής впервые встречается в комедии в значении бранного слова.

¹⁹ Так как данное место в фрагменте является испорченным, толкование его представляет известную сложность. Мареш (Op. cit. S. 14) считает, что ἐλγλύθειμ является 1-м лицом единственного числа, и, таким образом, эти слова представляют обращение к самому себе. Напротив, Амелинг (Ameling W. Zu dem neuen Kölner Komödienfragment // ZPE. 1985. Bd 61. S. 148) пишет, что неопределенное местоимение τις делает обращение к самому себе невозможным. Однако у Менандра встречаются подобные обращения персонажа к самому себе (ср. Men. Epit. 908 sq.; Samia 326 sq.). Но Мак-Браун (McC Brown P. G. P. Köln 203 (New Comedy). Some Notes on Fragment B II // ZPE. 1986. Bd 65. P. 31) присоединяется к мнению Амелинга, полагая что слова ἦδός τις ἐλγλύθειμ относятся не к 1-му, а к 3-му лицу, т. е. к тому самому человеку, который упоминается в фр. В II, 5 (τὸ γὰρ παρ' ἑδωκας ἀτόβον) и в фр. В II, 11 (τοῦτον). В любом случае к этому жителю Эфеса относится определение ἦδός (В II, 6), которое далее обыгрывается: ὑπερῆδός (В II, 7). Амелинг (Op. cit. S. 148) предлагает чтение этого слова как имени собственного «некий Гедюс».

²⁰ Мак-Браун (Op. cit. S. 32) относит весь текст фрагмента В II до ст. 18 к одному и тому же действующему лицу. Таким образом, сложные слова ὑπερῆδός (ст. 7) и ὑπερῆδωπος (ст. 15) произносятся одним персонажем. Тогда слова: «ты не владешь собой, безумный» (ст. 3) являются обращением героя к самому себе. Хотя Гайзер (P. Köln. 203, S. 20) и распределяет реплики между персонажами, но делает это таким образом, что ὑπερῆδός и ὑπερῆδωπος относятся к одному и тому же лицу.

- (Е) ... ради богов, дружище
 (Д) голубчик, (дай) мне ударить. (Е) Ты меня знаешь?
 15 (Е) Посыпает мякиной тех, кто внутри! (Д) Да разве ты
 тем, кто в доме, не прислуживаешь? (Е) Ударяя меня,
 (получишь сдачу), любезнейший, вот тебе и ответ.

В фрагментах *C II + D I* и *D II + E* сохранились лишь отдельные слова, поэтому восстановить их содержание трудно. Несмотря на то, что все эти фрагменты составляют довольно большой и связный текст, установление их атрибуции оказывается нелегким делом. Призыв в фрагменте *B II*, 6—8 к Артемиде Эфесской²¹ показывает, что один из персонажей родом из Эфеса. Так как о нем говорится, что он приехал из Эфеса, надо предположить, что место действия комедии — не Эфес, а другой город, возможно Афины. Эфес упоминается в комедиях Менандра «Кифарист» и «Человек из Эфеса» и в комедии Плавта «Вахкиды» (греческий оригинал — «Двойной обман» Менандра)²². Однако то немногое, что нам известно о содержании первой комедии, плохо согласуется с содержанием папирусных фрагментов, а комедия «Человек из Эфеса» нам практически неизвестна, за исключением небольших фрагментов²³.

Некоторые противоречия в содержании папирусных отрывков (так, например, юноша говорит о своей возлюбленной «я влюбился в нее, не видя ее», *B II*, 10; *A* 6, 9—10) вызывают различные гипотезы и предположения. Содержание фрагментов напоминает комедию Менандра «Привидение». Действительно, отдельные моменты интриги в новых фрагментах и в этой комедии совпадают: юноша, безнадежно влюбленный в девушку, лица которой он даже не видел, может быть Фидием из «Привидения», влюбившимся в незаконнорожденную дочь своей мачехи, которую та прятала у соседей и которую он вначале принял за привидение. Персонаж, которому юноша рассказывает о своей любви, может быть старым рабом-педагогом Фидия, который наставляет своего молодого воспитанника. Но в этом случае не очень понятно, почему юноша называет девушку *ἑταῖρα τῶν τρέφων* (*B II*, 16). Вряд ли дочь мачехи Фидия своей речью и поведением могла напомнить ему легкомысленную гетеру. А то, что во фрагменте речь идет именно о такой женщине, подтверждают как вышеупомянутые характеристики ее именно как гетеры, так и слова собеседника юноши «Скажи мне, ты решил предаться разврату?» (*B II*, 20).

Мак-Браун иначе реконструирует интригу этой комедии²⁴. Он считает, что речь идет не об одной, а о двух девушках, в которых влюбился герой комедии. В фрагменте *A* юноша рассказывает о своей любви к девушке, лица которой он не видел (возможно, он видел ее под накидкой). Затем он встретил какого-то «очень приятного человека», который познакомил его с девушкой удивительной красоты²⁵. О своей любви к этой

²¹ Однако Загаги отмечает (*Zagagi N. Notes on P. Köln 203 // ZPE. 1986. Bd 62. P. 39*), что Артемиды Эфесская нигде в тексте не зарегистрирована как *πότνια Ἐφεσία*, но только как *πότνια*. Он предполагает, что этим именем называется какой-то женский персонаж, возможно сводня или гетера родом из Эфеса. Тогда эти слова могут быть поняты как пародия на трагический стиль.

²² Жители Эфеса характеризуются в новой аттической комедии как люди, знающие толк в любви. Так, когда в «Хвастливом воине» Плавта Периплектомен говорит: *Ephesi natus sum* (ст. 648), это значит, что он изящный, сведущий в любви человек.

²³ К. Гайзер считает, что основной персонаж комедии «Человек из Эфеса» соответствует Пиргополинику из «Хвастливого воина» (см. *Gaiser K. Eine neue erschlossene Menander-Komödie und ihre literaturgeschichtliche Stellung // Poetica I. 1967. S. 436 ff.*).

²⁴ *McC Brown P. G. Op. cit. P. 34.*

²⁵ По мнению Мак-Брауна, прилагательное *ἠπρεπὸς πρόσωπος* (*B II*, 15) не подходит для того, чтобы охарактеризовать красоту девушки, если ее лица не было видно. Поэтому, как он предполагает, в фр. *B II* речь идет о другой девушке.

девушке юноша рассказывает во фр. В II (Мак-Браун не исключает возможности, что в ходе развития интриги в комедии окажется, что это одна и та же девушка).

Иную, несколько необычную трактовку этих фрагментов предложил К. Гайзер²⁶. Он попытался связать их с содержанием реконструируемой им комедии Менандра «Гидрия»²⁷. Само восстановление интриги этой комедии, от которой сохранилось лишь несколько фрагментов, часть которых отнесена к данной комедии предположительно, является весьма проблематичным²⁸. К. Гайзер рассматривает фрагменты А и В II как диалоги между паразитом Стробилом и рабом Дриантом, который рано утром отправился на рынок за провизией²⁹. Паразит, который узнал о спрятанной гидрии с золотом, и теперь разыскивает ее, притворяется влюбленным и разыгрывает перед Дриантом сцену перед закрытой дверью, говоря о гидрии, как о своей возлюбленной. Его речь надо понимать метафорически, однако зрителю ясна ситуация, так как он уже узнал о ней из речи бога в прологе комедии³⁰.

Сцена в фрагменте С I представляет собой, по мнению К. Гайзера, перебранку между Стробилом, пытающимся завладеть гидрией, и поваром Ливисом. Тем не менее при современном состоянии текста менандровской «Гидрии» и Кельнского папируса предположение К. Гайзера остается только рабочей гипотезой.

5. Фрагменты под № 243 из Кельнского собрания³¹, части свитка папируса III в. до н. э., обнаружены при демонтаже мумии, как и части Кельнского папируса № 203. Так как высота свитка и шрифт одинаковы в обоих папирусах, можно предположить, что они относятся к одной и той же комедии.

Расположение фрагментов в папирусе № 243 неясно. Поскольку в конце фр. а + а вступает хор, то этот фрагмент должен заканчивать какой-то акт. Вступление хора у Менандра известно до сих пор только в конце I акта. В отношении содержания этих частично сохранившихся фрагментов нельзя сказать ничего определенного. Слова «продай меня» (фр. а + а, б) указывают на то, что здесь говорит раб. Сохранившаяся часть слова *δρομ* (фр. а + а, в, 8) может быть понято как имя раба — Дромон³². К. Гайзер предпринял попытку отнести и эти фрагменты к комедии Менандра «Гидрия»³³. Он считает, что они являются концом III акта и содержат диалог между юным Клинием и его рабом Давом. Однако в своей предыдущей работе он помещает этот диалог в начало IV акта³⁴.

6. Узкая полоса от свитка I в. н. э. (Р. Оху. 50 (1983), № 3540) представляет собой правую часть колонки из 36 строк в ее полную высоту (на что указывают сохранившиеся верхние и нижние поля). Содержание этих стихов, написанных ямбическим триметром, восстанавливается следующим образом (от ст. 6—9, 11, 22, 29—30 дошли отдельные буквы): «В третий день Фесмофорий... кормилица Деметры... вчера... я пришла... ради спасения... (не) зная, кто она была... чтобы быть краткой... девочек-близнецов... кормилице... дом... спеленутых... кто-то уговорил... (отдать) дитя... близкая и любимая... в дом... так что хотела... идти... тогда этот... она ушла... спасенное... а также и ребенка... рожденному... в поле некоему рабу... верному Мидасу... приказав отнести... а мать тотчас отплыла».

²⁶ Gaiser K. P. Köln 203. S. 1—38.¹

²⁷ Gaiser K. Menanders «Hydria». Eine hellenistische Komödie und ihr Weg ins lateinische Mittelalter. Heidelberg, 1977.

²⁸ См. рец.: Jarcho W. N. // Deutsche Literaturzeitung. 1980. 101. № 2. S. 114—118.

²⁹ Поэтому К. Гайзер понимает слова о «ярко сверкающем факеле» (фр. А, 2—3) метафорически, как о восходящем солнце.

³⁰ Таким образом, как считает К. Гайзер, становится понятным то противоречие, что юноша влюбился, не видя своей возлюбленной: Стробил «влюблен» в гидрию, еще не видя ее, и ее образ кажется ему прекрасным.

³¹ Maresch K. Neue Komödie // Kölner Papyri, 1987. Bd 6. S. 52—60.

³² Раб по имени Дромон встречается в комедии Менандра «Сикионец».

³³ См. Maresch. Neue Komödie... S. 60.

³⁴ Gaiser. Menanders «Hydria» ... S. 147.

Надо отметить, что фрагмент является не диалогом, а частью повествовательной речи. На это указывают часто встречающиеся глаголы в третьем лице прошедшего времени, а также причастия. Кроме того, в тексте фрагмента встречаются выражения, типичные для повествования: *ἴνα δὲ συντέλλω* (ст. 12), *ἐκείνος τὸς τε* (ст. 24), *ἡ τέχνη* (ст. 34).

Принимая во внимание это обстоятельство, можно сделать вывод, что папирусный фрагмент является отрывком из речи в прологе комедии на бытовой сюжет. Здесь рассказывается о подкинутых или брошенных детях-близнецах, которые затем, в ходе развития интриги комедии, будут опознаны и найдены. Глагол «я пришла» (ст. 4), возможно, является началом речи говорящего в прологе, где он объясняет, для чего она или он пришел и что собирается рассказать³⁵. Можно предположить, что речь или даже пьеса начинались с этой колонки.

Известно, что речь в прологе комедии, раскрывающая дальнейшее развитие действия, часто соответствует названию комедии³⁶. В данном случае можно предположить название *Δίδυμα* — «Сестры-близнецы» (ст. 13), которое встречается у Антифана (другое название *Ἀλλήτρεις*), Аристофонта и Менандра.

Другую возможность идентификации представляют первые стихи фрагмента: *Ἴων ἢ τρίτη...]* *μῆτρος τρέφος*. Если предположение, что фрагмент является частью пролога комедии, верно, то, основываясь на остатках двух первых стихов, можно допустить, что пролог произносит Каллигения, речью которой начиналась комедия Аристофана *Thesmophoriazusaе* В, дошедшая до нас лишь в немногочисленных отрывках. У Аристофана Каллигения — кормилица Деметры, получившая свое имя от названия третьего дня праздника Фесмофорий. На это могут указывать 1-й и 2-й стихи папирусного фрагмента *Ἴων ἢ τρίτη* «третий» (возможно, *Θεσμοφορίων ἢ τρίτη*) и *τρέφος* — «кормилица» с вполне вероятным предшествующим восстановлением *Δη] ητρος τρέφος*. Тогда этот пролог произносит Каллигения, которая рассказывает, кто она такая (ст. 1—2), зачем пришла (ст. 4) и что собирается сообщить³⁷.

Эта идентификация фрагмента, содержание которого является типичным для произведений новой аттической комедии, на первый взгляд противоречит устоявшемуся мнению об Аристофане как об авторе острой злободневной сатиры, сложившемуся на основании сохранившихся полностью 11 его комедий. Но, может быть, развитие драматического действия в комедии *Thesmophoriazusaе* В отличалось от более ранних политических комедий Аристофана, известных нам теперь, и Аристофан в каком-то смысле опередил свое время, разрабатывая сюжет на семейную тему с похищениями и узнаванием детей, который станет столь популярным для Менандра и его современников³⁸.

7. Папирусный фрагмент (P. Mich. inv. 4925 recto)³⁹, датированный концом II —

³⁵ Ср. прологи в комедиях Менандра «Брюзга», «Остриженная» и Плавта — «Амфитрион», «Канат».

³⁶ Ср. *Men. Dysc.* 6.

³⁷ Ср. у Менандра в «Щите», ст. 97—148 (монолог богини Тихи), в «Остриженной», ст. 121—171 (монолог богини Неведения), а также у малоизвестного автора Филиллия зрителям представляется Дорпия (название первого дня афинского праздника Апатурий); см. *Менандр.* С. 468.

³⁸ *Thesmoph.* В датируются 407 или 406 г. до н. э. (см. *Geissler P. Chronologie der altattischen Komödie.* В., 1925, S. 63). Известно, что в своих последних комедиях «Нокал» и «Эолосийкон» Аристофан обращается к сюжетам, которые стали затем популярны в средней и новой комедии (см. *Platonius de com.* I. 1, 24, 29; *Comicorum Graecorum fragmenta.* I. В., 1894).

³⁹ *Koenen L. Notes on Papyri 3 P. Mich. inv. 4925 recto. An Unpublished Wartext Comedy // BASP.* 1979. 16. P. 114—116. См. также *Perusino F. Un frammento della commedia nuova in un papiro della collezione Michigan // ZPE.* 1983. Bd 51. S. 45—49.

началом III в. н. э., представляет собой фрагмент комедии, написанный катаlecticским ямбическим тетраметром. Читаются только концы 10 стихов, в первом, втором и последнем стихе дешифрованы лишь отдельные буквы.

В фрагменте дается описание ужасной бури, поднятой налетевшими ветрами: «...никто не спасется влать... страшна зима... вновь волнующие ветры... нуждающегося в друзьях (заставляет) страдать... так, ужасная зависть... порождают, так разбойники... ревность, судебные тяжбы, женщины... ужасные...». Патетический характер отрывка, явное пародирование трагического тона, аллегорический характер описания бури позволяют считать этот фрагмент одним из общих мест в произведениях новой аттической комедии, в которых внезапно налетевшая буря, несущая гибель кораблю, сравнивается с душевным переживанием персонажа, потерпевшего крушение любовных надежд ⁴⁰.

8. Среди остатков папирусного свитка I в. н. э. читаются два небольших фрагмента, принадлежащих к новой комедии (Р. Оху. 45, 1977, № 3218). Первый фрагмент, находящийся вверху колонки, представляет собой окончания семи стихов, написанных ямбическим триметром. Из второго фрагмента сохранились лишь отдельные части шести стихов. Из содержания первого фрагмента видно, что перед нами часть диалога. В 4-м стихе говорящий $\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\beta\acute{\alpha}\varsigma$ обозначен знаком Γ, который обычно указывает на присутствие третьего актера ⁴¹. Во 2-м стихе первого фрагмента встречается выражение $\Lambda\upsilon\delta\iota\alpha\nu\ \lambda\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$ — «лидийский», т. е. пробный камень, который применялся для того, чтобы отличить золото от простого металла, а в переносном смысле — для того, чтобы отличить правду от лжи ⁴². Промоч в идентификации фрагментов могло бы собственное имя Мосхион (фр. 1, ст. 5; фр. 2, ст. 2), но это имя молодого человека настолько часто встречается в произведениях новой аттической комедии, что идентифицировать фрагменты, опираясь только на него, не представляется возможным.

9. Собственное имя Мосхион встречается также в фрагменте III в. н. э., представляющем часть диалога из новой комедии (Р. Оху. 49, 3432). Содержание диалога стандартно для произведений новой комедии: речь идет о рождении ребенка (ст. 5), упоминаются какие-то слова матери (ст. 2), имя юноши Мосхиона (ст. 7). По всей видимости, речь идет об установлении отцовства или местонахождения ребенка. Подобная ситуация является слишком типичной для новой комедии, чтобы мы могли отнести фрагмент к какому-то определенному произведению, тем более что реплики персонажей не обозначены с полной точностью ⁴³.

10. Еще одно из распространенных имен новой аттической комедии встречается во 2-м стихе небольшого фрагмента из свитка папируса конца I в. — начала II в. н. э., который представляет собой остатки 21 стиха ⁴⁴. Размер — ямбический триметр. Содержание фрагмента восстановить трудно, так как читаются лишь отдельные слова или части слов. Хрисиды — одно из излюбленных имен Менандра: это имя главной героини его комедии «Самиянка», оно упоминается также в комедии «Льстец» (фр. 4).

11. Это же имя Хрисиды встречается на небольшом папирусе III в. н. э., на котором скорее всего представлен указатель имен персонажей неизвестной комедии ⁴⁵. Кроме

⁴⁰ Ср. *Men. Fr.* 59, K—T, fr. 656 K—T, *Samia* 206 sq.

⁴¹ *Turner E. G., Yory E. G. Algebraic Notation in Dramatic texts // BICS.* 1963. 10. P. 65—78.

⁴² Ср. *Corp. Papyr. Graec.* Bd I. Göttingen, 1851.

⁴³ Попытку Стефенса связать фрагмент с комедией Менандра «Самиянка» на основании упоминания имени Мосхиона и сведений о рождении ребенка (*The Classical Review.* 1984. V. 34. № 1. P. 113) вряд ли можно считать убедительной.

⁴⁴ *APF.* 1983. 29. P. 5—7.

⁴⁵ *Ibid.* P. 7—8.

имени Хрисиды здесь встречаются женские имена — Архонтида (комическое образование от ἄρχων)⁴⁶ и Исидорас (параллельная форма к имени Исидора)⁴⁷, а также мужские имена — Эльпидас и Хрисерас (вариант имени Хрисерос). Возможно, это имена гетер и их возлюбленных из какого-то произведения новой аттической комедии.

12. К этим папирусам можно добавить также Гномологий о сребролюбии, находящийся на фрагменте свитка папируса II в. н. э.⁴⁸ Из восьми сохранившихся фрагментов к средней комедии принадлежат цитаты из Антифана и Алексиды, а к новой комедии — из Филемона (4 цитаты), Аполлодора из Гелы и Филиппида⁴⁹. Хотя название цитируемых комедий сохранилось только лишь в двух случаях: фр. IV — «Вдова» Филемона (ст. 12) и фр. VI — «Пьяница» Алексиды, однако оно может быть восстановлено во фр. II — «Самостоятель» Аполлодора из Гелы⁵⁰ и фр. III — «Пьяница» Филиппида. В остальных случаях название потеряно. Фрагменты II, III, VI, VII содержат цитаты по два стиха, фрагменты I, IV — по три стиха. Исключение составляет VIII фрагмент — эта цитата из Филемона включала 6 стихов.

Фрагменты II и VI, несмотря на большое количество лакун, могут быть идентифицированы с уже известными фрагментами из Аполлодора из Гелы и Алексиды⁵¹. Фрагмент II (ст. 6—8): «Но ты назвал почти самое главное из зол — это сребролюбие» — из комедии «Самостоятель» Аполлодора из Гелы. Фрагмент VI (ст. 20—22): «Постыдная выгода приносит мало удовольствий, но затем — много горестей» — из комедии Алексиды «Пьяница».

Остальные фрагменты дают еще не известные цитаты. Восстановить их содержание трудно, так как сохранились лишь отдельные слова. В фр. III (ст. 9—11) речь идет о «сребролюбии старика» — это общее место в комедии (ср. Менандр. «Щит», ст. 351) — из комедии Филиппида «Пьяница». Фрагмент VII (ст. 23—25): «Муж, получивший малую выгоду, получит (много) зла» — из неизвестной комедии Антифана.

13. В заключение упомянем еще один источник новых фрагментов из древнегреческих авторов — рукопись лексикона Фотия, обнаруженную среди других греческих манускриптов конца XIII — начала XIV в. греческим филологом Л. Политисом в монастыре Заворды в Западной Македонии⁵². Издание новой рукописи, взятое на себя Хр. Теодоракисом, затянулось — только в 1982 г. вышел I том, содержащий буквы А—D. Одновременно К. Цанцаноглу подготовил издание новых литературных фрагментов из всего корпуса⁵³. К сожалению, новая аттическая комедия, включая и Менандра, представлена весьма скупо, а большинство цитат состоит из одного-двух слов. Тем не менее из 22 фрагментов набирается некоторое количество достаточно связных.

Из Диффила получаем новое подтверждение поговорочного выражения «уши заложены воском» (фр. 133, по нумерации Цанцаноглу) — о глухом или глупом человеке. Два фрагмента из Менандра (№ 158 Ц из «Ненавистного» и № 161 Ц из «Ожерелья») уже вошли в литературоведческий обиход⁵⁴. Из «Гимниды» (вероятно, имя гетеры) про-

⁴⁶ Возможно, Архонтиды — две гетеры, как Вакхиды у Плавта.

⁴⁷ Оба эти варианта зарегистрированы с IV в. до н. э.

⁴⁸ *Livrea E. P. Harris 171. Gnomologio con testi comici // ZPE. 1985. Bd 58. S. 11—20.*

⁴⁹ Аналогом может служить антология комических текстов (*Kalbfleisch K. Griechische Komödien bruchstücke aus einer Antologie. Racc. Lombroso. Milano, 1925. S. 29 f.*).

⁵⁰ *Apollod. Gel. Fr. 4. P. 280 Kock.*

⁵¹ Традиционно последний из них относили к Антифану — fr. 270, p. 123, Kock.

⁵² Первое сообщение о находке: Philologus. 1961. Bd 105. S. 136—144; rez.: *Luppe W. // Byzantinoslavica. 1985. T. XLVI. P. 186—189; Degani E. // Gnomon. 1987. 59. S. 584—595.*

⁵³ *New Fragments of Greek Literature from the Lexicon of Photios / Ed. with a Commentary by K. Tsantsanoglou. Athenai, 1984.*

⁵⁴ См. Менандр. С. 481, фр. 9; с. 525, фр. 9.

исходит фр. 163 D: «Он был арфист из самых знаменитых». Без указания на комедию приводятся еще два фрагмента. № 170: «Итак, мне кажется, что подосланная кем-то старуха разболтала вот этому...» и № 172: «...бросая на уголь внутренности...» — из речи повара или из описания жертвоприношения (ср. «Брюзга», ст. 547 сл.).

Таким образом, благодаря открытым за последние годы папирусным фрагментам из области новой аттической комедии добавились новые тексты комедий, которые могут стать основой для дальнейших исследований в этой области.

И. Л. Ульянова

© 1990 г.

The History of Cartography. V. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean/Ed. J. B. Harley, D. Woodward. Chicago — London: The University of Chicago Press, 1987. XXI, 599 p., 40 pl. ill.

«История картографии» — проект, осуществляемый под руководством профессоров Висконсинского университета (США) Д. Брайана Харли и Дэвида Вудворда, — включает шесть томов. Их выпуск рассчитан на несколько лет, пока опубликован первый том, о котором и пойдет речь в настоящей рецензии. Он посвящен доисторическим картам на территории Старого Света, картографии в древних обществах Средиземноморья, в средневековой Западной Европе и Византии. Во втором томе будет рассматриваться картография исламская (арабская и персидская), карты народов Южной и Юго-Восточной, а также Восточной Азии. Третий том планируется посвятить картам Ренессанса и эпохи Великих географических открытий, четвертый — картам в эпоху «науки, просвещения и экспансии», т. е., по-видимому, в XVII—XVIII вв., пятый — XIX в. и шестой — XX в.

Издание для истории картографии — беспрецедентное по своим масштабам, из других же областей науки прецеденты подобраны издателями такие, как «Кембриджская древняя история», «Экономическая история Европы», оксфордская «История техники» и другие синтетические разработки подобного рода. Характерна полемика издателей с Арнольдом Тойнби на предмет того, может ли столь объемный труд быть осуществлен одним человеком (как в случае со «Всемирной историей») или все же предпочтительнее коллектив специалистов (с. XIX). Издатели «Истории картографии» пошли по второму пути. Некоторые из приглашенных авторов хорошо известны своими монографическими исследованиями того или иного периода в истории картографии (О. Э. У. Дилке, П. Д. А. Харви), и написанные ими разделы представляют как бы резюме этих исследований.

В большинстве своем авторы — англичане и американцы; более международный характер тому придает представительный список научных консультантов издания, среди которых и известный советский специалист по истории карт Л. А. Гольденберг. Соответствует избранному издателями жанру «фундаментальной истории» и внешний вид первого тома. Это богато иллюстрированный объемный фоллиант, насыщенный разнообразными справочными схемами и таблицами, указателями, библиографиями к каждому разделу¹. Шестую часть книги (100 страниц) занимает сводная библиогра-

¹ Одно из важных достоинств состоит в исключительно малом количестве опечаток. Отметим только, что на с. 136 Диоген Лаэртский (Laertius) ошибочно напечатан как Laetius, на с. 297 поменялись местами подписи под рис. 18.5 и 18.6, а среди великоленных цветных репродукций карт одна (англосаксонская карта X в., табл. 22) дана в своем зеркальном отражении.

фия, выступающая одновременно в роли одного из указателей: каждое название сопровождается ссылками на страницы тома, на которых оно упоминается.

Оправдан ли такой размах, не является ли задуманное издание историко-научным излишеством? Общих трудов по истории картографии, уместившихся в объеме одного тома, с послевоенных лет вышло немало на разных языках². Необходимость своего шеститомного труда издатели обосновывают, существенно расширяя тематику и задачи исследования, пересматривая сам предмет истории картографии как науки. Теоретические установки издателей изложены во Введении, а также в написанной Д. Б. Харли историографической главе.

Согласно традиционному пониманию, история картографии — это, с одной стороны, история технических навыков картографирования, с другой — некий раздел истории географических открытий и исследований. Иными словами, история картографии обычно понимается как вспомогательная историческая дисциплина (согласно существующей у нас терминологии). Отсюда и ее задачи — публикация факсимильных атласов, классификация и систематизация карт, датировка и атрибуция, определение их источников и достоверности информации и т. п.

Д. Б. Харли и Д. Вудворд видят в картах прежде всего воплощенные с помощью особого графического языка представления о пространстве в той или иной культуре. Являясь средством коммуникации о пространственных соотношениях объектов и явлений, карты выполняли различные, в том числе идеологические и религиозные функции. Поэтому задачей истории картографии, по мысли Д. Б. Харли и Д. Вудворда, становится описание картоиспользующих культур (с. XIX). Издатели стремятся посмотреть на всю историю человеческого общества «картоцентрически», увидев в картографии «фокус истории общества и культуры» (с. XV), в котором сошлись и пересеклись современные картам явления и тенденции экономики и политики, науки и искусства, религии и идеологии и т. д.

По сравнению с предшествующими разработками расширяется круг основных источников исследования, т. е. «карт». Равные права с традиционными источниками приобретают всякого рода неверные, искаженные, а также заведомо вторичные рисунки, пренебрежение которыми (т. е. прогрессистский взгляд на историю науки) Д. Б. Харли справедливо определяет как «научный шовинизм» (с. 4). Рассматриваются также карты звездного неба, карты воображаемых местностей и космологические схемы — все объекты, подходящие под определение, следующим образом сформулированное издателями: «Карты — графические изображения, способствующие пространственному пониманию человеком вещей, идей, условий, процессов или событий» (с. XVI). Сформулированные Харли и Вудвордом новые воззрения на предмет и задачи истории картографии восходят к теоретико-картографическим разработкам 1960—1970-х годов, опирающимся на методы семиотики и теории коммуникации³. Во многом они представляют собой программу на будущее: в большинстве разделов рецензируемой книги, принадлежащих разным авторам, на первый план выступает задача обобщить результаты, накопленные историей картографии в ее традиционном понимании.

В первой, историографической главе книги Д. Б. Харли дает наиболее подробный из имеющихся в литературе аналитический очерк истории данной научной дисциплины⁴, начиная еще с критики ранних карт Геродотом, Аристотелем, Птолемеем и выделяя три основных периода. Первый — до 1800 г., когда закладывались основы

² В том числе книги Л. Багрова (1951, 1963, 1964), Л. А. Брауна (1949, 1979), Дж. Р. Кроуна, (1953, 1962, 1966, 1968, 1978). Из отечественной литературы помимо первого в мировой историографии очерка Л. С. Багрова (1917), следует отметить работы К. А. Салищева (1948) и А. В. Постникова (1985).

³ Из советских работ этого направления см. *Асланикашвили А. Ф. Метакартография: основные проблемы*. Тбилиси, 1974.

⁴ Тем не менее этот очерк может быть дополнен данными о русскоязычной историографии, содержащимися в кн.: *Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт*. М., 1985. С. 5—9.

картобиблиографии, а изучение старых карт ограничивалось критикой ошибок и сравнением разных методов картографирования. Во второй период, с 1800 г. по 1930-е годы, старые карты рассматривались в основном как иллюстративный материал к истории географических открытий; с 1930-х годов история картографии постепенно обретает статус особой научной дисциплины, что выразилось, в частности, в деятельности основанного Л. С. Багровым в 1935 г. международного журнала «Imago mundi». Границы между периодами определяются не коренной концептуальной ломкой, но скорее возникновением новых тем: задачи, выдвинутые в каждый из трех периодов, до сих пор на повестке дня.

Часть, посвященная доисторическим картам, состоит из историографического введения и основного раздела, написанных К. Делано-Смит, а также небольшой главы «Возникновение картографии», автор которой Г. Малколм Льюис кратко разбирает ментальные предпосылки картографического творчества, которые заключаются в способности человека, уже на заре его развития, получать и передавать информацию о пространственном соотношении между объектами (ср. пометку территории запахом у пчел или волков). Эти предпосылки, впрочем, не обязательно реализуются в картографическом творчестве: автор основного раздела Делано-Смит подвергает сомнению известный тезис о присутствии человеку «инстинкта» картографирования. Карты, по ее мнению, существовали далеко не у всех первобытных народов. Те же, что были, по-видимому, не имели практической функции ориентирования на местности.

В основе исследования Делано-Смит — собственно доисторические карты на территории Старого Света (Европа, Северная Африка, Ближний Восток). Автор практически отказывается от метода, принятого в предшествующей литературе, — заполнения неизбежных лакун этнографическим материалом, «туземными» картами исторического периода. Одновременно Делано-Смит, руководствуясь принятым в «Истории картографии» определением карты и специально разработанной методикой, значительно расширяет круг источников по доисторической картографии. Обычно картами признаются лишь четыре сохранившихся изображения доисторического периода, притом не подвергалась сомнению картографическая природа лишь одного из них — рисунка на Майкопской вазе из Гос. Эрмитажа (III тыс. до н. э.). В работе Делано-Смит систематизируется целый корпус (более 50) доисторических карт и ландшафтных фигур. Некоторые из них уже идентифицировались как карты, хотя такая точка зрения и не стала общепринятой, другие выявлены исследовательницей впервые, в результате проработки обширного археологического материала, в том числе и в русскоязычной литературе⁵.

Методика выявления ландшафтных карт и фигур, предложенная К. Делано-Смит в недавних публикациях, пока подробно не обсуждалась специалистами. Основной критерий картографичности того или иного рисунка заключается в повторяемости условных знаков в пределах одной композиции. Автор сознает, что этот критерий не обладает полной надежностью (с. 61—62). Действительно, порожденные бесписьменной культурой «условные» магические знаки имеют, если воспользоваться словами Ю. М. Лотмана, «значение размытое, часто внутренне противоречивое, обретают смысл в отношении к ритуалу и устным текстам»⁶. Поэтому главный вывод раздела: «Графические изображения, показывающие пространственное распределение объектов и событий, создавались еще в верхнем палеолите, а специальные картографические знаки появились по крайней мере с послепалеолитического периода» (с. 92) следует пока принять с осторожностью. Вместе с тем представляется совершенно справедли-

⁵ К слову, хотелось бы внести небольшое исправление: работа, цитируемая на с. 72, а также упомянутая в библиографии на с. 100 и 529, принадлежит Борису Владимировичу Фармаковскому, а не его брату Мстиславу, выполнившему рисунок Майкопской вазы.

⁶ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 8.

вым стремление Делано-Смит рассматривать в рамках истории картографии такие древнейшие символы, живущие в подсознании человечества, как лабиринт, дерево, лестница. Изображения такого рода несомненно представляют собой если не ранние образцы космологических карт, то по крайней мере «космологические знаки» (с. 85—88).

Вторая часть тома посвящена истории картографии в древних обществах Европы и Средиземноморья. Термином «древний» (ancient) авторы обозначают весь период между доисторической эпохой и западноевропейским средневековьем, от вавилонских планов земельных наделов середины III тыс. до н. э. до картографии Поздней Римской империи и даже до византийских реконструкций Птолемеевых карт в XIII в. н. э. Введение ко второй части, заключение и большую часть разделов об античности (разделы о Птолемее, о римской и византийской картографии) написал известный английский историк античной картографии О. Э. У. Дилке, причем в птолемеевском и византийском разделах издателями Дж. Б. Харли и Д. Вудвордом были представлены дополнительные материалы. Автор истории ближневосточной картографии — А. Р. Миллард, египетской — А. Ф. Шор. Разделы, относящиеся к древнегреческой картографии до Птолемея, написаны издателями по материалам Ж. Ожак.

Во Введении справедливо указывается, что одной из главных трудностей построения истории картографии (и не только античной) является скудость дошедших до нас памятников. Большая часть карт знакома нам только по литературным свидетельствам или по средневековым копиям сомнительной достоверности. О. Э. У. Дилке считает, что причины этого — недолговечность материала, на котором изображались карты (дерево, папирус, металл, мозаика), и, возможно, отношение к карте как к чему-то чисто «техническому», ремесленному, а потому второстепенному (с. 106).

История картографии на древнем Ближнем Востоке, в Месопотамии, Сирии и Палестине насчитывает, по мнению А. Р. Милларда, четыре с лишним тысячелетия (от 5000 г. до 330 г. до н. э.). Среди многих тысяч клинописных памятников административного и юридического характера, найденных при археологических раскопках, карт — всего около десятка. Поэтому столь большое внимание в разделе уделяется «околокартографическим» сюжетам — общегеографическим познаниям, литературным географическим текстам, системе измерения пространства и счета вообще, литературным описаниям звездного неба и т. д. Собственно картографические артефакты — это несколько планов с изображением земельных участков с домами, храмами, стенами, улицами и каналами из Вавилона, Ниппура, Урука, Сиппара и других местностей начиная с 2300 г. до н. э. Разумеется, большое внимание в разделе уделено знаменитой «Вавилонской карте мира» ок. 600 г. до н. э., хранящейся в Британском Музее. В двух случаях (в этой карте и в плане из раскопок в Йорган-Теле — ок. 2300 г.) возможно определить ориентацию (соответственно северная и восточная). В небольшом параграфе о Сирии и Палестине предполагаемые элементы картографического сознания вычлняются в основном из Библии.

В разделе о египетской картографии также сделана попытка рассмотреть разные типы картографической продукции на фоне общегеографических представлений и разработок египтян. Самые ранние топографические рисунки восходят к тому времени (ок. 3100 г. до н. э.), когда после объединения Нижнего и Верхнего Египта начинается династический период его истории и одновременно с этим возникает письмо. Наряду с топографическими рисунками, содержащими, например, планы садов, встречаются и космографические, такие, как изображение на крышке саркофага из Саккары, датируемое 30-й династией (ок. 350 г. до н. э., хранится в Нью-Йоркском Музее Метрополитен). Карта показывает космос, где небо олицетворяет богиня Нут, изогнутая над землей, которая представлена в виде диска. Во внутренней части диска находятся символы некоторых соседних народов. Среди образцов топографического искусства рассматриваются и изображения двух путей в потусторонний мир, нанесенные на дне раскрашенных гробов из ал-Берша (ок. 2000 г. до н. э.). По мнению

А. Ф. Шора, это не путеводители для души умершего, но, так сказать, «пропуск» сквозь таинственную мистическую страну.

Одной из самых известных египетских топографических карт является так называемая «Туринская карта золотых приисков» (ок. 1150 г. до н. э.), изображающая местность между Нилом и Красным морем. Автор раздела смог поставить ее в один ряд с другими до сих пор малоизвестными памятниками близкого содержания и показать существование традиции топографической съемки на местности в Египте (измерение земельных наделов, кадастровые карты, планы зданий и т. д.).

Основная часть «древнего» раздела посвящена собственно античности в нашем понимании — Греции и Риму. Это неудивительно: хотя артефактов сохранилось практически столько же, сколько от Ближнего Востока и Египта, традиции изучения античной картографии неизмеримо богаче. Античные карты и возможности их реконструкции — одна из главных тем истории картографии в прошлом веке и в начале нынешнего (труды К. Мюлленхоффа, К. Миллера, Д. Детлефсена и др.). В последние годы наблюдается новый подъем интереса к античным картам, свидетельство чему — две разные по методике и выводам монографии П. Янни и О. Э. У. Дилке⁷.

От древней Греции, собственно, сохранились лишь фреска из Санторини ок. 1500 г. до н. э., картографическая природа которой не бесспорна, а также средневековые копии: карта Эфора в изложении Косьмы Индикоплова в рукописях начиная с IX в. и карты Птолемея в списках начиная с XIII в. Для восстановления «околокартографического фона» в дело идут все детали, накопленные предшествующей историографией: определяется потенциальный картографический смысл теоретической географии, выявляются предположительные элементы картографического сознания в литературных текстах (например, сравнения взаимного расположения географических объектов с геометрическими фигурами). Кульминационным этапом в развитии греческой картографии считается творчество Птолемея. Этот вывод не удивителен и не нов, но следующая формула Дилке заслуживает внимания: «Было бы неправильно придавать слишком большое значение, как часто делается историками и источниковедами, списку Птолемея „ошибок“: для историка картографии самое главное в том, что тексты Птолемея несли идею картографирования звездного неба и земли еще долгое время после того, как фактическое содержание его координат устарело в результате новых открытий и исследований» (с. 278). В дискуссии о времени создания согласно Птолемея инструкциям первых карт Дилке склоняется к мнению о том, что хотя бы некоторые из этих карт были созданы самим Птолемеем или его современником.

При анализе римской картографии немалое место уделяется карте Випсания Агриппы (реконструируемой) и Певтингеровой таблице, известной в копиях XII в. Римским мелкомасштабным картам приписываются как религиозная, пропагандистская, дидактическая функции, так и функция «практическая», т. е. их использование в качестве стратегических руководств, навигационных пособий, сухопутных путеводителей.

Из мелкомасштабных карт собственно римского периода рассматривается щит война из Дура Эвропос (ок. середины III в. н. э.), который Дилке относит к жанру рисованных итинерариев и на котором, как известно, показана часть западного, северного и северо-восточного побережий Черного моря с названиями прибрежных городов. Большинство сохранившихся артефактов относятся к крупномасштабной картографии (кадастры, планы городов, инженерные планы).

Расширенное понимание термина «карта», декларированное в рецензируемом издании, привело к включению в античные разделы артефактов, обычно в историях картографии не рассматривавшихся, таких, как планы лабиринтов, характерные и для

⁷ *Janni P.* La mappa e il periplo: cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984; *Dilke O. A. W.* Greek and Roman Maps. Ithaca — London, 1985.

других древних обществ, но в античности обычно связанные с мифом о Минотавре. Вместе с тем изображения на некоторых понийских монетах, по-видимому, не имеют никакого отношения к картографии даже в широком смысле⁸. Заметим также, что едва ли следует видеть в «forma Sardiniae» и «figura Italiae», висевших на стенах двух храмов в Риме (соответственно Liv. 41, 28, 8—10 и Varro. De re rust. 1.2.4), непременно карты соответствующих местностей (с. 205): это могли быть аллегорические фигуры наподобие тех персонифицированных рек и местностей, которые несли солдаты во время триумфальных шествий. Впрочем, в большинстве случаев авторы чрезвычайно осторожно подходят к анализируемому материалу, постоянно подчеркивая дискуссионность и трудность отнесения того или иного произведения к «истинной» картографии.

Советскому читателю, вероятно, не покажется бесспорным помещение главы о византийской картографии в античном, а не в следующем, средневековом разделе⁹. Конечно, для этого были некоторые основания: во введении к древнегреческим главам указывается на непрерывность развития греческой цивилизации с минойской эры до падения Константинополя в XV в. (с. 130), и действительно, в отличие от западноевропейского варианта развития восточноримская империя не знала резких разрывов в традиции политики, науки, литературы и т. д. Однако и Равеннская «Космография», которая анализируется в византийском разделе, и «Христианская топография» Косьмы Индикоплова, и мозаичные карты из Никополиса и Мадабы отражают новый этап геокартографического осмысления мира, во многом определяемый христианским мировоззрением. На это указывает и автор раздела О. Э. У. Дилке, сопоставляя византийскую картографическую линию с картографией средневекового Запада (с. 261).

Почти половина византийского раздела посвящена картам Птолемея в византийских рукописях «Географии», обнаруженной в XIII в. Максимом Планудом. Соглашаясь, что «новое открытие Птолемея может рассматриваться как плодотворный вклад византийской науки в длительное развитие картографии» (с. 272), можно тем не менее пожалеть, что проблемы, связанные с Птолемеем, обсуждаются и в древнегреческом, и в византийском разделах (иногда повторяясь), а собственно византийская картография занимает так непропорционально мало места (всего около 8 страниц). Конечно, собственно картографической продукции от византийского времени дошло до нас очень немного. Но ведь столь же малое количество древнегреческих артефактов не мешало авторам воссоздать на 70 страницах некий геокартографический фон с массой догадок и предположений о том, как могли выглядеть те или иные карты, какие представления о Земле, ее форме и месте во вселенной существовали в тот или иной период.

Такого рода фон, несомненно, существует и в византийской культуре. Достаточно напомнить о богатой патристической литературе («Гексамеронов», толковавшей и разрабатывавшей картину мира в соответствии с библейскими представлениями, о существовании в IV—VII вв. антиохийской и александрийско-кападокийской космогонических школ, о различных жанрах географической литературы типа «Подорожника от Эдема» (византийские итинерарии) или «Синекдема» Иерокла, о различных теориях относительно формы Земли и небесного свода, движения небсных светил, расположения гор на севере ойкумены, места рая, четырех райских рек, океан и т. д.¹⁰. Возможно, анализ этого «фона» показал бы, что не на пустом месте возник и существовал Косьма Индикоплов с его трудными и не всегда удачными попытками наложить на известный

⁸ См. Janni. Op. cit. P. 40; Jacob C. Review // *Imago mundi*. 1986. V. 38. P. 106—107.

⁹ Дилке прямо ставит византийскую цивилизацию в один ряд с «классическими» (с. 258).

¹⁰ См. об этом подробнее: Бородин О. Р. Развитие географической мысли // *Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 432—450* и указанную там литературу, особенно неучтенную в рецензируемом томе книги: Marinelli G. *Geografia e i padri della Chiesa*. Roma, 1882.

ему античный фактический материал библейско-теологические догматы. Да и космографические представления Равеннского анонима не объяснимы без серьезного анализа патристической традиции (чуть больше, но далеко не достаточно внимания ей уделяется в разделе о западноевропейских *mappe mundi*).

Мы не знаем, найдется ли место во втором томе, посвященном «традиционным азиатским обществам», для хотя бы краткой характеристики геокартографического «фона» в других культурах восточнохристианского историко-культурного ареала (как сделано А. Р. Миллардом для древней Сирии и Палестины на основании библейских свидетельств): сирийской, коптской, готской, эфиопской, армянской, древнегрузинской, древнеславянской, христианско-арабской¹¹. Если нет, то жаль, что в византийском разделе не упомянуты, к примеру, незаурядные памятники древнеармянской учености — «Армянская география» VII в. и «Космография» Аниана Ширакаци, которым посвящена немалая литература¹². Заслуживают оценки попытки картографических реконструкций, прежде всего работы С. Т. Еремяна о «Древнеармянском атласе мира»¹³. Известна и сохранившаяся средневековая армянская карта, датированная XIII—XIV вв., — круглая трехчастная карта Т — О с восточной ориентацией¹⁴.

Указав, таким образом, на бедность византийского раздела (напомним, что кроме О. Э. У. Дилке за него приняли ответственность и издатели книги, предоставившие «дополнительные материалы»), мы можем охарактеризовать в целом вторую часть, посвященную древним письменным обществам, как добротную сводку имеющихся на сегодняшний день данных¹⁵.

Третья, «средневековая» часть книги состоит из трех разделов, посвященных мало перекликающимся между собой группам источников. Во-первых, это западноевропейские карты мира, представляющие собой самый распространенный в средние века картографический жанр. Раздел написан одним из издателей книги, Д. Вудвордом. Во-вторых, рассматриваются карты-портоланы, т. е. морские карты, в основном итальянского или каталонского происхождения (автор раздела — Т. Кэмпбелл). Третий раздел средневековой части — о региональной картографии и топографических планах — написан П. Д. А. Харви и представляет собой частичное изложение известной его книги «История топографических карт» (1980). Небольшой параграф об особом типе региональных карт, появившемся в XV в., *isolarii* (карты островов) принадлежит перу Э. Клаттон. Общее предисловие к средневековой части написано П. Д. А. Харви.

Средневековые карты мира особенно интересовали историков картографии в XIX — начале XX в. в связи с попытками реконструировать гипотетические римские — «карту Випсания Агриппы» I в. до н. э. и «Государственную карту IV в.», а также карты, якобы составлявшиеся Саллюстием, Макробием и другими историками и географами, в средневековых списках сочинений которых встречаются *mappe mundi*. Д. Вудворд сознательно уделяет лишь небольшое внимание проблеме античных

¹¹ Классификация по кн.: Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности XI—XV вв. Л., 1978, С. 16.

¹² См., например: Даниелян Э. Я. Армянские космографические труды VII века о строснии Вселенной. Ереван, 1978.

¹³ Библиографию см.: Галкович Б. Г. К вопросу об историко-картографическом методе исследований // Кавказ и Византия. Вып. 2. Ереван, 1980. С. 48—67.

¹⁴ Ованнисян О. Армянская рукописная карта мира (XIII—XIV вв.) // Научные труды Ереванского гос. ун-та. Т. 43. Сер. географ. наук. Вып. 1. 1954. С. 81—92 (на арм. яз. с рус. рез.).

¹⁵ Из немногих библиографических упущений особенно заметна работа В. Вольска-Коню, охватившая развитие географии и картографии в древнем мире (включая Месопотамию и Египет) и раннем средневековье. См.: *Wolska-Conus W. Geographie // Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd 10. Stuttgart, 1978. Sp. 155—222. Попутно исправим замеченную неточность (с. 197, прим. 93), перешедшую и в библиографию на с. 527. Сборник, в котором помещена статья О. Э. У. Дилке об античных представлениях о Севере, назван неверно. Правильные данные: *Unveiling the Arctic / Ed. L. Rey. Fairbanks, 1984 (=Arctic. 1984. V. 37. № 4)*.

прототипов, предпочитая видеть в средневековых картах мира отражение специфических категорий именно средневековой культуры. В частности, он подробно анализирует символическое истолкование средневековых карт, их структур и деталей. Например, длинный ряд символических интерпретаций задавался на карте четырьмя сторонами света: ведь символизм числа «четыре» восходит и к аристотелевской традиции (четыре элемента) и христианской (Крест, четыре Евангелиста и т. д.)¹⁶ (с. 335—336).

В разделе встречаются и спорные утверждения, например, определение карт и энциклопедии Ламбера Сент-Омерского (1120 г.) как архаичных для своего времени (с. 304, ср. 359). По крайней мере на карте Европы, иллюстрирующей автограф энциклопедии, не только содержатся некоторые новые топонимы и этнонимы; о передовом географическом сознании Ламбера свидетельствует изображение Скандинавии в виде полуострова вопреки античному взгляду на нее как на систему островов¹⁷. В более поздних рукописях, где вместо карты Европы помещена карта мира, этот полуостров, впрочем, «сгладил»¹⁸.

В целом кажется интересной попытка дать впервые в историко-картографической литературе периодизацию *mapae mundi* (с. 293—318). Автор выделяет четыре периода, каждый из которых знаменуется появлением нового типа карт (но вследствие крайнего консерватизма этого жанра — не исчезновением старых). В качестве приоритетной темы будущих исследований предлагается и выявление региональных характеристик средневековой картографической культуры. Этот призыв нельзя не поддерживать¹⁹. Так, требует серьезного анализа несомненный факт английского лидерства в картографии XII—XIII вв. (постепенно сменившегося в XIV—XV вв. итальянским). Вудворд справедливо отмечает, что английское происхождение по крайней мере предполагается для большинства значительных карт этого времени; достижения английской геокартографической «школы»²⁰ проявились и в жанре итинерариев (карта Матвея Парижского, карта Гоу) и топографических планов (с. 306, прим. 102; ср. с. 495—496). Вопрос, конечно, нужно решать в связи с важной ролью Англии в общем культурном подъеме XII в.²¹, принимая во внимание, как нам представляется, и наследие англосаксонской географии и картографии («Орозий» короля Альфреда, англосаксонская карта мира), находившейся как бы на перекрестке западноевропейской и скандинавской географической учености, а может быть, и еще более давние традиции (Бэда, Дикуил).

По сравнению с большинством *mapae mundi* другая группа средневековых карт — итальянские и каталонские карты-портоланы Средиземного и Черного морей, иногда Атлантического побережья — поражают достоверностью и реализмом географических сведений, что определило отношение к ним как важнейшему историческому источнику²². «Неожиданное» (с технической точки зрения) возникновение этих карт в кон-

¹⁶ См. также материалы, собранные в кн.: *Sauer J. Symbolik des Kirchengebäudes und seiner Ausstattung in der Auffassung des Mittelalters*. Freiburg im Breisgau, 1924 (особенно S. 62—68).

¹⁷ *Nansen F. Nord i Tåkeheimen: Udforskningen av Jordens nordlige strøk i tidlige tider*. Kristiania, 1911. S. 425—426.

¹⁸ О других идеях ламберовской географии см.: *Lecoq D. La Mappede monde du «Liber Floridus» ou la Vision du Monde de Lambert de Saint-Omer // Imago mundi*. 1987. V. 39. P. 9—49.

¹⁹ Единственный опыт издания регионального свода *mapae mundi* в кн.: *Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения*. М., 1986. С. 102—124.

²⁰ Ср.: *Rosien W. Die Ebstorfer Weltkarte*. Hannover, 1952. S. 28—31, 62.

²¹ *Southern R. W. The Place of England in the Twelfth-Century Renaissance // Medieval Humanism and Other Studies*. Oxf., 1970. P. 158—180; *Thomson R. M. England and the Twelfth-Century Renaissance // Past and Present*. 1983. V. 101. P. 3—21; *Southern P. W. Robert Grosseteste: the Growth of an English Mind in Medieval Europe*. Oxf., 1986.

²² Ср.: *Брун Ф. К. Берег Черного моря, между Днепром и Днестром, по морским картам XIV и XV столетий // Он же. Черноморье. Сборник исследований по историче-*

це XIII в. объяснения пока не получает, но по крайней мере теория античных истоков во всех ее разновидностях признается автором раздела необоснованной (с. 380—381).

Среди главных достижений раздела — тезис о постоянном развитии жанра (вопреки устоявшемуся со времен А. Норденшельда мнению о консерватизме портоланов, о рабском копировании одного прототипа). Для этого был, в частности, предпринят анализ топонимического материала, выявлены постоянный и варьирующий комплексы топонимов для карт XIV—XV вв. В свою очередь, определение «топонимического профиля» карт-портоланов со спорной датировкой позволило уточнить даты их создания. Наиболее динамичной традиция портоланов была в XIV в.; по предварительным данным к XVI—XVII вв. топонимика карт-портоланов стабилизируется (с. 415 и далее). Вместе с тем консерватизм мог проявиться в изображении отдельных далеких или недоступных регионов, однако вызван он был, по мнению Т. Кэмпбелла, скорее ненужностью знания об этих регионах для заказчика карты (с. 414—415).

В последней главе средневековой части рассматриваются региональные карты, планы и виды с птичьего полета городов, топографические планы зданий и монастырей, земельных владений и водопроводных систем. Карты и планы такого рода (П. Д. А. Харви называет их картами «регионов и местностей», или «топографическими») были в средневековье очень редки, причем от времени до середины XIV в. сохранились лишь единичные их образцы. Подъем интереса к региональному картографированию и топографическим планам приходится лишь на начало нового времени, и этот подъем был быстрым и резким, что хорошо видно на примере данных П. Д. А. Харви о хронологическом распределении сохранившихся английских карт: с середины XII в. до середины XIV в. — три, с середины XIV в. до конца XV в. — десять, первая половина XVI в. — около двухсот. Есть все основания считать, что мы имеем дело с динамикой из производства (с. 464—465).

Связь с классической римской землемерной традицией Харви предполагает лишь для ранних карт палестинских святых мест Аркульфа (IX в., прототипы 670 г.) и карты монастыря из библиотеки Санкт-Галлена (816—837 гг.), где, возможно, соблюдается определенный масштаб, и здания и их детали даны в плане, а не в виде рисунков, как на более поздних картах. Харви также упоминает о возможных классических истоках карт Палестины и планов Иерусалима (с XII в.), но справедливо определяет такое предположение как недоказуемое. С большей уверенностью он выводит из античной традиции отдельные картографические знаки — стабилизированные изображения городов, показывающие стену и башню с птичьего полета (с. 466—469). Выясняя генезис топографических карт, Харви также намечает связь многих из них, особенно ранних, с традицией различных негеографических схем, диаграмм и таблиц (философских, административных и др.), обычных для средневековых рукописей. Взаимодействия же топографических карт с другими картографическими традициями (*mappe mundi*, портоланов) прослеживаются лишь в редких случаях (с. 473).

При всем разнообразии карт регионов и местностей Харви выделяет и особо анализирует несколько достаточно представительных групп, внутри которых возможны, хотя и трудно доказуемы, некоторые генетические связи. Это карты Палестины и ее городов (после Аркульфа — начиная с XII в.), карты городов Италии, в основном виды с птичьего полета (с X в.), североитальянские региональные карты (с конца XIII в.), *isolarii* (с XV в.).

Карты и планы за пределами этих групп, как предполагает Харви, возникали достаточно случайно и самопроизвольно; их создатели самостоятельно приходили к мысли о том, что пространственное соотношение объектов можно передать с помощью схемы

ской географии Южной России. Ч. 1. Одесса, 1879. С. 79—87; Коновалова И. Г. Итальянские навигационные пособия XIII—XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 35—50.

и рисунка (с. 464, 484). Однако не вполне ясно, как согласуется с идеей спонтанного появления средневековых топографических карт отмеченная Харви явная концентрация большинства сохранившихся карт в нескольких регионах: в Англии (причем «картографическая плотность» особенно велика близ побережья залива Уош), на территории Бельгии и Нидерландов (точнее, «в пределах 30 миль от побережья... между Харлемом и Хилверсюмом на севере и Остенде и Гентом на юге»). Автору остается лишь предположить, что при отсутствии «сознательной традиции» вполне могли существовать «определенные местные обстоятельства, особенно благоприятствовавшие созданию карт» (с. 489).

Небольшое заключение к тому, призванное указать «сквозные» проблемы, общие для всех рассмотренных периодов, написано издателями — Д. Б. Харли и Д. Вудвордом. Важнейшую из этих проблем можно сформулировать так: существует ли история картографии как единый, последовательный процесс?

Основное препятствие, стоящее на пути исследователей, — катастрофическая нехватка сохранившихся карт, необходимость заполнять лакуны, используя чисто спекулятивные методы. Так, вполне возможно предположение, что мы лишились целых разделов истории картографии по причине утраты карт, начертанных на легко разрушающихся материалах, — но как это предположение доказать? Пытаясь обратиться к свидетельствам нарративных источников, обнаруживаем, что и в древности, и в средневековье две формы передачи пространственных соотношений — карта и текст — могли терминологически не различаться (*περίοδος*, *itinerarium*, *mapra mundi*). Между сохранившимися картами (например средневековыми *maprae mundi*) и их гипотетическими прототипами (в данном случае античными) хронологический разрыв так велик, что последние с трудом угадываются лишь в самых общих чертах. Но если сам факт античного происхождения хотя бы некоторых картографических традиций средневековья сомнений не вызывает, то, как признают издатели, невозможно даже наметить переходы между доисторической картографией, с одной стороны, и древнеближневосточной и египетской — с другой. Не ясно, испытала ли инокультурные влияния древнегреческая картография в период ее возникновения. Удивительна и не всегда объяснима отмеченная в большинстве разделов тома региональная концентрация сохранившихся карт. В связи со всем этим особое значение приобретает вывод издателей, который мы считаем одним из главных результатов книги: многие регионы Европы и Средиземноморья в течение длительных периодов были картографически чисты, о картах там просто не знали. Иными словами, изготовление и использование карт ограничено локально и хронологически (с. 503 сл.). При поверхностном знакомстве с развернутой авторами тома панорамой создается впечатление, что практически все виды карт, известные древности и средневековью, как бы уже предсуществовали в восприятии человеком пространства как некие архетипы. То есть (вновь подчеркнем импрессионистский характер этой гипотезы) уже с древнейших времен человечество обладает фондом картографических возможностей, которые в зависимости от потребностей общества всегда могут развернуться в готовую картографическую продукцию.

К столь крайним суждениям издатели Д. Б. Харли и Д. Вудворд не приходят. Однако, оставляя вопрос о преемственности в истории картографии нерешенным, они все же склонны принять идею о независимом спонтанном возникновении отдельных картографических традиций как вполне правдоподобную²³.

Итак, в отличие от очень многих предшественников издатели «Истории картографии» соблюдают большую осторожность в генетическом сближении разновременных картографических традиций. Типологические сближения более смелы. Так, для нас сомнительна научная значимость сопоставления доисторических карт и средневеко-

²³ Ср. положение А. В. Постникова (ук. соч.) о последовательной эволюции картографии, где с возникновением классового общества наместились две линии: практических «крупномасштабных» и гносеологических (концептуальных) «мелкомасштабных» карт.

вых карт мира как имеющих «дидактическую или символическую функцию» (с. 505, ср. 92). Данные о цели и концепции доисторических карт нет, вернее, они выводятся из общих характеристик первобытной культуры. А функциональный синкретизм в культуре бесписьменного общества символизм средневековых карт мира имеют, как нам кажется, слишком мало общих параметров. Более обоснованы сопоставления геометрических структур (форма карты, проекция и т. д.) в картографических традициях разных исторических периодов, а также общественного статуса карты как одного из интеллектуальных орудий завоевания и удержания идеологической, религиозной, политической власти. Здесь также обратим внимание на тезис о том, что для создания карты недостаточно имеющихся в данной цивилизации технических возможностей — не менее важна общественная необходимость (с. 508). Подобные выводы и обобщения, определяемые издателями как «пробные шаги вперед», представляются нам особенно актуальными: типологических исследований карт различных периодов древности и средневековья в предшествующей историографии практически не было.

Среди некоторых возможных направлений такой работы выделим проблему соотношения карты и текста. Известно, что информацию о пространственном распределении объектов можно передавать не только в картографической форме, но и в нарративной. Разница между двумя способами коммуникации не всегда казалась принципиальной; но в рамках истории картографии вопрос о соотношении и приоритете того или иного способа коммуникации о пространстве, закономерностях перевода с одного «языка» на другой становится одним из центральных. К теоретической постановке этого вопроса подошли в последние годы как специалисты по античной картографии, так и исследователи средневековых карт. На очереди «сквозное» обобщающее исследование.

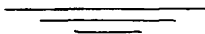
Дальнейшего обсуждения заслуживают и возможности практического использования карты в древности, по нашему мнению, сильно преувеличенные в рецензируемом издании, особенно в разделах о римской картографии. Начать такое обсуждение следовало бы с терминологических уточнений. Пока что внушает определенное недоверие противопоставление «религиозной», например, и «практической» функций применительно к доисторической или исторической древности, проводимое в некоторых разделах тома. Всегда ли эти функции поддаются четкому выделению и разграничению? Даже в отношении средневековых карт-портолонов пока в деталях не ясна техника их применения на море — нельзя, по нашему мнению, уверенно сказать, с какой целью их брали на корабль. Вполне возможно, что эти карты, реалистически изображающие береговую линию, давали экипажу ощущение безопасности в крайних условиях морского путешествия (буря, отсутствие ориентиров), снимали страх, напряженность. Вспомним приведенную Т. Кэмпбеллом историю о том, как Людовику IX, застигнутому в 1270 г. штормом, капитан корабля показал *mapa mundi* (карту-портолан?), дабы успокоить короля, уверив его в близости земли (с. 439).

Из проблем, которые в дальнейшем, несомненно, потребуют более детальной разработки, хотелось бы отметить также следующую. В заключении к тому издатели справедливо называют среди важных аспектов геометрической структуры карт, «которые оказывают существенное влияние на познание изображенного на них пространства», картографическую проекцию и ориентацию (с. 506). Если считать (к чему есть все основания), что второй из упомянутых факторов тесно связан с ориентационными принципами и навыками, бытующими в данном обществе, то перед нами открывается один из перспективных путей анализа картографического материала в контексте истории культуры, что напомним, и является главной установкой издателей. Между тем этот путь используется в томе, на наш взгляд, недостаточно. Как известно, принципы ориентации проявляются во многих сферах сакральной и светской жизни общества — при постройке и расположении жилищ, военных лагерей и городов, храмов и культовых площадок, при молитве, гаданиях, процессиях, обрядах и других культовых действиях, в погребении мертвых и т. д. В один узел сплетены здесь ландшафтно-географи-

ческие, астрономические, космологические, религиозные и прочие факторы. Очевидно, что и карта в своей ориентации должна быть включена в общекультурный ориентационный контекст.

Рецензируемая книга дает хорошую основу для размышлений над этими и сходными проблемами. Мы уверены, что фундаментальная «История картографии», где достигнут небывалый в историографии ох ат материала и где учтены многие неортодоксальные тенденции, проявившиеся в теории и истории картографии последних десятилетий, в свою очередь вызовет новый подъем исследовательского и общественного интереса к древним картам.

А. В. Подосинов, Л. С. Чекин

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 1990 г.

МУЗЕЙ ЕГИПЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ СЭРА ФЛИНДЕРСА ПИТРИ

(Юниверсити-колледж, Лондон)

Научная деятельность сэра Флиндерса Питри — основателя современной древнеегипетской археологии — началась более ста лет тому назад (рис. 1). В течение последующих четырех с половиной десятилетий своей работы в Египте он сумел собрать уникальную, поистине бесценную коллекцию египетских древностей, которая ныне составляет основу музея его имени при Отделении египтологии лондонского Юниверсити-колледжа. В настоящем своем виде собрание Музея Питри включает в себя объекты, найденные — как самим Питри, так и его коллегами и преемниками — при раскопках, приобретенные ими в Египте, а также полученные Музеем в дар от иных лиц. Ценность этой огромной массы материала, обнимающей собой практически все периоды древнеегипетской истории, начинает во все возрастающей степени осознаваться учеными, студентами и просто любителями старины.

Сэр Флиндерс Питри родился в 1853 г.; с 1881 г. он начал свои археологические работы в Египте и продолжал их вплоть до 1925 г. с единственным перерывом — во время первой мировой войны. В течение этих лет он заложил основы научного метода археологических изысканий в Египте, раскопал 43 памятника, опубликовал 37 археологических отчетов и 12 каталогов находок. Начиная с 1923 г. Питри проводил раскопки в Палестине, где впоследствии, после завершения преподавательской деятельности в Юниверсити-колледже в 1933 г. поселился, продолжая пополнять свою грандиозную серию публикаций памятников.

Начало египтологической карьеры Питри было связано с деятельностью «The Egypt Exploration Fund» — организации, основанной Амелией Эдвардс в 1882 г. (Музей Питри хранит несколько ценных экспонатов, приобретенных этой неутомимой современницей Эдуарда VII, а также ряд вещей из ранних раскопок, осуществленных Фондом). В 1893 г. Питри начал создавать свое собственное предприятие — «The Egyptian

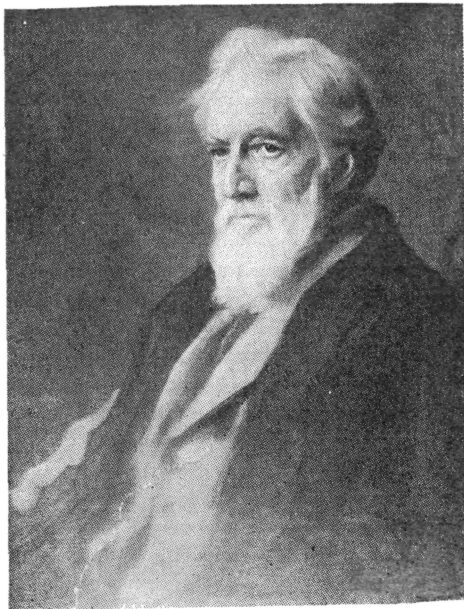

Рис. 1. Портрет сэра Флиндерса Питри, украшающий ныне вход в Музей его имени. (Масло. Художник де Ласло)

Research Account» (после 1905 г.— «The British School of Archaeology in Egypt»), которое просуществовало вплоть до 1953 г.; после упразднения этой организации ее авторские права и имущество перешли к Отделению египтологии Юниверсити-колледжа в Лондоне. В соответствии с условиями завещания А. Эдвардс в 1892 г. Питри был назначен первым профессором египтологии Колледжа. Впоследствии, в 1913 г. благодаря щедрой помощи сэра Роберта Монда и Уолтера Моррисона Юниверсити-колледж смог приобрести собранную Питри к тому времени коллекцию египетских древностей. На протяжении 20—30-х годов собрание пополнялось находками из раскопок, проводимых учениками и последователями Питри, например, Г. Брантоном и Г. Кэтон-Томпсон. Начиная с 1952 г. Отделение египтологии осуществляет раскопки в Египте совместно с «The Egypt Exploration Society» — сначала под руководством ныне покойного профессора У. Эмери (в Саккаре и Нубии), затем — Г. С. Смита, также профессора фонда А. Эдвардс (в Саккаре, Нубии и Мемфисе). В настоящее время обязанности по руководству кафедрой египтологии возложены на профессора Дж. Т. Мартина, который ведет раскопки в Саккаре. В 40—50-х годах работы в Судане проводил ныне покойный профессор А. Аркелл, бывший в послевоенное время хранителем коллекции. Музей с благодарностью принимал в свою коллекцию находки, сделанные в ходе упомянутых выше раскопок; следует вместе с тем отметить, что в последнее время доля находок, выделяемых Музеем Египетской Службой древностей, сократилась. В послевоенные годы (в 1964 и 1980 годах) Музеем были получены щедрые субсидии от попечителей Института истории медицины Уэллслама. Время от времени в Музей поступают частные дарения: наиболее значительное из них — коллекция древнеегипетских статуэток кошек (собрание Лэнгтон), поступившая в 1972 г.

Основное достоинство Музея Питри видят, как правило, в обилии археологического материала, охватывающего собой огромный отрезок времени — от доисторической эпохи до римской. Значение его, однако, много больше. Несмотря на то, что методикой и скрупулезностью своих исследований Питри далеко превосходил своих современников, и то, что он собирал лишь мелкие археологические объекты, способные пролить свет на технологическое и культурное развитие древнеегипетской цивилизации, сам он, естественно, не был в состоянии опубликовать весь собранный им материал. Часть уникальных находок он оставил в своем распоряжении для реставрации, изучения и последующей публикации. Архив ученого — его полевые дневники, картотеки, инвентарные описи — помогает заново «открывать» и идентифицировать некоторые еще не включенные в научный обиход артефакты. При этом по мере изучения этого материала выясняется, что многие памятники способны поставить прежде неизвестные сведения огромной важности, что таким образом делает самую коллекцию чрезвычайно богатным полем для работы. Музей Питри — это собрание скорее археологических артефактов, чем произведений искусства, и в этом своем качестве он является превосходной научной базой как для исследований, так и для обучения.

За время своего существования коллекция Питри претерпела немало превратностей, связанных с ее перемещениями, хранением, учетом, которые, наконец, получили свое благополучное завершение. В 1933 г. Питри вышел в отставку. Сменивший его на кафедре профессор С. Гланвилл приступил — с помощью Э. Баумгартель, В. Лафлер, М. Дроуер и Дж. Сэмсон — к проведению общей каталогизации собрания (на что у самого Питри никогда не хватало времени). Во время второй мировой войны коллекция была вывезена Гланвиллем за пределы города и укрыта в сельской местности в подвальном помещении. По возвращении в Лондон, она была вновь размещена в принадлежащих Колледжу помещениях; начиная с 1951 г. началась работа по ее разборке и тщательной консервации, которая осуществлялась под руководством тогдашнего хранителя доктора А. Аркелла при участии М. Баджесса. Учитывая чрезвычайно стесненные и весьма неблагоприятные условия работы (в бывшей конюшне), а также то обстоятельство, что лишь малая часть собрания сумела пройти инвентаризацию до начала войны, результаты их деятельности следует признать превосходными. Впоследст-

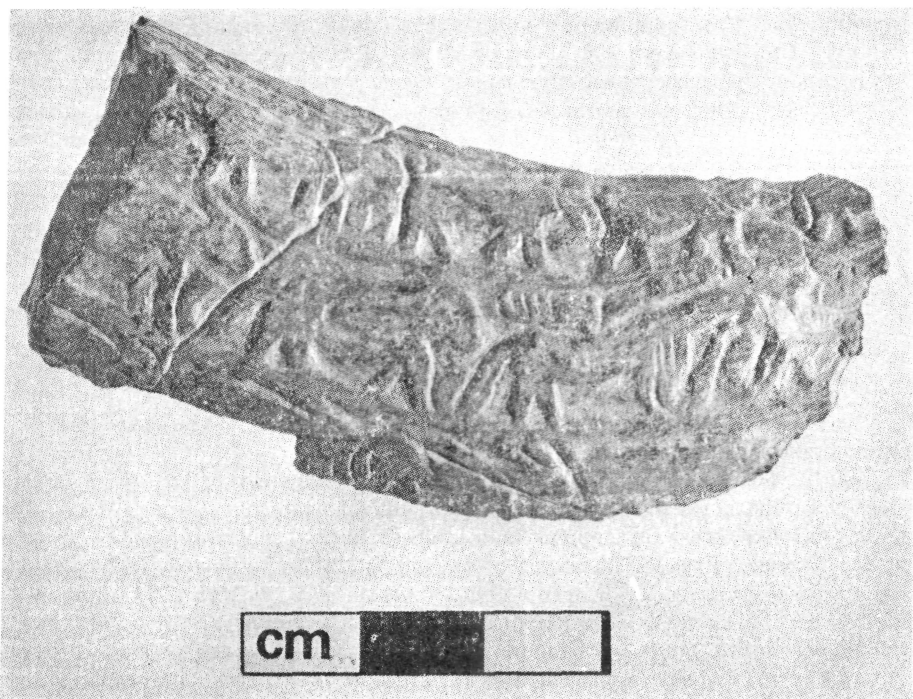

Рис. 2. Декорированная пластина слоновой кости из Иераконполя. (U 14 871). Додинастический период. В веренице животных — фигура грифона: это второе известное нам изображение этого существа на древнеегипетском памятнике такой древности

вии, в 1965 г. эта работа была продолжена профессором Г. С. Смитом с помощью Дж. Тауненд; в настоящее время обязанности, связанные с хранением коллекции, возложены на нынешнего хранителя Музея — Б. Адамс и ее помощника, младшего хранителя Р. Янссен. Большую помощь оказывает им осуществление особой программы занятий по реставрации, которую Музей совместно с Отделением консервации Института археологии проводит для студентов, предоставляя им возможность работать со специально выделяемыми для этой цели находками. В предшествующий период в работу по расчистке и восстановлению экспонатов коллекции вложили свое высочайшее умение специалисты Отделения консервации — М. Баджесс и С. Харрис. Начиная с 1980 г. аналогичная работа выполняется главным образом внештатными сотрудниками — супругами Р. и Х. Джекше, необычайно талантливыми людьми, обладающими тонким пониманием тех специфических проблем, которые ставят перед реставратором весьма разнообразные по характеру древнеегипетские памятники. Многое предстоит еще сделать в этом направлении, однако и результаты приложенных усилий уже налицо: на месте прежней ржавчины открылся блестящий металл, порой покрытый письменами; от слоев соли и грязи, делавших находки неузнаваемыми, очищены поверхности предметов из камня, дерева, кости, росписи; из разрозненных обломков восстановлены ныне целые керамические сосуды, каменные вазы, статуэтки. Этот перечень можно было бы продолжать бесконечно, при этом невозможно не испытывать чувства глубокой благодарности к Питри и его коллегам-современникам, которые спасли этот — на первый взгляд часто совершенно заурядный — раскопочный материал, интуитивно ощущая его возможную ценность для будущих исследований.

В некоторых случаях реставрационные работы, способствующие более глубокому изучению археологического материала, выливаются в дальнейшие программы научного

сотрудничества. Так, например, в ходе подготовки к публикации каталога находок сделанных Дж. Куибеллом и Ф. Грином в 1899—1900 годах при раскопках Иеракон поля, Б. Адамс провела специальную работу по консервации этих вещей. Она включала в себя процесс ручной расчистки нескольких пластинок из слоновой кости, найденных в зоне аллювиальных отложений, т. е. на территории, которая на протяжении 5 тысяч лет периодически затоплялась разливом реки. Из-под слоя сцементировавшегося ила были высвобождены рельефы, относящиеся к додинастическому и раннединастическому периодам (рис. 2). После публикации этих материалов к работе Б. Адамс проявил интерес директор нынешней — американской — археологической экспедиции в Иераконполе М. А. Хоффман. В результате Б. Адамс стала сотрудником экспедиции и уже на протяжении 10 лет участвует в раскопках остатков некрополя и поселения додинастического и раннединастического времени. В рамках этого сотрудничества Музей Питри предоставил несколько своих «иераконпольских» и других экспонатов Университету штата Северная Каролина для организации им передвижной выставки «Первые египтяне». В каталоге, опубликованном К. Уилаугбю и Э. Стэнтон, Б. Адамс написан раздел о додинастической керамике.

Среди особо впечатляющих результатов реставрационных работ Музея является определение образцов самого древнего в мире тканья. Коллекция текстиля Музея Питри включает находки, сделанные при раскопках поселений в Фаюмском оазисе — Тархана, Медума, Дешаше, Гуроба, Иллахуна и Хавары. В 1977 г. несколько образцов были впервые подвергнуты исследованию в Отделении консервации Музея Виктории и Альберта. В ходе предварительного разбора сваленных в кучу грязных погребальных пелен реставратор Ш. Ланди сделала интересную находку — одеяние ребенка, поступившее из раскопок Тархана. В настоящее время это одеяние отреставрировано и надлежащим образом подготовлено для экспонирования. Оно датируется временем правления фараона I династии Джеда, т. е. примерно 2800 годом до н. э., что делает его наиболее ранним образцом тканой льняной материи, дошедшей до нас из древнего Египта, а возможно — и самым древним в мире (рис. 3). После этой находки, ее реставрации и публикации (совместно с Ш. Ланди), Р. Янссен, став специалистом в исследовании древнеегипетского текстиля, опубликовала несколько других фрагментов тканых материалов из коллекции Питри и прежде всего — два одеяния эпохи Старого царства из Дешаше. Она также установила тесное сотрудничество с Центром по консервации текстиля при Хэмптон-Корте, где студенты проводят занятия по реставрации, используя образцы из собрания Питри.

Сходная история повторного «открытия» произошла с двумя каменными изваяниями львов. Подобные скульптуры, особенно большие по размерам, весьма редки для эпохи додинастики и ранней династики. В 1894 г., раскапывая храм Исиды и Мина в Коптосе, Питри обнаружил три монументальные каменные фигуры этих животных. Самая маленькая из них (66 см в длину) ныне находится в Оксфорде, в Ашмолеанском музее. Что же касается двух больших фигур, найденных разбитыми на материковой глине под слоем, в котором была расчищена лестница выстроенного позднее птолемеевского храма, то их изображения отсутствовали в соответствующем отчете о раскопках и в течение многих лет они считались пропавшими. Случай помог Б. Адамс обнаружить их в хранилище Музея истории медицины Уэллска: фрагменты «потерянных» статуй находились в деревянных ящиках из-под чая, на которых стояла пометка «Коптосские львы, 1894». Совет попечителей Музея Уэллска любезно предоставил содержимое ящиков Университи-колледжу. Как показали впоследствии розыски в архиве Питри, статуи были переданы самим ученым в 1927 г. сэру Генри Уэллскаму в надежде, что реставраторы его Музея смогут восстановить памятники, т. е. осуществить работу, которую сам Питри организовать был не в состоянии. Однако эта задача так и не была тогда выполнена; тысячи фрагментов были тщательно собраны воедино в наши дни Р. Джешке. Обе скульптуры — каждая длиной в 1,6 м и весом в полутонну — обнаруживают типично архаические черты: мягкую моделировку головы, раскрытую, оскаленную пасть,

Рис. 3. Детское одеяние из мастабы в Тархане (UC 28 614 В). I династия

Рис. 5. «Фаюмский портрет»: девушка с золотым украшением из некрополя в Хаваре (UC 19 611). Греко-римское время

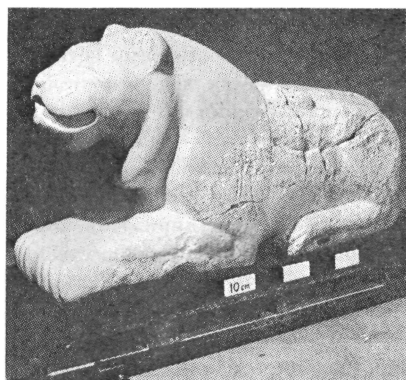
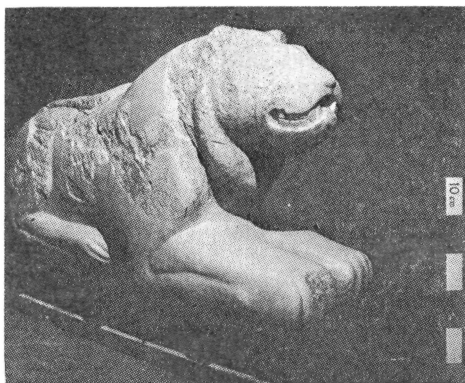

Рис. 4. Львы из Контоса (UC 35 294 А, В). Реставрация Р. Джешке

довольно развитое туловище, а также особое положение хвоста — идущего сначала вдоль хребта, а затем свешивающегося с левого бока (рис. 4). Статуи должны быть отнесены по крайней мере к началу правления I династии (3050 г. до н. э.). Такая датировка делает их, если не самыми красивыми, то по крайней мере самыми большими «львиными»

скульптурами, дошедшими до нас от столь раннего периода древнеегипетской истории. История их повторного «открытия», равно как и реставрации, освещена Б. Адамс в работе, написанной совместно с Р. Джешке. Ныне статуи львов стоят у входа в кабинет ректора Юниверсити-колледжа.

В настоящее время в Музее Питри ведутся интенсивные работы по реставрации и подготовке к экспонированию памятников греко-римского времени — так называемых фаюмских портретов. Музейная коллекция располагает самым крупным собранием изображений этого рода, однако сохранность их часто невысока. Эти изображения, выполненные на деревянных дощечках в технике энкаустики, вставлялись в погребальные пелены мумий и представляли собой прижизненный портрет людей, обитавших в I—II вв. н. э. в Хаваре (Фаюм) (рис. 5). Следуя принятой им методике, Питри оставлял наиболее сложные вещи в коллекции для отработки техники расчистки и последующего исследования. Работа над фаюмскими портретами, которые в равной степени представляют собой произведения искусства и археологические объекты, явилась пробой сил для многих реставраторов. В конечном счете супругами Джешке был разработан удачный способ хранения и демонстрации портретов — в особых конструкциях из плексигласа. В случае необходимости — например, если под влиянием внешних условий тонкая дощечка, на которую нанесены восковые краски, начинает коробиться — эти конструкции могут быть соответствующим образом изменены и подогнаны. Общество «Друзей Музея Питри» в настоящее время помогает завершить реставрацию и размещение фаюмских портретов, что таким образом сделает возможным создание полного иллюстрированного каталога собрания. В настоящее время продолжается работа лишь над несколькими наиболее «грязными» портретами, которые продолжают открывать образы прежде неизвестных, вечно юных лиц насельников Фаюмского оазиса.

Сотрудники Отделения египтологии часто думают о том, что Питри был бы счастлив видеть свою коллекцию приносящей такую пользу. Она не выродилась в унылое и бесплодное скопление раритетов, но стала мощным центром научной информации, сопоставимой по своему значению с данными последних археологических исследований в Египте. Известность коллекции растет благодаря выходу в свет серии научных каталогов и исследований, публикуемых издательством «Арис и Филлипс». Начата в 1972 г., эта серия включает публикации музейных материалов по разнообразной тематике — надписи, острака, саркофаги, статуи, канопы, другие находки из раскопок Иераконполя, Гуроба, Коптоса, Амарны. С помощью этих изданий, дополняемых многочисленными статьями сотрудников Отделения и других специалистов, постепенно осуществляется задача полной публикации всей коллекции Питри. Более популярная по жанру серия «Shire», инициатором и редактором которой с 1984 г. стала Б. Адамс, также представляет читателям вещи из собрания Питри в маленьких книжках, каждая из которых отведена особой тематике. Наряду с успешным осуществлением программ по реставрации расширяется — в пределах, допускаемых численностью штата, — и сфера популяризаторской деятельности музея. Большую поддержку в этом оказывает ему группа общественных помощников.

По мере того как коллекция Питри становится все более доступной, на нее растет «спрос» как среди профессионалов, так и среди широкой публики. Сотрудники Музея осуществляют по заявкам ученых техническое фотографирование экспонатов, микрофигирование полевых дневников и картотек Питри с помощью Отдела фотографии при Лондонском университете, а также отвечают на письменные запросы, поступающие со всего света. Для группы учащихся из художественных школ, слушателей курсов, зарубежных университетов и различных обществ организуются по предварительным заявкам экскурсии по залам Музея. Экспонаты часто посылаются на наиболее важные местные и международные выставки, что требует от хранителя тщательного надзора за их страховкой, упаковкой, перевозкой, фотографированием и размещением. Из числа последних крупных событий такого рода следует упомянуть выставку «Умм

эль-Кааб» (Кембридж, 1982), где были представлены образцы керамики различных исторических эпох из собрания Питри; затем выставку «Египетский Золотой Век» (Бостон, США, 1982), куда были отправлены сокровища Нового царства, и, наконец, выставку «Фараоны и смертные» (Кембридж — Ливерпуль, 1988), на которой экспонировались шедевры эпохи Среднего царства. Музей часто обеспечивает образцами программы научных исследований, связанных с использованием радиоуглеродного, свинцово-изотопного, археомагнитного анализов, петрографии, термолюминесценции, рентгенографии и рентгенологической дифракции, палинологии, электронной микроскопии. В помощь посетителям-неспециалистам издан краткий путеводитель, который постоянно пополняется новыми сведениями и выдерживает уже 4-е издание. В Музее открыт маленький киоск, в котором продаются путеводители, книги, имеющие отношение к самой коллекции или к сотрудникам Музея, почтовые открытки, слайды, плакаты, копии экспонатов. Доход от их реализации, равно как и прочие денежные поступления, идут непосредственно на нужды, связанные с хранением коллекции. Так, например, на эти средства, дополненные пожертвованием одного из музеев, удалось осуществить пересъемку нескольких тысяч опасных для хранения негативов из нитроцеллюлозы на современную безопасную пленку.

В 1981—1984 годах Университи-колледжем делались попытки получения средств для перемещения коллекции в новое, специально для этой цели реконструированное помещение. Сумма, необходимая для создания нового музея, тогда не была изыскана, и в 1985 г. Отделение египтологии, вдохновляемое профессором Г. С. Смитом, вновь выступило с призывом о помощи, теперь уже — в реконструкции старого здания. Благодаря щедрой помощи Университи-колледжа, Комиссии по делам музеев, Службы красведческих музеев (Отдел Юго-Восточной Англии), а также многих частных лиц была набрана сумма, достаточная для проведения в 1986—1988 годах внутренних работ в здании. В течение 1986 г. в Музее был сконструирован подвесной потолок, скрывающий систему «искусственного климата», которая поддерживает оптимальный режим температуры и влажности.

В связи с перестройкой Музея естественное освещение было заменено на искусственное — посредством особых регулируемых ультрафиолетовых светильников. До проведения этих работ вся выставленная часть коллекции была демонтирована, а затем вновь размещена в залах. Это перемещение, а также замена на новые всех сопровождающих находки надписей и табличек, потребовала года работы. В течение 1989—1990 годов в помещениях Музея была полностью заменена кровля, что, таким образом, решило проблему постоянных протечек, не однажды в прошлом причинявших вред находкам.

В июне 1988 г. Музей Питри был вновь открыт. Как и ранее, он представляет уникальную возможность изучения древнеегипетской культуры на ее подлинных образцах для начинающих студентов, по-прежнему является неистощимым источником новых открытий для ученых, местом, где может удовлетворить свой растущий интерес к египтологии широкая публика.

Б. Адамс,
хранитель Музея египетской археологии
сэра Флиндерса Питри. Университи-колледж, Лондон

© 1990 г.

К 90-летию АННЫ ИВАНОВНЫ БОЛТУНОВОЙ

Редсовет и редколлегия журнала поздравляют с 90-летним юбилеем Анну Ивановну Болтунову, замечательного ученого, неутомимую труженицу, нашего старейшего антиковеда.

Круг научных интересов Анны Ивановны Болтуновой охватывает ту область гуманитарных знаний, которая у нас до сих пор несправедливо именуется «вспомогательными историческими дисциплинами», а в мировой практике уже давно определена как «основные (фундаментальные) науки» — Grundwissenschaften. Речь идет прежде всего об исследовании древнегреческих — эпиграфических и нарративных — текстов и археологических источников.

С самого начала научной деятельности Анну Ивановну отличали методичность и скрупулезность работы — чем бы она ни занималась: изучением конкретных вопросов истории Боспора и Колхиды, греческими надписями или исследованием археологического материала и т. п. Неоценим вклад Анны Ивановны в изучение боспорской эпиграфики. Ею опубликованы многие десятки статей, каждая из которых содержит издание новых эпиграфических находок. Анна Ивановна ввела в научный оборот огромное количество надписей, ценнейших для изучения культурной и политической, социальной и экономической истории Боспорского государства. При этом она не пренебрегает даже самым незначительным на первый взгляд фрагментом, тщательно и осторожно работает с каждым из них. Как свидетельствуют совсем недавние публикации в нашем журнале, Анна Ивановна не оставляет этих занятий и по сию пору.

Анну Ивановну Болтунову всегда отличали благожелательность, величайшая душевная и интеллектуальная щедрость. Эта сторона ее характера одинаково хорошо знакома всем ее коллегам. Одним из ярчайших примеров этого качества служит осуществленная ею более 10 лет назад передача большей части своей научной библиотеки в дар молодому Кемеровскому гос. университету. Остается только пожалеть, что эпиграфистов такого научного уровня у нас остается не так уж много.

Приветствуя Анну Ивановну по случаю юбилея, восхищаясь ее замечательным творческим долголетием, мы желаем ей доброго здоровья и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

К 60-летию ОТАРА ДАВИДОВИЧА ЛОРДКИПАНИДЗЕ

30 ноября 1990 г. исполняется 60 лет профессору Отару Давидовичу Лордкипанидзе, видному археологу и антиковеду, директору Центра археологических исследований АН Грузинской ССР.

Почти 40 лет своей научной деятельности Отар Давидович посвятил изучению древнейшего прошлого Грузии — Колхиды и Иберии на протяжении более чем тысячелетнего их существования от архаической эпохи до позднеантичного времени. По истории и культуре этих значительных и самобытных областей древнего мира им написаны 10 монографий и более полутора сотен статей. Многогранные научные интересы О. Д. Лордкипанидзе сконцентрированы по трем кардинальным направлениям: социально-экономической истории Колхиды и Иберии, материальной культуре и искусству этих стран, их экономическим и культурным связям с античным миром.

Секрет успеха исследователя кроется не только в завидной интуиции и широкой эрудиции — блестящем знании материала и литературы, но в немалой степени и в непосредственном, «живом» соприкосновении с самими древними памятниками. Вот уже четверть века О. Д. Лордкипанидзе возглавляет археологическую экспедицию, изучающую один из самых замечательных памятников — храмовый город Вани. Эти раскопки подарили науке великолепные произведения древней торевтики, златокузнечества, металлообработки, керамики, эпиграфические документы, а также оригинальные творения сакральной архитектуры и фортификации.

Вызывает восхищение организаторский талант О. Д. Лордкипанидзе. В значительной мере благодаря его неутомимой энергии в Вани создан превосходный археологический музей, ставший центром науки, культуры и просвещения Западной Грузии. Музей могут позавидовать многие его собратья в нашей стране и за ее пределами. О. Д. Лордкипанидзе — инициатор и организатор регулярно устраиваемых симпозиумов по древней истории Причерноморья, ставших заметной вехой в отечественном антиковедении. Эти встречи привлекают к себе в последнее время все больше и больше видных советских и зарубежных специалистов.

О. Д. Лордкипанидзе широко знакомит научный мир с достижениями культуры древней Колхиды. Он был участником многих международных конгрессов и конференций по классической археологии и истории, целый ряд его публикаций — в том числе монографических — издан за рубежом на западноевропейских языках. Международное признание исследователя выразилось и в том, что он избран членом-корреспондентом Германского Археологического института.

Отар Давидович полон новых научных замыслов. В этом году его фундаментальный труд «Древняя Грузия» издается на трех языках — грузинском, русском и на немецком в Мюнхене. Скоро в Вани состоится очередной VI Международный симпозиум по древней истории Причерноморья. Симпозиум завершится «круглым столом», который проводит «Вестник древней истории» совместно с Центром археологических исследований АН Грузинской ССР. Предмет дискуссии — доклад О. Д. Лордкипанидзе «Вани в общеколхидском археологическом контексте».

Поздравляя с юбилеем яркого и талантливого ученого, человека доброго и благожелательного, редсовет и редколлегия ВДИ и все его многочисленные коллеги и друзья желают ему здоровья, новых творческих свершений и замечательных открытий, ждут новых встреч с ним в Москве и на земле древней Грузии.

© 1990.

КОНФЕРЕНЦИЯ «СРАВНЕНИЯ И АНАЛОГИИ В АНТИКОВЕДЕНИИ»

(Хайлигендамм, ГДР, 3—5 ноября 1987 г.)

Кафедра истории древнего мира университета им. Вильгельма Пика в Ростоке регулярно устраивает междисциплинарные конференции. В 1978 г. в Ростоке обсуждались общие методологические проблемы¹, в 1983 г. в Хайлигендамме (под Ростокем) — методы интерпретации в антиковедении². Конференция 1987 г., собравшая около 50 участников из ГДР и других стран, была посвящена методам сравнения и умозаключения по аналогии в науках о древности, где их широкое применение диктуется неполнотой или отсутствием источников.

Профессор *Л. Хухтхаузен* выступила с основным докладом: «Сравнения и выводы по аналогии при оценке обстоятельств в античных судебных делах». Античные судебные дела, как правило, дошли в изложении одной из сторон, что и предопределяет использование сравнительного метода при анализе юридических и риторических источников (речей Исея и Цицерона, Кодекса Юстиниана). Во-первых, сравнения по аналогии использовались тяжущимися сторонами или юристами-интерпретаторами, причем следует учитывать и непреднамеренно и заведомо ложные аналогии. Во-вторых, сравнение с другими источниками позволяет в определенной мере компенсировать отсутствие высказываний противной стороны процесса. В-третьих, возможно и применение в исследовании спонтанных аналогий из сферы опыта читателя применительно к античным условиям. В последующей дискуссии введенное *Л. Хухтхаузен* понятие «спонтанной аналогии» оказалось плодотворным, вместе с тем подчеркивались опасности, подстерегающие на этом пути.

Насколько важную роль играют сравнения и аналогии в арсенале методов археологии, продемонстрировал *К. Циммерманн* (Росток) во втором основном докладе: «Параллель — аналогия — сравнение: достоинства и пределы их применения в классической археологии». Приводились примеры из области истории древнереческого искусства, касающиеся реконструкции памятников, датировки и авторской атрибуции, установления происхождения, назначения, толкования смысла.

Серия докладов филологического направления началась выступлением *И. Ирмшера* (Берлин) «Аналогия. Опыт словоупотребления». Со времен Платона и Аристотеля *analogia* и *analogon* засвидетельствованы в широком спектре значений, тогда как римляне восприняли преимущественно филологическое и философское понятия, причем последнее (как вывод по аналогии) продолжает свое существование вплоть до современной марксистской философии. *Р. Райхерт* (Берлин) в сообщении «Индийская и греческая версия „Панчатантры“» говорила об анонимном романе, главные герои которого под разными именами фигурируют у многих народов. *В. Вроблевски* (Торунь) в докладе «Учение о разделении души в этике Платона и Аристотеля» показал, что последний испытывал влияние «Политики» Платона (580 d 7—9), где речь идет о многочленном делении души, и что, согласно Аристотелю (Eth. Nicom. 1102 b 30/1 и Eth. Eudem. 1219 b 26—40) стремление (*orexis*) присуще не только иррациональной, но и рациональной части души. В докладе «Сравнение и аналогия в женских образах новой комедии и античного романа» *Р. Йоне* (Берлин) пришла к выводу, что несмотря на одинаковый сюжет (судьба влюбленной пары) нельзя провести никакие аналогии между героиней романа Геллодора — равноправной партнершей и отмеченным пассивностью женским образом у Менаандра. *К. Миколайчик* (Торунь) в докладе «Пчеловодство у Варрона, Вергилия и Колумеллы» сопоставил высказывания этих авторов на соответствующую тему. *Ф. Хойбнер* (Йена) в сообщении «„Агрикола“ Тацита — *analogon*» показала, как историк размышлял в этом биографическом произведении о совместимости принципата и свободы в условиях, когда старозаветная *virtus* могла осу-

¹ Wiss. Zeitschrift Rostock. 1978. 27. Heft G 7.

² Wiss. Zeitschrift Rostock. 1985. 34. Heft G 1.

ществляться прежде всего во внешнеполитической области, а частная жизнь личностей наподобие Агриколы воспринималась как активный *otium* в староримском понимании. Г. Перл (Берлин) в докладе «Методы сравнения в античной этнографии» дал интерпретацию тех глав «Германии», где Тацит объясняет социальную структуру германцев, сравнивая ее с римскими отношениями (25—26), выявляет сходство и различия в истолковании римлянами и германцами предзнаменований (10.2), использует терминологию, связанную с празднеством латинов, для описания праздника культового союза у свебов (39.1).

В докладе К.-П. Йоне (Берлин) «Сравнение и аналогия в просопографическом методе» рассматривались возможности и пределы применения этого метода, а также была отмечена необходимость использования сравнений и аналогий в работе над изданием «*Prosopographia imperii romani*». С помощью подобной же методики К. Вахтель (Берлин) получил исходную информацию для своего доклада «Две фамилии римской сенатской аристократии в I и II в. н. э.». Э. Эндесфельдер (Берлин) в докладе «Еще раз по поводу феодализма в древнем Египте» обратилась к теме, постоянно возникающей в литературе. Проанализировав историю вопроса, она охарактеризовала аналогии, положенные в основу такого понимания истории Древнего Царства, как устаревшие и представила картину современного состояния исследований. В докладе М. Няммаш (Берлин) «Гильдии и цехи в древней Индии?» отмечалось, что и в этом случае, хотя и можно найти точки соприкосновения, все же в целом не наблюдается никаких аналогий со средневековыми отношениями. Г. Бокиш (Росток) в докладе «Социальные структуры микенского и раннегреческого общества» рассмотрела словупотребление Гомера при обозначении им понятий, встречающихся уже в слове табличек линейного письма В (*temenos, wanax, demos*), а также следы гентильно-политических форм организации. В результате этого сопоставления обнаружились мифические реминисценции крипто-микенского дворцового общества, однако у Гомера деление общества на людей, обладающих собственностью, и простой народ имело уже отчетливую тенденцию к античному общественному устройству. А. Йэне (Берлин) в своем докладе сопоставил Великую греческую колонизацию с эллинистической политикой урбанизации, установив ряд аналогий и решающих отличий. Я. Печирка (Прага) в докладе «Афинская демократия и представления о прогрессе в конце V в. до н. э.» высказался по поводу сомнительных аналогий с пониманием демократии в Новое время в романе Й. Томанса «Сократ». В докладе «Аналогии в межгосударственных отношениях полисов в классической Греции» В. И. Исаева (Москва) убедительно показала, как современные международные отношения, уровень развития политологии, права, теории пропаганды влияют на проблематику антиковедения, принципы отбора и интерпретацию материала. Ею был поставлен также вопрос о принципах и границах модернизации некоторых проблем греческой истории. Д. Ресслер (Берлин) в докладе «Безработные в классической Греции?» пришел к выводу, что несмотря на использование начиная с V—IV вв. до н. э. относительно слабо развитых форм наемного труда (преимущественно сезонного и поденного) и существование временной незанятости, на поставленный вопрос должен быть дан отрицательный ответ: не имело ни строго очерченного слоя безработных, ни соответствующего термина в древнегреческом языке. С разных сторон была затронута проблема кризиса Поздней Римской республики. В докладе историка Х. Ковальского «Катилина и Клодий. Аналогии и различия» Клодий как политик был оценен более позитивно, чем Катилина. Филолог Л. Хаваш (Дебрецен) в докладе «Схемы изображения волнений периода Поздней республики» обратил внимание на параллели в изображении триумвира Антония с образом Катилины у Цицерона и Саллюстия. Такое рассмотрение одного круга проблем с разных сторон оказалось особенно плодотворным при обсуждении. Я. Буриан (Прага) привлек средневековые источники и собственные наблюдения в докладе «Местное население Северной Африки времени принципата. Сравнение и вывод по аналогии при его описании». Р. Гюнтер (Лейпциг) в докладе «Историческое значение античных рабских восстаний и ранняя буржуазная революция XVI в. — аналогия?» пришел к выводу, что возможности сравнения в этом случае очень ограничены, так как крестьянские войны происходили в конце эпохи феодализма, а рабские восстания — в период наивысшего развития античного рабовладельческого общества, имеющиеся же сходства относятся к области «спонтанных аналогий» и с научной точки зрения не могут быть прослежены. М. Келер (Росток) выступила с вызвавшим дискуссию сообщением «Возможности и пределы использования франкской модели для изучения протофеодального периода в Британии».

Поскольку романистика и антиковедение все еще разделены немалым расстоянием, представляется полезным включение в тематику конференции ряда докладов историко-правового характера. П. Благо (Братислава) в докладе «Оформление римского частного права в сравнении с новыми частноправовыми системами», основываясь на работах В. Кункеля, рассмотрел, насколько продвинулись римляне в систематизации права и в какой мере их «система» воздействовала на современное право. Компаратив-

вистике были посвящены доклады *М. Куриловича* (Люблин) «Римское право и основные проблемы сравнительного правоведения» и *Г. Хамзы* (Будапешт) «Значение римского права для сравнительного правоведения». Как это ни удивительно, в компаративистике роль римского права до сих пор признается важной скорее в теории, чем на практике, так что эти доклады заполняют существенный пробел. *Т. Штернберг* (Росток) в докладе «Аналогии в правовых изысканиях» ссылался на примеры из практики издания императорских рескриптов. Авторы запросов зачастую предлагали аналогию своему делу, и аналогия эта императорской канцелярией признавалась, отвергалась или заменялась другой; в зависимости от обстоятельств к справке прилагалась и правовая рекомендация. *З. Вебер* (Лейпциг) выступила с докладом «О характере законодательства германских королевств».

В археологических исследованиях, в особенности по первобытной истории, отсутствие какой-либо письменной традиции обуславливает ограниченную информативность отдельных находок «самих по себе». *Й. Якобс* (Росток) в докладе «Сравнение и аналогии в изучении первобытной истории на примере типологии боевых топоров ямной культуры» показал, что перемещения основного центра и расширение ареала археологической культуры могут быть выявлены с помощью сравнения частоты находок тех или иных предметов, однако такие выводы должны подкрепляться материалом закрытых комплексов находок. *Х. Вютемани* (Росток) выступил с докладом «О назначении кинжалов эпохи бронзы», в котором коснулся вопроса, служили ли в действительности оружием или символом статуса типы кинжалов, различающихся соотношением длины и ширины лезвия и, соответственно, заостренностью. В докладе «О проблеме датировки бронзовых котлов с железной закраиной» *Х. Кайлинг* (Шверин) привел доказательства того, что встречающиеся в северонемецких лангобардских некрополях позднелатенского времени котлы этого типа, до сих пор рассматриваемые как доримский импорт (Eggers 4—6), относятся к 30 г. до н. э.—20 г. н. э. и должны расцениваться не как свидетельства торговли, но как политические дары, призванные обеспечивать завоевательную политику Рима за Рейном. К значительно более позднему периоду обратился *Х. Раймер* (Лейпциг) в докладе «Германская колонизация и ее среды в Италии и Испании — возможности сравнений и аналогий».

Доклады по классической археологии посвящались лишь римской культуре и искусству. *Т. Гестелли* (Дебрецен) в докладе «Политические символы в прикладном искусстве» показал, что по необходимости схематизированные символические изображения на монетах и геммах, распространявшихся в широких кругах античного общества по всей империи, отражают совокупность идей, запечатленных и в литературных произведениях эпохи, и позволяют исследовать содержание, функционирование и цели римской политической пропаганды. В докладе «Марс Мститель и рельеф Algier» *Х. Г. Мартин* (Западный Берлин) идентифицировал одну из фигур как юного Нерона, из чего следует, что узнаваемая на рельефе группа изображений храма Марса Мстителя в Риме была дополнена портретной статуей императора Нерона вскоре после его вступления на престол с целью узаконить его притязания на власть. *Э. Шенерт-Гайсс* (Берлин) в докладе «Городские ворота Augusta Trajana по материалам археологических и нумизматических источников» предприняла попытку реконструкции их внешнего вида и датировала постройку этого сооружения 151—165 гг. По мнению *Х. Шумахер* (Росток), выступившей с докладом «О значении летящих Эротов с портретными медальонами на римских саркофагах, сравнение этих изображения с общепризнанными изображениями апофеоза может свидетельствовать о смысловой нагрузке, заимствованной из императорского культа. Две каменные постройки неясного назначения, раскопанные в позднеримском кастелле Иатрус Нижнедунайского лимеса, были идентифицированы в докладе *Г. Зоммер фон Бюлов* (Берлин) «Определение назначения археологически засвидетельствованных сооружений с помощью сравнений и аналогий» как амбары времени Валентиниана I. Обнаружение при раскопках в том же месте амфор, на основании внешних признаков (объем, форма, частота находок) подразделяемых на три основные группы, которые могли содержать первоначально зерно, вино или оливковое масло, дало повод *Б. Бёттгеру* (Берлин) в докладе «Аналогия равна аналогии? Амфоры для оливкового масла в Мезии и Испании» предостеречь от поспешного проведения аналогий. Не так давно приобретенный швейцарским фондом Абега случайно большой, несмотря на фрагментарное состояние, настенный занавес был в центре внимания эффектно завершившего конференцию доклада *Д. Виллерса 'Берн* «Смертные в дионисийском фиасе? К интерпретации настенного занавеса из Египта, или: обычная потребность в археологической аналогии». Определение одного изображенного там орудия как бича, а не цепа послужило поводом для размышления о правильном применении метода сравнения и поиска аналогий.

Ход и итоги конференции убеждают организаторов в необходимости проведения подобных мероприятий, посвященных методологическим проблемам антиковедения, и в дальнейшем.

К. Цицмерманн, Л. Хухтхаузен

VI ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В. Г. ЛУКОНИНА

24 января 1990 г. в Отделе Востока Государственного Эрмитажа состоялись VI Чтения памяти Владимира Григорьевича Луконина (1932—1984), доктора исторических наук, заведующего Отделом Востока Эрмитажа, крупнейшего советского прагматиста, почетного члена нескольких зарубежных научных учреждений.

Открывая Чтения, директор Эрмитажа академик *Б. Б. Пиотровский* проинформировал собравшихся о деятельности созданного в Лондоне «Фонда Луконина» и изложил содержание своей последней большой рукописной работы о сохранении культурных и художественных традиций в мировом искусстве. По словам *Б. Б. Пиотровского*, в беседах с ним *В. Г. Луконин* разделял основные идеи этой работы.

В. К. Афанасьева в сообщении «Сведения о музыке в шумерском литературном тексте „Сестра любимая Думузи“» проанализировала небольшую шумерский текст (40 строк), в котором содержатся крайне важные сведения мифологического характера, проливающие свет на некоторые детали обряда оплакивания. В нем, в частности, говорится о репетиции двух хоров (один — из 50, другой — из 7 человек — запевал?), которая начинается с попыток найти первый чистый тон и добиться гармоничного слияния голосов разной высоты. Текст, по всей видимости, создавался как школьное сочинение и копировался учениками.

В сообщении *Н. Б. Янковской* «Дверь, которая не держит ветра» отождествлен неопознанный (в глиптике II тыс. до н. э.) символ богини — столбик с петлей посредине, изображенный рядом с нею в половину ее роста в сцене представления адоранта богу — как открытая половинная дверца, лишенная засова. Это отождествление разъяснило смысл речи Энкиду (гл. VII эпоса), обращенной к двери, для которой он срубил шестиметровую задвижку, — пародийный выпад, продолжающий вражду с нею Гильгамеша. Сопоставлена прямо противоположная ориентация двух полугодий (по Лэнгдону): первое с изгнанием духов перед засухой (месяц *таммуза*), второе с призыванием духов после сбора урожая (праздник «отверзания дверей»): испрашивания потомства, поминки предков (знак смиренной традиционности). Так различается и антропийно-катарсическая ориентация, отраженная в глиптике международного торгового центра XIX в. до н. э., заклинающая единение сил, в массе традиционной, и великодержавная редакция эпоса о Гильгамеше, отрицающая традиционность как помеху славе героя.

А. Б. Никитин выступил с сообщением «Сасанидо-кушанский сатрап Балха»: в 1976 г. на городище Жига-депе в Северном Афганистане при раскопках, проводившихся Советско-афганской экспедицией, были найдены глиняные буллы с оттисками печатей. Буллы опубликовала *И. Т. Кругликова*, чтения надписей на оттисках печатей — среднеперсидских, бактрийских, согдийских и индийских — сделала *В. А. Лившицем*. Надпись на одной из печатей, фрагментарно сохранившуюся на девяти оттисках, *В. А. Лившиц* прочитал только частично — первый компонент имени владельца — «Михр». При сопоставлении всех оттисков докладчику удалось реконструировать ее полностью: на печати имелись среднеперсидская и бактрийская надписи одного содержания — «Михрем, сатрап Балха». Это первые оттиски печатей, содержащие имя и титул представителя сасанидской администрации в Кушаншахре.

А. Я. Каковкин в сообщении «Интересный памятник коптской керамики» поделился своими соображениями о времени выполнения и назначении уникального эрмитажного экспоната — глиняного голубя, привезенного из Египта *В. Г. Бокон* в 1898 г. Исходя из особенностей памятника и основываясь на свидетельствах древних источников, *А. Я. Каковкин* пришел к выводу, что фигурка была выполнена в V—VI вв. в Фаюме и олицетворяла третье лицо христианской троицы — святой дух. Согласно ранней церковной традиции, такие фигурки подвешивались в храмах над алтарями и крещальнями. В богатых храмах метрополии они изготовлялись из золота или серебра, в коптском Египте их обычно лепили из глины.

И. М. Стеблин-Каменский в сообщении «Прижизненные поминки — зороастрийский обряд в мусульманском обиходе?» рассказал о прижизненных поминках — обряде, зафиксированном у таджиков. Обряд этот интерпретировался как пережиток обычной класть пищу в могилу умершего или же как пережиток умерщвления стариков в древности. Докладчик показал, что этот обряд совпадает с обрядом, существующим до сих пор у зороастрийцев в Иране и Индии.

М. Г. Крамаровский посвятил свое сообщение «Драконоборец из Маджар» фрагментированной бронзовой пластине с изображением всадника и змеи под ногами коня, найденной в Маджарах. Аналогичный, хорошей сохранности памятник хранится в музее Кувейта. Согласно каталожным данным Кувейтского музея, пластина является

продукцией иранских мастеров XII—XIII вв. и представляет Бахрам Гура на охоте. Автор принял эту точку зрения.

Сообщение *А. А. Иванова* «О молотках на дверях усыпальницы Ходжа Ахмада Ясеви» касалось двух молотков, которые были украдены в 1959 г. и один из которых был известен ранее только по рисунку *А. Гуржненко*. Недавно были обнаружены фотографии этих молотков, сделанные до войны сотрудником Эрмитажа *В. И. Кесаевым*. Стихотворные надписи на них те же, что и на молотках входных дверей, поскольку это работы одного и того же мастера — *Изз ад-дина ибн Тадж ад-дина Исфакхани*. На одном из них дата 797 г. х. /1394—95 г., а на втором, видимо, была дата по «абджаду», но она не видна на фотографии. Автор полагает, что все дверные молотки были сделаны во время сооружения мавзолея в 90-х годах XIV в.

В сообщении «Два кодикологических этюда» *О. Ф. Акимушкин* постарался объяснить отсутствие в знаменитой «Докладной» (Стамбул) имени адресата, имени автора и даты, хотя — вне всякого сомнения — из содержания явствует, что данный документ подписной и безусловно написан около 1428/29 г. на имя *Байсункур мирзы* из Герата. Вторая часть сообщения была посвящена изданному в Москве в 1987 г. «Бахаристану» *Джами*. На основании имени каллиграфа («основного» списка издания) *О. Ф. Акимушкин* показал, что этот список переписан не при жизни *Джами*, а примерно через 90 лет после его издания. Поэтому данный список не мог быть использован как «базовый список» издания.

Чтения собрали большую аудиторию и вызвали интерес собравшихся. Через год решено провести очередные Чтения памяти *В. Г. Луконина*.

А. Я. Каковкин

(1930—1990)

28 февраля скоростно скончался Илья Шолеймович Шифман, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, видный советский историк-востоковед. Советская и мировая наука потеряла крупного историка древнего Ближнего Востока, эллиниста и семитолога, ученого необычайно широких интересов и глубокой эрудиции. Его работы охватывали историю и культуру Ближнего Востока и эллинистического мира в широчайшем временном и географическом диапазоне, от Угарита до гибели Римской империи, от Карфагена до Центральной Азии.

Окончив в 1953 г. исторический факультет Ленинградского университета, он начал свою трудовую деятельность в глухой провинции, в г. Аягузе в Северном Казахстане, преподавателем истории. Сменив несколько специальностей и мест работы, он пришел в Институт востоковедения АН СССР лишь в 1961 г. с уже готовой кандидатской диссертацией, которую и защитил в конце того же года. Он проработал в институте почти 30 лет, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника, защитил в 1973 г. докторскую диссертацию на тему «Социальные и экономические отношения в Сирии в I-III вв. н. э.».

И. Ш. Шифман — автор более 150 научных трудов, в том числе — двенадцати монографий, охватывающих огромный круг проблем. Среди них — «Возникновение Карфагенской державы» («Палестинский сборник», вып. 12, М.—Л., 1963); «Финикийский язык» (М., 1963); «Набатеяское государство и его культура» (М., 1976); «Сирийское общество эпохи принципата» (М., 1977); «Памирский пошлинный тариф» (М., 1980); «Угаритское общество XIV-XIII вв. до н. э.» (М., 1982); «Культура древнего Угарита» (М., 1987). Переводы его статей и книг публиковались во многих странах мира.

Исторические и культурологические работы И. Ш. Шифмана опирались на обширную источниковедческую базу, на самостоятельный филологический анализ греческих и древнееврейских нарративных источников и богатейшего эпиграфического материала, от аккадских документов из Угарита до финикийских, арамейских и набатейских надписей. В его работах сочетается тщательный скрупулезный анализ надписей или отдельных терминов с широкими историческими картинами целых государств и культур Ближнего Востока.

И. Ш. Шифман обладал редким даром совмещать строгую научность с увлекательностью изложения; его книга «Ганнибал» приобрела широкую популярность, вышла двумя изданиями (М., 1976, 1981) и переведена на армянский (Ереван, 1984) и болгарский (София, 1984) языки. Та же судьба, видимо, ожидает и книгу «Александр Македонский» (М., 1988).

И. Ш. Шифман отличался исключительной работоспособностью и широтой научной деятельности; он был неизменным участником научных конференций античников и востоковедов, эллинистов и семитологов. Всюду он выступал с докладами, вызывавшими большой интерес. Он вел активную преподавательскую и консультационную работу, всегда доброжелательно поддерживал молодых исследователей и коллег, обрадовавшихся к его помощи. Много раз выступал в качестве руководителя и оппонента диссертаций, научного консультанта.

Эта картина блестящей научной деятельности скрывает трагедию ученого, на протяжении многих лет лишенного возможности заниматься своей главной темой — гебраистикой и библистикой. Его книга о Библии — «Ветхий завет и его мир» (М., 1987) по праву должна занять место в списке «задержанных книг». Более 20 лет она пролежала втуне, переходя из издательства в издательство, от одного редактора к другому, от рецензента к рецензенту, и увидела свет лишь в эпоху перестройки. Эта задержка сказалась на всей научной работе Ильи Шолеймовича. Начав свои научные занятия в 1948 г. на восточном факультете Ленинградского университета с намерением посвятить себя изучению гебраистики и семитологии, он был вынужден, с закрытием кафедры семитологии в 1950 г., в период «борьбы с космополитизмом» перейти на исторический факультет и закончить его как историк-античник. Затем он был оторван от научного творчества на долгие пять лет. Вернувшись к занятиям античностью, он выбрал тему, наиболее близкую к семитологии — историю Карфагена. В Институте востоковедения И. Ш. Шифман приблизился к своей цели, избрав темой историю Сирии в эллинистическое и римское время. Но судьба книги о Библии вновь заставила его искать близкие темы — историю Набатеи и Пальмиры. Все более сужая круг обходных путей, он занялся историей и культурой Угарита и оставил в этой области целую серию больших работ, в значительной мере еще не опубликованных.

Четверть века он неуклонно приближался к своей цели и лишь в период перестройки смог посвятить себя давно задуманному грандиозному труду: созданию нового перевода и научного комментария к Библии. Смерть оборвала эту работу. Только первая ее часть — комментированный перевод Пятикнижия — была подготовлена им к печати. Публикация этой работы ложится уже на плечи его друзей и учеников. В рукописи осталась лежать его монография, посвященная Второзаконию.

И. Ш. Шифман умер в разгаре активной научной деятельности, полный творческих планов, оставив серию незавершенных трудов. Смерть настигла его буквально на пороге «земли обетованной» — древней Палестины, куда он должен был выехать в составе научной делегации ЛО ИВ АН СССР 7 марта 1990 г., страны, древней истории и культуре которой он посвятил свою жизнь, но которую он так и не увидел своими глазами.

Смерть И. Ш. Шифмана — невосполнимая утрата для советской науки; его ученики не могут в полной мере заполнить весь диапазон его тем и интересов. Но его трудам, составляющим целую библиотеку по истории Ближнего Востока, суждена долгая жизнь; они будут служить будущим ученым и как настольная справочная литература, и как источник идей. Они заложат фундамент будущего возрождения советской библеистики, угаритоведения, всей истории древнего Ближнего Востока.

А. Г. Лундин

В редакцию поступило еще несколько некрологов, в том числе некролог, подписанный сотрудниками сектора Ближнего Востока ЛО ИВ АН СССР А. Г. Грушевым и И. Р. Тантиевским, В. А. Яковсоном.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ARTEMIDORI DALDIANI

© 1990 г.

ONEIROCRITICA

АРТЕМИДОР

СОННИК

Перевод с древнегреческого под общей редакцией

Я. М. Боровского

КНИГА II*

30. Видеть себя царем для больного предвещает смерть, потому что только царь и только мертвый никому не подвластны; а для здорового предвещает потерю всех родственников и отстранение товарищей, потому что царская власть неделима. Для преступника это означает заточение и изобличение, потому что царь всегда на виду и под сильной охраной. Царские принадлежности — диадема, скипетр и багряница — означают все то же самое. Бедняку такой сон предвещает много разных дел, со славой, но без выгоды, а рабу — освобождение, потому что царь не может быть несвободен. Лучше же всего этот сон для философа и гадателя, ибо считается, что вольнее и царственнее всего на свете — здравая мысль.

Быть полководцем для привычного человека — к добру, для бедняка же означает беспокойство и огласку, а для раба — освобождение.

Быть во сне у письменных дел означает заботу о делах чужих и к тебе не относящихся, от которых много труда и усталости, пользы же никакой.

* Перевод М. Л. Гаспарова. Комментарии И. А. Левинской. Продолжение. Начало см. ВДИ. 1989. № 3.

Для больного это начальствование тоже сулит смерть, потому что о письмоначальнике и о мертвом говорится *προϋξις*⁶⁴, а для раба — доверие хозяина и домоправительство.

Быть надзирателем над городом, над подростками или над женщинами означает для сновидца заботы и перебивающие друг друга дела, потому что такого попечения требуют и обыватели, и подростки, и женщины. Быть надзирателем над рынком на пользу тем, кто учится врачеванию, а особенно диететике, потому что такой надзиратель заботится именно о пище; но для остальных это означает лишь тревогу и много шума, и даже если человек делает свое дело и входит во все расходы, его все равно будут ругать, потому что без того не бывает надзирательства.

Делать из своих средств пожертвования на общественные нужды для больного предвещает смерть и расточение имущества, а для здоровых тревогу и много шума. К добру и к прибыли такой сон только для тех, кто вовсе беден, потому что нельзя же делать пожертвование, самому ничего не имея. К добру он также актерам, музыкантам и всем, кто выступает перед народом, предвещая большой успех, потому что жертвователи обычно снискивают хвалу. Видеть, что принимаешь пожертвование, будь оно общественное или частное, — для всех к добру; а что не принимаешь — не к добру и означает смерть, потому что мертвым уже пожертвований не делают. Я знал одного атлета, собиравшегося в Олимпию, которому приснилось, что олимпийские судьи всем атлетам раздадут хлеб, а он опоздал и ему не досталось; все решили, что это значит, что не придется ему участвовать в состязаниях, и мне тоже это показалось верным — и так оно и вышло, потому что как только он записался, так сразу и умер.

Всякое начальствование, при котором начальник должен носить багряницу или золото, сулит смерть для больных и выявление тайного.

Быть жрецом и принимать жречество от народа — к добру для всех, кроме лишь скрывающихся, потому что жрецы всегда на виду. Какому богу сновидец будет служить жрецом, такое и от таких людей будет ему добро. Быть начальником жреческой коллегии или блюстителем ее дома означает для всех житейские неприятности, заботы, а нередко и убытки — особенно для тех, кому снится, будто они ищут отличиться, устраивают угощения и делают пожертвования.

Всякое начальствование и всякое жречество, недоступное для женщин, приснившись женщине, предвещают ей смерть; и соответственно всякое начальствование и всякое жречество, запретное для мужчин, приснившись мужчине, равным образом предвещает ему смерть.

31. Война и воинские дела означают для всех тревоги и раздоры, кроме лишь воинов и тех, кто зарабатывает на жизнь оружием или в оружии: для тех это предвещает благополучие. Защитное оружие предвещает безопасность: таковы щит, шлем, панцирь и поножи. Метательное же оружие часто бывает предвестием невольных ошибок, мятежей и раздоров: таковы копье, пика, дрот и праща. Нож и меч означают отвагу сновидца, силу его рук и смелость его помысла. Кроме того, щит и шлем отдельно означают жену: если они пышные, то богатую и красивую, а если убогие, то бедную и некрасивую.

Служить в войске или воевать в войске для всех сколько-нибудь хворых означает смерть — потому что воин оставляет прежнюю свою частную жизнь и, забыв о ней, начинает новое существование; часто этот сон

⁶⁴ То есть в первом случае «вести вперед», во втором «провождать», собственно «быть провожаемым».

предвещал смерть и для стариков. Для остальных же он означает заботы, неприятности, переходы и странствия. Зато безработным и нуждающимся он сулит занятие и заработок, потому что воин не сидит сложа руки и ни в чем не нуждается. Рабам этот сон предвещает почет, но не волю, и даже многие вольноотпущенники после такого сна продолжали рабскую службу и повиновение; это потому, что воин, хоть и вольный человек, но живет в повиновении.

32. Биться гладиатором означает суд или иную какую-нибудь распрю или борьбу. Кулачный бой тоже считается боем, хоть ведется и без оружия, означающего судебные бумаги и жалобы. Оружие гладиатора убегающего всегда означает ответчика, а оружие гладиатора преследующего — жалобчика.

Я не раз замечал, что такой сон предвещает женитьбу на женщине, подобной или оружию, которым бьешься, или противнику, с которым снится борьба. Но так как здесь трудно ясно представить явления, не пользуясь специальными наименованиями, то я буду ими пользоваться. Итак, кто бьется с фракийцем, тот возьмет жену богатую, коварную и любительницу во всем быть первой: богатую, потому что фракиец весь в латах, коварную, потому что меч у него кривой, а первенствующую, потому что он наступает. Если кто бьется [с самнитом] ⁶⁵ при серебряном оружии, то возьмет жену красивую, не очень богатую, верную, хозяйственную и уступчивую — потому что такой боец отступает, прикрыт латами, а оружие у него красивее, чем у первого. Если кто бьется с секутором, то возьмет жену красивую и богатую, но гордую богатством, а поэтому пренебрежительную к мужу и причину многих бед, потому что *секутор* всегда преследует. Кто во сне бьется с *ретиаием*, тот возьмет жену бедную, страстную, распутную, легко отдающуюся желающим. Всадник означает, что жена будет богатая, знатная, но умом недалая. *Колесничник* означает жену бездельную и глупую; *провокатор* ⁶⁶ — красивую и милую, но жадную и страстную; гладиатор с двумя мечами или с кривым серпом — нравительницу или иную коварную и безобразную женщину. Все это я пишу не по догадкам и не по аналогиям, а по опыту, наблюдавши много раз исход каждого случая.

33. Приносить жертвы богам, каким какие положены, для всех к добру, потому что люди приносят жертвы тогда, когда достигли удачи или избежали беды. Но приносить жертвы нечестивые или неположенные предвещают гнев тех богов, для которых эти жертвы. Для больного не к добру видеть, что другие люди приносят жертвы, будь то даже жертвы Асклепию, потому что жертвенное животное умирает; и это означает смерть.

Увенчивать статуи богов цветами и ветвями, какими положено и по добает благочестию, для всех к добру, однако не без хлопот; рабу это велит слушаться хозяина и угождать ему. Обтирать статуи богов, умащивать, очищать, обметать перед ними землю и опрыскивать водой храм означает грех против этих самых богов; я знал человека, который после такого сна принес ложную клятву именем того самого бога, чью статую очищал во сне, — и сон предвещал ему, что придется вымалывать у бога прощения.

Рушить статуи богов, выбрасывать их из дома, разорять храмы или совершать в храмах нечестия ни для кого не к добру и означает большие

⁶⁵ Пер. по конъектуре Герхера.

⁶⁶ Provocator — по роли и вооружению разновидность секутора (secutor).

опасности, потому что именно в большой беде человек забывает о благочестии.

Если боги сами уходят, а статуи их рушатся, то это предвещает смерть сновидцу или кому-нибудь из его близких. Если боги богам приносят жертвы, то это сулит дому сновидца запустение, потому что это как бы знаменует, что нет для этого людей. Если статуи богов движутся, то это означает страхи и тревоги для всех, кроме тех, кто в тюрьме или собирается путешествовать: тем это сулит избавление от уз, позволяющее им легче двигаться, а этим — решимость покинуть свое место и двинуться в путь.

34. Среди богов иные суть умопостигаемые, иные — чувствопостигаемые. Умопостигаемых много, чувствопостигаемых мало. Нижеследующее рассмотрение покажет это подробнее.

Мы различаем богов олимпийских (они же — эфирные), небесных, земных, морских (и речных) и подземных. Богами эфирными могут по праву зваться Зевс, Гера, Афродита Небесная, Артемида, Аполлон, Эфирный огонь ⁶⁷ и Афина. Небесные — это Солнце, Луна, звезды, тучи, ветры и то, что из них складывается, — ложные солнца, метеоры, небесный огонь и радуга. Все это боги чувствопостигаемые. Из земных богов чувствопостигаемые — это Геката, Пан, Эфиальт ⁶⁸, Асклепий (впрочем, этот считается также и умопостигаемым), а умопостигаемые — Диоскуры, Геракл, Дионис, Гермес, Немесида, Афродита Всенародная, Гефест, Тиха, Пейфо, Хариты, Оры, нимфы и Гестия. Из морских богов умопостигаемые — это Посейдон, Амфитрита, Нерей, Нереиды, Левкофея и Форкий, чувственные же — само море, волны, берега, реки, озера, нимфы и Ахелой. Подземные боги — это Плутон, Персефона, Деметра, Кора, Иакх, Сарапис, Исида, Анубис, Гарпократ, Геката Подземная, Эринии с демонами при них и Страх с Ужасом, иногда считаемые сынами Ареса ⁶⁹, самого же Ареса следует причислить отчасти к земным богам, отчасти к подземным. Окружающие их боги — это Океан, Тефида, Крон, титаны и Природа всего. Если по ходу рассказа придется вспомнить еще какого-нибудь бога, то мы не упустим рассказать и о нем.

Из всех перечисленных богов видеть во сне олимпийцев на пользу самым могущественным лицам обоего пола, небесных — людям среднего достатка, земных — людям бедным. Подземных — к добру обычно лишь для селян и для тех, кто ищет убежища; морских и речных — для моряков и для тех, кто кормится от воды или благодаря воде; окружающие же их боги не к добру никому, кроме философов <и гадателей> ⁷⁰, ибо только они простирают свое знание до крайней округи мироздания.

Теперь поучительнее будет сказать о каждом из них по отдельности. Я начну с олимпийцев.

35. Зевс видеть — самого ли, как мы его представляем, или статую его в соответственном облачении — это к добру для человека царственно-го и богатого ⁷¹, ибо от этого крепче будет удача одного и богатство другого. Болящему это предвещает исцеление, остальным же — тоже к доб-

⁶⁷ Эфирный огонь — понятие из стоической космологии, где он тождествен с божественным мировым разумом.

⁶⁸ Эфиальт — одно из имен бога Пана (Схолиаст к Аристофану. Осы. 1083), у поздних авторов отделяющийся от него как самостоятельный дух-инкуб.

⁶⁹ *Геслод*. Теогония. 933—936; ср. Илиада. XIII. 299; IV. 440.

⁷⁰ Дополнение Герхера.

⁷¹ Юлию Цезарю накануне убийства будто бы снилось, что он пожимает десницу Юпитеру (*Светоний*. Божественный Юлий. 81).

ру. Всегда лучше, если Зевс стоит неподвижно или сидит на престоле, не шевелясь; если же он идет, то к востоку — это хорошо, а к западу — это плохо, и если не в соответственном облачении — тоже, ибо, по словам Паниасида, это предвещает предприятиям сновидца неудачу или мелкую удачу.

Гера предвещает для женщины то же, что Зевс для мужчины, а для мужчины — то же, но слабее. Рея означает то же, что и Гера.

Артемиду к добру для тех, кто чего-то боится, ибо слово τὸ ἀρτεμῆς значит «здоровый»⁷², и это сохраняет их от страхов. Она к добру для рожениц, ибо у нее есть имя Лохия (Родильница); особенно же к добру для охотников, ибо есть и имя Агротера (Ловчая), и рыбаков, ибо есть и имя Лимнатиды (Лагунная). Этот сон обещает беглецов поймать, а пропавшее найти, ибо от такой богини ничто не ускользнет. В образе Агротеры и Элафеболы (Оленеубийцы) она полезнее делам, чем в других образах; но кто ведет жизнь более серьезную, для тех она лучше в таком образе, как Эфесская или Пергамская или Элевфера (как ее называют в Ликии). Саму ли видеть богиню, как мы ее представляем, или ее изваяние — это одно и то же: когда боги являются во плоти, а когда в виде статуи из чего бы то ни было, то значение одно и то же, только сбудется все хорошее и дурное из такого сна быстрее, если являлся сам бог, и медленнее, если статуя бога. Нагой же видеть Артемиду любым образом — для всех не к добру⁷³.

Аполлон к добру для служителей муз, ибо он — изобретатель речей и музыки; к добру и для врачей, ибо имя его — Пеан (Целитель), для гадалей и философов, ибо предвещает им совершенство и славу. Он делает тайное явным — ибо считается, что он — то же самое, что Солнце. Аполлон же Дельфиний обычно означает отъезд и дальнее странствие.

Афина к добру ремесленникам, ибо прозвище ее — Эргана (Работница); к добру для тех, кто хочет взять жену, ибо это значит, что она будет добронравна и домовита; к добру для философов, ибо она почитается как Разумение, и поэтому даже говорят, что рождена она из головы; к добру она и для селян, ибо значение ее, по словам философов, то же, что у Земли; к добру для тех, кто идет на войну, ибо значение ее — то же, что и у Ареса. А распутницам и прелюбодейкам она не к добру, равно как и собирающимся замуж — ибо эта богиня девственна.

Эфирный огонь к добру для всех, особенно для недужных: для них он — знак выздоровления, потому что мертвые к нему непричастны.

Теперь скажем о богах небесных.

36. Солнце, когда оно восходит на востоке, яркое и ясное, а заходит на западе, — всем к добру: одним предвещает дела — ибо будит людей ото сна и велит трудиться, другим — рождение детей: ведь родители, обращаясь к мальчикам, их зовут «солнышко». Рабам этот сон дает волю — ибо свободу люди тоже называют своим солнцем. Остальным же это на пользу в обогащении. Но кто скрывается или ищет убежища, тем это во вред — ибо солнце все делает явным и видимым.

Солнце, когда оно восходит с запада, делает тайное явным из того, что казалось скрытым; больного, уже отчаявшегося, оно ставит на ноги, а кто страждет глазами, тот не ослепнет, ибо такой сон означает, что он увидит свет после долгой тьмы. Уехавшего на чужбину солнце возвращает в дом, даже когда утрачена всякая надежда. К добру оно и тем, кто едет на Запад, обещая им возврат, и тем, кто ждет кого-то с Запада, означая, что тот уже тронулся в обратный путь. Но всем остальным этот сон означает пре-

⁷² Народная этимология, упоминаемая еще в «Кратиле» Платона, 406 б.

⁷³ От мифа об Актеоне.

пятствие во всяком предприятии и для всякой надежды и не дает человеку довершить то, на что он решился. В самом деле, когда солнце видимым образом движется вопреки естественному движению, то от этого страдает и все мироздание, и всякая его часть, а ведь сновидец заведомо есть часть мироздания. По аналогии со сказанным следует толковать и то, когда солнце восходит или заходит на севере или на юге.

Солнце тусклое, кровавое или страшное — для всех не к добру, а к неладному, иногда означая безработицу, а иногда предвещая или болезнь детей, или какую-то опасность, или глазную болезнь. Но тем, кто в страхе и ищет убежища, этот сон, судя по наблюдениям, благоприятен: одни избегнут всякой беды, другие найдут укрытие, ибо тусклое солнце меньше жжет. Солнце, сходящее на землю, есть знак поджога и пожара; то же самое — и солнце, входящее в населенное место. Солнце, возлежащее на чьем-либо ложе, угрозами предвещает тяжкую болезнь и воспаления, а кротким видом и словами означает благополучие; этот же сон был для многих предвестием рождения сыновей. Солнце затмившееся не к добру ни для кого, кроме тех, кто творит тайные дела или ищет убежище; а по большей части это сулит потерю зрения или гибель детей. Солнце не в настоящем своем виде, а каким оно представляется в человеческом образе, в одежде возницы, к добру для атлетов, колесничников и собирающихся в отъезд; но больным это сулит опасность и смерть.

Видеть солнечные лучи, входящие в дом, всегда лучше, чем видеть само солнце: лучи, освещая дом, означают умножение имущества, а входящее солнце — нестерпимые для обитателей ужасы, ибо солнце непереносимо для взгляда. Если солнце что-то дает или берет — и то и другое не к добру: если дает, это означает опасности, если берет, то смерть, гибель. Всегда лучше видеть не самого Гелиоса, каким его представляют, а статую этого бога в храме и на пьедестале: такой сон обещает, что все хорошее будет крепче, а все дурное слабей. Видеть же солнце таким, какое оно есть и видится на небе, — это тоже надо признать благоприятным. Селена-Луна означает жену и мать сновидца, потому что она считается питательницей⁷⁴, а также и дочь и сестру, потому что называется Кора. т. е. Дева. Она приносит деньги, благополучие и удачные дела...⁷⁵ И плаванье, ибо корабельщики правят по ее движению, и отлучку, ибо движение ее непрестанно, и глаза сновидца, ибо она — и причина и владычица зрения. Все боги вообще имеют отношение к властителям — боги к властителям, а богини к властительницам, и справедливо старинное изречение: «Ведь бог есть власть»⁷⁶. Если луна прибывает, это означает прямую или косвенную пользу от владык; если убывает, то прямой или косвенный вред. То же самое — если явится много лун и если исчезнет настоящая.

Видеть на луне свое лицо предвещает бездетному мужчине рождение сына, а женщине — дочери: каждый увидит образ, подобный себе, т. е. ребенка. К добру это еще для менял, ростовщиков, эранархов: значит, они много наживут. К добру и тем, кто хочет быть на виду: и наоборот, кто скрывается, те бывают разоблачены. Кто болен и кто в плаванье, тем этот сон губителен: больной впадет в водянку (потому что природа Луны влажная), а плаватель — в крушение.

Какие блага предвещает солнце, такие и луна; какие бедствия — тоже, но всегда слабее, потому что тепла в ней меньше, чем у солнца. И еще луна

⁷⁴ От поверья, что при нарастающей луне живые твари растут быстрее (*Цицерон*. О гадании. II. 33; ср. *Цицерон*. О природе богов. II. 119).

⁷⁵ В тексте лагуна, отмеченная Герхером.

⁷⁶ *Менандр*. Фр. 223, 3 Koerte (пер. О. В. Смыки).

означает, что свершение предвещаний произойдет не без участия женского лица.

Звезды в совокупности, яркие и ясные, видятся к добру для дальних странствий, для других предприятий и тайных дел. Ибо условие звезд иное, чем у солнца и луны, — без них звезды видны, а при них не видны или кажутся тусклыми. Чтобы избежать ошибок, каждую звезду нужно рассматривать отдельно по ее цвету, величине, движению и положению, получающемуся из движения; все это может стать яснее с помощью основ звездочетной науки. Сон о каждой звезде сбывается по ее свойствам. Например, звезда, вызывающая бурю, означает раздоры, опасности и смуты; вызывающая ведро — благополучие, благоденствие и доход; причастная к летнему солнцестоянию — означает перемену к лучшему; знаменующая зимнее — к худшему. Далее, некоторые из них сбываются наподобие мифов, связанных с ними; но рассказывать о каждой порознь было бы долго, и к тому же рассказы о них известны всем, сколько-нибудь образованным.

Звезды, исчезающие с неба, означают для богатых великую нищету и одиночество — ибо небо подобно дому сновидца, а звезды — вещам и людям, которые в нем; а для бедных — смерть. Способствует этот сон только замыслившим большое зло: они преуспеют, даже посягнув на нечто великое. А вот пришлось мне слышать, как одному человеку приснилось, будто звезды исчезли с неба, и после этого он стал лыс — ибо как небо относится ко всему мирозданию, так и голова к телу, и как звезды к небу, так волосы к голове.

Звезды, падающие с неба, не к добру — они означают гибель многих людей, причем большие — гибель знатных, а мелкие и тусклые — простых и незначительных. Не к добру сон, будто сам крадешь звезды, ибо обычно после такого сна видевшие становятся святотатцами, но не остаются незамечены, и их хватают. Оттого, что они овладели даже звездами, им удается желаемое, но оттого, что посягнули на непосильное человеку, они попадают. Видеть, будто бы ты поедаеть звезды, не к добру ни для кого, кроме гадателей и звездочетов, которым это предвещает много работы и дохода; остальным же это сулит смерть. Видеть звезды под крышей тоже нехорошо: это значит, что дом запустеет и крыша провалится: так что звезды будут видны изнутри, или даже что умрет хозяин дома.

Ложные солнца, метеоры, небесный огонь и так называемые кометы — косматые и бородатые звезды — означают то же, что и надвоздушные звезды.

Радуга справа означает хорошее, слева — дурное; но правую и левую стороны следует определять не от смотрящего, а от солнца. Но как бы она ни явилась, для всех, кто в бедности или иной невзгоде, она должна считаться к добру — ибо радуга ведет к перемене погоды и воздуха, а любые перемены обстоятельств к добру для тех, кто в невзгоде.

Облака белые — знак благополучия и раскрытия тайн, красные — знак безработицы, сумрачные — душевного покоя, черные — непогоды и горя.

Ветры, дующие спокойно и мягко, — к добру, а порывистые и сильные означают людей неприятных и невежественных. Бурные ветры и вихри приносят опасности и большие смуты. Нужно учитывать и то, что ветры, наносящие облака, для всех к худу и только для скрывающихся к добру, а ветры, проясняющие небо, — наоборот. Кто ждет уехавших, для тех ветер с той стороны, куда они уехали, будет к добру, а противные ветры будут уехавшим задержкой.

Вот каковы небесные боги. А о земных богах следует рассуждать так.

37. Боги чувствовостигаемые означают страхи, опасности и невзгоды — ибо, встретясь людям даже среди бела дня, они бывают причиною таковых. Но явление каждого из них имеет особое значение, не такое, как у других. Например, видеть трехликую Гекату на пьедестале означает передвижения и странствия ⁷⁷, ибо имя у Гекаты — Энодия (Путевая). Одноликую же Гекату ⁷⁸ видеть худо для всех, ибо обычно это предвещает нечто враждебное от чужеземца или чужеземки. Но какая бы и как бы ни явилась Геката, она всегда уводит сновидца из его обстоятельств и не позволяет оставаться там, где был. Когда же она при этом движется или встречается с человеком лицом к лицу... ⁷⁹ что богиня держит в руках, то и означает исполнение сна. Впрочем, рассказывать об этом — нечестиво и небезопасно; кто посвящен в таинства этой богини, тому сказанное понятно, а кто не посвящен, тот пусть спросит у посвященных.

Пан к добру для пастухов, ибо это бог пастбищ, и для охотников, ибо это бог диких мест, для остальных же он означает смятение, беспорядок и ненадежность того, чем человек гордится, ибо это бог с хромающею походкой. Впрочем, некоторые говорят, что он к добру и для Дионисовых мастеров (актеров).

Эфиальт, как принято думать, тождествен Пану, но значение его — иное: если он давит и теснит, не говоря ни слова, то это означает угнетение и утеснение, если же он отвечает на вопросы, то ответы эти — нелживы. Если он что-то дает или с кем-то совокупляется, это предвещает большую выгоду, особенно если он не тяжело налегает. Что он делает, приближаясь к больному, то и на пользу выздоровлению, ибо к покойникам он не приближается.

Асклепий, воздвигнутый в храме, на пьедестале и среди поклоняющихся, к добру для всех, но идущий, приближающийся и входящий в дом предвещает мор и болезнь, ибо тогда этот бог всего нужнее людям. Кто уже болен, тем он сулит исцеление, ибо прозвание этого бога — Пеан (Целитель). Асклепий всегда представляет помощников в нужде и заботников о доме сновидца, а в судебных делах — защитников.

Диоскуры для плователей означают бурю, а для тех, кто на суше, — распри, тяжбы, войну и великую болезнь; но из всех опасностей они в конце концов выходят невредимы, ибо Диоскуры — боги-спасители.

Геракла видеть, самого ли, или в виде статуи, к добру для всех, кто живет благонамеренно и по закону, особенно если их обижают, ибо этот бог, пока жил среди людей, всегда был защитником и мстителем для обиженных. А не к добру он для тех, кто творит дела неправые и незаконные, — по той же самой причине. К добру он для тех, кто собирается на состязание, суд или битву: ибо прозвание этого бога — Каллиник (Благопобедный). Но видеть, что ты с этим богом общаешься, делишь труд, делишь стол, носишь его одежду, получаешь от него львиную шкуру, палицу или иное оружие, — это, судя по наблюдениям, полученным в долгом опыте, для всех нехорошо и не к добру. Почему из этого не получается ничего хорошего — объяснимо с логической прямоотой: это бог делится со сновидцем тою жизнью, которую он вел, а жизнь этого бога среди людей была тяжелой и многотрудной, хоть и был он славен и знаменит. Часто

⁷⁷ Три лика Гекаты толковались как распутье трех дорог (*Овидий*. *Фасты*. I. 141—142).

⁷⁸ Павсаний (II. 30.2) упоминает эгинскую одноликую статую Гекаты работы Мирона и говорит, что трехликие стал делать только Алкамен.

⁷⁹ Испорченное место.

это означает и приключения, подобные тем, какие были с богом, носившим это оружие.

Дионис снится на пользу земледельцам, возделывающим плодовые деревья, особенно же винные лозы, а также харчевникам и всем Дионисовым мастерам (актерам). К добру он и для тех, кто в невзгодах, ибо само имя его означает прекращение и перемену неприятностей: он — Дионис, потому что все приводит к свершению (*διανύει*)⁸⁰. Тем, кто живет в неге, особенно же детям, он сулит тревоги, опасности, злоумышления и толки в соответствии с рассказами об этом боге и с естественным смыслом его имени; впрочем, и этим он не даст погибнуть и уберезет их. Для плавающих и путешествующих он означает с ясностью и несомненностью встречу с разбойниками, стычки и раны.

Дионисова же свита — вакханты, вакханки, бассариды, сатиры, паны и прочие с подобными именами, вместе и порознь, означают великие тревоги, опасности и толки. Единственное исключение — Силен: он один к добру для всех, кто берется за дело и кому страшно. Вести хоровод в честь бога, размахивать тирсами, нести деревья или иным образом угождать Дионису — для всех к худу, кроме лишь рабов, ибо исступление ума предвещает сумасшествие, безрассудство и ущерб, и только для рабов это знак освобождения, потому что встречные не будут обращать на них внимание, а бог будет благосклонен и милостив⁸¹.

Гермес к добру для тех, кто учится красноречию, для атлетов, учителей гимнастики, для ведущих торговые дела, для весовщиков, потому что все они считаются подопечными этого бога. К добру он и для собирающихся путешествовать, потому что этот бог представляется крылатым. Всем же остальным он предвещает непокой и смуту, а большим — смерть, ибо этот бог считается водителем душ в царство мертвых. Четырехугольная статуя Гермеса с большой бородой⁸² к добру только для ученых, а без бороды даже и для них не к добру — ибо все, что отломано у него, предвещает смерть для ближних людей сновидца.

Немесиды всегда к добру для тех, кто живет по закону, для людей среднего состояния, для философов; напротив, для беззаконников, обидчиков и посягателей на большие дела она означает противодействие и препятствие в начинаниях — ведь и слово *νέμεσις* означает «мешать тем, кто делает задуманное». А некоторые говорят, что эта богиня всякое благо меняет к худшему, а всякое зло — к лучшему.

Афродита Всенародная к добру для бродячих жрецов, харчевников, весовщиков, музыкантов, театральных работников⁸³, актеров и, наконец, гетер, но для матерей семейств это сулит ущерб и позор, а для собирающегося жениться — препятствие, ибо жена его станет общим достоянием.

Афродита Небесная (о которой я намеренно умолчал выше, чтобы не нарушать связности) значением своим противоположна Всенародной: больше всего она благоприятствует браку, совместной жизни и рождению детей, ибо она — причина всех соединений и потомств. К добру она и для селян, ибо почитается Природою и матерью всего сущего⁸⁴; к добру

⁸⁰ Этимологизация из области стоических аллегорий (ср. *Корнут. О природе богов.* 30).

⁸¹ От греческого имени Диониса «Элевферий» и латинского «Либер».

⁸² Уличные гермы; ср. шутку Деметрия Фалерского у Диогена Лаэртского (V. 82).

⁸³ Перевод по конъектуре Герхера.

⁸⁴ Ср. знаменитое обращение к Венере у Лукреция (I. 1 сл.), а также *Овидий. Фасты.* IV. 96.

и для гадателей, ибо почитается изобретательницей гаданий и прорицаний⁸⁵.

Афродита Морская, судя по наблюдениям, к добру корабельщикам, кормчим, всем мореплавателям и всем, кто собирается в странствие (ибо море всегда в движении); а кто предпочитает не странствовать, а сидеть на одном месте, тех она понуждает к движению. Афродита Встающая из волн (Анадиомена), предвещает для плывущих сильную бурю и крушение; однако они спасутся, и дела их из отчаянного положения выправятся. Всегда к добру считается, если она является нагая до пояса, ибо тогда ее груди, источник питания, открыты и на виду. Но если она всем телом нагая, то это к добру только для гетер и означает им заработок, во всем же остальном предвещает срам.

Гефест означает обычно то же самое, что и огонь, а кроме того лишь выводит на свет тайное, особенно же любовные измены, в соответствии с рассказом о нем⁸⁶. Он к добру для всех рукодельщиков, а также для тех, кто хочет жениться и жить вместе, — ибо мехи дышат в лад, а железо сковывается воедино.

Тиха, стоящая на шаре⁸⁷, не к добру никому, ибо такое основание опасно. С кормилом в руке она предвещает движение, ибо без движения и кормило ни к чему. Сидящая и лежащая она всегда к добру — ибо такое положение показывает устойчивость и прочность. Чем она видится красивее и наряднее, тем это больше должно считаться к лучшему. Впрочем, некоторые говорят, что когда Тиха видится убранной очень уж нарядно, и не в виде статуи, а в подлинном своем виде, то это означает бедность — словно она в заботе о себе не успевает заботиться о людях; и наоборот, в простом и небрежном виде она предвещает богатство и роскошь, явным образом помышляя не о себе, а о других людях. Но мне кажется, что эти рассуждения не основательны, ибо Тиха сама и есть не что иное, как имущество сновидца.

Пейто (Убеждение), Хариты, Оры, нимфы к добру всем и во всем; но Аристула (Благосовестность) и Евномия (Благозаконие) означают то же, что и Немесида.

Гестия и ее статуи означают для должностных людей⁸⁸ совет и попустушение доходов; для простых людей — собственную жизнь; для правителя и царя — полноту их власти. Переходим к истолкованию морских и речных богов.

38. Посейдон, Амфитрита, Нерей, Нереиды, как в собственном виде, так и в виде статуй, если они спокойны, не говорят и не делают ничего дурного, будут к добру всем, кто живет морским доходом или собирается странствовать; не менее благоприятны они и к прочим начинаниям, особенно же полезны, судя по наблюдениям, для тех, кто имеет дело с толпой. Если же они беспокойны, движутся, говорят, делают, испытывают или грозят сделать что-нибудь дурное, то значение этого — противоположное вышесказанному. Часто они предвещают также ливень и землетрясение.

Левкофея к добру для всех, кто живет морским промыслом, в остальном же — не к добру и означает горе и страдание, потому что такой о ней

⁸⁵ У Эпния (Анналы. I. 18—19). Венера дает дар пророчества Анхису.

⁸⁶ Миф о сети, при помощи которой он уличил изменницу — Афродиту и Ареса.

⁸⁷ Там же у Пакувия (неизвестная трагедия, фр. 14 по Аммиану Марцеллину. XIV. 11.25—26) на возвращающемся колесе стоит Немесида. Имя «Тиха» обычно переводится как «Случай», преимущественно удачный.

⁸⁸ Принимаем поправку Герхера πολιτρωόμενοις.

рассказ⁸⁹. Протей, Главк, Форкий и окружающие их божества означают хитрости и обманы, потому что они легко меняют свой вид; к добру они только для гадателей.

О Море и Волнах я уже упоминал в этой книге, говоря о мореплавании. Берега означают надежду и спасение для изнемогающих — ибо те, кто среди сильной бури увидит берег, чувствуют сладостнейшую надежду на спасение. Реки, пруды и водяные нимфы к добру для рождения детей; подробности об этом я изложил в предыдущей книге. Ахелой означает то же, что реки и всякая пресная вода, но сбывается этот сон с большою силою.

Сказавши, что мог, обо всех вышеназванных, скажу, что осталось, о богах подземных и об окружающих их.

39. Плутон и Персефона к добру для тех, кто в страхе, потому что они царствуют над теми, кто уже не знает страха. К добру и для бедных, означая богатство и прибыль, так как подданные их ни в чем не нуждаются. К добру и для задумавших купить землю, и для стремящихся к власти, потому что эти боги властвуют над множеством подданных. К добру они, как замечено, и для дел таинственных и несказуемых. Но когда они угрожают или делают что-нибудь страшное, то значение их противоположно.

Деметра, Кора и тот, кого именуют Иакхом, означают добро, и притом немалое, для тех, кто посвящен в таинства подземных богинь; для непосвященных же это сулит сперва страх и опасность, а потом все-таки и что-то доброе. Земледельцам и задумавшим купить землю этот сон к добру, так как предвещает владеть землею и быть ей хозяином. Для больных он сулит поправление и выздоровление, ибо эти богини суть подательницы причины всех полезных людям злаков, а мертвые этих злаков не вкушают. Мудрые люди говорят даже, что Деметра вообще значит то же, что земля, так как земля именуется и «хлебодарной», и «жизненосной», и «живодарной» (*Ζαΐδωρος, φερέρσιος, βίβδωρος*)⁹⁰. Деметра в отдельности благоприятна и для брака, и для других начинаний, Кора же — нет: это следует из повествования про нее⁹¹. Нередко Кора наводит опасность и на зрение сновидца: это — в силу своего имени, так как «корою» называется также и глазной зрачок.

Сарапис, Исида, Анупис, Гарпократ — и сами, и кумиры их, и таинства их, и все рассказы о них и о других богах, разделяющих с ними храмы и алтари, означают смуты, опасности, угрозы и трудности, из которых они спасут лишь нежданно, когда утрачена уже всякая надежда, ибо эти боги всегда почитаются спасителями тех, кто дошел до крайности и предельной опасности; а кто и сам уже в такой беде, тем это означает немедленное избавление. В особенности же предвещают страдание их таинства — ибо даже если природный смысл означает иное, то мифологический и повествовательный — именно это.

Подземная Геката, Эринии и окружающие их демоны даже для праведников означают страх, а для обидчиков и преступников — смерть. Так называемая Мать богов означает то же, что и они, а кроме того сама по себе предвещает смуту, страдание и разоблачение тайн; только земледельцам-крестьянам она к добру, потому что считается, что она есть Земля. Страх и Ужас, Аресовы сыны, а равно и сам Арес на пользу только полководцам, воинам, гладиаторам, разбойникам и всякого рода игрокам;

⁸⁹ Левкофея — имя обожествленной Ино, утопившейся жены безумного Атаминта (*Овидий. Метаморфозы. IV. 416—542*).

⁹⁰ Слова из Гомера, Гесиода и (последнее) из Софокла.

⁹¹ Миф о похищении Персефоны.

а для всех остальных они означают борьбу и ущерб, или сами этому причина.

Океан и Тетия к добру только для философов и гадалелей, как о том уже было сказано; для остальных же они несут лишь огорчения, кроме разве тех, кто живет при океане.

Крон и Титаны для преступников означают заточение, а для обидчиков — препятствия в достижении цели, но для дел сокровенных они к добру. Для брака они не благоприятны, и детей они не сулят.

Природа, Рок, Провидение (или какие еще есть этому равнозначные имена) всем предвещают добро, кроме лишь больных; а больным — смерть, если только божество не молвит ничего благовещего.

Изваяния богов имеют тот же смысл, что сами боги. К добру, когда они изготовлены из вещества прочного и неразрушающегося — например, из золота, серебра, меди, слоновой кости, камня, янтаря или эбена; хуже, а иногда совсем не к добру, когда из иного вещества — из земли, глины, обожженной глины или воска; а также нарисованные изображения и тому подобное. Далее, какие боги снятся к добру, сами ли, в виде ли статуй, те и статуи к добру видеть неповрежденными и неразбитыми; а какие снятся не к добру, те и статуи к добру видеть уничтоженными.

40. О героях и демонах надобно ли здесь говорить? Они означают то же самое, что и боги, как к добру, так и не к добру, только в меньшей степени. Нужно только помнить, что каждый из них должен быть в собственном ему облачении, не менять его, не снимать его, не являться в простом виде или без положенного оружия, — иначе их значение, как доброе, так и худое, окажется обманным и ложным.

41. Земля колеблющаяся означает, что поколеблется жизнь и дела сновидца; а земля трясущаяся, разверзающаяся или проваливающаяся всем предвещает беду и гибель: или самим, или их имуществу. Сподручно и благоприятно это, судя по наблюдениям, только для собравшихся в путешествие и для страдающих от долгов: пропасти и обвалы показывают, что сновидец уже не там стоит, где стоял, а стало быть, освобождается от долгов и заточения.

О предметах, пропущенных в наших двух книгах, излишне говорить, потому что о неописанных надобно судить по аналогии с описанными. Тем не менее я кое-что скажу и о них.

42. Лестница означает странствие и перемену мест, а ступеньки ее — также и возвышение к успеху, а по мнению некоторых — еще и опасности.

Сковорода означает убыток, а также жену-лакомку.

Жернов означает быстрое избавление от трудностей и неприятностей, а также преданного слугу.

Ступа означает женщину, а пест — мужчину.

Пегух в доме бедняка означает хозяина, а в доме богача — домоправителя, потому что он поднимает весь домашний люд на работу.

43. Яйца на пользу врачам⁹², живописцам и всем, кому они приносят доход. Для остальных же яйца, когда их немного, означают прибыль, потому что они питательны, а когда их много — то заботы, печали и нередко даже тяжбы, потому что из яиц выходят куры, которые всюду копаются и добывают спрятанное.

Потерять волосы или вывести их пластырем означает ущерб и убыток.

44. Далее, следует помнить: все чудесное, невозможное и наяву смысла

⁹² По сходству с кровососными банками.

не имеющее, вроде гиппокентавра, Скиллы и тому подобного, означает, что надежды обманут и не сбудутся.

Боги являются в человеческом образе и подобии, потому что принято думать, будто видом они подобны нам. Поэтому богов и богинь, которых мы не знаем, следует толковать по их возрасту, их внешности и их занятиям. Итак, сначала по возрасту. Ребенок во сне означает будущее, юноша — настоящее. С другой стороны, мальчик означает Гермеса, юноша — Геракла, взрослый мужчина — Зевса, старец — Крона; двое мальчиков — Диоскуров; девушка — Надежду, Артемиду или Афины; Надежду, если улыбается, Артемиду, если смотрит величаво, Афины, если грозно, молодая женщина — Тиху, старая — Гестию, три женщины одетые — Мойр, нагие — Ор, купающиеся — нимф. Далее, по внешности: боги имеют свои признаки, и у кого признаки такие же самые, те и означают этих богов: это настолько ясно, что нет нужды говорить о каждом в отдельности⁹³. Наконец, по занятиям: люди, занимающиеся делами, покровительствуемые теми или иными богами, означают богов, покровительствующих этим делам.

Перечислять сбывшиеся сны и как они сбылись, — вряд ли возможно в снотолковательном сочинении теоретического и дидактического содержания, да и неубедительны такие перечни, хотя, конечно, Гемин Тирский, Деметрий Фалерский и Артемон Милетский и перечисляли в трех, пяти и двадцати двух книгах множество снов, в особенности же предписания и исцеления, полученные от Сараписа⁹⁴.

45. Далее. Писчая дощечка означает женщину, потому что она принимает оттиски всех букв (ἄβλοι), а в детях мы видим собственные «оттиски».

Книга означает жизнь сновидца, потому что люди движутся по книге, как по жизни, и память о делах старины, потому что старинные дела писаны в книгах. Съесть книгу⁹⁵ к добру для учителей, для софистов и всех, кто от книг кормится; для остальных же это предвещает скорую смерть.

46. Куропатка означает как мужчин, так и женщин, а особенно женщин безбожных и нечестивых, не знающих благодарности к своим кормильцам — это потому, что они не даются в приручение, перьями пестры и одни из всех птиц не знают почтения к богам.

47. Оковы означают задержки, препятствия и болезни, потому что они связывают. Для рабов они предвещают большое доверие хозяев, с которыми они не расстанутся, для холостых — женитьбу, для бездетных — детей; а богат ли будет супруг, смотрят по тому, из чего оковы сделаны⁹⁶.

48. Бить хорошо только тех, над кем ты начальник, и то кроме собственной жены: потому что если ты ее бьешь, значит, она тебе неверна. Остальным же удары достаются на благо бьющему. А над кем ты не начальник, тех бить не к добру, потому что предвещает возмездие по закону.

Быть битым нехорошо от богов, покойников и своих подначальных, а от всех остальных — к добру. Когда бьют рукой или палкой, это к добру, а не к добру, когда ремнем (потому что остаются синяки) или тростиной (потому что бывает много шума). От кого битому достаются удары, от того будет ему и помощь.

49. Смерть, погребальный вынос и погребение для недоверенного раба предвещает волю, потому что над мертвым хозяев нет и он свободен от

⁹³ Текст испорчен, перевод по смыслу.

⁹⁴ О Канобском храме Сараписа с оракулом снов см. *Страбон*. XVII. 1.17.

⁹⁵ Ср. знаменитый образ в Апокалипсисе (10.9).

⁹⁶ Ср. сон Ксенофонта о спадающих оковах в *Анабасисе* (IV. 3.8).

трудоу и подчинения; для доверенного же раба смерть означает лишение доверия. Для холостого это предвещает брак, потому что брак и смерть для людей одинаково предельные события и всегда намекают друг на друга (оттого и для больных сон о свадьбе предвещает смерть), а кроме того, и обстановка вокруг новобрачного и вокруг покойника одинаковая: шествие друзей и подруг, венки, благоухания, умащения и опись имущества. Для женатого смерть означает прощание с женой, а для товарищей, друзей и братьев — разлуку, потому что ни мертвые не общаются с живыми, ни живые с мертвыми. Для того, кто живет на родине, сон сулит уехать на чужбину, потому что мертвый не остается там, где жил живой, а для того, кто на чужбине, — вернуться на родину, потому что мертвый ложится в землю, а земля — всем нам родина. Для атлетов смерть означает победу на священных играх, потому что и умершие, и победившие доходят до последней черты. Для словесников и для отцов смерть к добру: одни, стало быть, оставят память о себе — сыновей, а другие — сочинения, полные своей мудрости.

По моим наблюдениям, смерть к добру также для тех, кто в горе и в страхе, потому что умершие не знают ни горя, ни страха; а также для тех, кто судится за землю или хочет купить землю, потому что умершие — настоящие хозяева земли. Но у кого другие судебные дела, для тех смерть не к добру, потому что мертвые беспомощны и находятся во власти живых. Если смерть приснится больному или страждущему, то он избавится от болезни и страданий, как избавлен от них мертвец.

Снится ли только смерть, или вынос, или погребение — это означает одно и то же. Но если снится погребение заживо, то это никому не на пользу, потому что означает оковы и заточение.

Если кто во сне кончает самоубийством, то все доброе или недоброе, что означает эта смерть, человек доставит себе сам; а если умирает от чужой руки, то оно сбудется и придет к нему от чужого. Смерть по приговору суда означает все то же самое и доброе и недоброе, но в более сильной степени. А о разных видах смерти следует поговорить подробнее.

50. Удаться или повеситься означает сдавленность и гнет, ибо именно это испытывает давленник; кроме того, это предвещает скоро покинуть дом или то место, где случился этот сон, потому что висельник не стоит на земле и не сидит на седалище.

51. Зарезать себя или быть зарезанным другим означает все то, что было сказано выше о смерти, но сбудется это быстрее. Быть принесенным в жертву и зарезанным у божьего алтаря или при народе в собрании или на площади — к добру для всех, а особенно для рабов: они получают волю публично и со славою.

52. Быть сожженным заживо и быть пораженным молнией означает одно и то же, и об этом у меня уже сказано ранее. Самое же сожжение означает для больных выздоровление, потому что «со-жже-ние» — слово составное⁹⁷, а для молодых людей — неразумные порывы и любовные желания.

53. Быть распятым к добру для всех мореходцев, потому что и крест и корабль одинаково делаются из бревен и клиньев, а корабельная мачта похожа на крест. К добру это и для бедняка, потому что распятый высоко вознесен и многих кормит (собою птиц), но предвещает разоблачение тайн, потому что распятый стоит у всех на виду. А богачам этот сон не к добру,

⁹⁷ Игра слов *сбудетов* означает как составное слово, так и лекарство, состоящее из нескольких компонентов.

потому что тело распятых обнажается и уничтожается. Для холостого сон предвещает брак, но не очень выгодный, потому что распятый привязан к кресту; то же можно сказать и о дружеских и товарищеских связях. Зато рабам этот сон сулит свободу, потому что над распятым нет хозяина. Кто хочет сидеть дома, пахать свою землю и боится выселения, тем этот сон сулит быть выселенными и покинуть прежние места, потому что крест не даст ступить по земле. Кто видит себя распятым в городе, для тех это означает такую власть, каково то место, где воздвигнут крест.

54. Быть брошенным диким зверям к добру для бедняка — значит, он многим доставит пропитание, как звероборец питает зверей собственным телом. А для человека зажиточного это предвещает обиды от таких людей, каковы перед ним звери. Многим такой сон предвещал болезнь, потому что от болезни, как от зверей, разрушается наше тело. Но рабам, если они от зверей погибнут, этот сон — к свободе.

55. Сойти в Аид и видеть Аид таким, каким он обычно представляется, для людей благополучных и живущих так, как им хочется, означает безработицу и ущерб, потому что обитатели Аида бездеятельны, холодны и неподатливы. А людям осторожным, рассудительным и озабоченным это предвещает беззаботность и беспечность, потому что обитатели Аида свободны от печалей и от всех забот. Для остальных это означает странствие или полную перемену местожительства, потому что и древние об ушедших в дальние странствия говорили, что они на тот свет пускаются, и по самому смыслу этого слова быть в Аиде значит не быть на своем месте⁹⁸.

Воротиться из Аида на свет означает вернуться с чужбины на родину, а не воротиться — умереть на чужбине. (Впрочем, нередко и спуск в Аид для тех, кто на чужбине, означал возвращение). Но если кому приснится, что он сошел в Аид, а выйти ему не дают, то это означает, что кто-то его схватит насильно и ввергнет в заточение; многим это предвещало также долгую болезнь и от болезни смерть. Если же отыщется какая-нибудь лазейка, чтобы выйти, то это сулит больному избавление от смертной опасности, — ведь и в разговоре говорится о нечаянно спасшихся, что они с того света воротились.

56. Нести на себе кого-нибудь из подземных божеств — Плутона, Кербера или иного из обитателей Аида — для преступника означает нести крест для казни, потому что крест подобен смерти, а приговоренный к кресту должен сам его сперва донести⁹⁹. А для не преступника это предвещает нести на себе дикого зверя, и если от него тяжело, то быть растерзанным и умереть, если не тяжело, то вовремя почувствовать, свалить его и уцелеть.

Нести на себе живого человека лучше, чем когда несут тебя самого, точно так же, как лучше быть в силах защитить другого, чем самому нуждаться в защите и помощи. Ибо несущий подобен помощнику и благодетелю, а несомый — благодетельствуемому. И чем слабее несущий (например, если это женщина или ребенок), тем это хуже для несомого, потому что помощь будет от людей малых и менее способных защитить. Только для раба к добру, когда его несет хозяин, и для бедняка, когда богач, потому что это сулит большую помощь от несущих.

57. Видеть во сне покойников, но ничего особенного им не делать и от них не терпеть означает такие же отношения, какие были у сновидца с покойником при его жизни; если тот был добр и благодетелен, то это

⁹⁸ По народной этимологии слово «Аид» истолковывалось как «невидимый».

⁹⁹ Ср. Евангелие от Иоанна. 19.17; Харитон. Херей и Каллироя. IV. 2.6; Плутарх. О позднем возмездии от богов. 9.

к добру и означает, что и нынешнее время будет благополучно: если же нет, то наоборот. Если покойник что-то берет из того, что кладется вместе с мертвым, то это к несчастью; а хуже всего, если он забирает одежду или пищу — это предвещает смерть самому сновидцу или кому-нибудь из его родственников. Если же они забирают что-нибудь другое, то судить об этом следует соответственным образом. Так же и когда покойник что-то дает, то это к несчастью — если только это не одежда, деньги или пища.

[Наблюдал я и такой случай. Один человек видел во сне, что его недавно умершая жена делает домашнюю уборку и накрывает постели. И на следующий же день многие из его домашних заболели. Такое совпадение ясно показало значение сна: ведь не здоровые, а именно больные нуждаются в постельном лечении.]

58. Некоторые утверждают, что видеть деньги и любые монеты — не к добру. По моим же наблюдениям, деньги мелкие и медные бывают причиной ссор и обидных речей, серебряные означают расчеты по сделкам о делах серьезных, а золотые — о делах еще важнее. При этом всегда лучше видеть денег и монет поменьше, чем побольше, потому что с большими деньгами трудно управиться, и это означает заботы и огорчения.

59. Точно так же и сокровище: если кому приснится, что он нашел клад с небольшими деньгами, то тягостей будет меньше, если же с большими деньгами, то это означает огорчения, хлопоты, а нередко даже предвещает смерть, потому что, не раскопав землю, нельзя ни клад отрыть, ни покойника зарыть.

[Так случилось и со мною. Однажды, когда я был встревожен и озабочен, мне приснилось, будто я нес в корзине медную мелочь, но при входе в мастерскую меня обокрали, и я этого лишился. В тот же день я получил хорошие вести о делах, которые меня беспокоили, и мне стало легче. А однажды в беседе о таких предметах один человек говорил, что послал своего сына на дальние заработки, и отъехавший сын приснился ему и сказал: «Я принес 3800 монет». Сновидец обратился к людям сведущим, и они сказали, что сын воротится ни с чем. Так оно и вышло: во-первых, потому что сны всегда сбываются наоборот, а во-вторых, потому что когда мы на пальцах показываем 3800, то это обычно означает «ничто».]

60. Плач и причитания по покойнику или по чему бы то ни было и вообще всякая скорбь предвещают, если судить прямо и разумно, что наступит поворот к удовольствию и радости. В самом деле, душа в нас сродни воздуху и небу: как воздух и небо меняются из ненастья в ясность и из ясности в ненастье, так и мысли наши — от печали к удовольствию и радости, а от радости к печали; поэтому же и радость предвещает поворот к печали. Поэтому, во сне всегда желательнее печаль, и притом не беспричинная, потому что праздная печаль предвещает настоящую печаль наяву.

61. Иметь или воздвигать памятники — к добру для раба и для бездетного: раб получит волю, потому что памятниками обзаводятся не рабы, а свободные, бездетный же памятником себе оставит сына. Нередко этот сон предвещает и брак (потому что жена, как и могильный памятник, есть вместилище человеческого тела), а еще и приобретение земли. Да и вообще этот сон к добру для всех, и благополучных, и нуждающихся. Если же памятник разрушен или опрокинут, то это означает противоположное.

62. Воскресающие покойники означают тревоги и убытки. Достаточно подумать хотя бы для примера, какое поднялось бы смятение, если бы покойники воскресли, а так как они, конечно, еще и потребовали бы назад свое добро, то случились бы и убытки.

63. Вторично умирающие покойники предвещают смерть тем, кто носит одно с ними имя или кто на них похож, или кто с ними в близком родстве: от этого и покажется, будто они умирают вторично.

64. Отрава означает то же, что и смерть: так же следует толковать и хищных зверей и ядовитых змей, от которых бывает скорая смерть.

65. Так как брак тоже подобен смерти и означается через смерть, то мне кажется уместным рассказать здесь о браке. Жениться на девице для больного предвещает смерть, потому что с женихом происходит все то же, что и с покойником¹⁰⁰. Зато к добру это для тех, кто хочет взяться за новое дело (ибо это значит, что он достигнет цели) или кто надеется получить пособие (ибо новобрачный умножает свое добро приданым невесты). Всем же остальным это сулит тревоги и дурную молву, потому что без тревог женитьба не обходится. Взять себе женщину, которая уже не девица, означает, что вернее возложить надежду на старые свои дела, чем на новые. Увидеть, что твоя жена выходит замуж за другого, означает или развод, или перемены в делах. А для замужней женщины увидеть, что она выходит замуж за другого, по мнению прежних толкователей, сулит похоронить мужа или иным образом разлучиться с ним; по моим же наблюдениям, это относится лишь к тем случаям, когда женщина не беременна, бездетна и не имеет продажного имущества. Потому что если у нее есть дочь, то это значит, что она выдаст ее замуж; если она беременна, то родит дочь, вырастит и выдаст замуж (так что замуж выйдет не она, а другая, но по природе к ней причастная); а если продает имущество, то подпишет продажный договор, как подписывает брачный договор.

66. Так как в разделе о птицах я намеренно не упомянул о ласточке, то упомяну о ней здесь. Дело в том, что обычно утверждается, будто ласточка означает безвременную смерть, большое горе и скорбь, ибо, по преданию, от таких несчастий ласточка и явилась на свет¹⁰¹. Даже Александр Миндский и Дионисий Гелиопольский полагают, что преданию этому следует верить: если даже это и вымысел, говорят они, то люди принимают его за правду, и если душа желает возвестить нам, что сбудется нечто существенно схожее, то она и выводит нам во сне это предание. Я, однако, установил, что такое рассуждение хоть и приложимо к большинству преданий, но все же не ко всем. И так как я во всем предпочитаю следовать не убедительности рассуждений, а опыту сбывшихся снов, то и здесь о ласточке я скажу: сон этот ничуть не дурной, если только ласточка не терпит никакого зла и не меняет природной своей окраски. Ибо голос ее — не надгробный плач, а побудительная песня, призывающая к работе. Явствует это вот из чего. В зимнее время ласточка не летает и не поет¹⁰² — но и земля и море в эту пору бездеятельны, и люди, равно как и все другие животные, прячутся и не делают никакого дела. Но как только наступает весна, ласточка появляется самой первой, словно чтобы указать каждому его дело. И появившись, поет не по вечерам, а по утрам, на восходе солнца, всем встречным напоминая об их работах. Стало быть, ласточка к добру для работ, трудов и мусических дел, особенно же для женитьбы, ибо она предвещает жену верную, домовитую, истинную эллинку и не чуждую муз. То же самое предвещает и соловей, но в меньшей степени, потому что он меньше живет с людьми.

67. О зубах я уже подробно рассказал в первой книге, но здесь кое-

¹⁰⁰ См. выше, гл. 49.

¹⁰¹ Миф о Терее, Прокне и Филомеле (*Овидий*. *Метаморфозы*. VI. 424—674).

¹⁰² Аристотель (*История животных*. VIII. 16.600 а 16) и Плиний Старший (X. 70) считали, что ласточки на зиму улетают в солнечные горные места.

что вкратце добавлю. Если зубы, выпав изо рта, попадут в руки или за пазуху, то это предвещает разлуку с детьми: или они не останутся с родителями, или не вырастут совсем. Если выталкиваешь зубы изо рта языком, то это предвещает одолеть жизненные трудности силою красноречия.

Теперь нам осталось сказать о летании, о людях, достойных доверия, и о жизненном сроке.

68. Летать во сне, держась прямо и невысоко над землею, к добру для сновидца; и чем дальше он от земли, тем больше он возвысится над пешими, потому что об удачнике всегда говорят: «высоко вознесся». Хорошо, когда это бывает не у себя на родине, потому что не касаться земли ногами есть знак переселения: сон как бы говорит, что сновидцу не ходить уже по родной земле.

Летать на крыльях одинаково к добру для всех. Рабам такой сон приносит освобождение, потому что все летающие птицы не имеют над собой ни хозяина, ни начальника; беднякам приносит много денег, потому что деньги поддерживают человека, как крылья птицу; а богатым и сильным доставляет власть, потому что как летающие птицы выше ползающих по земле тварей, так и власть имущие выше простых людей. Но без крыльев летать высоко над землею означает для сновидца страх и опасность¹⁰³.

Летать над черепичными крышами, над домами и улицами предвещает тревоги и душевный непокой. А взлететь во сне в самое небо для рабов означает переход в лучшие дома, нередко даже к царскому двору, для свободных же, по моим наблюдениям, часто означает путешествовать в Италию даже вопреки их желанию, ибо как небо есть обитель богов, так Италия — царей. Но для тех, кто хочет скрыться и спрятаться, это сулит разоблачение, потому что в небе все для всех видимо и явно.

Летать вместе с птицами предвещает встречи с людьми чужими и иноземными. Для преступников этот сон не к добру, потому что сулит казнь за преступления, нередко даже на кресте.

Летать ни высоко, ни низко, а так, чтобы можно было рассмотреть земные предметы, означает странствие и переселение: а по тому, что видно на земле, можно судить, с чем встретится сновидец в своем странствии. Например, видеть равнины, пашни, города, деревни, поля, работы людские, светлые реки, пруды, спокойное море, пристани и корабли с попутным ветром — все это предвещает благополучное странствие; а видеть теснины, ущелья, луговины, скалы, диких зверей, бурные реки, горы и кручи предвещает в странствии всяческие несчастья. Всегда к добру, улетевши, прилететь обратно и, прилетевши, проснуться. Всего же лучше, когда и летишь по своей воле, и останавливаешься по своей воле; это сулит большое облегчение и сподручность в делах.

Летать, спасаясь от какого-либо зверя, человека или демона, — не к добру: это сулит великие страхи и опасности, раз уже даже во сне было так страшно, что не спасло бегство по земле и пришлось пускаться в небеса. Для раба летать внутри хозяйского дома — к добру: это значит, что он станет в доме выше многих других; а вылетать из дома прочь значит вот что: если через главный двор, то он, прожив в благополучии, скончается и так покинет дом; если через дверь, то будет продан, а если через окно, то убежит.

Летать навзничь неплохо для тех, кто плывет или собирается плыть по морю, потому что когда погода не бурная, то плывущие обычно лежат

¹⁰³ Ср. тот же предсмертный сон Юлия Цезаря (*Светоний. Божественный Юлий*. 81).

навзничь. Но для остальных это предвещает безработицу, потому что это о бездельниках говорится: «в небо смотрят»; для больных же означает смерть. Однако самое худое и злое — это когда хочешь полететь и не можешь или когда летишь головой к земле и ногами к небу, потому что это сулит всякое злополучие. Для больного же любой полет означает смерть, ибо считается, что души, покинув тело, взлетают в небо с великою быстротою, подобно птицам.

Кто занимается сидячей работой, тот ее оставит, потому что полет сулит им не сидеть на месте, а пуститься в движение. Кто в оковах, те выволятся, потому что у летающего и руки и ноги в полной его воле. А многие от такого сна теряли зрение, ибо слепцы похожи на летающих тем, что все время боятся упасть.

Летать, сидя на кресле, скамье, ложе или чем-нибудь подобном, означает тяжелую болезнь, удар или что отнимутся ноги и не сможешь ходить по земле, а будут тебя носить на носилках. Но для тех, кто собрался в странствие, этот сон совсем не так плох, потому что обещает путешествие в повозке или даже со всем своим домом и добром.

69. Что касается тех, кто достоин доверия и кого во сне надо слушать и слушаться, то на первом месте меж ними боги — ибо богу несвойственно лгать; затем жрецы — ибо им от людей такая же честь, как богам; затем цари и начальники — «ведь бог есть власть, теперь ведь так считается»¹⁰⁴; затем родители и наставники — ибо первые, подобно богам, дали нам жизнь, а вторые — умение ею пользоваться. Далее следуют гадатели, но отнюдь не лжегадатели и не обманщики. А именно, что бы ни говорили пифагорейцы, физиогномисты и гадающие по жребиям, по сыру, по ситу, по чертежам, по ладоням, по блюдам и по мертвым голосам, все это ложь и вздор, потому что с такими своими занятиями и нимало не зная подлинного гадательного искусства, они только обманывают, морочат и обирают встречаемых. Истиною же следует считать только то, что говорят гадатели по жертвам, по птицам, по звездам, по чудесным явлениям, по печени и по снам; а о составителях гороскопов речь будет далее. Наконец, достойными доверия являются также покойники, потому что они всегда говорят правду: ибо у лжецов есть две причины лгать: корысть и страх, а кто корысти и страха не знает, тот обычно говорит правду. Таковы преимущественно покойники. Правду говорят также дети, потому что не умеют еще обманывать и лгать; и глубокие старцы, потому что старость — ручательство в правдивости; и бессловесные животные, потому что им не свойственно пользоваться словом.

Остальные же, чтобы не останавливаться на всех по отдельности, говорят только ложь, кроме разве тех, в ком воочию видна честная жизнь и добрый нрав. И во всяком случае нельзя верить актерам и музыкантам, выступающим на сцене. Потому что они только играют свои роли, а также и софистам, и беднякам, и жрецам Кибелы, и холощеным, и евнухам: эти последние, даже когда молчат, то обличают напрасные надежды, потому что сами не могут считаться ни мужчинами, ни женщинами.

(Продолжение следует)

¹⁰⁴ Менандр. Фр. 223, 3 Koerte (пер. О. В. Смыки).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ ВДИ!

Отдел истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР планирует подготовить «Библиографический словарь советских антиковедов (1917—1990 гг.)». Просьба ко всем антиковедам Советского Союза прислать в редакцию ВДИ на имя Ивановой Н. С. следующие сведения о себе: фамилия, имя и отчество; год, число, месяц рождения; что и когда окончил; ученая степень — точная дата: число, месяц, год; должность, место работы; лауреат премий, почетный член Обществ, Академий; издано всего работ; основные работы (не более десяти).

С п и с о к с о к р а щ е н и й

- АИКСрП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сб. памяти С. А. Жебелева. Л., 1968
ДСППВГК — Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981
ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАСП — материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПГКСВП — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979
СА — Советская археология
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AfO — Archiv für Orientforschung
АНw — *W. von Soden. Akkadische Handwörterbuch. Lief. 1—3. Wiesbaden, 1959—1960*
AIIN — Annali Istituto Italiano di Numismatica
APF — Archiv für Papyrusforschung
BASP — Bulletin of the American Society of Papyrologists
BICS — Bulletin on the Institute of the Classical Studies
BSNR — Buletinul Societății Numismatice Române
CAD — Chicago Assyrian Dictionary
IOSPE — *B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae Graecae et Latinae. Orae Septentrionalis Ponti Euxini*
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JRAS — Journal of Roman Studies
RE — *Pauly's Real-encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*
RHA — Revue Hittite et Asiatique
SCN — Studii și Cercetări de Numismatica
VAS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Иванчик А. И.</i> (Москва) — Киммерийцы и Урарту накануне восьмого похода Саргона II	3
<i>Россетти Л.</i> (Перуджа) — Риторические элементы в некоторых парадоксах Зенона Элейского	20
<i>Шкуняев С. В.</i> (Москва) — Преемственность традиции в раннехристианской Ирландии	34

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) — Березанский гимн острову и Ахиллу . . .	49
<i>Лорджипанидзе Г. А., Кигурадзе Н. Ш., Тодуа Т. Т.</i> (Тбилиси) — Раннехристианская стела из Пицунды	63

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Возникновение античного государства

<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва) — К итогам дискуссии о римском государстве. . .	68
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Кошурников С. Г.</i> (Ленинград) — Городские старосты, градоправители и градоначальники: судопроизводство, царская администрация и община в старовавилонском Дильбате	76
<i>Василева М.</i> (София) — Гора, бог и имя: о некоторых фрако-фригийских параллелях	94
<i>Носенко Е. Э.</i> (Москва) — Представления кельтов о загробном мире (дохристианская эпоха)	101

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О.</i> (Москва) — Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г.	113
<i>Губаев А. Г.</i> (Ашхабад), <i>Кошеленко Г. А., Новиков С. В.</i> (Москва) — Археологические исследования в Мервском оазисе	117
<i>Джоши М. К., Синга А. К.</i> (Нью-Дели) — Ручка амфоры с надписью из Матхуры	127
<i>Брюно Ж.-Л., Бюкзеншюц О.</i> (Париж) — Новые исследования кельтской цивилизации во Франции	131

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Академик Михаил Иванович Ростовцев. Международный «круглый стол»

<i>Фролов Э. Д.</i> (Ленинград) — Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности	143
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — А. Б. К о в е л ь м а н . Риторика в тени пирамид. Массовое сознание римского Египта. М., 1988	166
<i>Жаковкин А. Я.</i> (Ленинград) — О риторике и фаюмских портретах	169
<i>Янковская Н. Б.</i> (Ленинград) — Kültepe-Kaniş II, New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Özgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi 7). Ankara, 1986	171
<i>Сайко Э. В.</i> (Москва) — Kültepe-Kaniş II, New Researches at the Trading Center of the Ancient East. Tahsin Özgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi 7). Ankara, 1986	178
<u>Шифман И. Ш.</u> — Карфаген в свете современной науки (W. H u s s. Geschichte der Karthager. München, 1985).	183

<i>Михайлов Н. А.</i> (Москва) — <i>Giovanni R e a l e. Per una nuova interpretazione di Platone. Rilettura della metafisica dei grandi dialoghi alla luce delle «Dottine non scritte»</i> Milano, 1986	190
<i>Ульянова И. Л.</i> (Москва) — <i>Новые папирусные фрагменты новой аттической комедии</i>	195
<i>Подосинов А. В., Чекин Л. С.</i> (Москва) — <i>The History of Cartography. V. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean</i> / Ed. J. B. Harley, D. Woodward. Chicago — London, 1987	200

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Адамс Б.</i> (Лондон) — <i>Музей египетской археологии сэра Флиндерса Питри (Юниверсити-колледж, Лондон)</i>	217
---	-----

PERSONALIA

К 90-летию <i>Анны Ивановны Болтуновой</i>	224
К 60-летию <i>Отара Давидовича Лордкипанидзе</i>	225

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Циммерман К., Хухтхаузен Л.</i> (Росток) — <i>Конференция «Сравнения и аналогии в антиковедении» (Хайлигендамм, ГДР, 3—5 ноября 1987 г.)</i>	226
<i>Каюевкин А. Я.</i> (Ленинград) — <i>VI Чтения памяти В. Г. Луконина</i>	229
<u>Илья Шолеймович Шифман</u> (1930—1990)	231

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Артемидор Далдианский. Сонник. Книга II. Перевод М. Л. Гаспарова под общей редакцией Я. М. Боровского</i>	233
--	-----

C O N T E N T S

<i>A. I. Ivanchik</i> (Moscow) — The Cimmerians and Urartu on the Eve of Sargon II's Eighth Campaign	3
<i>L. Rossetti</i> (Perugia) — Macro-Rhetorical Devices in Zeno's Paradoxes	20
<i>S. V. Shkunaev</i> (Moscow) — Continuity of Tradition in Early Ireland	34

PUBLICATIONS

<i>F. V. Shelov-Kovedyaev</i> (Moscow) — A Berezan Hymn to the Island and Achilles	49
<i>G. A. Lordkipanidze, N. Sh. Kiguradze, T. T. Todua</i> (Tbilisi) — An Early Christian Stele from Pitsunda	63

DISCUSSION

The Classical World. The Rise of the State

<i>E. M. Shtaerman</i> (Moscow) — A Contribution to the Summing up of the Discussion about the Roman State	68
--	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>S. G. Koshurnikov</i> (Leningrad) — City Headmen, Governors, and Burgomasters: Legal Proceeding, King's Administration, and Community in the Old Babylonian Dilbat	76
<i>M. Vassileva</i> (Sofia) — The Mountain, the God and the Name: on Some Thraco-Phrygian Parallels	94
<i>Ye. E. Nosenko</i> (Moscow) — Celts Ideas of Next World (Pre-Christian Period)	101

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>R. M. Munchaev, N. Ya. Merpert, N. O. Bader</i> (Moscow) — The Work of the Syrian Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1989	113
<i>A. G. Gubaev</i> (Ashkhabad), <i>G. A. Koshelenko, S. V. Novikov</i> (Moscow) — Archaeological Excavations in the Merv Oasis	117
<i>M. C. Joshi, A. K. Sinha</i> (New Delhi) — Inscription on the Amphora-handle from Mathura	127
<i>J.-L. Brunaux, O. Buchsenschutz</i> (Paris) — Recherches Recentes on the Civilization of Celtes in France	131

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

Academician Michael I. Rostovtseff. International «round table»

<i>E. D. Frolov</i> (Leningrad) — The Fate of a Scholar: M. I. Rostovtseff and His Place in Russian Studies of Ancient History.	143
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>A. I. Pavlovskaya</i> (Moscow) — A. B. K o v e l m a n. Ritorica v teni piramid. Massovoye soznaniye rimskogo Egipta. M., 1988	166
<i>A. Ya. Kakovkin</i> (Leningrad) — Some Notes on the Rhetoric and the «Fayum Portraits»	169
<i>N. B. Yankovskaya</i> (Leningrad) — Kültepe-Kaniş II, New Researches at the Trading Center of the Ancient Near East. Tahsin Üzgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi 7). Ankara, 1986	171
<i>E. V. Saiko</i> (Moscow) — Kültepe-Kaniş II, New Researches at the Trading Center of the Ancient East. Tahsin Üzgüç (Türk Tarih Kurumu Basimevi 7). Ankara, 1986	178
<u>I. Sh. Shifman</u> — W. H u s s. Geschichte der Karthager. München, 1985	183
<i>N. A. Mikhailov</i> (Moscow) — Giovanni R e a l e. Per una nuova interpretazione di Platone. Rilettura della metafisica dei grandi dialoghi alla luce delle «Dottirine non scritte». Milano, 1986	190
<i>I. L. Ulyanova</i> (Moscow) — New Papyrus Fragments of a New Attic Comedy	195

Podosinov A. V., Chekin L. S. (Moscow) — The History of Cartography, V. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean / Ed. J. B. Harley, D. Woodward. Chicago — London, 1987 205

IN WORLD MUSEUMS

B. Adams (London) — The Petrie Museum of Egyptian Archaeology (University College, London) 217

PERSONALIA

The 90-th Birthday of A. I. Boltunova 224
The 70-th Birthday of O. D. Lordkipanidze 225

SCIENTIFIC EVENTS

K. Zimmerman, L. Hukthausen (Rostok) — Conference on Comparisons and Analogies in Studies of Antiquity (Rostock), 1987 226

A. Ya. Kakovkin (Leningrad) — Memorial Lecture for V. G. Lukonin (The Hermitage, 24 January 1990) 229

I. Sh. Shifman (1930—1990). 231

SUPPLEMENT

Artemidorus. *Oneirocritica*. Book II. Translated by *M. L. Gasparov*. Ed. by *Ya. M. Borovsky* 233

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 18.05.90 Подписано к печати 10.09.90 Формат бумаги 70×100^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 20,8 + 2 вкл. Усл. кр.-отт. 208,9 тыс. Уч.-изд. л. 24,3 Бум. л. 8,0
Тираж 9780 экз. Зак. 4495 Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237. Тел. 126-94-37
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6